

Д. А. Керимов

МЕТОДОЛОГИЯ
ПРАВА

ПРЕДМЕТ, ФУНКЦИИ,
ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Институт государства и права
Российской Академии наук

Д. А. Керимов

МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВА

ПРЕДМЕТ, ФУНКЦИИ, ПРОБЛЕМЫ
ФИЛОСОФИИ ПРАВА

код экземпляра

22057

МОСКВА

Аванта

2000

10666.7

УДК 34.001
ББК 67.0
К36

Керимов Д. А.
К36 Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). — М.: Аванта+, 2000. — 560 с.

ISBN 5-89501-038-5

Монография подробно анализирует пути, методы и средства исследования одного из сложных социальных феноменов — права.

Автор исходит из того, что методологическую функцию в правоведении призвана выполнять в первую очередь философия права — одно из основных направлений общей теории права.

Монография рассчитана на профессорско-преподавательский состав гуманитарных вузов и ученых соответствующих научно-исследовательских учреждений, докторантов, аспирантов, студентов старших курсов высших учебных заведений, на читателей, интересующихся философско-правовыми проблемами.

УДК 34.001
ББК 67.0

Монография издана при финансовом содействии
ОАО «Оренбургнефть».

Українська юридична
академія

Інв. № 552868

© Оформление.

«Издательский центр „Аванта+“, 2000

© Текст. Керимов Д. А., 2000

ISBN 5-89501-038-5

КЕРИМОВ ДЖАНГИР АББАСОВИЧ — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии наук, академик Академии наук Азербайджана, Сербской Академии наук и искусств, Финской Академии наук и литературы, Академии социальных наук РФ, Международной Академии информационных процессов и технологий, Черногорской Академии наук и художеств, Академии политических наук РФ, Международной Академии информатики, почетный проректор Гонконгского института международного права и экономики. Лауреат Государственной премии.

Научные труды посвящены общей теории права (социологии права и философии права), законодательной технике, психологии права, правовой кибернетике, комплексной социальной профилактике правонарушений.

Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами и медалями СССР и зарубежных стран.

С 1965 по 1969 г. — проректор Ленинградского государственного университета. С 1989 по 1991 г. — народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР. С 1991 г. по настоящее время — главный научный сотрудник Института государства и права РАН.

Предисловие

Многолетние изыскания в области общей теории права и методологии познания правовых объектов, явлений и процессов¹ побудили меня подвести итог в «завершающей» монографии, которая и предлагается вниманию читателей. Но когда была поставлена последняя точка в данной работе, то тут же обнаружилось ее недостаточная полнота, пробельность, дискуссионность заключенных в ней идей, размышлений, выводов. Впрочем, это вполне естественно, поскольку познание так же бесконечно, как бесконечен мир, жизнь, бытие, в том числе и бытие права. Поэтому каждый исследователь находится в жестких объятиях жажды постоянного познания, из которых «можно вырваться, лишь подчинившись им». И это подчинение постоянно владеет исследователем даже в тех случаях, когда произведение видится «завершенным». Не потому ли чувство завершенности оказывается мгновенным, оборачивается новым началом, «обрекающим» исследователя на бесконечный поиск? Перед мысленным взором ученого возникают все новые и новые дали, горизонт по мере приближения к нему неизбежно отдалается. На противоположном берегу видятся новые перспективы, достижение которых оказывается не более чем передышкой на пути вечного движения в поисках истины. Острая потребность в постижении истин, очертания которых лишь выявились

---

¹ См. мои работы: *Философские проблемы права* (М., 1972), *Общая теория государства и права: предмет, структура, функции* (М., 1977), *Конституция СССР и развитие политико-правовой теории* (М., 1979), *Философские основания политико-правовых исследований* (М., 1986), *Методология права* (М., 1989), *Основы философии права* (М., 1992), *Основные черты философии права* (Подгорица, 1994), *Законодательная техника* (М., 1998) и др., а также статьи в отечественных и зарубежных журналах.

предшествующими исследовательскими усилиями, с неимоверной силой вновь и вновь побуждают исследователя к познанию. И тем не менее каждый ученый испытывает неодолимое желание поделиться с коллегами, читателями своими рассуждениями, идеями, выводами, хотя бы еще и предварительными и несовершенными, ради их обсуждения и развития. Именно этим руководствовался автор, издавая данную монографию, которую, вероятно, помимо прочего следует рассматривать как приглашение к дискуссии, к дальнейшему, более углубленному и всестороннему познанию такого сложного и необходимого феномена общественной жизни, каковым является право. «Ведь глубокие мысли, — как указывал А. Д. Сахаров, — появляются только в дискуссии, при наличии возражений, только при потенциальной возможности высказывать не только верные, но и сомнительные идеи»¹. И тот, кто в этой дискуссии обнаружит правовое дарование и правовую страстность, непременно достигнет величайших вершин.

Современное состояние теоретической мысли характеризуется все возрастающим интересом к самой науке, обнаружению закономерностей ее развития, анализу результатов². Тайны науки не лежат на поверхности, проникновение в них предполагает прежде всего осмысление того, каким закономерностям она подчиняется, каким образом достигаются ее результаты, каковы перспективы дальнейшего усиления ее могущества в овладении силами природы, общества, человеческим мышлением и деятельностью. Именно необходимость решения этих

---

¹ Сахаров А. Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 16.

² Пол Фейерабенд отмечает: «Процедура, осуществляемая в соответствии с правилами, является научной; процедура, нарушающая эти правила, ненаучна. Эти правила не всегда формулируются явно, поэтому существует мнение, что в своем исследовании ученый руководствуется правилами скорее интуитивно, чем сознательно. Кроме того, утверждается неизменность этих правил. Однако тот факт, что эти правила существуют, что наука своими успехами обязана применению этих правил и что эти правила «рациональны» в некотором безусловном, хотя и расплывчатом смысле, — этот факт не подвергается ни малейшему сомнению» (Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 127).

проблем обуславливает обращение теоретической мысли к методологии. Сама наука выступает уже не только в виде определенной совокупности идей, теорий, концепций, но и пополняется совокупностью приемов, методов, средствами научного мышления, которые в своем системном единстве и составляют методологию. В этом качестве она представляет собой комплекс исторически сложившихся рациональных путей, способов и форм движения мышления от незнания к знанию, от явления к сущности, от предположения к истине.

Все возрастающий объем научных знаний повышает требования к точности, строгости, логической последовательности научного мышления, а это с необходимостью предполагает изучение самого познавательного процесса. Без такого изучения невозможно не только овладеть той огромной массой знаний, которые уже накоплены человечеством, но и осуществлять дальнейшее, более всестороннее и углубленное проникновение в тайны исследуемых объектов, явлений и процессов¹. Этой цели и служит методология, которая есть мышление, обращенное вовнутрь себя. Она выступает в качестве «обратной логики», благодаря которой совершенствуется познавательная логика и организация исследовательского процесса, обрабатывается ее инструментарий.

Но «обратная логика» методологического поиска не является, конечно, творцом самих исследуемых объектов, явлений и процессов, а прямо и непосредственно вытекает из первичной (объективной) логики реально существующих и развивающихся объектов, явлений и процессов действительности. Поэтому методология выступает в качестве путеводной нити, руководства исследовательского процесса. Методологическое мышление призвано превращать объективное в субъективное, познание в познанное, реальные объекты, явления, процессы в их осознанные образы. Тем самым открываются

---

¹ Во «Введении» монографии «Творческая природа научного познания» (М., 1984. С. 5) указано: «В советской философской литературе практически нет работ, в которых формы и методы научного познания, познавательные процедуры были бы проанализированы с точки зрения того, каким образом в них выражается активный, творческий характер познания человеком действительности».

возможности для преобразования изучаемых объектов, явлений и процессов в их же «вторую природу». «Дух, — отмечал Н. А. Бердяев, — не подчинен порядку бытия, он в него вторгается, его прерывает и может его изменять»¹. Мысль, как и вообще жизнь, остановить невозможно.

* * *

Сказанное обусловило и разработку соответствующих проблем в настоящей монографии. Первый ее раздел посвящен предмету философии права. Это направление исследований призвано выработать методологические основания познания правовой реальности.

Нельзя признавать наукой лишь эмпирические знания и отказывать в научности философским обобщениям данных знаний, поскольку эмпирический (и тем более созерцательно-чувственный) уровень изучения правовых объектов, явлений и процессов с неизбежностью ведет к рациональному их познанию. То обстоятельство, что философские обобщения нередко являются «опосредованными» в том смысле, что выражают наиболее существенное в уже познанном другими науками, вовсе не исключает их научности. Это тем более справедливо, что наука самостоятельно разрабатывает методологические основания исследования любого объекта, явления, процесса. Если социология права изучает общие закономерности развития правовых объектов, явлений и процессов в их онтологическом аспекте (в данном случае мы отвлекаемся от, несомненно, важных и необходимых, конкретно-социологических исследований в специальных отраслях правоведения), то философия права ориентируется на выявление их гносеологического смысла и значения. Современное состояние правоведения настоятельно требует познания, раскрытия тайны его гносеологических потенций. Именно этим и занимается философия права.

С сожалением приходится отмечать сложившееся в правоведении нигилистическое отношение к философскому

---

¹ Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека (Опыт персоналистической философии). Париж, 1939. С. 69.

осмыслению правовых феноменов, что углубляется нередко непрофессиональным использованием соответствующих гносеологических средств познания. Возможно, именно этими обстоятельствами объясняется то, что философскому осмыслению права в мировой и отечественной науке посвящены единичные произведения, которые тонут в море комментаторской и пропагандистской литературы. Легко предвидеть, что наши философско-правовые размышления, поиски и выводы не найдут заинтересованного отклика у многих юристов, читателей. И тем не менее оптимизм и вера не покидают нас, ибо рано или поздно тяга к философскому осмыслению правовой действительности непременно проявит себя. И тогда юридическая мысль обратится и к нашим трудам, и — что более важно — к дальнейшей, более глубокой разработке гносеологических проблем правоведения. Именно эта надежда вдохновляет, вселяя в душу благодать сознания полезности тяжелых раздумий.

Во втором разделе рассматриваются основополагающие познавательные категории, такие, как отражение и опережающее отражение, историческое и логическое, конкретное и абстрактное, явление и сущность, содержание и форма, и многие другие. Так, например, при анализе значения отражения и опережающего отражения подчеркивается, что законодательство отражает регулируемые общественные отношения и вместе с тем включает в себя также субъективные моменты в правосознании законодателя. При этом отражающее, конечно же, участвует в процессе отражения, но отнюдь не всеми свойствами, признаками или сторонами отражаемого, а лишь теми, которые имеют то или иное значение для их правового опосредования. Именно «привнесение» в регулируемые общественные отношения субъективных моментов законодателя свидетельствует о творческом характере деятельности, создающей новые правовые нормы.

Следует в этой связи заметить, что после известной сталинской работы, посвященной экономическим проблемам строительства социализма в СССР, мы так увлеклись объективностью экономических законов, что почти не оставили места для субъективно-творческого воздействия не только на них, но и на любые другие объективные факторы. Напри-

мер, производительные силы и соответствующие им производственные отношения объявлялись объективными, но при этом зачастую игнорировался тот факт, что орудия и средства производства являются продуктом человеческого разума и созидательного творчества людей, а в производственных отношениях сознательно участвуют трудящиеся и, следовательно, «привносят» в них субъективные моменты.

В настоящее время российские законодатели впали в противоположную крайность. Это выражается в том, что они менее всего учитывают объективность регулируемых общественных отношений. В результате возникла не только неразбериха в самом законодательстве, но и полнейший хаос в правоприменительной практике. Отсутствие должного уровня законодательной культуры, слабое представление о требованиях законодательной техники у большинства депутатов (даже юристов) и тем более у чиновников правительственных и президентских структур приводит к резкому обособлению и противопоставлению объективного и субъективного в законотворчестве, недооценке их связи, взаимодействия и проникновения друг в друга.

Дело осложняется тогда, когда возникает необходимость использования в законотворчестве более высокой формы отражения — опережающего отражения, — в которой опыт прошлого и настоящего проецируется на будущее. Правовые нормы могут способствовать оптимальному осуществлению и ускорению одних общественных отношений, предотвратить или заморозить другие. Для этого законодателю необходима полная и объективная информация.

Информационное обеспечение законотворчества имеет чрезвычайно важное значение, так как позволяет прогнозировать последствия правового регулирования тех или иных общественных отношений. Такой прогноз может не только заранее показать обоснованность тех или иных законодательных актов или их обреченность на бездействие, но и предотвратить принятие правовых установлений, действия которых опасны для нормальной жизнедеятельности общества и его членов.

Огромный потенциал теории информации, отражения и опережающего отражения, к сожалению, не используется

или, по крайней мере, используется недостаточно глубоко в правоведении и, следовательно, в практике законотворчества и правореализации. Дальнейшее исследование путей их оптимального приложения к праву будет служить повышению научного уровня юридической теории и практики.

Возьмем другую «парную» категорию — конкретное и абстрактное.

Органически целое имеет свои части, которые вне целого не существуют. Рука, отделенная от живого тела, остается «рукой» только по названию. Поэтому конкретность частей выступает как «абстрактные моменты» единой «тотальности». Абстрактное выступает здесь в качестве части, а вне органически целого — как абстрактно общее. Но в обоих случаях абстрактное как таковое остается, понятийно выражая изучаемый объект. Например, человек и конкретен, и абстрактен. Чувственно он воспринимается не только как отдельный объект, но и как множественный объект. И в том и в другом случае эти объекты реальны: в первом случае человек выступает как относительно изолированный объект, во втором — в единстве многообразного, бесконечных превращений, взаимодействия, переходов одного в другое. При этом «изолированный объект», конкретное ни в коем случае нельзя понимать лишь как «чувственно воспринимаемое» или «созерцательно данное». Конкретное следует понимать и как «единство многообразного», т. е. как реально общее, свойственное как действительности, так и ее познанию. То же следует иметь в виду и относительно абстрактного, которое есть не что иное, как форма тождественности движения действительности движению познания.

Исторически понятия в законодательстве могут быть конкретными и абстрактными, двигаясь в направлении от непосредственно конкретного ко все более абстрактному. И это объяснялось простым обстоятельством: многообразие и усложнение жизни не могли быть охвачены конкретными понятиями, определяющими правовое регулирование незначительной части действительности, и требовали большого количества норм. Поэтому конкретные понятия постепенно вытеснялись абстрактными, охватывающими правовым регулированием значительно большую часть возникавших в дей-

ствительности явлений, процессов, а также поведение людей. И если конкретными понятиями невозможно охватить все те отношения, которые необходимо было регулировать, то недостатком абстрактных понятий явилось то, что под их воздействие нередко попадали различные явления, процессы и поведение, особенности и специфические черты которых не поддавались учету. Отсюда следует, что законодатель должен соблюдать разумную меру при формулировании абстрактных понятий, добиваться их гибкости, целесообразного соотношения абстрактных и конкретных понятий. Последние призваны детализировать, развивать, развертывать абстрактные понятия. Иначе говоря, законодатель должен уметь выбирать такой способ правового регулирования, который позволил бы довольно легко переходить от абстрактного к конкретному, от общего к особенному, не нарушая гармоничности и согласованности между ними.

Приведенные положения об отражении и опережающем отражении, конкретном и абстрактном в праве преследуют цель проиллюстрировать то, что подробно рассматривается в соответствующих главах второго раздела монографии. Вместе с тем они являются предварительными соображениями, которые развертываются и развиваются в дальнейшем. Иные многочисленные законы и категории познания права, представленные в данном разделе, не нуждаются в предварительных разъяснениях. Здесь, как и на протяжении всей работы, подчеркивается единство онтологического и гносеологического в теории права. И именно поэтому в третьем разделе монографии рассматриваются глобальные онтологические проблемы этой теории, одновременно имеющие существенное гносеологическое значение для дальнейшего познания права. К ним относятся проблемы сущности и соотношения права и законодательства, свободы, равенства и равноправия, сознания, правосознания и интеллектуальности, законности и правопорядка и др.

Выскажем лишь отдельные предварительные соображения по некоторым из этих проблем, и прежде всего по правопониманию. По этому поводу в юридической науке как прежде, так и теперь ведутся острые дискуссии, в которых, в частности, демонстрировались слабые места «нормативного»

понимания и определения права. Приходится, однако, признать, что эти дискуссии не смогли сколько-нибудь существенно продвинуть вперед методологическую мысль, ее значение для познания права по той простой причине, что они оставались в рамках все той же «нормативности». Потребовалось решительное переосмысление установившихся представлений о праве, радикальное изменение его «нормативной» схемы, которая довлела (и довлеет) над самым исследовательским процессом, недооценивавшим все то, что лежит за пределами данной схемы. В результате — односторонность и неполнота исследования. Раз установившаяся догматическая схема тем и «привлекательна», что создает «чистоту» доктрины, формул и моделей. Но все они не более чем упрощенное представление о развивающейся правовой действительности. Нет ничего проще, чем всегда и везде видеть в праве одни правовые нормы, объявлять их совокупность «чистым правоповедением». Обогащенный такого рода незамысловатым «учением», правовед в любой законодательной системе легко находит необходимые ему нормы, понимает их смысл, так или иначе их применяет и пребывает в восторге от постижения «истины». Но, увы, истина чаще всего оказывается где-то «по ту сторону».

В праве нельзя видеть лишь простое воспроизведение в нормативно-правовой форме основных условий как материального, так и иного бытия. Право независимо лишь от этого бытия, оно является исторически выработанной человечеством системой правовых принципов, идеалов, устремлений; право универсально в том смысле, что обслуживает любое общество. Другое дело, что законодательная система государства может в той или иной мере выражать право (или вовсе ему противоречить).

Именно широкое (социологическое) видение права и столь масштабный замысел данной монографии вывели нас на нестандартные проблемы правовой теории, на вышеобозначенные общетеоретические проблемы, исследование которых вынудило вернуться, с определенными дополнениями и уточнениями, к ранее опубликованным работам. Подобно тому как в живописи несколько мазков существенно изменяют колорит картины, так и в философии права незначительная, казалось бы, коррекция совершенствует уже известные

положения, заключения, выводы, преобразуя картину научного произведения (или по крайней мере обновляя ее). Поэтому повторения оказались неизбежными ради их упорядочения и достижения утонченности философско-правового знания. Кроме того, в монографии изложены и некоторые прикладные разработки, которые менее всего освещены в отечественной юридической науке, но которые актуальны, имеют важное значение (например, использование компьютерных систем в праве, комплексная социальная профилактика преступности и др.) для дальнейшего развития теории и практики правотворчества и правореализации.

* * *

1997 год явился урожайным на работы, как будто бы посвященные философии права. Имеются в виду объемные книги С. С. Алексеева, В. С. Нерсесянца, Ю. В. Тихонравова и других, менее известных авторов. Все эти книги именуются именно «философией права», но смею утверждать, что ни одна из них, увы, никого отношения к правовой философии не имеет.

Так, довольно странное видение предмета философии права обнаруживается у С. С. Алексеева, по мнению которого «это наука о праве в жизни людей, в человеческом бытии»¹. Но ведь любая отрасль юридической науки, как и вся юриспруденция, изучает право в человеческой жизни, бытии.

В. С. Нерсесянец вместо четкого определения предмета философии права дает описание того, чем, по его мнению, должна заниматься данная наука. Она, оказывается, исследует «смысл права, его сущности и понятия, его оснований и места в мире, его ценности и значимости, его роли в жизни человека, общества и государства, в судьбах народов и человечества»² и т. д. и т. п. Вместо этого автору следовало бы подумать над тем, как отличить философию права от теории права и правоведения вообще.

---

¹ Алексеев С. С. Философия права. М., 1997. С. 2; см. также: его же. Право. Опыт комплексного исследования. М., 1999.

² Нерсесянец В. С. Философия права. М., 1997. С. 7.

Наконец, Ю. В. Тихонравов предпочел воспроизвести точки зрения иных авторов и в результате пришел к неожиданному выводу: философия права лишь «учение о смысле права...»¹. Но смыслом права занимается вся юриспруденция, и прежде всего общая теория права.

Не сумев определить того, что есть философия права, указанные авторы, как, впрочем, и многие другие, пошли по уже проторенной дорожке: одни воспроизводят известные положения общей теории права, другие — столь же известные положения истории политических и правовых учений.

Отнюдь не злорадствуя по поводу очевидной неопределенности, отсутствия элементарной четкости и логичности в суждениях упомянутых авторов по вопросу о предмете философии права, мы, как и любой читатель, вправе претендовать на определение специфики предмета интересующей нас в данном случае науки, ее отличия от других правоведческих наук.

Пытаясь определить предмет философии права как одного из направлений общей теории права, мы вынуждены были в соответствующих случаях уточнить как философские, так и правовые представления. Это неизбежно повлекло за собой критический подход к отдельным произведениям по соответствующей проблематике. Однако наши критические соображения обусловлены отнюдь не желанием «свести счеты» с оппонентами, а стремлением всесторонне обсудить спорные вопросы. Вполне возможно, что в полемике с оппонентами победу я одержу не потому, что прав, а потому, что не правы критикуемые мною.

Никто не станет отрицать того бесспорного факта, что развитие науки исключает любое давление, посягающее на ее свободу. Никто не обладает монополией на научное творчество, истину, путь к которой проходит через диспуты, взаимную объективную и корректную критику. Но нельзя умолчать об одном грустном обстоятельстве. В последнее время некоторые представители науки сочли за моду «переписывать» нашу историю, в том числе и историю права, зачастую извращая ее. И в этом неблагоприятном деле, к сожалению, активное участие

---

¹ Тихонравов Ю. В. Основы философии права. М., 1997. С. 46.

принимают и отдельные юристы (не станем перечислять их по фамилиям из чувства профессиональной этики)¹.

Самолично провозгласив себя «демократами», «реформаторами», «либералами», «гуманистами», они призывают нас к покаянию за апологетику существовавшего тоталитарного строя. Яростное обличение прошлого характерно прежде всего для тех, кто сам усердно создавал и воспевал это прошлое. Поэтому мы готовы к покаянию (хотя многие искренне верили в тогдашние устремления) — но вместе с теми, кто стоял во главе этих устремлений. И дело отнюдь не в словах, а в конкретных делах, в подлинном служении науке. Не следует упускать из виду, что наука не должность², она безраз-

---

¹ Например, один из них в 1963 г. писал: «Социалистическому строю органически чужды произвол и беззаконие»; в 1972 г.: «Социалистическое право всем своим содержанием, принципами, “нутром”... является фактором “морали и культуры”»; в 1981 г.: «Социалистическое право — это первое в истории юридических систем Право трудящихся — Право с большой буквы, отвечающее многовековым чаяниям человечества». И такого рода восторженные высказывания пронизывают все многочисленные книги автора. Но справедливости ради отметим, что аналогичные высказывания — убежденные или лицемерные — можно легко обнаружить в произведениях того периода (и в моих работах, хотя и менее «красочных»). Но самое поразительное состоит в том, что цитированный автор буквально через небольшой промежуток времени утверждает прямо противоположное. В 1995 г. он отмечает, что «...общество в его глубинных устоях, подавленных беззаконием и бесправием,отреагировало на ужасающую действительность, подало сигнал о том, что путь, по которому нужно идти, чтобы вырваться из пучины тоталитаризма и двинуться к правовому гражданскому обществу, — это путь права и законности»; что юридической науке «нужны покаяние и очищение, понимание и недвусмысленное признание того, что советская правовая наука служила тоталитарной системе...»; в 1997 г.: советское право представлено как реалья «уродливо-страшная по своему существу и своим последствиям». И подобного рода высказывания сопровождаются аналогичной апологетикой теперь уже по отношению к современному российскому режиму. И не только в книгах, но и в газетных статьях, «полное собрание» которых автор умудрился издать.

² Оставим в стороне то, как иные коллеги, довольно успешно занимавшиеся научной деятельностью, оказавшись в кресле должностного лица, прочно забывали о своей учености и выступали в роли оракула по всему фронту науки с банальными и пустыми «указаниями». И неведомо им, что официально «представлять» науку несравненно меньшее «благо» по сравнению с истинным удовольствием и удовлетворением от занятия самой наукой.

лично к рангам, титулам и званиям, не терпит высокомерия, лжи и угодничества. Нельзя жить в науке и быть сторонним наблюдателем ее успехов и неудач, оставаться безучастным к мукам ее поиска, радости творчества, торжества постижения истины¹. Давайте же все вместе послужим единственному божеству — Истине.

¹ Ханс Позер пишет: «Истина, только истина и ничего, кроме истины, — этого требует суд, и клятвопреступление строго наказуемо. Ни один ученый не обязан давать такой клятвы, и тем не менее он вынужден выполнять ее требование...» (Позер Х. Правила как формы мышления. Об истине и конвенции в науках. Научные и вненаучные формы мышления. М., 1996. С. 103).

I

ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Глава 1

ПОНЯТИЕ МЕТОДОЛОГИИ КАК ОБЩЕНАУЧНОГО ФЕНОМЕНА

Определение предмета философии права, включая выявление ее познавательных возможностей и решение относящихся к ней основных проблем, предполагает необходимость раскрытия позиции автора по вопросу о понятии методологии, ее месте в системе научного знания, роли в исследовании правовой действительности.

Прежде всего отметим, что каждый новый этап в прогрессивном развитии науки ознаменован дальнейшим возрастанием значения методологического порядка¹. Одним из многих свидетельств этого является поворот к интенсивной разработке проблем методологии, который характерен ныне почти для всех отраслей научного знания. Такая интенсивность объясняется в первую очередь потребностями более глубокого проникновения и всестороннего познания сложных процессов общественного бытия и перспектив его преобразования. И это обращение науки к познанию самой себя является характерной тенденцией ее современного поступательного развития².

---

¹ «За последние 400 лет, — заключает Бертран Рассел, — в течение которых происходил медленный, но неуклонный рост науки, человек постепенно начинал разбираться в методах познания природы и способах управления ее силами» (Рассел Б. Очерки об интеллектуальном убожестве//ИГ-Наука. 1998. № 2. С. 15). Без поиска новых путей познания и следования по этому пути наука останавливается, исчезает, умирает.

² «Тем самым, — пишет М. А. Барг, — лишний раз подтвердилась давно уже подмеченная в истории науки закономерность: периоды, характеризующиеся главным образом *накоплением фактического материала*, неизбежно сменяются периодами, когда на первый план выдвигается задача его

К сожалению, отмеченная закономерность менее всего распространяется на правоведение, представители которого явно пренебрегают методологическими проблемами своей собственной науки. Результатом явилось многолетнее повторение одного и того же и фактическое отсутствие приращения научного знания. Но потребность в развитии методологии права с каждым днем ощущается все острее.

В данной монографии предпринята попытка не только раскрыть механизм регуляции познавательной деятельности ученого-юриста, направить по правильному пути процесс познания права, но и показать достигнутый уровень самосознания общей теории права и ее гносеологические потенции в контексте исторически развивающейся культуры.

Определяя путь мышления к истине и обеспечивая это движение соответствующими средствами, методология вместе с тем сама является результатом научного поиска, не менее важным и ценным, чем уже полученные с ее помощью иные онтологические знания. Познание ориентировано на постоянное приращение научного знания.

Сказанное предполагает в первую очередь выяснение того, что такое методология. Данное понятие оказалось в нашей литературе размытым и весьма противоречивым. Казалось бы, строгость в понимании этого феномена призвана внести философия, но, увы, этого не случилось. Между тем определение понятия методологии и ее места в системе научного знания будет способствовать успеху исследовательской деятельности. В наш динамичный век, в условиях все более осложняющихся процессов общественного развития, переплетения материальных и духовных, экономических и социальных, политических и правовых факторов, необходимо с исключительным вниманием подходить к изучению соответствующих объектов, явлений и процессов, иметь четкое представление о направлении исследовательского поиска. Поэтому необходим крити-

---

научного осмысления и обобщения. Именно тогда, когда наука становится способной "взглянуть на себя", на свою практику "со стороны", происходит проверка, оттачивание и обогащение ее познавательных средств, создаются предпосылки для перехода ее на качественно новую ступень освоения изучаемой ею действительности» (Барг М. А. О двух уровнях марксистской теории исторического познания// Вопросы философии. 1983. № 8. С. 108).

ческий анализ имеющихся воззрений на понятие методологии, ее статус и функции. Это сыграет положительную роль в дальнейшем развитии всех естественных, технических и общественных наук, в том числе и правоведения¹.

Как известно, одна из наиболее распространенных точек зрения сводится к отождествлению методологии с философией². Конечно же, философия является «душой» методологии, ее ядром, поскольку выступает не только в качестве метода познания природы, общества и мышления, но и в качестве общетеоретической основы любого исследования³. В философии в наиболее обобщенной форме и в концентрированном виде выражено единство теории и метода. И именно это свойство философии детерминирует ее органическую и глубокую связь со всеми иными науками. «Философские категории, — пишет П. В. Копнин, — необходимы той или другой области знания именно потому, что каждая конкретная наука сама, на основе своего собственного опыта их выработать не может»⁴. Это, однако, не совсем так, поскольку конкретные науки, как свидетельствует опыт, могут вырабатывать и фактически создают такие категории, которые достигают философского уровня. Но дело не только в этом. Философские категории, обобщая познавательный опыт всех наук, приносят в каждую конкретную науку методологические знания всех наук в их синтезированном виде и тем самым умножают познавательные возможности как науки в целом, так и отдельной ее отрасли. Интегрирование научных знаний позволяет философии создать всеобщую научную картину мира, которая является мировоззренческим фундаментом всех

---

¹ Избавляю себя от полемики с теми, кто снисходительно признает на словах значение методологии для правоведения, а на деле в тысячах частных отрицает, игнорирует или просто не замечает ее конкретные достижения, хотя сами же пользуются ими в меру своего разума и способностей.

² См.: Андреев И. П. Проблемы логики и методологии познания. М., 1972. С. 291—292.

³ См.: Алексеев П. В. Предмет, структура и функции диалектического материализма. М., 1978. С. 72.

⁴ Копнин П. В. В. И. Ленин, логика, наука//Вопросы философии. 1970. № 4. С. 52.

естественных, технических и общественных наук, тем самым выполняя методологическую функцию в познании их специальных, специфических объектов.

Мировоззрение представляет собой систему взглядов, убеждений, принципов, жизненной позиции личности, ее положения и роли в общественной жизни. Именно поэтому мировоззрение детерминирует подход и направление деятельности каждого индивида в решении стоящих перед ним задач. Тем большее значение приобретает мировоззрение в научно-исследовательской деятельности при решении сложных проблем природного и общественного бытия.

Мировоззрение автора в исследовании объектов, явлений и процессов имеет и иной, более узкий смысл, имеет, если можно так выразиться, профессиональное значение. Поясним эту мысль. Приступая к исследованию тех или иных специальных проблем, в частности правовых, исследователь неизбежно выражает свое отношение к этим проблемам и ко всем тем сопричастным научным решениям, которые уже выдвинуты и освещены в литературе. Критическая оценка этих решений осуществляется на основе специальной (профессиональной) мировоззренческой ориентации автора, его принадлежности к той или иной школе или направлению в науке, лишь после ознакомления с которой становится понятным, почему конкретный вопрос, избранный для исследования темы, ставится и решается именно так, а не иначе. Конечно, профессиональная ориентация исследователя в конечном счете определяется его мировоззрением, но вместе с тем в пределах этого мировоззрения имеются различия в подходах к объекту познания, направлению его исследования, того или иного его истолкования. С этой точки зрения интересной представляется мысль В. С. Швырева о «методологическом сознании», которое характеризуется «как активная деятельность познающего субъекта, обусловленная его установками, предпосылками, из которых он исходит, имеющимися в его распоряжении средствами и пр.»¹.

---

¹ Швырев В. С. Диалектическая традиция исследования конструктивных процессов мышления и современная методология науки//Проблемы мате-

Таким образом, мировоззренческая позиция исследователя складывается из трех взаимосвязанных компонентов: во-первых, из общего отношения к объектам познания, зависящего в основном от положения и роли ученого в жизни общества; во-вторых, из специального отношения к объектам познания, определяемого принадлежностью исследователя к той или иной научной школе или научному направлению; в-третьих, из методов, приемов и средств, избираемых ученым для познания соответствующих объектов.

О методах, приемах и средствах познания речь более подробно будет идти в дальнейшем. Здесь же необходимо решить вопрос, который был поставлен в начале наших рассуждений, а именно: оправданно ли отождествление методологии с философией?

Философия является теоретико-мировоззренческим и методологическим ядром в системе всеобщих методов познания бытия и уже в силу этого не охватывает методологию полностью, поскольку последняя включает в себя и нефилософскую часть. Так, в частности, появление в современном научном знании общенаучных понятий и категорий обуславливает необходимость определения их методологического значения.

Общенаучные понятия и категории имеют не только философский, но и нефилософский характер. Нет сомнения в том, что философские общенаучные понятия и категории выполняют методологические функции в научном познании. Но обладают ли нефилософские общенаучные понятия и категории методологической значимостью, играют ли они методологическую роль по отношению к менее общим научным понятиям и категориям? На этот вопрос положительно отвечают многие отечественные философы. Так, Э. Г. Юдин отмечает, что общенаучные концепции и направления выполняют в науке серьезные методологические функции, но вместе с тем все же не являются философскими. «Таковы, например, современные методы математического обеспечения

риалистической диалектики как теории познания. Очерки теории и истории. М., 1979. С. 186—187.

исследований, методы и понятия кибернетики, методологические принципы системного подхода»¹.

Следует заметить, что нередко те или иные общенаучные понятия без какой-либо аргументации наделяются философским или нефилософским статусом. Это касается, например, понятия системы или системного подхода, философский характер которого, казалось бы, не должен вызывать сомнения.

Если мы исходим из того факта, что складывающиеся в современной науке общенаучные положения не только имеют онтологическое значение, но и способны играть гносеологическую роль в познании объективной реальности, то нет никаких оснований выводить их за пределы методологии. Так, общая теория управления наряду с философскими включает в себя и такие общие теоретические положения (например, технология контроля, технологическая модель стратегических решений и т. д.²), которые, вовсе не являясь философскими, тем не менее имеют методологическую значимость для отраслевых управленческих наук.

Итак, методологическую роль играют не только законы, понятия и категории философии, но и междисциплинарные, общенаучные понятия (например, интерпретация, моделирование, информация, эффективность и т. д.³). Современный уровень развития науки свидетельствует о том, что отнюдь не все общетеоретические положения имеют своим источником или содержанием философскую трактовку вещей, явлений и процессов, но это вовсе не исключает их методологической роли для всех наук или их определенной группы.

Общенаучные положения обретают новое дыхание и вторую жизнь в гносеологическом качестве в виде методологического средства познания. Конечно, эти общенаучные по-

¹ Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978. С. 39.

² См.: Марков М. Технология и эффективность социального управления. М., 1982. С. 85—133.

³ Перечень такого рода общенаучных понятий дается во многих произведениях (см., например: Семенюк Э. П. Общенаучные категории и подходы к познанию. Львов, 1978. С. 6).

ложения в специальных науках испытывают на себе влияние философского осмысления действительности¹. Однако они являются относительно самостоятельным итогом того уровня обобщения исследуемых объектов, который приобретает методологический характер в соответствующих отраслях научного знания. Возьмем, например, такую методологически значимую в системе государственоведения и правоведения науку, как общая теория государства и права. Содержание фундаментальных проблем этой науки имеет в своей основе философское знание. Но отсюда вовсе не следует, что все содержание этих проблем является философским. Законы и категории философии не просто «иллюстрируются» государственно-правовым материалом, модифицируются, трансформируются, преобразуются сообразно специфике исследуемых объектов. Более того, современный опыт развития познания в области общей теории государства и права свидетельствует, на наш взгляд, о своеобразном двуедином процессе: с одной стороны, происходит «адаптация» философского знания к государственно-правовой «среде», «философизация» государственно-правового знания, а с другой — сама эта «среда» все чаще порождает такие уровни осмысления государственно-правовой реальности, которые достигают высот философского обобщения.

Обе эти тенденции исключительно благотворно воздействуют на развитие общей теории государства и права, и недалек тот час, когда их органическое слияние приведет к расцвету данной науки. Это грядущее состояние, однако, отнюдь не будет означать преобразование в философию не только потому, что общая теория государства и права сохранит свой особый, специфический предмет познания, и не только потому, что само слияние философского и юридического знания создает науку, по своей целостной природе отличную от каждой из сливающихся частей, но также и потому, что сохранит общетеоретические положения нефило-

---

¹ Особенность современного взаимодействия общественной, естественной и технической наук в том именно и состоит, что оно осуществляется не столько непосредственно, сколько опосредованно, через философское осмысление этого взаимодействия.

софского характера. И эти положения будут играть методологическую роль в познании государственных и правовых явлений, подобно тому как они играют ее уже в настоящее время. Так, общая теория правотворчества (как одна из фундаментальных проблем общей теории государства и права), будучи абстрактным отражением реального процесса создания правовых норм, является в силу этого методологическим ориентиром, в соответствии с которым осуществляется движение познания в сфере формирования норм специальных отраслей права.

Аналогичным образом другая фундаментальная проблема общей теории государства и права — теория правореализации, законности и правопорядка — не только отражает фактическое состояние соблюдения, исполнения и применения правовых норм, успехи в укреплении законности и упрочении режима правопорядка в стране, но и одновременно составляет методологическую основу для анализа отраслевыми юридическими науками тех специфических сфер правореализации, которые входят в предметы их специальных интересов.

Следует вместе с тем иметь в виду, что специальные науки (и общественные, и естественные) разрабатывают наряду с общетеоретическими положениями, имеющими гносеологическое значение, общенаучные и частнонаучные методы, применяемые для исследования специфических объектов. И именно потому, что философия включает в себя лишь всеобщие методы познания, она не тождественна понятию методологии, охватывающей собой не только всеобщие, но также общенаучные и частнонаучные методы. Поскольку всеобщим отнюдь не исчерпывается содержание особенного и отдельного, постольку и специальные науки не могут ограничиваться лишь всеобщими методами исследования специфических объектов. Применяя всеобщие методы, исследование вместе с тем разрабатывает как общенаучные, так и конкретные, частнонаучные методы, которые в совокупности позволяют обнаружить сущность, содержание и формы изучаемых объектов, их особенности и специфические закономерности развития.

Некоторые из разрабатываемых специальными науками методов приобретают философский характер, но далеко не все выступают как стороны, моменты общеприкладной методологии. Нередко они настолько формализованы (например, в кибернетике), что к философии как науке всеобщей непосредственно не относятся. Но отсюда вовсе не следует, что использование специальных методов может быть осуществлено вне связи с философией. Наоборот, только на ее основе обеспечивается эффективность применения общеприкладных методов в отраслевых исследованиях. И тем не менее природа и характер этих методов не являются философскими.

В этой связи следует заметить, что философские категории, имеющие всеобщий характер, нельзя смешивать с общеприкладными положениями и методами. Далеко не всякое общеприкладное может претендовать на всеобщую значимость. Философские категории являются методологически универсальными средствами, инструментами, методами познания природы, общества и мышления. Общеприкладные же положения и методы выступают лишь в качестве обобщения ограниченного типа вещей, явлений и процессов; поэтому их методологическая роль имеет соответствующие пределы применимости. С этой точки зрения, например, общие положения общей теории государства и права или общей теории управления играют методологическую роль в рамках специальных юридических или отраслевых управленческих наук, но не могут претендовать на всеобщую методологическую значимость. Это, однако, не исключает того, что те или иные положения данных (равно как и других) наук по мере своего обогащения и развития могут приближаться к такому высокому уровню общеприкладности, который обретает методологическую универсальность, включается в систему методов философии. В. С. Готт полагает, что общеприкладные понятия занимают «переходное» положение, выполняют «переходные функции» в развитии понятийной формы мышления, являясь одновременно и философскими, и нефилософскими по содержанию, по познавательным функциям (например, пространства и времени); они выступают своеобразными «переходными

звеньями» между философскими категориями и частнонаучными понятиями, осуществляя многосторонние взаимодействия между ними¹.

Многие общенаучные понятия действительно не только играют роль «связующего звена», но и сами переходят по мере развития и обогащения в философские категории или по крайней мере являются предпосылкой формирования новых философских категорий. Но это относится не ко всем общенаучным понятиям; ряд из них сохраняет именно общенаучный характер, «не переходя» в разряд философских (например, математические расчеты, кибернетическое программирование и алгоритмизирование, технологическое моделирование и т. д.).

Из сказанного становится очевидным, что методология не сводится лишь к философии, чем, разумеется, отнюдь не принижается значение последней в теории познания.

То обстоятельство, что не только всеобщие, но также обще- и частнонаучные методы входят в состав методологии, породило точку зрения, согласно которой методология представляет собой самостоятельную науку. Так, А. И. Ракитов считает, что существует самостоятельная, особая дисциплина — методология науки, которая отвлекается от психологических, физиологических, социальных и других аспектов анализа и рассматривает прежде всего объективную структуру процесса исследования и строение образующих его компонентов².

Не разделяя этого мнения, попытаемся аргументировать свою позицию несколько позже. Здесь же отметим полную неясность оснований, по которым методология должна отвлекаться от психологических, физиологических и тем более социальных аспектов анализа. Ведь уже много раз в нашей литературе подчеркивалось, что природа познания сугубо социальна, а вот методология в данном случае почему-то оказалась асоциальной. «Объективная структура процесса иссле-

---

¹ См.: Готт В. С. О понятийном аппарате современной науки//Вопросы философии. 1982. № 8. С. 86.

² См.: Ракитов А. И. К вопросу о структуре исторического исследования//Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 162.

дования» состоит прежде всего в ее социальности, включающей в себя также психологические и даже физиологические аспекты анализа. «Теория познания в специальном научном смысле, — пишут А. Х. Касымжанов и В. А. Лекторский, — является и психологическим учением об умственном развитии индивида, и физиологией органов чувств, и даже лингвистикой. К теории познания в широком смысле слова эти дисциплины, несомненно, относятся»¹.

Еще дальше в направлении обособления методологического знания пошел Н. Стефанов, считающий учение о методологии «частнонаучной областью»². В обоснование этого вывода выдвинуты следующие аргументы. Поскольку наука представляет собой сложный познавательный процесс, постольку он протекает по определенной логике, закономерные принципы которой используются в практике научно-исследовательской работы³. Своеобразие этих принципов состоит в том, что: «а) они являются средством, с помощью которого реализуются требования научного анализа, направленного на решение данной задачи, б) теоретическое обоснование подобных принципов выходит за границы, задачи и возможности соответствующей науки, в которой они используются, и в) каждый такой принцип представляет то или другое теоретическое знание, которое играет роль метода»⁴.

Исследование этих принципов, продолжает Н. Стефанов, не являются и не могут быть специфической задачей той или другой конкретной общественной науки. «И если в прошлом, а в ряде случаев и в наше время подобные вопросы занимали и занимают специалистов той или другой науки, то этим мы обязаны тому простому факту, что отсутствуют соответствующие разработки, пригодные для нужд данной науки»⁵.

¹ История марксистской диалектики. Ленинский этап. М., 1973. С. 63.

² См.: Стефанов Н. Теория и метод в общественных науках. М., 1967. С. 156.

³ См. там же.

⁴ Там же. С. 129.

⁵ Там же. С. 155.

Этими разработками должна заниматься «теория методологии», которую не следует смешивать с самой методологией. «Если метод представляет аналог, т. е. отражение определенных законов, то теория метода выясняет сущность и специфику соответствующего метода, границы и возможности его приложения и использования и т. д.»¹.

Выдвинутые соображения в пользу существования самостоятельной (к тому же частной) науки методологии неубедительны. Прежде всего отметим, что при такой постановке вопроса оказывается, что методология искусственно отрывается от самого объекта познания, с которым не только органически связана, но и из которого непосредственно вытекает. Иначе получается, что методология вовсе не является продуктом познания, находится за его пределами и развивается сама по себе². И нет ничего удивительного в том, что Н. Стефанов в одном из пунктов своих рассуждений приходит в противоречие с собственной концепцией. «...Поскольку логика объекта детерминирует логику научного подхода, постольку и метод содержит такие правила, по которым совершается в определенном порядке некоторая система операций»³. Но если методы определяются логикой объектов, которых насчитывается бесконечное множество, то каким же образом возможно создать «учение о методологии» как самостоятельной науке без изучения самой логики объектов?!

Этот вопрос вовсе не является праздным в связи с рассматриваемой концепцией, поскольку ее автор полагает, что теоретическое обоснование методологических принципов выходит за границы, задачи и возможности той или иной науки, хотя как в прошлом, так и теперь ими занимались и особенно успешно занимаются специалисты различных наук. И добавим еще, что лишь благодаря этим занятиям мы об-

---

¹ Стефанов Н. Теория и метод в общественных науках. С. 148.

² Д. Маркович пишет: «Отделить метод от науки как системы истинных знаний невозможно потому, что и сам метод представляет собой знание о том, как прийти к истине» (Маркович Д. Общая социология. Ростов-на-Дону, 1993. С. 57).

³ Стефанов Н. Теория и метод в общественных науках. С. 149—150.

ладаем ныне бесценным арсеналом методологических идей и принципов, позволивших достичь тех высочайших научных результатов, которыми пользуется человечество. Теперь же предлагается выделить эти идеи и принципы в самостоятельную науку, отделить их от той почвы, на которой они произрастают, и тем самым обескровить саму методологию. Невольно возникает вопрос: в чем смысл такого отделения? Не в том ли, чтобы «наложить вето» на занятия методологической проблематикой специалистами различных отраслей знания и отдать все это на откуп специальным искусственным «методологам», непосредственно не изучающим конкретные объекты и поэтому имеющим довольно смутное представление об объективной логике их развития? Едва ли с этим согласятся представители любой науки.

Пытаясь обосновать целесообразность создания самостоятельно-частной науки методологии, Н. Стефанов указывает на необходимость различения методологии и теории методологии. В принципе допуская возможность такого различения, следует все же указать на его условность, поскольку метод как аналог определенных законов (методология) и выяснение его сущности, специфики, границ и возможностей приложения, использования (теория методологии) настолько тесно между собой связаны, что в практике исследовательского процесса они фактически сливаются. На самом деле без отражения в сознании определенных законов невозможно понять их сущность, специфику, использование в исследовательской работе и т. д. Не случайно поэтому и сам автор, указав на различие методологии и теории методологии, в последующих своих рассуждениях постоянно сбивается с методологии на теорию методологии и наоборот. И дело здесь, скорее, в том, что такое различие не может быть доводом в пользу создания самостоятельно-частной науки методологии по той простой причине, что теория методологии основывается на самой методологии, равно как и методологию трудно представить без ее теории.

К данному вопросу можно подойти и с другой стороны. Как уже отмечалось, ядром методологии является философия, которая и определяет по крайней мере сущность и специфику того или иного метода. Зачем же тогда создавать новую

науку для этой же цели? Что касается использования того или иного метода в фактическом исследовательском процессе, то эта задача лучше всего решается той конкретной наукой, в которой данный метод применяется. Нельзя же полагать, что вопрос о характере, границах и возможностях применения того или иного метода в изучении конкретных объектов можно решить без участия представителей именно той науки, в предмет которой входит задача изучения этих объектов. Следовательно, и с этой стороны идея создания самостоятельной-частной науки методологии неубедительна.

И тем не менее эта идея продолжает находить своих сторонников. Так, В. А. Лекторский и В. С. Швырев из того факта, что не всякий методологический анализ науки является философским, приходят к выводу о правомерности выделения такой «дисциплины, как логика научного познания, в качестве конкретно-научной, изучающей научное познание»¹.

Отметив еще в начале своих рассуждений, что как эта наука, так и современная формальная математическая логика «являются в настоящее время специальными, конкретными научными дисциплинами»², авторы в дальнейшем высказываются в более осторожной форме, признавая, что вряд ли в настоящее время «можно говорить о логике научного исследования как о какой-то единой науке, имеющей свой четко очерченный и представленный в соответствующих теоретических понятиях предмет. «Логика научного исследования» существует реально, скорее, как совокупность различного рода концепций и представлений об отдельных формах, методах и процессах научного познания, выработанных в эмпирическом изучении научного знания и не синтезированных в каком-либо едином теоретическом предмете»³. И наконец, авторы соглашаются с мнением П. В. Копнина, который не считал логику научного исследования оформившейся самостоятельной наукой⁴.

---

¹ Лекторский В. А., Швырев В. С. Методологический анализ науки (Типы и уровни)//Философия, методология, наука. М., 1972. С. 14.

² Там же.

³ Там же. С. 37.

⁴ См. там же.

Итак, пока фактически не существует самостоятельной науки методологии, но, может быть, следует ожидать ее возникновения в обозримом будущем? Лекторский и Швырев, пытаясь ответить на этот вопрос применительно к логике научного познания, считают, что преобладающим в ее разработке будет стремление «проводить разносторонние исследования форм и структур научного знания, методологических приемов и процедур научного исследования, процессов научного познания. Исследования, принадлежащие к этому направлению, затрагивают весьма широкий круг вопросов: строение научных теорий; типологию научных теорий; виды и строение эмпирического знания; отношение теоретического и эмпирического уровней научного знания; проблемы эмпирической интерпретации теорий, проверки и подтверждения научных гипотез, факта как основания научного знания, систематизации знания; проблемы природы и структуры научного объяснения, предвидения, идеализации, моделирования и т. п.»¹.

Нетрудно, однако, видеть, что любая из названных проблем ныне изучается либо философией, либо науковедением, либо, наконец, различными специальными отраслями знаний. Поэтому нет ни малейшего смысла создавать науку методологии, предмет которой совпадал бы с предметами других наук, в той или иной мере включающих в себя проблемы логики научного познания. Едва ли окажутся оправданными манипуляции с изъятием из всех наук методологических средств познания, традиционно в них используемых, ради объединения их в некой «синтетической» науке методологии. В результате мы получим не методологию для познания определенных объектов, а безобъектную методологию для самой методологии.

Ведь те же авторы в другой работе совершенно справедливо замечают: «Нет познания как некой самостоятельной сущности. Есть познавательное отношение человека к миру»².

---

¹ Там же. С. 36.

² Лекторский В. А., Швырев В. С. Единство мировоззренческого и теоретико-познавательного аспектов в марксистской философии//Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983. С. 12.

Именно авторы этой статьи впервые в нашей литературе выдвинули плодотворную идею о типах и уровнях методологии. Отметив данное обстоятельство и конкретизируя высказанную идею, Э. Г. Юдин указывает на следующие четыре уровня методологического знания. Высший уровень образует философская методология, определяющая общие принципы познания и категориальный строй науки в целом. За философской методологией следует уровень общенаучных принципов и форм исследования, специфика которых состоит в относительном безразличии к конкретным типам предметного содержания отдельных наук, вместе с тем обладающим некоторыми «общими чертами процесса научного познания в его достаточно развитых формах». Следующий уровень составляет конкретно-научная методология, в которую входит определенная совокупность методов, принципов исследования и процедур, применяемых в той или иной специальной научной дисциплине. Наконец, низший уровень методологии образуют методика и техника исследования, которые представляют собой «набор процедур, обеспечивающих получение единообразного и достоверного эмпирического материала и его первичную обработку, после которой он только и может включаться в массив наличного знания»¹.

Мы разделяем данную трактовку уровней методологии, за исключением последнего (низшего) уровня, о чем речь будет идти в дальнейшем. Здесь же продолжим рассуждения относительно невозможности самостоятельного существования методологической науки, в чем лишний раз убеждаемся при анализе позиции Э. Г. Юдина по этому вопросу. Этот автор исходит из утверждения, что в настоящее время различные уровни методологического знания пока, мол, не образуют еще единой научной дисциплины, но допускает ее обособление в будущем. При этом высказываются соображения, которые фактически исключают возможность такого обособления. Так, говоря о любых общенаучных методологических прин-

---

¹ Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. С. 40—44. Явно проигрывает на этом фоне структура уровней методологического знания, предлагаемая П. В. Алексеевым (см.: Алексеев П. В. Предмет, структура и функции диалектического материализма. С. 104).

ципах и подходах, автор указывает, что, «прежде чем они начнут играть конструктивную роль в специальных науках, должны пройти своеобразную переплавку, в результате которой они становятся не внешними той или иной конкретной дисциплине, а имманентными ее предмету и сложившейся в ней системе понятий»¹.

Вот именно! Ни один из общенаучных принципов и подходов не имеет методологического значения вне предмета той науки, в которой он применяется или должен применяться, поскольку необходима еще его «переплавка», т. е. приспособление, конкретизация, уточнение в соответствии с объективной логикой развития того самого объекта, который познается специальной научной дисциплиной. Отсюда с неизбежностью вытекает вывод о том, что любой общенаучный принцип и подход лишены методологической значимости до тех пор, пока они не приспособлены к логике познаваемого объекта. В таком случае какой же смысл «внешнего» обособления этих принципов и подходов, не «имманентных» предмету той конкретной науки, в которой они применяются? На этот счет Э. Г. Юдин высказывается вполне определенно: «...на высших этажах науки, там, где происходит движение в области смысла и теоретических оснований, методология “работает” отнюдь не внешнем образом, она не “одалживается” у близких или далеких соседей на время построения теории. Она принципиально непредставима здесь в виде спускаемых откуда-то сверху поучений по поводу того, как надо и как не надо строить теорию. Как показывает опыт развития науки, во всякой значительной научно-теоретической концепции методологические моменты органически сливаются с предметно-содержательными...»²

Несколькими страницами раньше сам же Э. Г. Юдин пишет: «Во второй половине XX в. методологическое знание значительно дифференцировалось — в его разработке в той или иной форме участвуют наряду с философией практически все конкретные науки. Мы с полным основанием гово-

¹ Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. С. 49.

² Там же. С. 49.

рим теперь о методах и аппарате биологии, о методологических средствах экономического анализа, о познавательном аппарате ядерной физики и т. п.»¹. Как же можно при такой ситуации выдвигать идею создания специальной методологической дисциплины? В результате мы окажемся перед необходимостью методологию конкретных наук отрывать от самих наук и навязывать им методологические постулаты, не связанные со спецификой объектов, ими исследуемых.

К сказанному остается лишь добавить, что не только общенаучные принципы и подходы, но также и всеобщие законы и категории философии вовсе не являются поучениями, спускаемыми откуда-то сверху. Прежде чем приобрести качество методологического инструментария в познании конкретных объектов, все указанное выше претерпевает ту же самую «переплавку» в соответствующих отраслях научного знания. Возьмем, к примеру, категории содержания и формы, общее представление о которых хотя и ориентирует любое исследование, но пока еще не раскрывает их конкретного выражения, скажем, в правовой сфере. Для обнаружения специфики содержания и формы правовых явлений необходимо выявить их соотношение и взаимодействие, единство и противоположности, эволюционное развитие и преобразование и т. д. И лишь в результате такой кропотливой работы всеобщие категории содержания и формы будут «переведены» в разряд работающих, приобретут качество методологического инструментария, приспособленного к конкретной программе исследования, соответствующим процедурам и приемам изучения тех или иных правовых явлений. Но если методология органически сливается с предметно-содержательной субстанцией самой теории, то как же при такой ситуации возможно ее отделение от этой субстанции? Разве не ясно, что методология, оторванная от всех наук и навязанная им в качестве абстрактно-формальной схемы, будет ими отвергнута?

Казалось бы, вопрос предельно ясен. Однако Юдин настаивает на новой «метанаучной дисциплине» — логике и ме-

---

¹ Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. С. 39.

тодологии системного исследования¹. Но, как известно, не существует «системной науки» в качестве самостоятельной отрасли научного знания. Между тем системный подход, системный анализ представляют собой специфику системного метода. Но мыслимо ли для каждого метода создавать «метанаучную дисциплину»? Что в этом случае останется от самой методологии как целостной, системной, единой теории познания? Если каждый метод есть «метанаучный» метод, то и для него логически можно изобрести «метаметанаучный» метод — и так далее до бесконечности. Но какой в этом смысл и что это даст для познания? На наш взгляд, здесь нет никакого смысла и ни малейшей пользы для познания.

Следует подчеркнуть еще один важный момент. Хорошо известно, что теория и метод органически между собой связаны. Нет теории без метода, равно как нет метода без теории. Более того, метод по существу та же теория, но обращенная к самому исследовательскому процессу, к поиску, обнаружению, приращению нового знания. И прав И. В. Кузнецов, когда пишет, что «научный метод не есть какое-то искусственное, априорно конструируемое условие или предначертание, *извне* накладываемое на познавательную деятельность. Он представляет собой выражение основного содержания добытого знания, его принципиальных особенностей, закономерностей его собственного развития. Истинность метода есть, таким образом, истинность научной теории, лежащей в его основании, составляющей его душу, его суть»². Но если сутью метода является теория, то мыслимо ли создавать некую научную дисциплину, лишенную своей «души»? Не получим ли мы искусственную, «бестелесную», «бездушную» дисциплину, все предначертания которой сводятся к априорным, умозрительным, спекулятивным поучениям?

В этой связи значительный интерес представляет утверждение С. Н. Мареева, что внешним образом противостоят

¹ См. там же. С. 106.

² Кузнецов И. В. Преемственность, единство и минимизация знания — фундаментальные черты научного метода // Материалистическая диалектика и методы естественных наук. М., 1968. С. 322—323.

друг другу не метод и теоретическая система, а метод (или система методов) и некоторые еще только подлежащие исследованию предметы. Более того, и сам метод лишь внешне противостоит предмету, поскольку внутреннее содержание предмета имеет свою собственную объективную имманентную логику, в соответствии с которой и осуществляется его познание. Поэтому-то и оказывается, что метод органически сливается с самой теорией предмета, снимается теорией и погружается в нее. Воплотившись в снятом виде в теории, погрузившись в нее, метод превращает эту теорию в основание для дальнейшего движения познания, в способ решения новых теоретических и практических задач. И на этом основании автор приходит к логическому выводу о том, что диалектический материализм «не только в своей “методологической” части, а *весь*, от начала и до конца, есть *метод*. В противном случае другая часть неизбежно превращается в доктрину, в догму, в символ веры и т. д., а методология превращается в формальную методологию, в учение о “методах, приемах и способах научного исследования”», где «...ни о единстве метода и системы, ни о диалектике вообще уже речи нет»¹.

Но эти вполне, на наш взгляд, обоснованные заключения не ограничиваются диалектическим материализмом, а должны быть распространены на все науки. На самом деле если метод познания того или иного объекта (предмета) приобретает специфическую окраску объективной логики именно данного объекта (предмета), который с его помощью исследуется, если, далее, метод снимается в теории данного объекта (предмета) и в нее погружается и, наконец, если метод и теория составляют единый сплав, то, очевидно, исключается существование этого метода вне самого объекта (предмета) познания. А поэтому исключается возможность самостоятельного существования и самой методологии как «частнонаучной», «конкретно-научной» или «метанаучной» дисциплины, разумеется если речь идет не о «формальной

¹ Мареев С. Н. Единство метода и системы в «Капитале» К. Маркса // Вопросы философии. 1983. № 5. С. 65, 72.

методологии», которая, в свою очередь, окажется «доктриной, догмой, символом веры и т. д.».

Сказанным, конечно же, вовсе не отрицается возможность и необходимость специального исследования методологической проблематики в ее относительной самостоятельности и тем самым формирования соответствующего направления научного поиска, познания и знания. Но методологическая направленность такого рода специальных исследований, будучи органически слита с теорией предмета познания, не допускает ее изоляции от данной теории и делает невозможным независимое существование методологии как самостоятельной отрасли научного знания. Если теория есть система понятий, обобщающих конкретные знания о соответствующих объектах, то методология представляет собой учение о путях, принципах и методах построения и практического применения именно этой, а не какой-либо иной теории.

Обратимся теперь к низшему уровню методологического знания в предложенной Э. Г. Юдиным структуре этого знания. Этот уровень включает методику и технику научного исследования, т. е. «разработку набора процедур, обеспечивающих получение единообразного и достоверного эмпирического материала и его первичную обработку»¹. Это утверждение представляется совершенно необоснованным, и не только потому, что всякая методика и техника научного исследования существенно отличны от методологии научного познания (иначе не имело бы смысла вводить в научный оборот эти понятия). Известно ведь, что первичная обработка эмпирического материала не осуществляется каким-то заранее подготовленным «набором» процедур, а имеет бесконечное множество вариантов, и каждый исследователь использует для этой цели не только уже применявшиеся ранее методические и технические средства, но и, опираясь на свой опыт (если угодно, даже на интуицию), самостоятельно изобретает их по ходу исследования применительно к своеобразию изучаемого объекта. Нет, конечно, ничего предосудительного в описании и систематизации тех или иных методических и технических

¹ Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. С. 141.

приемов, используемых в отдельных исследованиях, но они не могут возводиться в абсолют и в качестве непререкаемых этапов навязываться исследователю, поскольку не отражают объективных закономерностей познания и поэтому лишены методологического значения.

Методологическое значение имеют прежде всего соотношение теоретического и практического, их взаимопереходы, определение путей и форм реализации научных знаний в преобразовании действительности. Что же касается «технологизации» методологии, то она ведет к далеко идущим последствиям, выходящим за пределы теории познания. В этом отношении показательны рассуждения Р. Лукича относительно методологии права. Поскольку люди, размышляет он, не только имеют дело с правом в научных целях, но и активно используют его практически, постольку в понятие методологии права следует включать не только учение о методах научного познания правовых явлений, но и учение о методах практического использования права. «Практическая деятельность в сфере права, — пишет Лукич, — может принимать две формы. Первая из них заключается в правотворчестве — создании нового, пока еще не существующего права; ко второй относится реализация (применение) созданных правовых норм... Поэтому представляется необходимым исследовать также и методы практического занятия правом — методы его создания и реализации. Только в этом случае будут охвачены все методы использования людьми права»¹.

С этими положениями трудно согласиться. Во-первых, научное познание права не имело бы сколько-нибудь рационального смысла, если бы по крайней мере в конечном счете не служило практическим целям. Во-вторых, если бы такие фундаментальные проблемы юридической науки, как проблемы правотворчества и правореализации (методы создания и реализации права), включались в методологию права, то такая «дисциплина» фактически заменила бы собой всю юриспруденцию. В-третьих, если бы методология права занималась изучением «методов практического занятия правом», то

---

¹ Лукич Р. Методология права. М., 1981. С. 24.

утратила бы свое научно-познавательное значение, превратившись в методическую «инструкцию». Но дело не только в этом. На первый взгляд может показаться заманчивым подобное объединение изучения научных и практических методов в единой методологии права. Но при более глубоком проникновении в суть вопроса оказывается, что такое объединение является привлекательным лишь внешне, носит механический характер, фактически же оно разъединяет и противопоставляет друг другу научные и практические методы. На самом деле научные методы есть не что иное, как теоретическое обобщение практических методов, а последние суть продолжение, развертывание, конкретизация первых в практической деятельности людей. Поэтому-то ни объединять, ни противопоставлять их нельзя, так как есть риск смешать методологию с методикой.

Вопрос, таким образом, сводится к следующему: являются ли все уровни познавательной деятельности методологически значимыми, как это утверждают Юдин и Лукич? Отрицательный ответ для нас бесспорен, ибо нельзя методологию низводить до простого созерцания и методики воспроизведения эмпирического материала, являющегося лишь предпосылкой теоретического мышления. Нельзя эту предпосылку, лишь начало движения мысли к рациональному познанию, объявлять методологически значимой. Именно по этим соображениям нам представляется неоправданным включение в понятие методологии методики и техники обработки эмпирического материала, а в понятие правовой методологии — правила законодательной техники и приемов правоприменительного процесса.

Но если методология является лишь учением о методах, то, спрашивается, куда же деваются сами методы? Возможно ли существование методологии без методов? Каким образом создается учение о методах вне самих методов? Что же касается опасений автора относительно смешения «предмета исследования с получаемым знанием о нем», то они не имеют под собой сколько-нибудь серьезных оснований, если исследователь стоит на позициях теории познания. Смешивать предмет исследования со знанием о нем, конечно же, недопустимо, но при чем здесь методы исследова-

ния? В состав знания о предмете, по мысли автора, входят, вероятно, и методы его исследования. Но тогда в методологию познания данного предмета включается не только учение о методах, но и сами методы.

Недостаточная ясность философской интерпретации понятия методологии возрастает тогда, когда в специальных отраслях науки небрежно воспроизводятся те или иные философские толкования этого понятия, и тем более тогда, когда пытаются сформулировать «собственное» определение методологии, без учета уже накопленных знаний о ней. Так, П. Е. Недбайло отмечал, что методология — это не система методов или учение о них, как утверждают отдельные философы, а наука о методе или методах исследования. Во-первых, методология не отдельная отрасль науки, о чем уже говорилось. Во-вторых, что означает в данном случае «или»? Само собой понятно, что методология не сводится к какому-либо одному методу, а поэтому «или» теряет какой-либо смысл.

Но если в данном случае просто воспроизводятся (с указанными неточностями) некоторые философские взгляды, то гораздо хуже обстоит дело, когда выдвигаются «самостоятельные», без учета философской литературы определения методологии¹. Так, К. Д. Петряев пишет: «Методология — это

---

¹ Мы отвлекаемся от тех нередко встречающихся в литературе «методологических обозначений», авторы которых, не обременяя себя трудом понять существо новых методологических идей и разработок, объявляют необходимым их незамедлительное внедрение в те отрасли науки, где они еще не получили распространения. В результате вместо раскрытия специфики применения этих идей и разработок к соответствующим объектам читателя пытаются ошеломить «осведомленностью» в области методологического знания. Еще более опасной является тенденция низведения методологии до эмпирического уровня или даже обыденного сознания. Показательным в этом отношении является изложение «методологических» проблем исследования политических систем в книге «Методологические проблемы общественных наук» (М., 1979. С. 292—297). Нельзя, конечно, отрицать (или недооценивать) эмпирический этап исследования, когда он является основой для достижения рационального познания. Но нельзя также и представлять дело так, будто уже первый этап исследования, без дальнейшего возвышения мысли до рационального уровня, является методологически значимым. Такое представление не только обесценивает богатейшие потенции науки, но и отвлекает от поиска новых гносеологических средств познания ее объектов.

система существенных аспектов мировоззрения и теории (или ряда теорий), определяющих исследовательские принципы науки»¹.

Здесь методология представлена в составе двух компонентов: мировоззрения и теории, связанных между собой системно. Но теория и есть мировоззрение, а мировоззренческое значение теории ни у кого сомнений не вызывает. Еще более неопределенным оказывается второй компонент — теория (или ряд теорий). Во-первых, отнюдь не всякая теория или даже ряд теорий обладает методологической значимостью, а лишь те, которые в силу своей общенаучности могут быть использованы в качестве ориентира в познании множества объектов (а не только тех, которые явились основой для создания данной теории). Во-вторых, если методология есть теория или ряд теорий, то, спрашивается, в чем же отличие методологии от любой теории? Автор пишет, что «методология не просто теория»; что «говоря о единстве теории и методологии, важно помнить, что каждая из них отличается своеобразием и их нельзя смешивать»². В результате получилось, что «теорию нельзя смешивать» с «не просто теорией», т. е. методологией, которая, однако, и есть теория. С еще большими неожиданностями мы сталкиваемся, когда в дальнейших рассуждениях автор предостерегает от толкования методологии как простой «совокупности» методов, как некой «кладовой методов», поскольку тогда «о ней не приходится говорить как о науке»³. Здесь методология из «определенных исследовательских принципов науки» превратилась в самостоятельную науку. Но тут же этот вывод опровергается заявлением о том, что методология — это не наука, а «генеральный путь познания». Что же касается методов (напомним, не имеющих отношения к методологии), то они лишь «определяют, как идти этим путем»⁴. Отличие методологии от метода автор усматривает в том, что первая «от-

¹ Петряев К. Д. Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1971. С. 8.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 16.

ражает наиболее общие, генеральные принципы мировоззрения», «синтезирует наиболее жизненные, подвижные и гибкие положения теории или ряда теорий», а второй (т. е. метод) «является частным, производным понятием»¹.

В. П. Кузьмин считает: «Существует определенное неудобство в параллельном употреблении понятий “методология” и “метод”, так как понятие “метод” ранее философами употреблялось как тождественное понятию “методология”. В современных условиях, когда “учение о методе” (т. е. методология) само дифференцируется и в нем появляется много конкретных представлений об отдельных частных методах, подходах, методологических принципах, а соответственно приходится анализировать их отношения (общего и частного и др.), происходит столкновение прежних и новых представлений об этом»².

К сожалению, вопреки этому справедливому замечанию (за исключением отождествления методологии с «учением о методе») автор продолжает, как он сам это оговаривает, пользоваться «прежним», т. е. устаревшим, понятием методологии.

Методология — явление интегральное, объединяющее в себе ряд компонентов: мировоззрение и фундаментальные общетеоретические концепции, всеобщие философские законы и категории, обще- и частнонаучные методы. Поэтому методологию нельзя сводить к одному из названных компонентов, в частности к методу или учению о методах, поскольку за ее пределами останутся другие компоненты. Но дело не только в этом. Методология вовсе не представляет собой простое суммирование теоретико-мировоззренческих концепций, принципов, методов и средств познания, выработанных отдельными отраслями науки. Подобно тому как невозможно лишь из совокупности эмпирических данных вывести теорию предмета науки, так и сумма компонентов методологии не образует ее системы.

---

¹ Петряев К. Д. Вопросы методологии исторической науки. С. 18.

² Кузьмин В. П. Место системного подхода в современном научном познании и марксистской методологии. Статья вторая. Принцип системности в методологии диалектического и исторического материализма//Вопросы философии. 1980. № 2. С. 50.

Методология как система не сводится к составляющим ее компонентам, она имеет и свои собственные (конечно же, относительно самостоятельные) интегративные закономерности развития. Эти закономерности обуславливают то, что компоненты методологии, будучи объединенными в органически целостную систему, вступают в связи, отношения и взаимодействия между собой и тем самым приобретают свойства, отличные от их единичного существования и действия: фундаментальные общетеоретические концепции пронизывают мировоззрение; методы познания, сохраняя относительную самостоятельность, вместе с тем выступают как учение о методах и соответствующих теоретико-гносеологических обобщениях; всеобщие философские законы и категории освещают применимость (или границы применимости) обще- и частнонаучных методов в конкретных исследованиях, равно как и последние обогащают арсенал философии, и т. д. и т. п. Одним словом, методология представляет собой сплав составляющих ее компонентов и выступает вовне, по удачному выражению В. П. Кузьмина, в виде своеобразного «свода законов» научного познания¹. Этот сплав образуется в основном из двух «диффузирующих» блоков методологического знания: теоретико-мировоззренческих концепций и системы методов познания различного уровня. Как справедливо подчеркивает С. А. Лебедев, «методологическое знание существует в двух основных формах: в виде методологических концепции, теорий и в виде отдельных методов, принципов, непосредственно входящих в саму структуру конкретно-научных теорий. Таким образом, методологическое знание одновременно находится и вне частнонаучного знания, и внутри него»².

Отсюда следует, что соотношение методологии и метода может быть представлено как диалектическое соотношение целого и части, системы и элемента, общего и отдельного. Каждый метод — это лишь часть, элемент, отдельное в целостной,

---

¹ См. там же.

² Лебедев С. А. Роль индукции в процессе функционирования современного научного знания//Вопросы философии. 1980. № 6. С. 87.

системной общенаучной методологии¹. Включая в себя множество различных уровней, методология не сводится к ним не только потому, что имеет в своем составе и другие компоненты, но также и потому, что обладает, в качестве общенаучного образования, определенными интегративными закономерностями макросистемного характера.

Из сказанного вытекают и те выводы, которые определяют нашу позицию по рассматриваемой проблеме.

Во-первых, методология вовсе не является самостоятельной (общей или частной) наукой, локальной отраслью научного знания, существующей изолированно от всей системы наук. Она возникла исторически и развивалась отнюдь не усилиями какой-либо одной науки, а всем комплексом научного знания; функциональное же назначение методологии состоит в обслуживании любого научного поиска. Иначе говоря, методология как по происхождению и развитию, так и по назначению и роли — это общенаучный феномен, внутренне имманентный науке в целом и каждой ее отдельной отрасли в частности. Этот феномен создан в результате синтеза всеобщего познания и призван обслуживать его вне зависимости от того, в рамках какой конкретной отрасли знания это познание осуществляется. Методологическое знание — это не некая особая наука наук, это не только всеобщее средство постижения бесконечных объектов науки, но и синтезированное следствие такого постижения. Однако всеобщность методологии не исключает, а, наоборот, предполагает ее «приспособление» к специфике исследуемых объектов.

Во-вторых, будучи познавательным базисом всей системы научного знания, методология имеет в качестве своих составляющих ряд компонентов. Это не только система методов, но и учение о них, не только определенная мировоззренческая позиция исследования, но и всеобщие теоретические принципы, не только общенаучные, но и частнонаучные ме-

---

¹ В. П. Кузьмин правильно отмечает, что «методология есть система оснований и методов научного познания, а всякое отдельное методологическое средство (подход, принцип, тип анализа) лишь относительно самостоятельная часть методологии» (Кузьмин В. П. Место системного подхода в современном научном познании...//Вопросы философии. 1980. № 2. С. 50).

тоды познания. Все эти компоненты органически между собой связаны, взаимопроникают и обогащают друг друга. Именно в силу таким образом понимаемой универсальности методология является интегральным руководством в научном познании и познавательным стержнем всякого исследования.

В-третьих, объединяя познавательные возможности всех наук, методология умножает и обогащает исследовательский потенциал каждой из них. Эти интегративные качества методология обретает благодаря тому, что ее ядром является философия — единство диалектики, гносеологии и логики. Это единство не следует понимать упрощенно, как их полное совпадение. Речь идет совсем о другом: нет, конечно, диалектики без гносеологии и логики, равно как нет гносеологии и логики без диалектики, но каждая из них несет на себе совершенно определенную методологическую нагрузку. Обобщенно говоря, одна и та же система законов и категорий в диалектике выступает в качестве мировоззрения и принципов познания объективного мира, в гносеологии — как средство решения конкретных познавательных задач и в логике — как форма научного мышления¹.

Единство диалектики, гносеологии и логики как методологического ядра в познавательном процессе выступает в качестве средства субъективного осмысления объективного развития, которое, в свою очередь, овладев массами, преобразуется благодаря общественной практике во «вторую объективность». В этом и состоит основной смысл единства онтологического и гносеологического.

---

¹ П. В. Алексеев по этому поводу отмечает: «Между диалектикой, логикой и теорией познания имеется полное тождество, когда в предмете философии... вычлняются только всеобщие законы развития; каждая из трех дисциплин в этом случае с полным правом может быть названа учением о всеобщих законах развития. Но за этими рамками они имеют свои предметные области, не покрываемые никакой другой; поэтому любая из них есть нечто большее, чем только наука о всеобщих законах развития. Если взить диалектическую логику, то она изучает всеобщие законы развития под углом зрения того нового, что можно извлечь из онтологического рассмотрения для способов и принципов познания» (Алексеев П. В. Предмет, структура и функции диалектического материализма. С. 133).

В-четвертых, структурно методология имеет несколько уровней, основными из которых являются: диалектико-мировоззренческий, определяющий главные направления и общие принципы познания в целом (высший уровень); общенаучный (междисциплинарный), используемый при познании особой группы однотипных объектов (средний); частнонаучный, применяемый в процессе познания специфики отдельного объекта (низший уровень), и, наконец, переходный от познавательной-теоретической к практически-преобразовательной деятельности, вскрывающей общие пути и формы внедрения результатов научных исследований в практику.

Нетрудно видеть, что данная структурная схема уровней методологии в принципе совпадает с уже выдвинутой в философской литературе, но дополняет ее, уточняет по содержанию и имеет более четкую организацию, где высший, средний и низший уровни методологии соотносятся с общим, особенным и отдельным в познавательном процессе. Кроме того, данная схема доводится до логической завершенности, указывая общие пути и формы воплощения результатов познавательной-теоретической деятельности на практике.

Вместе с тем следует заметить, что приведенная схема, конечно же, условна, поскольку между различными уровнями методологии существует органическая связь, взаимозависимость, соподчинение и взаимопроникновение. Так, тот или иной частнонаучный метод используется с учетом общенаучных методов исследования, обязательно основывается на всеобщих законах и категориях философии, направляется мировоззренческой позицией самого исследования (тем самым данная схема может быть изображена не только по вертикали, но и по горизонтали). В свою очередь всеобщие законы и категории философии, равно как и мировоззренческие установки, сами по себе ничего не дают для познания конкретных объектов. Познавательного успеха не достигнет тот, кто механически «прикладывает» их к исследуемым объектам в надежде получить соответствующие знания.

Методологические воззрения и методы обретают познавательную силу лишь в том случае, если они «переведены» на конкретные установки и требования, обусловленные природой самого объекта познания. Но дело не только в

этом. Ошибочным является также представление, будто использования одного метода философии вполне достаточно для познания изучаемого объекта. Философские методы действуют не изолированно друг от друга, а «все вместе», каждый метод «просвечивает» то одну, то другую сторону, черту, особенность исследуемого объекта, а в единстве — его целостность как в генетическом, историческом, так и в субстанциональном, содержательном, функциональном отношении. Это значит, что при исследовании того или иного объекта надо переходить от одного метода к другому, от «монометода» — к «полиметодам».

Наконец, предложенная схема дополняет традиционную тем уровнем методологического знания, который обозначен как переходный от научно-познавательного к непосредственно-практической деятельности по преобразованию природной и социальной среды. Поскольку этот уровень структуры методологии не рассматривается в имеющейся литературе, он подробно раскрывается в соответствующей главе монографии. Остается лишь добавить, что изложенное понимание методологии, по нашему убеждению, предпочтительнее изложенных другими авторами. Оно не только наиболее адекватно бесконечному богатству самой методологии, ее огромным и разносторонним потенциям в познании бытия и сознания, но и открывает широкий путь всем наукам в ее возвышении.

Такое понимание методологии имеет следующие преимущества:

— во-первых, философия рассматривается как теоретико-мировоззренческий плацдарм и как отправная система методов в правовых исследованиях;

— во-вторых, можно применять общенаучные положения и выводы междисциплинарных исследований в процессе познания правовой реальности;

— в-третьих, происходит ориентация на широкое использование в ходе правового исследования частнонаучных методов, как самостоятельно выработанных, так и тех, которые разработаны другими специальными науками;

— в-четвертых, расширяется проблематика методологии, что позволяет довести ее до логической завершенности; субъективное превращается в объективное, абстрактное —

в конкретное, правовая теория — в практику правового строительства;

— в-пятых, весь вышеотмеченный комплекс компонентов методологии значительно расширяет и углубляет средства обоснования и доказывания результатов, достигнутых в процессе правового исследования, внедрения научных знаний в практику.

Из изложенного вытекает и наше понимание методологии права и государства. Прежде всего необходимо сказать, что таких самостоятельных отраслей научного знания не существует. Возьмем, в частности, методологию права, поскольку проблемы методологии государства пока, к сожалению, не обсуждаются. Методология права есть не что иное, как общенаучный феномен, объединяющий всю совокупность принципов, средств и методов познания (мировоззрение, философские методы познания и учения о них, обще- и естественнонаучные понятия и методы), выработанных всеми общественными науками, в том числе и комплексом юридических наук, и применяемых в процессе познания специфики правовой действительности, ее практического преобразования.

Такая трактовка понятия методологии права не соответствует общепринятой в юридической науке. В литературе имеются прямо противоположные точки зрения: одна из них отрицает мировоззренческий, а следовательно, и методологический характер общей теории государства и права, а другая, наоборот, утверждает самостоятельное существование «методологической науки» в лице той же общей теории государства и права. Первая точка зрения основывается на том, что общая теория государства и права является специальной политико-правовой наукой, и в силу этого она не может быть мировоззренческой и философской¹. Однако лишение этой науки мировоззренческой функции противоречит ее фактической роли в общественной жизни и равнозначно отрицанию ее методологичности. Если, помимо всего прочего, общая теория государства и права является не только

---

¹ См., например: Гальперин Г. Б., Королев А. Л. Методологические и теоретические вопросы науки истории государства и права в СССР. Л., 1974. С. 23.

специально юридической, но и политической наукой, то уже в силу этого она не может не быть вместе с тем и мировоззренческой наукой, тем самым выполняющей методологические функции в системе юридических наук.

Что касается второй точки зрения, объявляющей общую теорию государства и права методологической наукой¹, то против нее мы и раньше возражали²; теперь же, уточняя нашу позицию, считаем, что лишь определенная часть, направление общей теории государства и права, а именно философия права, является методологической наукой.

Эта позиция еще более укрепилась в нашем представлении после того анализа, который был проведен выше при рассмотрении философских воззрений относительно «самостоятельного» существования методологической науки; если вообще не существует методологии в качестве самостоятельной отрасли науки, то тем более не может быть отдельной методологической науки в рамках системы юридических наук. Тем самым вовсе не принижается значение общей теории государства и права, а, наоборот, подчеркивается не только ее гносеологическое, но и онтологическое (социология права) значение в развитии юридической науки в целом.

Солидаризуясь с нашей прежней (ныне уточненной) позицией по данному вопросу, С. З. Зиманов пытается оперировать доводами, с которыми мы, к сожалению, согласиться не можем. Справедливо отметив, что решение о том, является ли общая теория государства и права «методологической наукой» или «наукой, имеющей методологическое значение» в системе юридических наук, принципиально важно, поскольку от этого зависит определение характера и функций самой науки, ее места и роли в системе правоведения, С. З. Зиманов указывает: «Познавательная роль теории права ограничена ее теоретическими конструкциями как познанными закономерностями правовой системы. Формирование методов в специальных науках происходит путем образования теории, через теории. А система теории в общем правоведении не со-

¹ См., например: Васильев А. М. Правовые категории. М., 1976. С. 19.

² См.: Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 29—30.

держит ни общих принципов и логических процедур познания, ни тем более требований и методов научно-теоретического мышления»¹.

Во-первых, познавательная роль теории права отнюдь не ограничена лишь «теоретическими конструкциями» онтологического порядка, она разрабатывает и гносеологические «конструкции», в частности тем направлением в общей теории права, которое именуется философией права. Во-вторых, возникает вопрос: каким же образом теории права удастся познать специфику своего предмета и создавать «теоретические конструкции» без специфической методологии их познания? Ведь хорошо известно, что методология познания есть аналог предмета или, вернее, познанного в этом предмете. В-третьих, общее правоведение содержит и общие принципы, и логические процедуры познания, и тем более требования и методы научно-теоретического мышления, например принципы и логические процедуры толкования права, сравнительного правоведения, правовой кибернетики и многие другие. Наконец, в-четвертых, и сам автор в противоречии с критикуемыми в данном случае положениями пишет: «Общая теория права не является методологической наукой, но она имеет методологическое, точнее теоретико-методологическое, значение для правоведения. Всякая теория, если она подлинная, т. е. выражает истинные закономерности реальных явлений, содержит в себе подход и способы освоения явления и его фрагментов. Общая теория права, содержащая в своем теоретическом арсенале познанные законы, принципы бытия и функции правовой системы в целом, располагает специальными правилами и способами оценки и освоения правовых норм, их системы и частей; следовательно, в системе правоведения она наука не только общетеоретическая, но и в этом смысле теоретико-методологическая. Методологическая роль общей теории права носит частнометодологический, предметно-методологический характер»².

---

¹ Зиманов С. З. Место общей теории права в советском правоведении//Советское государство и право. 1984. № 4. С. 13.

² Там же. С. 14.

Думается, автор изложил бы свою позицию более четко, если бы исходил из того факта, что теория права включает в себя два направления: социологию права и философию права.

Нельзя себе представлять дело так, будто общая теория права приобретает методологическое значение в системе отраслевых правоведческих наук лишь благодаря тому, что разрабатывает онтологически-фундаментальные концепции, а в сфере гносеологии ее задача ограничивается лишь «приложением» диалектики к познанию правовых явлений и процессов. То, что онтологически-фундаментальные концепции общей теории государства и права имеют методологическое значение для отраслевых государствоведческих и правоведческих наук, ни у кого не вызывает сомнения, поскольку теоретически бесспорны и практически доказаны историческим развитием данных наук. Что же касается гносеологической роли общей теории государства и права по отношению к отраслевым наукам данного комплекса, то речь здесь должна идти отнюдь не о механическом «приложении», а о творческом применении, о таком преобразовании философских законов и категорий, которое позволило бы проникнуть в специфику исследуемых объектов. Если бы такое применение сводилось к механическому «приложению» философских законов и категорий к указанным сферам науки и практики, то повышенный интерес к методологии был бы едва ли оправдан. В том-то и дело: применение философских законов и категорий предполагает их «приспособление», «переработку», «преобразование» согласно специфике этих сфер. Подобно этому, общая философия «переплавляется» в философию права как в одно из основных направлений общей теории государства и права (точнее, общей теории права и государства).

Из изложенного очевидна наша позиция о единстве, органической связи, взаимодействии и проникновении друг в друга онтологического и гносеологического направлений (частей) общей теории государства и права — социологии права и философии права.

Глава 2

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Вопрос о предмете философии права, равно как и любой иной науки, не так прост, как может показаться на первый взгляд. Еще Гегель справедливо указывал: «Понятие предмета не является природным нашим достоянием. Каждый человек обладает пальцами, может получить в свое распоряжение кисть и краски, но это еще не делает его живописцем. Точно так же обстоит дело и с мышлением. Мысль о праве не есть нечто такое, чем каждый обладает непосредственно; лишь правильное мышление есть знание и познание предмета, и наше познание должно быть поэтому научным»¹.

Каждый более или менее существенный этап в развитии науки всегда сопряжен с необходимостью возвращения к рассмотрению ее предмета². Это вполне закономерный процесс, поскольку само развитие не только влечет за собой количественное расширение и качественное изменение тех явлений, которые неизбежно включаются в орбиту исследования, но и представляет собой все более всестороннее и углубленное проникновение в эти явления, в их взаимосвязи и взаимоотношения. Научное овладение новыми объектами (или их свойствами), более высокий уровень их познания, необходимость системного подхода к ним и анализа во взаимодейст-

---

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VII. С. 19.

² И. С. Нарский считает: «Периодическое возвращение той или иной науки к рассмотрению своего собственного предмета с целью его уточнения свидетельствует о ее быстром развитии» (Нарский И. С. Еще раз о предмете и функциях философии марксизма//Философские науки. 1971. № 1. С. 84).

вии с другими отраслями знания со временем приводят к преобразованию науки.

Именно с такой ситуацией мы сталкиваемся в данный исторический период, стремясь определить предмет философии права как наиболее сложного, многогранного направления в правоведении, обслуживающего все ее отрасли.

Правовая реальность изучается не только юридическими, но и другими общественными науками. Один и тот же социальный объект оказывается в поле зрения многих отраслей общественного знания, что, однако, не означает совпадения их предметов. Общественные науки изучают, в частности, право на том или ином уровне, в том или ином аспекте, преследуют те или иные цели познания.

Правовая система, как и иные сложные социальные феномены, имеет в своем составе разнокачественные компоненты, различные подсистемы и многогранные в структурном и функциональном отношениях образования. В зависимости от того, какие из этих компонентов являются объектами изучения, и составляется соответственно предмет каждой отрасли общественного знания.

Юридические науки изучают общие, особенные и отдельные проявления правовой действительности, и в соответствии с этим определяется предмет каждой отдельной отрасли правового знания.

Из сказанного вытекает бесплодность попыток провести абсолютную разграничительную линию между предметами общественных и, в частности, юридических наук, поскольку сами общественные и правовые явления и процессы органически между собой связаны, взаимодействуют и взаимопроникают в ходе своего развития. Тем более невозможно провести такую разграничительную линию между предметами юридических наук, изучающими один и тот же объект — право. Однако это утверждение не означает, будто исключается возможность определения специфического предмета той или иной науки. Отграничение предмета одной науки от другой должно идти не только по линии расчленения объектов исследования, но и по аспектам, уровнями целям исследования в случаях совпадения их объектов. Например, природа, общество, человек, государство, право и т. д. являются объектами исследования множе-

ства наук, хотя уровень, аспект или цель их исследования в каждой науке особые, характерные для предмета именно данной науки. Даже в пределах единого комплекса юридических наук, изучающих право в различных проявлениях, довольно четко (но не абсолютно) обнаруживается отличие предмета каждой ее отдельной отрасли. Без такого отличия юридическая наука выглядела бы как бесформенное нагромождение разнорядковых правовых объектов.

Философия права представляет сложный симбиоз философии, социологии, общей теории права, отраслевых юридических и ряда иных наук. Поэтому определение ее предмета первоначально предполагает выяснение соотношения и взаимодействия с этими науками, что позволит вскрыть общность и различие их назначения и роли в познании права. Начнем с анализа соотношения и взаимодействия философии, социологии и общей теории права (в состав которой входит и философия права, что будет обосновано в дальнейшем). Эта задача осложняется тем, что сама философия внутри себя делится на два основных направления, исследующих философию природы (философия естествознания) и философию общества (социальная философия), разделяясь в этих рамках на онтологическое и гносеологическое направления (так называемые исторический материализм и диалектический материализм). Кроме того, от философии уже отпочковались, но органически с ней связаны ряд наук, развивающихся относительно самостоятельно (например, этика, эстетика и др.). Эта довольно сложная структура философии предполагает необходимость выяснения как предмета социальной философии, поскольку право является социальным феноменом, так и предмета теории познания, поскольку философия права является гносеологическим направлением общей теории права (что будет обосновано в дальнейшем).

Так называемый исторический материализм, твердо вошедший в отечественный научный оборот, есть фактически не что иное, как общая социология — наука об обществе в целом¹.

---

¹ Еще В. С. Немчинов отмечал, что «исторический материализм и есть марксистская социология» (Немчинов В. С. Избранные произведения. Т. I. М., 1967. С. 374).

В этом легко убедиться, сравнив проблематику исторического материализма и общей социологии (бытие и сознание, базис и надстройка, производительные силы и производственные отношения, классы и классовая борьба, национальное и интернациональное, революция и контрреволюция и т. д.)¹.

Ф. Энгельс заключал, что применяет «выражение “исторический материализм” для обозначения того взгляда на ход всемирной истории, который конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий находит в экономическом развитии... в вытекающем отсюда разделении общества на различные классы и в борьбе этих классов между собой»².

Допустимо, конечно же, применять различные «выражения» (в том числе, например, и «исторический идеализм») для более четкой формулировки мысли, но возводить подобного рода выражения в ранг самостоятельной науки нет оснований, тем более тогда, когда уже существует наука — социальная философия или общая социология (что одно и то же), которая призвана исследовать те же проблемы, что и «исторический материализм». Другое дело, что приоритет «исторического материализма» в отечественном обществоведении был настолько безусловен, непререкаем и абсолютен, что общей социологии не оставалось ничего иного, как заняться преимущественно конкретно-социологическими методами исследования (хотя, как известно, один из методов, каким бы важным и эффективным он ни был, не может быть положен в основу предмета той или иной науки). Что же касается «хода всемирной истории», «всех важных исторических событий», то это предмет исторической науки и, если угодно, марксистской общей социологии, рассматривающей эти «ход» и «события» не в историческом, а в логическом осмыс-

¹ Дискуссия о предмете социологии, проведенная на страницах журнала «Социологические исследования» и в других изданиях начиная с 1991 г. и в последующие годы, обогатила социологическую науку множеством новых, оригинальных и плодотворных идей, но, увы, не коснулась вопроса о соотношении общей социологии и «исторического материализма». Видимо, это не позволила сделать устоявшаяся традиция.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 305—306.

лении. Это подтверждается и современным развитием общей социологии, все больше охватывающей и поглощающей проблематику «исторического материализма».

«Исторический материализм» определяется и как распространение диалектики на социальные явления и процессы. Но такое распространение не есть исключительная прерогатива лишь «исторического материализма», поскольку при исследовании явлений и процессов, происходящих в обществе, диалектика используется не только материализмом, но даже — и в не меньшей мере — идеализмом.

Итак, тенденция развития общественных наук исключает «исторический материализм» в качестве самостоятельной научной отрасли знания и восстанавливает общую социологию в ее истинном предназначении.

Общая социология является наукой об основных и главных закономерностях общества как единого целостно-системного образования, о его истории в логической интерпретации, о современном состоянии и перспективных тенденциях развития. Осуществляя глобальный синтез всех отраслей обществоведческого знания, она обогащает себя и вместе с тем вооружает каждую из этих отраслей всеобщей теорией общества, на основе и в соответствии с которой каждая отраслевая общественная наука изучает свой специфический предмет как часть (или тот или иной уровень познания) общественного целого.

Однако было бы ошибочным полагать, что общая социология есть простая сумма выведенных за скобки общих положений обществоведения, совокупность его голых абстракций, застывших догм, мертвых схем и моделей. Общая социология развивается (должна развиваться), постоянно обогащаясь новыми достижениями отраслевых обществоведческих наук, и, обобщая эти достижения, создает концепцию общественного развития в его целостности, единстве и системности. С другой стороны, глобальный синтез всех отраслевых общественных наук вовсе не означает превращения общей социологии в единственную науку об обществе или в науку всех общественных наук. Он означает лишь ту закономерность развития науки вообще, когда одна из ее отраслей призвана осуществлять функцию интеграции всех других, обобщая, синтезируя их основные, главные, наиболее

значимые достижения. Конкретизируя эти достижения в снятом виде, общая социология создает целостно-системную картину общественного бытия. И этот процесс вполне закономерен, о чем свидетельствует история науки: дифференциация и интеграция наук всегда протекали параллельно, отпочкование одной науки от другой сопровождается в перспективе их слиянием на более высоком теоретическом уровне. Подобная закономерность, как будет показано в дальнейшем, действует и в отношении различных отраслей и направлений правоведения.

Целостно-системная картина общественного бытия — это образ объективной реальности, жизнедеятельности общества, фиксирующий его главные, основополагающие, существенные признаки, принципы, тенденции закономерного развития. Эвристическая роль формирующейся картины состоит не только в том, что она не только помогает каждой отраслевой общественной и специальной социологической науке видеть и учитывать свой предмет в контексте целого, но и ориентирует на междисциплинарное исследование общественных явлений и процессов.

Следовательно, общая социология в системе общественных наук играет ведущую роль. Во-первых, она выступает в качестве обобщающей, логико-синтезирующей науки, впитывающей в себя наиболее значимые достижения отраслевых общественных наук, и прежде всего отраслевой социологии. Во-вторых, общая социология является теоретико-методологической основой для развития отраслевых общественных и специальных социологических наук. Помимо общетеоретической концепции общественного развития, она разрабатывает — особенно интенсивно в последние десятилетия методологические основания — принципы, методы, используемые как ею самой, так и отраслевыми общественными и специальными социологическими науками для более углубленного и всестороннего познания соответствующих объектов. При этом общая социология, естественно, взаимодействует с философией, исследующей проблемы теории познания, гносеологии и диалектики, и опирается на нее.

Аналогичную функцию выполняет и общая теория права, но на более конкретном уровне, т. е. в рамках отраслевых

юридических наук. Она, во-первых, интегрирует, систематизирует и обобщает знания и достижения отраслевых юридических наук и тем самым создает целостно-системную картину правовой жизни общества; во-вторых, осуществляя глобальный синтез всех отраслей юридической науки, обогащает себя и вместе с тем вооружает каждую из этих отраслей всеобщей концепцией права, на основе и в соответствии с которой каждая отраслевая юридическая наука исследует свой специфический предмет как часть (или уровень) правового целого.

Отсюда вытекают и другие признаки общей теории права, аналогичные признакам общей социологии: она не является единственной юридической наукой, не претендует на роль науки для всех юридических наук, не есть простая сумма выведенных за скобки общих положений правоведения.

Отмеченная тождественность (хотя и на различных уровнях) общей социологии и общей теории права обуславливает необходимость рассмотрения их взаимосвязи и взаимодействия (вопросы же структуры общей теории права, ее взаимосвязи и взаимодействия с отраслевыми юридическими науками будут рассмотрены ниже).

Взаимодействие наук вообще является необходимой и актуальной потребностью развития самой науки, повышения качества, эффективности и результативности научных исследований. Оно обусловлено объективными причинами: не только внутренней логикой и тенденциями развития науки, но и запросами практики. Современная общественная практика ставит перед наукой такие комплексные задачи, которые не в состоянии решить порознь каждая отдельная отрасль знания. Их решение возможно лишь при сотрудничестве, проникновении одних в другие и взаимодействии наук, в частности общей социологии и общей теории права. Приходится, однако, признать, что такое сотрудничество, взаимопроникновение и взаимодействие пока не налажено.

Общая социология выступает по отношению к общей теории права не столько в роли стабилизатора стереотипов юридического мышления, сколько в качестве катализатора и стимулятора развития этой теории. Общая социология в силу своего предназначения обязана быть «возмутителем спокой-

ствия» применительно к общественным наукам, в том числе и к общей теории права; ставить перед ними новые задачи, цели, проблемы.

Эту миссию общая социология пока выполнить не в состоянии, поскольку только еще начинает освобождаться из плена устоявшихся традиций и догм мышления. Более того, стандартная тематика «исторического материализма», автоматически перешедшая в общую социологию, свидетельствует о множестве пробелов в познании реальной действительности. Ограничимся лишь одним примером. Известно, что природа и общество органически между собой связаны, составляя единство объективного мира. Это обуславливает необходимость при изучении общества учитывать и закономерности развития природы. В предмете общей социологии должны найти место также явления и процессы природы, во всяком случае социальные аспекты влияния природной среды на общественное развитие, а именно: социальный генезис, содержание и последствия воздействия природы на общество и общества на природу. Отсюда вытекают и такие глобальные проблемы общей социологии, как экологическая, демографическая, национальная, защита окружающей среды, воздействие человека на природу, создание «второй природы», биосоциальная природа самого человека, а также проблемы биосоциологии, биоэтики и многие другие.

Общая социология занимается этими проблемами, но далеко не достаточно. В решении обозначенных проблем заинтересованы и специалисты по общей теории права; ее проблематика в современную эпоху значительно расширяется. Разумеется, объектами исследования являются объективные закономерности развития правовых явлений и процессов, но для того чтобы проникнуть в их глубинную сущность, овладеть ими наиболее полно, необходимо изучить и другие смежные объекты: влияние природных условий на характер правовой системы того или иного общества, воздействие природных факторов на правотворчество и правореализацию, правомерное или противоправное поведение (действие или бездействие), правовое стимулирование научно-технического прогресса, правовая охрана природной среды, правовое регулирование отношений в связи с освоением космоса и т. д.

К сожалению, каждая из наук, в данном случае нас интересующих, до сих пор не выходит из своей «квартиры». Казалось бы, с общественных наук теперь уже снят тотальный пресс, в течение более чем полувека давивший свободу мысли, подчинявший ее господствующей идеологии и политике, которые сами по себе были менее всего научно обоснованными. Однако было бы наивно полагать, что высвобождение из-под пресса давления на мысль вполне достаточно для незамедлительного свободного творчества, ибо оно предполагает не только разрыв с воинствующим догматизмом, стандартными формами мышления, но и овладение новейшими достижениями мировой науки, ее методологическими возможностями. Такое преобразование научного мышления лишь на первый взгляд кажется простым и легким делом. Долгие годы насилия над мыслью закрепили ее настолько, что выход из этого состояния потребует огромных усилий и продолжительного времени¹. И этот процесс окажется тем успешнее, если само мышление будет энергично стремиться к освобождению, выйдет на широкие просторы свободного творчества, использует его для критического анализа действительности, для вдохновения и смелых дерзаний в постановке и решении новых проблем общественного прогресса.

Распространенное мнение об «абстрактности» философии, общей социологии, общей теории права и особенно философии права, обобщенно отражающих реальную действительность общественной и, в частности, правовой жизни, нельзя понимать в том смысле, что эти науки не интересуют конкретные общественные и правовые явления, процессы, ситуации и факты. При обобщении этих конкретностей указанные науки не могут отвлекаться от них. Без опоры на конкретность невозможно образование научных абстракций, исключается аргументация положений и выводов философско-социологических и правовых исследований. При этом,

---

¹ Печально-губительную роль в этом отношении играет государство, которое не в состоянии использовать новейшие достижения науки. Ученые могут обращаться к государству от имени знания, но если первое не слушает вторых, а непрофессионально их поучает, то крах такого государства неизбежен.

однако, данные науки должны учитывать не только статичное состояние исследуемых объектов, но и их движение, развитие, преобразование. И решение этой задачи не может не иметь абстрактного характера, выраженного в прогнозах. Если к тому же иметь в виду и то обстоятельство, что общественных, в том числе и правовых, явлений, процессов, ситуаций и фактов великое множество, что они находятся в определенной целостной системе, органически взаимосвязаны, взаимодействуют и проникают друг в друга, то все это бесконечное многообразие невозможно выразить иначе, как через абстракцию. Поэтому научная абстракция, будучи единством многообразного, сама по себе оказывается конкретнее любой созерцательной конкретности. И только такая научная абстракция, синтезирующая, в частности, конкретные правовые явления, процессы, ситуации и факты, обретает доказательную силу, имеющую существенное значение в юрисдикционной практике. Выбор правовых конкретностей для обобщения не должен носить необоснованный характер, нельзя произвольно «выдергивать» эти конкретности из их целостно-системной правовой реальности. В огромном массиве правовых явлений, процессов, ситуаций, фактов привлекаются лишь те, которые типичны, имеют принципиальное, важное значение для характеристики состояния и развития права. Лишь обобщение таких конкретностей в правовой абстракции приобретает доказательность, которой руководствуется практика.

Эти общетеоретические положения, равно как и соотношение, взаимодействие иных наук (психологии, естествознания, кибернетики и др.) с правоведением и, в частности, с философией права, будут развиты и конкретизированы в последующих рассуждениях. Но прежде необходимо более определенно выяснить предмет философии права и ее соотношение, взаимодействие с философией, общей теорией права и отраслевыми юридическими науками.

Глава 3

ФИЛОСОФИЯ И ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА

Философия включает в себя органически между собой связанные социальную философию и методологию познания бытия. Функции первой выполняет общая социология, второй — собственно философия.

Общая социология рассматривает наиболее общие закономерности, взаимосвязи и взаимодействие всех общественных явлений с точки зрения их места в общем историческом движении. Она исследует также и такой общественный феномен, как право, но не для того, чтобы подменить общую теорию права, а для того, чтобы, опираясь на данные и выводы этой науки, определить место права в общем историческом развитии. Тем самым общая социология служит теоретической базой для всех общественных наук, в том числе и юридической науки, а собственно философия — методологическим фундаментом и ориентиром для этих наук. В лице философии юридическая наука, и прежде всего общая теория права, обретает подлинно научную теорию и методологию познания сложных правовых явлений и процессов. На основе этой теории и методологии общая теория права определяет закономерности возникновения и развития права, механизм функционирования и формы регулирующего воздействия на общественные отношения, разрабатывает основные категории юридической науки.

Право подчиняется общим объективным закономерностям развития общества, изучаемым общей социологией. Вместе с тем, будучи относительно самостоятельным звеном общественной жизни, право имеет свои закономерности, которые оказываются специфическими по отношению к общесоциальным закономерностям и одновременно общими по отноше-

нию к тем конкретным закономерностям, которые действуют в пределах отдельных сфер правовой жизни (и которые изучаются отраслевыми юридическими науками). В соответствии с этим общая теория права изучает как общие закономерности общественной жизнедеятельности, определяющие развитие правовых явлений, так и те относительно самостоятельные специфические закономерности, которые вместе с тем являются общими для всех частей правового механизма. Отсюда логически вытекает, что общая теория права должна не только опираться на теорию общей социологии, но и разрабатывать на ее основе те конкретно-теоретические принципы, которые позволяют углубляться в исследование правовой действительности. Аналогично этому она должна не только опираться на собственно философию, но и разрабатывать на ее основе методологические принципы, которые обеспечивают углубленное познание явлений и процессов правовой действительности. Следовательно, общая теория права представляет собой науку, которая по сравнению с общей социологией и собственно философией является более конкретной ступенью в познании реальностей правовой жизни.

Степень обобщения явлений и процессов в научных понятиях и определениях зависит, как известно, не только от уровня развития соответствующей науки, но и от назначения этих понятий и определений. Так, если в философии признаются достаточными наиболее общие понятия и определения правовых явлений и процессов для познания, объяснения и характеристики всеобщих закономерностей общественного развития, то общая теория права такими понятиями и определениями удовлетвориться не может, так как назначение этой науки состоит, помимо всего прочего, в методологическом «обслуживании» отраслевых юридических наук. А это означает, что общая теория права должна не только проникать в суть соответствующих правовых явлений и процессов, но и вскрывать их особенное, специфическое содержание, формы внутренней организации и внешнего выражения, условия их функционирования, осуществления, результативности и т. д. Таким образом, общая теория права наряду с включением в сферу своего предмета всеобщих научных законов развития права, исследуемых философией,

вскрывает и формулирует особые, специфические научные законы развития права. Именно в этом смысле общая теория права является более конкретной ступенью познания права по сравнению с философией.

Однако отграничение общей теории права от философии следует проводить не только по степени конкретности познания, но и по различию аспектов изучения права этими науками. Объектом изучения философии являются всеобщие законы возникновения, формирования и развития общества как целостно-системного социального организма. Но сущностью не исчерпывается все богатство содержания и формы явления или процесса. Поэтому познание сущности права отнюдь не исключает, а, наоборот, предполагает необходимость всестороннего изучения объективных специфических закономерностей этого особого, относительно самостоятельного общественного явления специальными науками.

Данные положения пока не обнаруживают в полной мере разграничительной линии между предметами философии и общей теорией права, поскольку указывают на специфику всего комплекса юридических наук, а не специально общей теории права, которая изучает не только содержание и формы правовых явлений и процессов, но и — как философия — также их сущность. Действительно, общая теория права изучает общие закономерности развития права, действующие во всех социально-экономических формациях, а также закономерности, выражающие взаимоотношения права со всеми другими сферами общественной жизни. Но в отличие от философии общая теория права изучает также и специфические закономерности, существующие и действующие внутри самого права, закономерности взаимодействия компонентов его внутренней системы, структуры, механизма функционирования и т. д. Этим и определяется специфический, по сравнению с философией, аспект исследования правовых явлений и процессов, осуществляемый общей теорией права. Поэтому в общей теории права закономерные связи правовых явлений и процессов с другими факторами общественной жизни изучаются уже обогащенные познанием их внутренних взаимных отношений.

Итак, вооружая общую теорию права и другие юридические науки всеобщими методами научного познания общественной

жизни, философия составляет их методологическую базу, основание, фундамент, проникает в эти науки, пронизывает собой их содержание. В свою очередь общая теория права, равно как и другие юридические науки, дает конкретный материал для широких философских и общесоциологических обобщений, необходимых для дальнейшего совершенствования диалектики социального познания и действия.

Наконец, общая теория права отличается от философии сферой действия и функциональным назначением. Если философия является общетеоретической и методологической основой для всех общественных наук, то сфера действия общей теории права значительно уже; она призвана «обслуживать» лишь комплекс специальных, отраслевых юридических наук. Общая теория права возникает и действует «на стыке» философии и отраслевых юридических наук. И это вполне естественно, поскольку всякое познание предполагает несколько «срезов», ступеней, уровней обобщения исследуемых объектов. В частности, от познания отдельных, конкретных, непосредственных проявлений правовой действительности правоведение в целом поднимается до обобщения их специфических особенностей в общей теории права. Эти обобщения используются философией в качестве основы для более высокого уровня обобщений, для определения места и роли права во всеобщем историческом развитии общества.

Кроме того, общая теория права, имеющая своим ядром философию, наряду с ней включает в свой предмет как общенаучные, так и частнонаучные методы исследования и тем самым также отличается от предмета философии. Следовательно, общая теория права шире философии, поскольку включает в свой предмет не только законы и категории философии, но и нефилософские обще- и частнонаучные методы, необходимые ей для познания правовых явлений и процессов. Вместе с тем общая теория права уже философии, поскольку разрабатывает пути, методы и средства познания не всего бытия, а лишь ограниченную сферу этого бытия — правовую действительность.

Глава 4

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА И ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Современное состояние общей теории права предстает в виде преимущественно социологического истолкования правовой реальности, поскольку воспроизводит ее объективное состояние, изменение, развитие и совершенствование. Вместе с тем в недрах общей теории права постепенно происходит зарождение и становление нового философского направления, обращенного к самому себе, к тому, каким путем, методами и способами познаются правовые объекты. Общая теория права приобретает способность проверять, оттачивать и обогащать свой познавательный арсенал и тем самым создавать предпосылки для перехода на качественно новую ступень освоения правовых явлений и процессов. Это новое направление — философия права, вопрос о предмете которой является дискуссионным. Различные авторы определяют предмет данного направления по-разному, и поэтому он лишается четкости и однозначности¹.

Оставляя в стороне критический анализ этих определений, сформулируем нашу позицию по данному вопросу и тем самым выразим отношение к иной трактовке интересующего нас предмета.

Исторически философия права родилась в недрах общей теории права или, во всяком случае, развивалась параллельно с ней. Так или иначе, но философия права представляет собой науку, органически связанную с общей теорией права.

---

¹ См., например: Лукич Р. О философии права. Белград, 1978.

На наш взгляд, общая теория права включает в себя две основные части: социологию права и философию права, водораздел между которыми проходит, условно говоря, по линии онтологического и гносеологического познания правовых объектов, явлений и процессов¹. Эта линия действительно носит условный характер, и прежде всего потому, что не может быть онтологии вне гносеологии, равно как и наоборот. Именно поэтому и социология права, и философия права являются составными частями, направлениями одной науки — общей теории права. Но каждая из этих частей, направлений в силу специфики своего предмета обладает относительной самостоятельностью, автономностью.

Довольно длительный период времени общая теория права выступала в качестве онтологической теории (социологии права). Постепенно и все в большей мере в ее рамках возникали вопросы о том, какими путями, методами и способами происходит самопознание правовых явлений и процессов, какова их гносеологическая природа. Именно эти вопросы и очертили круг интересов философии права².

Подобная тенденция естественна для исторического развития любой науки, когда периоды, характеризующиеся накоплением преимущественно онтологического материала, неизбежно сменяются периодами его гносеологического осмысления, обобщения и систематизации. Именно благодаря процессу гносеологизации наука приобретает способность «взглянуть на себя со стороны», проверить, отточить и обогатить арсенал своих инструментов и тем самым создать предпосылки для перехода на качественно новую сту-

---

¹ Ю. В. Тихонравов ошибочно утверждает, что «Д. А. Керимов и его последователи отождествляют теорию права с социологией» (Тихонравов Ю. В. Основы философии права. М., 1997. С. 39). Мы вовсе этого не делаем, что очевидно из последующего изложения нашей позиции. Речь идет не о социологии вообще, а о социологии права как одном из основных направлений общей теории права.

² Ф. В. Тарановский отмечал, что философия права «сводит философский элемент к так называемой гносеологии, т. е. теории познания, и полагает особую задачу философии права в исследовании особенностей теории познания правовых явлений» (Тарановский Ф. В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 10).

пень изучения действительности. То же самое происходит с общей теорией права: постепенно, шаг за шагом происходит зарождение и становление нового направления в лоне самой общей теории права — философии права, которую можно охарактеризовать как разработку логики, диалектики и теории познания правового бытия. Это направление не только раскрывает механизм регуляции познавательной деятельности ученого, направляет по правильному пути исследовательский процесс, оптимизирует и рационализирует его, но и в контексте исторически развивающейся культуры является показателем достигнутого уровня самосознания общей теории права и ее познавательных потенций. Философия права, таким образом, выступает, с одной стороны, предпосылкой исследования, определяющей движение мысли к истине правового бытия, а с другой — сама является итогом работы познавательной мысли. При этом оказывается, что гносеологическое содержание философии права отнюдь не менее ценно, чем добытые социологией права конкретные онтологические знания реального бытия права.

Подводя итог вышеизложенным соображениям, мы приходим к следующим выводам относительно предмета философии права.

Во-первых, философия права органически связана с философией, является как бы ее ответвлением, но вместе с тем и отличается от философии, проникая в специфику познания лишь правовых явлений и процессов, используя не только всеобщие законы и категории диалектики, но также общенаучные и частнонаучные методы. С одной стороны, она органически связана с комплексом юридических наук, будучи одним из ее направлений, а с другой — отличается тем, что выполняет специальные гносеологические функции, являясь теорией познания, логикой и диалектикой развивающегося права.

Во-вторых, будучи познавательным базисом всей системы юридических наук, философия права — наука многослойная, имеет в своем составе ряд компонентов. Это не только система методов, но и учение о них, не только общенаучные, но и частнонаучные средства познания, не только общие, но и специальные способы познания. Все компоненты связаны между собой, взаимопроникают и обогащают друг друга, со-

здавая то синтезированное образование, которое именуется философией права. Именно в силу универсальности философия права является интегральным руководством в научном познании и познавательным стержнем любого правового исследования.

В-третьих, объединяя познавательные возможности всех юридических наук, философия права умножает и обогащает исследовательский потенциал каждой из них. Эти интегративные качества философия права обретает благодаря тому, что ее ядром является философия — единство диалектики, гносеологии и логики.

Комментируя сказанное, необходимо отметить также, что право — это не только юридический, но и социальный феномен. Оно определяется в конечном счете экономическими отношениями, испытывает на себе прямое воздействие политики, морали, культуры, — одним словом, всей духовной жизни общества. Поэтому в процессе формирования и развития философии права использовались и используются не только всеобщие методы диалектики, но и те общенаучные понятия и частнонаучные методы, которые были выработаны смежными науками. В результате возникает методологическое поле, накапливаются методологические знания в юридической науке как синтез познавательных средств не только данного направления, но и других наук, прежде всего философии, а также общенаучные и частнонаучные понятия и методы других наук, пригодные для познания специфики правовых явлений и процессов. Тем самым образуется определенная структура философии права, аналогичная структуре общенаучной методологии: диалектический, обще- и частнонаучный, практически-преобразовательный уровни.

Итак, философия права выступает в качестве фундаментального основания любого правового исследования.

Изложенные выводы о предмете философии права нуждаются в дополнениях. Во-первых, правовая теория и юридический метод органически взаимосвязаны. Нет правовой теории без юридического метода, равно как и наоборот. Более того, юридический метод, по существу, та же правовая теория, но обращенная к исследовательскому процессу, к поиску, обнаружению, приращению нового правового знания.

Именно поэтому юридический метод не является предначертанием, озаряющим исследователя извне. Он вытекает из особенностей самого объекта познания, из его собственной внутренней логики. Именно поэтому противостоят друг другу не правовая теория и юридический метод, но еще не познанные и подлежащие познанию объекты и юридический метод. Основываясь на внутренней логике исследуемого объекта, юридический метод овладевает им и создает его правовую теорию, погружается в нее и тем самым утверждает основание для дальнейшего движения правового познания соответствующих объектов. Следовательно, «душой» юридического метода является правовая теория познаваемого объекта. Но если суть юридического метода — правовая теория, то философия права не может существовать как «безобъектная» доктрина, все предначертания которой сводятся к априорным умозрительным постулатам; если, далее, юридический метод снимается и погружается в правовую теорию данного объекта; если, наконец, юридический метод и правовая теория составляют единый сплав, то, очевидно, исключается существование этого метода вне самого объекта познания. Поэтому исключается возможность существования и самой философии права как абсолютно независимой от других наук, и прежде всего от общей теории права.

Современная наука переживает подъем благодаря интеграции, слиянию, объединению различных наук и их познавательного инструментария. Этот процесс, постепенно охватывающий и юридическую науку, приводит к плодотворным результатам, возникновению множества новых и оригинальных методологических направлений именно на стыке наук.

Всестороннее познание права, углубленное проникновение в его сложные явления и процессы невозможно в рамках юридического догматизма. Юридические концепции типа «чистого учения о праве» отживают свой век. Лишь в единстве и органической связи с закономерностями и тенденциями общественного развития в целом могут быть поняты и объяснены, развиты и преобразованы правовые системы, институты и отношения, отвечающие современным потребностям социального прогресса. Это означает не только их узкоюридическое, но и значительно более широкое видение, прежде

всего философское и социологическое, историческое и экономическое, политическое и психологическое, этическое и аксеологическое¹. Отсюда и объективно необходимое, неизбежное и неотложное веление нашего времени — сотрудничество всех отраслей обществоведения в комплексном познании социальных объектов, в том числе и правовых.

В связи с изложенным надлежит коснуться также предмета социологии права. В нашей (как, впрочем, и зарубежной) литературе иногда утверждается самостоятельность данной науки и даже ее выход за пределы правоведения. Ни первое, ни тем более второе не выдерживает критики. Судя по заявлениям отдельных авторов, предметом социологии права являются те же правовые объекты, явления и процессы, изучаемые на том же уровне, что и в общей теории права (сущность права и социальный механизм его действия, эффективность законодательства и правоприменительной деятельности, правосознание, законность, престиж права и т. д.).

Возникает естественный вопрос: в чем же отличие социологии права от общей теории права? Ответ, между тем, очевиден: социология права является не чем иным, как одним из основных направлений (наряду с философией права) общей теории права. Нельзя сводить социологию права лишь к эмпирическому уровню познания, осуществляемого конкретно-социологическими методами²; она возвышается над этим уровнем и достигает рационального осмысления правовой реальности. Здесь обнаруживается та же аналогия, что и в соотношении общей социологии и общей теории права: социология права, основываясь на общей социологии, изучает конкретные проявления общественной жизнедеятельности

---

¹ Заметим, кстати, что правовая аксеология менее всего разработана в отечественной юриспруденции (см., например: Нерсесянц В. С. Философия права: Учебник. М., 1997. С. 53—61).

² В. В. Лапаева справедливо замечает: «Без использования теоретического потенциала юридической науки социология права не может, на мой взгляд, обрести статус полноценной научной дисциплины и будет представлять собой комплекс эмпирических исследований, не выходящих на фундаментальные проблемы правовой жизни общества» (Лапаева В. В. Социология права: в поисках новой парадигмы//Государство и право. 1992. № 7. С. 20).

в правовой сфере, имеющие общую значимость для всех отраслевых юридических наук. Именно поэтому она и является составной частью, одним из основных направлений общей теории права. И именно поэтому странным выглядит утверждение, будто общее и конкретное изучение права выходит за пределы правоведения.

Что же касается конкретно-социологических методов исследования правовых объектов, явлений и процессов, то они отнюдь не единственные; наряду с ними социология права использует и множество иных, не менее важных методов, способов и средств познания. Кроме того, использование конкретно-социологического метода вовсе не является привилегией лишь социологии права, — он используется (или должен широко использоваться наряду, разумеется, с другими методами) в познании конкретных проявлений соответствующего законодательства и в обобщении практики его применения, реализации вообще¹.

Переживаемый ныне Россией кризисный период отодвинул познание многих основополагающих, фундаментальных проблем развития науки на второй план. Но со временем неизбежная стабилизация (и, будем надеяться, прогрессивное развитие) обстановки в стране потребует такого рода исследований, которые будут способствовать укреплению законности, повышению уровня социологической и правовой культуры нашего народа. Это побуждает уже сейчас проводить подготовительную работу, в которой, смею надеяться, положительную роль сыграют и изложенные в данной монографии соображения.

---

¹ См., например: Казимирчук В. П. Право и методы его изучения. М., 1962.

Глава 5

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА И ОТРАСЛЕВЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Благодаря тому что общая теория права является обобщающей наукой в системе юридических наук, она и приобретает через философию права методологическое значение в этой системе. Именно философия права, используя прежде всего всеобщие диалектические методы в их приспособленном для познания правовых явлений и процессов виде, обеспечивает методологическое единство отраслевых юридических наук.

Из того факта, что всеобщими диалектическими методами пользуются и все другие науки, в том числе и отраслевые юридические, нельзя делать вывод, в частности, о том, что не только философия права, но и все юридические науки имеют методологические функции. Конечно, отраслевые юридические науки могут вырабатывать (и нередко вырабатывают) отдельные методологически значимые для ряда частных проблем положения, но отсюда не следует, что функциональное назначение этих наук состоит в разработке методологии правоведения. Задача же философии права именно в том и состоит, чтобы разрабатывать методологию всех правовых явлений и процессов, в том числе и тех, которые изучаются отраслевыми юридическими науками. И именно философия права обладает в большей мере, чем любая другая отрасль или направление юридического знания, методологической значимостью, выполняет основные методологические функции в системе юридических наук. Эта роль философии права обусловлена тем, что благодаря ей создаются методологические основания для всего правоведения, для всех отраслевых юридических наук, вырабатываются общие принципы, пути и методы познания, использования и преобразования правовой действительности,

применяемые всеми отраслевыми юридическими науками в процессе исследования специальных правовых объектов.

Ведущая методологическая роль философии права в системе юридических наук вовсе не исключает, а вполне допускает разработку отраслевыми юридическими науками методологических проблем, которые нередко достигают не только общетеоретического, но и философско-правового уровня (например, проблемы вины и ответственности в гражданском и уголовном праве). Наряду с этим отраслевые юридические науки разрабатывают частнонаучные методы исследования специальных правовых объектов, которые, при их общей значимости, включаются в философию права.

Если комплекс юридических наук онтологически воспроизводит картину правового бытия как целостно-системного знания, то философия права трансформирует и преобразует это знание в гносеологические средства освоения этого бытия. Иначе говоря, философия права использует добытые отраслевыми юридическими науками знания для дальнейшего, более всестороннего и глубокого познания правовой действительности и перспектив ее совершенствования.

Философия права, как было показано ранее, является по отношению к философии специальной наукой, но вместе с тем она выступает в качестве общей науки, выполняющей методологическую миссию по отношению к более узким разделам правоведения, т. е. к отраслевым юридическим наукам. Подобно тому как, например, общая биология, опираясь на философию, вооружает общими подходами и методами исследования все разделы биологической науки (ботанику, зоологию и т. д.), так и философия права разрабатывает методологические проблемы правоведения, вооружает подходами, принципами, общими методами исследования все отраслевые юридические науки.

Следует иметь в виду и другой важный аспект рассматриваемого соотношения. Каждая отраслевая юридическая наука отражает лишь отдельную, хотя и нередко существенную сторону всеобщей связи правовых явлений и процессов как между собой, так и с окружающими общественными факторами, фиксирует лишь некоторые моменты, части или черты этих связей. Но если бы мы пользовались лишь метода-

ми, выработанными теми или иными отраслевыми юридическими науками, то лишили бы себя возможности выяснить связи между различными областями правовой действительности, обнаружить закономерности развития права в целом¹, определить его место и роль в общественной жизни. Даже доскональное знание гражданского или уголовного законодательства не может дать полного представления о значении права в жизни общества, его возможностях, эффективности, результативности. Методологическая миссия философии права в том и состоит, чтобы вскрывать пути и методы познания права во всем его объеме, внутренние связи и тенденции закономерного развития всех правовых явлений и процессов в их единстве, целостности и системности.

Философия права есть не что иное, как интеграция всей совокупности принципов познания, выработанных ею самой, философией и комплексом юридических наук, применяемых в процессе исследования специфики правовой действительности, ее развития и преобразования. Она исторически возникла не сама по себе и не из самой себя, а в результате изучения конкретных проявлений права. В процессе такого изучения постепенно обнаруживалось, что всем правовым объектам свойственны общие черты, особенности, которые могут быть познаны с помощью определенных подходов, способов, методов, приемов. Так зарождалась и обогащалась философия права, основной, главный смысл которой состоит в гносеологическом обслуживании отраслевых юридических наук, изучающих отдельные, особенные и частные проявления права. Следовательно, философия права — продукт философии, общей теории права и всего комплекса юридических наук. Ее назначение состоит в том, чтобы вооружать все отраслевые юридические науки методологическим инструментарием.

---

¹ К. М. Коркунов по этому поводу указывал: «Если человек ознакомится со значением главнейших терминов, с разделением науки на отдельные отрасли и с содержанием каждой из них, его изучение права не делается еще от этого осмысленнее. Получить краткое понятие о частях не значит еще получить понятие и о целом. Соединение частей в одно живое целое не есть вовсе такое легкое и простое дело, чтобы оно само собой давалось каждому ознакомившемуся с частями» (Коркунов К. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1909. С. 11).

Характерной особенностью современного развития научного знания является образование своеобразного поля пересечения, активного взаимодействия и взаимопроникновения различных, казалось бы далеко друг от друга стоящих наук, теоретических концепций и методов познания, что обогащает их и приносит исключительно плодотворные результаты. Если в прошлом внутренняя связь наук имела весьма ограниченные пределы и сами эти связи были очень слабыми, то со временем контакты между науками расширялись и углублялись, между науками возводились «мосты», их контакты превращались в устойчивые отношения. На смену слабым связям и контактам наук приходило их взаимодействие, взаимопроникновение, на основе которых образовывались двуединые или даже многоединые науки. В соответствии с этим процессом начали вырисовываться и новые методологические подходы, когда один и тот же объект исследуется сразу несколькими науками или объединенными в единую целостность двумя науками и более (например, молекулярная биология, атомная энергетика, астрофизика, космонавтика, математическая экономика, логика, лингвистика и т. д.). Новизна этого методологического подхода состоит прежде всего в том, что к исследуемому объекту применяются всеобщие диалектические, обще- и частнонаучные методы не только одной науки, но и ряда наук. При этом методы различных наук взаимодействуют, проникают друг в друга, объединяются, интегрируются, создавая ранее неизвестные, своеобразные инструменты познания.

Совершенно очевидно, что философия права не может находиться по ту сторону развития науки наших дней. Между тем мы не погрешим против истины, если скажем, что именно эта отрасль научного знания пока менее всего взаимодействует, сотрудничает (не говоря уже о взаимопроникновении) с другими общественными и тем более естественными и техническими науками. Такому взаимодействию, сотрудничеству наук, использованию разнообразных методов, выработанных иными отраслями научного знания для исследования правовых объектов, препятствуют многие представители самой философии права. Едва ли можно найти более активных сторонников «чистоты» своей отрасли науки, чем в фи-

лософии права. Отстаивание подобной «чистоты» данной науки оборачивается против нее самой, обрекая на изолированность, ограниченность, узость.

Опасения о «размывании» границ предмета философии права не имеет под собой сколько-нибудь рациональных оснований. «Размывание» границ философии права отнюдь не уничтожает предмета данной науки, но обогащает его, вливает в его «душу» те теоретические и методологические ценности, которыми обладают иные науки. В противоположность этому, обособление философии права может достичь такого предела, который приведет ее к отрыву от всего комплекса общественного знания, исключит участие в комплексном исследовании общественного бытия, лишиг возможности использовать методологические достижения иных наук в познании правовой сферы жизни общества.

Историческое развитие любой науки, в том числе и философии права, сопровождается изменениями и преобразованием ее предмета. Отпадение одних и выдвижение других объектов познания, восполнение традиционной проблематики данной науки новыми направлениями исследований и проникновение в сферу иных отраслей научного знания кажутся иной раз неоправданными или даже недопустимыми с точки зрения «чистоты» той науки, основы которой устоялись, вошли в арсенал неопровержимых догм и которые являются как будто бы достаточными для решения назревающих или назревших проблем практики. Так рождается отрицание даже того благотворного влияния, которое несут с собой, в частности, тенденции объединения наук и их методов в комплексном исследовании соответствующих объектов.

Современная наука переживает небывалый в своей истории подъем именно благодаря объединению различных наук и их познавательного потенциала. Этот процесс, постепенно охватывающий и юридическую науку, приносит исключительно плодотворные результаты, приводит к возникновению множества новых и оригинальных методологических направлений именно «на стыке» наук. К ним относятся, например, правовая кибернетика, криминология, конкретно-социологические исследования правовой жизни, социально-психологическое изучение правового или противоправного поведения, профи-

лактическое право и многое другое. Перспективность этих направлений не вызывает сомнений.

Следует отметить еще два важных момента.

Во-первых, новейшие достижения естественных, технических и общественных наук нуждаются в правовом обеспечении их практической реализации, что расширяет проблематику отраслевых юридических наук. Очевидно, что эта задача будет наиболее успешно осуществлена при овладении отраслевыми юридическими науками методологических установок философии права. Отрыв отраслевых юридических наук от философии права чреват опасностью воспроизведения лишь традиционных проблем, давно решенных и известных, и отвлечения от новых проблем, постоянно выдвигаемых жизнедеятельностью общества. При этом необходимо отказаться от склонности отдельных представителей отраслевых юридических наук провозглашать в своих произведениях вначале тот или иной философско-правовой принцип, а затем «забывать» его. И только в конце этот принцип опять «вспоминается», дабы показать соответствие полученных результатов исходному философско-правовому принципу. Такой способ юридического исследования превращает философско-правовой принцип в ширму, за которой можно укрыться от упреков в философско-правовом невежестве, а само исследование, фактически лишённое философско-правового обоснования, теряет научную значимость, приобретая наукообразную форму. Следовательно, само использование методологических установок философии права в отраслевых юридических исследованиях должно осуществляться осмысленно, «со знанием дела», творчески.

Во-вторых, сама философия права не может ограничиться уже выработанными принципами, методами, приемами правового исследования. Она должна постоянно совершенствоваться, развиваться, обогащаться. При этом философию права не следует отягощать проблемами, решаемыми социологией права, отраслевыми юридическими науками (а иногда и воспроизведением фрагментов истории правовых учений), что нередко делается. Тем самым философия права превращается в бессистемный набор различных юридических проблем и отвлекается от решения методологических проблем правоведения.

Обобщая все ранее рассмотренное, предлагается следующее определение философии права. Философия права, будучи одним из основных направлений общей теории права, разрабатывает основополагающие проблемы диалектики, гносеологии и логики правового бытия, обслуживающих как саму общую теорию права, так и весь комплекс отраслевых юридических наук.

II

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Глава 6

ОБЩЕНАУЧНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВА

Предмет философии права определяет ее предназначение — выполнение методологической функции во всех науках, изучающих право, и прежде всего в методологическом обслуживании отраслевых юридических наук. Выполнение этой функции предполагает дальнейшее уточнение понятия самой методологии, соотношение и взаимодействие общенаучной методологии и методологии права.

Вопрос о понятии методологии и ее функциях представлен в литературе весьма разноречиво. Одни авторы отождествляют методологию с общетеоретическими проблемами любой науки¹, другие — с философией², третьи — с диалектикой³, четвертые — с историческим материализмом⁴, пятые считают, что методология — это самостоятельная частная наука, не совпадающая с философией⁵, шестые полагают, что она представляет собой не метод (и не сумму методов), а учение, теорию, науку о методе и методах⁶, и т. д. и т. п.

---

¹ См., например: Яновская С. А. Методологические проблемы науки. М., 1972.

² См., например: В. И. Ленин и методологические вопросы современной науки. Киев, 1971. С. 17.

³ См., например: Андреев И. Д. Проблемы логики и методологии познания. М., 1972. С. 280.

⁴ См., например: Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970. С. 5.

⁵ См., например: Стефанов Н. Теория и метод в общественных науках. М., 1967. С. 156—157.

⁶ См., например: Гиргинов Г., Яноков М. Методология как раздел гносеологии//Вопросы философии. 1973. № 8. С. 127.

Если к этому добавить, что благодаря модному поветрию объявлять зачастую любое, даже описательное, комментаторское, эмпирического уровня, произведение, не имеющее сколько-нибудь серьезного познавательного значения, методологическим, то понятие методологии и его предназначение оказываются полностью и окончательно размытыми¹.

Оставляя в стороне подробный анализ отмеченных позиций, ограничимся указанием на то, что каждая из них правильно отражает лишь тот или иной отдельно взятый момент методологии, и именно поэтому ни одна из них не вскрывает целостности и универсальности этого своеобразного научного феномена. Попытку объединить некоторые из этих моментов предпринял Р. Лукич². Однако его попытка не сняла дискуссионности проблемы, размытости границ методологии. Так, Лукич склонен считать, что всеобщие теоретические положения, сформулированные различными науками, носят философский характер. Между тем, как было показано ранее, отнюдь не всякое всеобщее теоретическое положение имеет философский характер, — многие из них являются нефилософскими, хотя и играют известную методологическую роль в познании тех или иных объектов бытия. Р. Лукич, далее, различает науку как сферу эмпирического познания и философию как обобщенный уровень освоения действительности³. Однако для такого разграничения нет сколько-нибудь серьезных оснований. И не только потому, что любая, даже прикладная наука, как отмечалось выше, может достичь и нередко достигает таких высот теоретического обобщения реальности, которое приобретает подлинно философское звучание. Но прежде всего потому, что сама философия, коль скоро она правильно отражает объективную реальность в обобщенном виде и всеобщие за-

---

¹ А. И. Ракитов справедливо отмечал: «Понятие методологии стало сейчас настолько употребительным и модным, что почти лишилось всякой определенности и в большинстве случаев просто сливается с понятием философии» (Ракитов А. И. Историческое познание. М., 1982. С. 22).

² См.: Лукич Р. Методология права. М., 1981. С. 24—57.

³ См. там же. С. 63—64.

кономерности ее развития, вырабатывает методологические основания познания этой реальности, является подлинной наукой. Нельзя лишь эмпирическое знание признавать наукой и отказывать в научности философским обобщениям этих же знаний, поскольку эмпирический (равно как и чувственный) уровень изучения объектов с неизбежностью ведет к рационально-научному их познанию.

То обстоятельство, что философские обобщения нередко являются «опосредованными» в том смысле, что выражают наиболее существенное в уже познанном другими науками, вовсе не исключает их научности, тем более также и потому, что они самостоятельно разрабатывают методологические основания исследования любого объекта. Тем самым философские основания, вместе с обще- и частнонаучными средствами познания, образуют общенаучную методологию, которая, однако, не является единственной методологической наукой, поскольку на ее основе формируются в различных отраслевых науках свои методологические пути, методы и приемы изучения специальных объектов. Именно поэтому нельзя общенаучную методологию признавать «частной» наукой. Низведение методологии до «частного» уровня, по существу, означает ограничение ее значения пределами познания второстепенных закономерностей, лишение ее роли всеобщего методологического основания для любого научного исследования. Но отсюда не следует, что методологию можно рассматривать, как это полагает Р. Лукич, лишь в качестве науки о методах или даже шире — как учение о методах.

Нам представляется, что методология включает также и мировоззренческую позицию самого исследователя¹. Между тем создается впечатление, что Лукич недооценивает эту сторону вопроса (методологическое значение миропонимания, мировоззрения), хотя в одном месте своей книги он правильно пишет, что, «стремясь к получению знаний эм-

---

¹ Ф. Энгельс писал: «...все миропонимание Маркса — это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 352).

пирическим путем, ученый обязательно руководствуется определенной философией, т. е. занимает определенную позицию по отношению к самому опыту»¹. Однако это беглое замечание не соответствует тому месту, которое занимает миропонимание, мировоззрение в методологии. Будучи ее важнейшим компонентом, миропонимание, мировоззрение представляет собой определенную систему взглядов, убеждений, принципов отношения личности к окружающей действительности, к самой себе и своей деятельности. И именно как таковое оно выполняет методологическую функцию, определяя подход и направляя по соответствующему руслу деятельность личности в решении стоящих перед ней теоретических или практических задач.

Формирование миропонимания, мировоззрения личности зиждется на ее положении в системе определенных общественных отношений, детерминируется той средой, в которой она существует. И если эта личность посвящает свою деятельность научному решению тех или иных проблем природного или социального бытия, то изучение данных проблем в определенной мере освещается и направляется именно тем миропониманием, мировоззрением, которое присуще данной личности.

Миропонимание, мировоззрение автора в исследовании объектов познания имеет, как было отмечено ранее, и иной, более узкий смысл, приобретая, если можно так выразиться, профессиональное значение. Так, приступая к исследованию специальной правоведческой проблемы, мы неизбежно выражаем свое отношение ко всем тем сопричастным научным решениям, которые уже выдвинуты и освещены в литературе. Такая критическая оценка этих решений осуществляется на основе специальной (профессиональной) мировоззренческой ориентации автора, лишь после ознакомления с которой становится понятным, почему тот или иной вопрос, избранный для исследования темы, конкретно ставится и решается именно так, а не иначе.

В свете сказанного мы приходим к выводу, что методоло-

---

¹ Лукич Р. Методология права. С. 63—64.

гию следует понимать как концептуальное единство ряда компонентов. Она не является локальной дисциплиной, существующей изолированно от всего комплекса наук, но внутренне имманентна всей науке в целом и каждой ее отдельной отрасли (как общей, так и отраслевой). Именно в силу таким образом понимаемой универсальности методология является всеобщим научным руководством к действию, составляющим базис всей системы знаний, познавательный стержень любой отрасли науки.

Следовательно, методология делится на две органически между собой связанные части: всеобщую методологию и методологию отраслевых наук, в том числе и правовую методологию, разрабатываемую главным образом философией права.

Из сказанного вытекает также и характер методологии права, которая на основе всеобщей методологии предлагает систему методов исследования правовых объектов (учение об этих методах), обобщает теоретические положения, имеющие гносеологическое значение, а также включает в себя миропонимание, мировоззрение исследователя.

Методология права, таким образом, не имеет каких-либо принципиальных отличий от всеобщей научной методологии, но, составляя ее разновидность, обладает своей спецификой, которая определяется особенностями объекта, функцией и целью познания.

Итак, всеобщая научная методология является основанием для всего комплекса отраслевых методологий, в том числе и для философии права. В этой связи возникает вопрос о понятии основания.

Основание — это некое базисное знание о соответствующих объектах, выступающее как начало научной системы, как отправной пункт в их дальнейшем исследовании. В этом смысле основание выступает одновременно и как гносеологическое, и как онтологическое знание. Развертывание той или иной теории осуществляется из своего основания. В свою очередь теория является обоснованием той или иной части основания. Гегель по этому поводу писал: «...то, что составляет начало, будучи еще не развитым, бессодержательным... и... лишь наука, и притом во всем ее развитии, есть завер-

шенное, содержательное и теперь только истинно обоснованное познание его»¹.

К сожалению, в отечественной философской литературе «основание» трактуется весьма разноречиво: как «онтологическая категория»², как «логико-методологическое средство в процедуре обоснования знания»³ или как «диалектико-материалистическое понимание научного знания»⁴. При этом попытки авторов обосновать свою позицию грешат по меньшей мере непоследовательностью⁵.

¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 128—129.

² См.: Материалистическая диалектика. Т. 1. М., 1981. С. 126—133.

³ См.: Никитин Е. П. О природе обоснования//Вопросы философии. 1979. № 10.

⁴ См.: Метлов В. И. Диалектика оснований и развитие научного знания//Вопросы философии. 1976. № 1; Печенкин А. А. Обоснование как процедура научного исследования//Вопросы философии. 1984. № 1.

⁵ Так, по мнению Е. П. Никитина, «обоснование есть такая процедура сознания, в ходе которой путем установления той или иной связи между двумя идеальными объектами — основанием и обосновываемым — сообщаются второму какие-либо характеристики первого» (Никитин Е. П. Природа обоснования. М., 1981. С. 27). Если всякое основание есть «идеальный объект», то тогда реальные объекты выпадают из поля зрения исследователя, а само основание оказывается чисто мыслительной категорией сознания. Разумеется, объективность основания может относиться не только к материальным, но и идеальным объектам. Но из этого бесспорного факта вовсе не следует вывод об «идеальности» всех объектов. Думается, что здесь происходит смешение объективности основания и обоснования. Объективность вещей, явлений и процессов есть не что иное, как их реальное существование, их наличная действительность вне зависимости от их материальной или идеальной природы. Именно они, эти объективности, составляют предметы научного исследования, основополагающие знания о которых и являются основаниями для их дальнейшего, более углубленного познания. Что же касается обоснования, то оно есть средство для доказывания истинности основания знания. При этом само обоснование может иметь различные направления, и в первую очередь гносеологическое или онтологическое. Первое направление имеет в виду определить общие подходы, пути и методы познания объектов и тем самым приобретает статус гносеологического основания науки. Второе определяет общие характеристики исследуемых объектов как реальностей и тем самым приобретает статус онтологического основания науки. Поэтому по меньшей мере односторонними являются представления, будто основания знания сводятся лишь к «логической связи обосновывающих друг друга мыслей» (Эмдин М. В.

Основание любого исследования предполагает наличие, по крайней мере, следующих взаимосвязанных компонентов: во-первых, определение объекта исследования; во-вторых, проблемность состояния объекта исследования; в-третьих, следование строго логически последовательному пути исследования объекта в его проблемном состоянии; в-четвертых, обоснованность и доказательность результатов исследования и, наконец, в-пятых, возможность непосредственного или опосредованного использования результатов исследования на практике.

Очевидно, не всякая вещь, явление или процесс нуждается в научном исследовании, поскольку знания о них уже даны предшествующими исследованиями или добыты практическим опытом. Следовательно, необходимо определение того пока не познанного объекта, который нуждается в исследовании. При этом не всякий, даже еще не познанный объект подлежит исследованию (поскольку его познание может быть осуществлено и без помощи науки), а лишь тот, который характеризуется проблемным состоянием, предполагающим альтернативные варианты его решения. Разумеется, речь идет о такой проблемности, разрешение которой исключается лишь практическим опытом и требует вмешательства науки.

Исследование объекта окажется только в том случае оптимально эффективным, если оно осуществляется в строгом соответствии с требованиями методологии, учитывающей специфику объекта и, следовательно, пути, методы и способы его познания.

Исследование будет иметь научный статус только при условии его обоснованности, аргументированности, доказанности, проверяемости истинности его результатов.

И наконец, научное исследование предполагает ориентированность его результатов на практический выход. Само собой очевидно, что большинство фундаментальных исследо-

---

О категориях основания и обоснованного//Вестник Ленинградского государственного университета. Вып. 4. Серия экономики, философии и права. 1959. № 23. С. 60). Нетрудно видеть, что в данном суждении игнорируется взаимосвязь основания и обоснования.

ваний не может иметь непосредственное практическое значение, равно как и временную ограниченность его практической отдачи. Такого рода фундаментальные исследования имеют опосредованный и вневременной характер, огромные потенции практической реализации через «средний» уровень знания, через прикладные научно-практические разработки.

Эти рассуждения не следует понимать в абсолютном смысле, тот или иной компонент научности исследования может быть выражен с той или иной степенью наглядности. И это понятно, ибо формирование истинности научных исследований является, как правило, длительным процессом, на каждом этапе которого вполне возможны, а иной раз и неизбежны односторонность, неполнота, ошибочность тех или иных его выводов.

Процесс исследования объекта предполагает осуществление последовательных операций: научная постановка проблемы, ее четкое формулирование; выдвижение альтернативных идей о возможных путях решения проблемы; избрание оптимальной идеи, с помощью которой вероятнее всего достижимо решение проблемы; следование этой идее в ходе познания; поочередное использование всех других альтернативных идей в том случае, если первоначально избранная идея не решила проблемы; выход решенной проблемы на практику путем определения этапов действия.

Каждый из этих моментов нуждается в детализации. Так, выдвижение альтернативных идей о возможных путях решения проблемы предполагает выделение главных и отвлечение от второстепенных путей познания. Тем самым сокращается спектр альтернативных идей. Избрав оптимальную идею, необходимо ее расчленить на более простые, так сказать, подыдеи¹, совокупность которых и образует «дерево подыдей». Последовательный анализ ветвей этого дерева позволит отобрать из них перспективные и отбросить малоэффективные или даже тупиковые. При этом плодотворность реализации

---

¹ Еще Аристотель отмечал, что «надлежит искать, произведя расчленение» (Аристотель. *Метафизика*. VII, 17. 1041a6—1041b5), а Декарт рекомендовал делить каждое из исследуемых затруднений на возможное количество частей (см.: Декарт Р. *Избранные произведения*. М., 1950. С. 272).

подыдеи зависит от глубины анализа изучаемой проблемы. Оставшиеся ветви подвергаются аналитическому «просвечиванию», а аналитически освещенная их совокупность создает базу для синтеза — высшего напряжения исследовательской мысли. Осуществление синтеза открывает путь для решения проблемы. Если на этом пути не будет достигнут успех в решении проблемы, то придется ту же процедуру осуществлять со второй, третьей идеей и т. д. И так до тех пор, пока соответствующий путь не приведет к решению проблемы.

Предложенная поэтапность процесса познания выглядит, конечно же, мертвой, метафизичной, предельно формализованной. В самом деле, допустимо ли творческие усилия исследователя втискивать в узкие рамки схемы? Можно ли говорить о логике познания применительно к акту творческого вдохновения? Мыслимо ли считать интуитивное озарение, взлет мысли итогом формальной логики познания?

Отрицательный ответ на эти вопросы очевиден. И тем не менее неповторимость и даже уникальность индивидуально-го процесса познания подчиняется общим логическим закономерностям, чем и определяется смысл его воспроизведения. Но эти общие логические закономерности обретают в каждом исследовании своеобразный оттенок, специфику, характерные особенности, определяемые уровнем познавательных способностей, дарований, научным образованием исследователя и т. п. Одним словом, познавательный процесс чужд единообразию, и бессмысленно надеяться на то, что когда-либо будет создана логика овладения объектом, пригодная для всех случаев его проявления. Сказанное не исключает необходимости общей логики научного поиска, которая существенно видоизменяется, будучи применима к каждому отдельному исследованию. Общая схема познания есть стратегия, но отнюдь не тактика познания.

Итак, существующие объекты, реальные явления и процессы в ходе познания передаются как бы на суд разума, который не только отражает и позволяет увидеть их качества, свойства, особенности, но и ищет пути их видоизменения, преобразования. И лишь благодаря этому данные объекты обретают «вторую природу», появляется возможность господства разума над объектами, подчинения их практическим интересам.

Но «преобразованный» разумом объект вновь становится первичным объектом исследования, ибо на его «второй природе» процесс познания не заканчивается. Он продолжается созданием все новых и новых объектов. И этот процесс познания осуществляется до тех пор, пока полностью не реализуются возможности как самого объекта, так и самого разума. Отсюда следует, что сам разум, воплотивший себя во «второй природе» объекта, имеет своим источником тот же объект, хотя и в преобразованном виде. Именно таким образом происходит взаимодействие и, в конце концов, слияние объекта и разума, материального и идеального, снимается взаимное отчуждение. Следовательно, разум нельзя сводить лишь к физиологической функции мозга, он не внешний, попусторонний по отношению к бытию (объекту) феномен, а поусторонен применительно к бытию (объекту). В этом смысле можно говорить о «бытийности», «объектности» разума. Только таким путем можно подойти к раскрытию тайны сложнейшего соотношения бытия и разума.

Обобщая вышеизложенные соображения, следует констатировать, что общенаучная методология и методология права, равно как и другие отраслевые методологии, представляют собой в известном смысле метанаучные знания. Они не существуют изолированно друг от друга, а взаимодействуют, взаимопроникают и — что особенно важно подчеркнуть — интегрированы в онтологические теории соответствующих наук, выполняют в каждой из них гносеологические функции. Смысл и призвание методологии — научный поиск оптимальных, наиболее рациональных путей, методов и средств познания объектов. Однако сам по себе поиск при всей его важности не представляет самостоятельной ценности, поскольку таковой является результат поиска, выраженный в достижении истины. Именно поэтому методология приобретает первостепенное значение; в ее развитии, обогащении и совершенствовании заинтересованы все науки.

Обратимся теперь к общему пути познания бытия, в том числе и права.

Как известно, Гегелю принадлежит величайшая заслуга в обнаружении пути научного исследования. «...Познание, — писал он, — движется от содержания к содержанию. Преж-

де всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определенностей и что следующие за ними становятся все богаче и конкретнее. Ибо результат содержит в себе свое начало, и движение последнего обогатило его некоторой новой определенностью. Всеобщее составляет основу; поэтому поступательное движение не должно быть принимаемо за некоторое течение от некоторого другого к некоторому другому. Понятие в абсолютном методе *сохраняется* в своем инобытии, всеобщее — в своем обособлении, в суждении и реальности; на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения и не оставляет ничего позади себя, но несет с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя»¹.

Бытие, природу, действительность, вне и независимо от духа существующую, Гегель изображает как неподвижную, застывшую, абстрактную картину мира, которая приобретает конкретность лишь благодаря разуму. Абсолютная идея как система «чистых» логических понятий выступает исходным пунктом, порождающим чувственно данную конкретную действительность.

Отражая метафизический и исторически ограниченный уровень современного ему состояния науки, Гегель знание о реальной, объективной действительности непосредственно и в качестве постоянного ее свойства приписывает самой этой действительности. И здесь выявляется глубокая противоречивость Гегеля. Критикуя кантовский априоризм, он связывает способ мышления с содержанием научного знания, указывая, что метод «не есть нечто отличное от своего предмета и содержания, ибо движет себя вперед содержание внутри се-

---

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. V. С. 34. Выписав это гегелевское определение пути познания, В. И. Ленин высоко его оценивает: «Этот отрывок очень недурно подводит своего рода итог тому, что такое диалектика». При этом Ленин отмечает, что здесь у Гегеля менее всего проявляется идеализм и речь прежде всего идет о диалектическом методе (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 212).

бя, диалектику, которую оно имеет в самом себе»¹. В нашей способности познания, по Гегелю, мы можем убедиться не иначе, как через самый процесс познания; желание иметь инструмент познания до процесса познания столь же несуразно, как мудрое намерение того схоласта, который хотел научиться плавать, прежде чем броситься в воду². «...Метод, — пишет Гегель, — есть сознание о форме внутреннего само-движения ее содержания»³.

Исходя из принципа тождества мышления и бытия, Гегель превращает в субстанцию логические формы мысли, онтологизирует метод познания как выражение активности абсолютной идеи. Любой предмет, по мнению Гегеля, мы «постигаем в понятии и знаем его в его истине только постольку, поскольку он *полностью подчинен методу*; он есть собственный метод всякой вещи, так как его деятельность есть понятие»⁴. Развитие ступеней содержания абсолютной идеи «есть образ абсолютного, но вначале абсолютное выступает в этих ступенях лишь ограниченным образом, и поэтому оно заставляет себя двигаться дальше к целому, раскрытие которого есть то, что мы называем методом»⁵.

В поисках способа разворачивания определенной мысли Гегель обнаруживает принцип движения познания от простейших, абстрактных определений к конкретному, многостороннему знанию. При этом данный процесс изображается им как становление конкретного не только в мышлении, но и в самой действительности⁶.

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. V. С. 34.

² См.: Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. I. С. 27—28.

³ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. V. С. 33. В. И. Ленин при конспектировании «Науки логики» выписывает слова Гегеля о том, что метод есть «сам себя конструирующий путь» науки, и вместе с тем отмечает, что здесь гвоздь действительного познания (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 80).

⁴ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VI. С. 299.

⁵ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. I. С. 341.

⁶ Здесь вступает в силу механизм идеалистической диалектики, которую ярко изобразил К. Маркс: «Как посредством абстракции мы превращаем всякую вещь в логическую категорию, точно так же стоит нам только

В экономической сфере, по Гегелю, действуют противоположные абстрактные индивиды. Поэтому здесь исключается действительное развитие без вмешательства рассудка, с помощью которого все абстрактные противоречивые крайности экономического состояния разрешаются путем перехода к правовой действительности. Право как целесообразно действующая воля есть конкретная субстанция, которая создает адекватную своей природе форму своего собственного обнаружения в экономике, в сфере потребностей, в «системе потребностей». «Право состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли»¹. Не являясь предметом особой науки, сфера экономической жизнедеятельности людей должна рассматриваться лишь внутри философии государственного права, т. е. как одна из конкретных форм абстрактного разума, действующего в истории.

Вовсе не отвергая выявленного Гегелем закона движения научного познания, К. Маркс вместе с тем отрицает гегелевское представление о мышлении как о творце предметного мира. Фактически, способ восхождения от абстрактного к конкретному есть не что иное, как способ, с помощью которого мышление усваивает вне его и независимо от него существующую конкретную действительность². «...Метод восхождения от абстрактного к конкретному, — пишет К. Маркс, — есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно-конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного»³.

отвлечься от всяких отличительных признаков различных родов движения, чтобы прийти к движению в абстрактном виде, к чисто формальному движению, к чисто логической формуле движения. И если в логических категориях мы видим субстанцию всех вещей, то нам не трудно вообразить, что в логической формуле движения мы нашли *абсолютный метод*, который не только объясняет каждую вещь, но и включает в себя движение каждой вещи» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 131).

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VII. С. 53.

² Подробнее об этом см. гл. 9 наст. изд.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 727.

Определяя гегелевский исследовательский путь как «правильный в научном отношении», поскольку «абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления»¹, К. Маркс ставит этот путь на твердую материалистическую почву.

Изложенный общий путь познания в полной мере применим к исследованию и правовых явлений, и процессов с учетом их специфики, что и осуществляется в наших последующих изысканиях.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 727.

Глава 7

ОТРАЖЕНИЕ И ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ ОТРАЖЕНИЕ

В скудном методологическом багаже отечественного правоведения вовсе отсутствует сколько-нибудь подробная разработка теории отражения объективной реальности в праве. Между тем эта теория, воспроизводящая тончайший механизм человеческого мышления, не только обнаруживает несостоятельность агностицизма, но и играет чрезвычайно важную методологическую роль во всей системе наук, в том числе и в правоведении, ибо законодательство и его реализация суть не что иное, как отражение и чаще всего опережающее отражение объективной действительности, направляющее ее развитие.

Проблема отражения является ключевой в правоведении, поэтому ее решение будет способствовать дальнейшему совершенствованию как правотворчества, так и правоприменения. В этой связи прежде всего следует обратиться к понятию отражения. Эта категория, во-первых, имеет исторический характер, поскольку в процессе прогресса наук постоянно развивается и обогащается; во-вторых, систематически совершенствуется в процессе познания и, в-третьих, обладает универсальным качеством, поскольку обнаруживает себя на различных уровнях познания как органического, так и неорганического мира.

Постоянно повторяющиеся воздействия общества на законодательство и обратное его влияние на общество являются основой формирования, развития и функционирования правовых нормативных актов. Законодательство есть не некое механическое копирование соответствующего объективно существующего общественного отношения, а результат субъ-

ективной деятельности законодателя, создающего образ данного отношения — законодательное установление. Содержание законодательства, которое как бы отражает лишь регулируемое общественное отношение, вовсе не определяется природой исключительно данного отношения. В него входят также субъективные моменты, исходящие от правосознания законодателя. Нельзя представлять отражение объекта в научном мышлении как механически-зеркальное. Научное мышление богаче самого объекта не только в силу проникновения в его сущность, но также и потому, что включает в себя возможности его преобразования, развития, прогресса.

Объект, конечно же, участвует в процессе отражения, но отнюдь не всеми свойствами, признаками или сторонами, а лишь теми из них, которые имеют то или иное значение для правового опосредования. И только эти элементы отражаемого как бы входят в процесс отражения, но входят преобразованными правосознанием законодателя. В ряде случаев правосознание законодателя приобретает решающее значение в регулировании того или иного общественного отношения, хотя безусловно отталкивается от его объективной природы. Иначе говоря, законодатель не может не подчиниться объективности общественных отношений, и в то же время он властвует над ним. Поэтому-то и следует отличать процесс отражения от его результата, правосознание законодателя от закона. Тодор Павлов размышляет: «Если бы идея содержала только такие вещи, которые “идут” от самого предмета и не носят субъективного характера, если бы субъект не привносил в “идушие” от предмета объективное содержание и свое субъективное содержание, если бы, наконец, идея-образ была лишена субъективно-эмоциональной “окраски”, то всякая идея совпадала бы абсолютно и метафизически со своим предметом и, следовательно, не была бы... образом предмета»¹.

Именно «привнесение» в регулируемые общественные отношения субъективных моментов, исходящих от законодателя, свидетельствует о творческом характере деятельности, создающей новые правовые нормы. Отражая необходимые свой-

---

¹ Павлов Т. Избранные произведения. Т. 5. София, 1962. С. 165.

ства и связи регулируемого общественного отношения, законодатель одновременно интегрирует в него свои потребности, интересы и волю, творя тем самым «вторую природу» того же отношения. И только благодаря этому процессу отражаемое общественное отношение преобразуется в результат отражения — правовую норму, которая приобретает относительную самостоятельность, обладает возможностью видоизменять и направлять данное отношение в определенное русло.

Заметим в этой связи, что после известной сталинской работы, посвященной экономическим проблемам строительства социализма в СССР, мы так увлеклись объективностью экономических законов, что почти не оставили места для субъективно-творческого воздействия не только на них, но и на любые другие объективные факторы действительности.

В настоящее время российский законодатель впадает в противоположную крайность, когда менее всего учитывается объективность регулируемых общественных отношений. В результате воцаряется не только неразбериха в самом законодательстве, но и правопорядок уступает место хаосу и произволу. Отсутствие законотворческой культуры и игнорирование правил законодательной техники большинством депутатов-юристов, а также чиновников правительственных и президентских структур в конечном счете приводят к резкому обособлению и разрыву связей между объективным и субъективным, к недооценке их диалектического взаимопереплетения и взаимопереходов.

Функции законотворчества не ограничиваются лишь пассивным отражением и закреплением соответствующих общественных отношений. К числу этих функций относится «забегание вперед», что достигается посредством опережающего видения регулируемых общественных отношений, представляющего собой процесс, в котором опыт прошлого и настоящего проецируется на будущее. Говоря словами академика Анохина, «опережение событий есть прежде всего активное поддержание поставленной цели до момента ее реализации»¹.

¹ Анохин П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978. С. 46.

Законодательное опережающее отражение представляет собой выражение соответствующих отношений, закрепленных в определенных правовых правилах. Оно наличествует в виде системы образов, идеальных моделей — правовых норм. Опережая оригинал, правовые нормы могут способствовать осуществлению одних общественных отношений, предотвращению или торможению развития других.

Система правовых категорий окажется действенной лишь в том случае, если она не просто пассивно отражает реальность и основывается на органическом единстве, противоречивом тождестве, взаимопроникновении объективного и субъективного, но и — что не менее важно — с опережением отражает существующую реальность. Правосознание, правотворчество, правореализация в состоянии интенсивно преобразовывать действительность только тогда, когда закрепляет не только то, что есть, но и то, что должно быть. В этом и состоит смысл правового регулирования, позволяющего направить развитие соответствующих общественных отношений в наиболее благоприятное для общества и его членов русло. Вместе с тем опережение имеет огромное значение для правотворчества также и потому, что позволяет учитывать с высокой степенью вероятности отдаленные последствия правового регулирования. Если они окажутся нежелательными и даже опасными, правовые средства в состоянии предотвратить их. Иначе говоря, открывается возможность предвидения и прогностических оценок характера правового воздействия на будущие общественные отношения.

Механистический материализм, утверждающий, что отражение не может существовать без отображаемого, подобно тому как нет следствия без причины¹, не согласуется с теорией опережающего отражения.

---

¹ Интересны в этом отношении рассуждения А. Эйнштейна: «Для применения своего метода теоретик в качестве фундамента нуждается в некоторых общих предположениях, так называемых принципах, исходя из которых он может вывести следствия. Его деятельность, таким образом, разбивается на два этапа. Во-первых, ему необходимо отыскать эти принципы; во-вторых, развивать вытекающие из этих принципов следствия. Для выполнения второй задачи он основательно вооружен еще со школы. Следовательно, если для некоторой области, т. е. совокупности взаимозависи-

Материализм, понимаемый диалектически, исходит из того, что опережающее отражение есть не продукт «чистого разума» или иной духовной силы, а результат относительной повторяемости и устойчивости отображаемых процессов, определенной общности между прошлым, настоящим и будущим, выраженной в объективных закономерностях общественного бытия, не только познанных, «открытых» исследователем, но и творчески используемых им. Зная эти закономерности и условия их действия, вполне возможно очертить реальные контуры будущего. Конечно, идеи, рожденные в процессе опережающего отражения, будучи закреплены в правовых нормах, представляют собой лишь идеальную цель. Они не участвуют в регуляции общественных отношений до того момента, пока эти отношения не превратятся в правоотношения, пока эти нормы не начнут действовать, не заживут собственной жизнью.

Одним из важных условий эффективности правового регулирования, учитывающего момент опережения, является обладание законодателем максимально полной и объективной информацией о регулируемом объекте. У. Росс Эшби указывал, что разум ограничен количеством обрабатываемой информации¹, и добавим, что стремление к «информационному эквиваленту» должно составлять непреложное требование законотворчества.

Сказанное свидетельствует о тесной связи теории отражения с теорией информации. Эта связь осознается не в полной мере. Между тем именно теория информации обеспечивает реальную возможность «расшифровки» отражения процессов перехода материального бытия в его субъективно-правовой образ, в правосознание.

мостей, первая задача решена, то следствия не заставят себя ждать. Совершенно иного рода первая из названных задач, то есть установление принципов, могущих служить основой для дедукции. Здесь не существует метода, который можно было бы выучить и систематически применять для достижения цели. Исследователь должен, скорее, выведать у природы четко формулируемые общие принципы, отражающие определенные общие черты совокупности множества экспериментально установленных фактов» (Эйнштейн А. *Физика и реальность*. М., 1965. С. 5—6).

¹ См.: Эшби У. Р. Что такое разумная машина//Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная: Сборник. М., 1968. С. 38—47.

Объективно-точная информация является тем начальным и одновременно конечным звеном в формировании правосознания, предопределяющим достаточную четкость, научную обоснованность законодательства и успех его реализации.

Здесь мы вплотную подошли к крайне сложному и слабо разработанному в отечественной литературе вопросу о связи теории отражения с теорией информации в законотворчестве. Как известно, последняя привлекает серьезное внимание современных исследователей, разрабатывающих относящиеся к ней проблемы в самых разнообразных, и прежде всего философском и общенаучном, аспектах. Что же касается теории правовой информации, то она переживает еще стадию становления. Поэтому ограничимся лишь некоторыми замечаниями относительно того потенциала, который таит в себе эта теория и который может быть использован в целях эффективной реализации прогностической функции законотворчества.

Обычно в литературе указывается на необходимость полноты и точности информационного материала; в них усматривается важное требование, обеспечивающее успех законодательной деятельности. Очевидно, что подобное указание нуждается в корректировке, ибо речь должна идти скорее не о количественных параметрах информации, а о ее качественных характеристиках. Законодатель, имеющий дело с информационным материалом, может попасть в ситуацию, когда этот материал окажется столь полным и объемным, что будет избыточным, станет привносить дополнительные и неоправданные трудности в законотворческий процесс, загромождать его второстепенными деталями и подробностями, обладающими лишь «шумовым» эффектом, но не проясняющими задачу, стоящую перед законодателем. Иначе говоря, при сборе информации возникает проблема ее порога (или границы), переход которого таит для законодателя опасность оказаться погребенным под грудой собранных данных, а не возвыситься над ними. Это возвышение включает в себя селекционный отбор информационного материала, предполагающий отсеечение лишних данных и в то же время выделение главных, существенных моментов, неких общих начал, свойственных явлениям действительности. Такая процедура необходима прежде всего потому, что, создавая правовые нормы, законодатель рассчи-

тывает не на тот или иной единичный случай действительности, а на типические формы его проявления.

Однако было бы неверно в законодотворчестве абсолютизировать момент учета фактора типичности. Ведь законодатель, работая с информацией, с ее помощью не просто копирует оригинал, а создает его образ, наделяя этот образ собственными субъективными характеристиками. Участвуя в политике, он привносит в него свое понимание и знание процессов реальности, выражает свое к ним отношение. Законодательную деятельность вполне оправданно относят к разновидностям творчества. Появление на свет закона сопровождается использованием буквально всех средств, составляющих арсенал творческой лаборатории. Это и поиск истины, и нравственные искания, и стремление выразить мировоззренческие принципы и идеалы. Наконец, как и в любом творческом процессе, в законодотворчестве задействованы внеаучные и даже иррациональные силы: в нем присутствуют озарения, предвосхищения дальнейшего развития событий.

Подобное предвосхищение может базироваться не на массовых, широко распространенных жизненных фактах, но произрастать из понимания, схватывания общественной значимости отдельных и редких фактов на данный момент действительности. Законодатель, улавливая перспективность таких явлений, способен через посредство правовых норм обеспечить условия для их развития, способствовать их массовидности и устойчивости в будущем.

Опережающее отражение требует достаточной обеспеченности информацией не только законодотворческого процесса, но и иных юридических действий. Так, например, комплексная социальная профилактика преступности может быть успешно осуществлена при условии всестороннего и тщательного изучения «базисных» данных, характеризующих каждый отдельный регион страны. Как известно, профилактика преступности осуществляется правоохранительными органами без опоры на необходимый научно осмысленный информационный материал. Выпущенному в 1989 г. практическому пособию «Социальная профилактика правонарушений: советы, рекомендации», подготовленному коллективом авторов на основе всесоюзных законодательных и иных материалов, не

суждено было реализоваться из-за известных событий. Подготовка и издание такого пособия в новых условиях были бы весьма полезны в связи со все возрастающей преступностью.

Даже эти довольно краткие соображения о значении теории информации в законотворчестве и правореализации показывают, что она дополняет теорию отражения и теорию опережающего отражения в особенности.

Изложенное свидетельствует об особом характере правового опережающего отражения. Будучи теоретическим представлением о будущем, оно отличается от всех форм научного предвидения тем, что прямо, непосредственно ориентировано на практическое воплощение в реальной действительности через закрепление соответствующих общественных отношений в правовых нормах и через их реализацию.

Глава 8

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛОГИЧЕСКОЕ

Познание права предполагает в первую очередь определение того, как оно возникло в тех или иных условиях исторической эпохи, какие основные этапы прошло в своем развитии и как изменилось в процессе этого развития, чем стало в момент своего исследования и, наконец, каковы тенденции его движения.

В основном эти проблемы — предмет исторической науки¹. Однако оставим в стороне этот безусловно важный сюжет, ибо нас в данном случае, в соответствии с функцией философии права, интересует прежде всего иная тема: соотношение исторического и логического, их единство в познании права.

Единство исторического и логического подходов — основополагающий принцип философии права. Эта ее черта достаточно подробно освещена в литературе, хотя по ряду моментов специалистами высказываются различные точки зрения. Что же касается вопроса о применении принципа единства

---

¹ Поясняя и раскрывая его содержание, А. Я. Гуревич подчеркивает: «Историческая наука — наука прежде всего о конкретном и индивидуальном; наукой же об общем и повторяющемся она является лишь постольку, поскольку не игнорирует конкретного и индивидуального, но максимально вбирает его в свои обобщения. В противном случае все эти генерализации неизменно остаются предельно тощими и бессодержательно-бесплодными» (Гуревич А. Я. Теория формаций и реальность истории//Вопросы философии. 1990. № 11. С. 38).

То, что историческая наука именно «прежде всего» о конкретном и индивидуальном, не вызывает возражений. Но утверждение, что «все эти генерализации неизменно остаются предельно тощими и бессодержательно-бесплодными», не может быть принято хотя бы потому, что любая наука, в том числе и историческая, «генерализует» конкретное и индивидуальное, без чего она вообще не наука, а лишь эмпирически-описательное знание.

исторического и логического к тем или иным отраслям обществоведения, то он еще не получил должной разработки. Четкое представление о единстве исторического и логического при исследовании объектов различных наук, о взаимосвязи с другими научными методами позволит решить многие принципиальные вопросы каждой отрасли обществоведения, ее структуры, эмпирических основ и теоретических оснований, критериев объективности, системности, истинности и т. д.

Вне исторического контекста, связывающего явления и процессы современности с теми явлениями и процессами, которые им предшествовали, равно как и с теми, которые возникнут на их основе в более или менее отдаленной перспективе, невозможно познать саму эту современность. И это вполне естественно, поскольку в обществе всегда имеются остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего. Любое современное явление или процесс имеет свои корни в прошлом, которое через отражение в настоящем устремлено в будущее. Поэтому научное исследование правовых явлений и процессов не может ограничить себя их состоянием лишь на данный момент «наличного» существования, поскольку будет утрачена причинно-следственная связь в историческом развитии права. Единство исторического и логического является воплощением всеобщности принципов развития и материального единства мира, перехода количественных изменений в качественные, единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания и т. д. как неотъемлемых моментов объективного исторического движения. Сущность последнего может быть понята при условии, если будет вскрыта логика процесса. Конкретно-историческое содержание явления отражается в логической форме. Вместе с тем понимание логики исторического развития позволяет осмыслить природу и характер исторической конкретности, в частности правовых явлений и процессов.

Основываясь на принципе историзма, логическое исследование права раскрывает историческую повторяемость его явлений и процессов, их общие принципы движения и развития безотносительно к тем конкретным формам, в которых они выражаются. Исторический же анализ направлен на выявление специфических черт и особенностей происходя-

щих в праве изменений, наблюдаемых не только потому, что логическое отвлекается от своеобразия конкретных правовых явлений и процессов, без чего невозможно познание их сущности, но и потому, что они, как правило, развертываются отнюдь не в той последовательности, которая «предполагается» предшествующей логикой развития права. Если логическое выражает массовидные и масштабные правовые явления и процессы, обнаруживает общие тенденции их эволюции, то историческое может ограничить свою задачу изучением локальных правовых образований, существующих лишь на определенной стадии развития того или иного конкретного общества.

В основе логического лежит историческое; историческое же пронизывает логическое, не только взаимодействует с ним, но и проникает в него. Даже самая абстрактная логическая форма права является также и исторической, поскольку эта форма, являясь результатом сопоставления, анализа и обобщения определенного исторического опыта, претерпевает под воздействием исторического развития определенные изменения. Логическая теория правового развития является не чем иным, как итогом «преобразования» в мышлении особенностей движения правовых явлений и процессов. Именно в силу своей синтезированной, интегрированной правовой логика способна проникнуть в существо этих особенностей, выявить их внутренние связи, основы взаимодействия и взаимопроникновения. Тем самым логический аспект философии права играет методологическую роль в изучении истории права, в познании ее многообразия применительно к конкретным периодам.

Отсюда вытекает необходимость соблюдения единства логического и исторического в исследовании любого правового объекта. Между тем в научной литературе сложилась тенденция, когда его анализ осуществляется либо только в историческом аспекте, либо в логическом. В принципе допуская возможность подобного «разделения труда», не следует забывать, что логика мышления исторична в той же мере, в какой логична история. Именно поэтому любое исследование права в своей основе должно исходить из единства исторического и логического. С одной стороны, логич-

ность свойственна историческому познанию права, равно как и историчность присуща его логическому познанию. С другой стороны, очевидно их различие в рамках единства.

В итоге единство выступает как одно из выражений соотношения между познанием права в логическом аспекте и познанием его истории. Без понимания сущности права невозможно научное освещение этого института; логическое определяет принцип подхода к историческому, поскольку позволяет установить, например, время возникновения права, отграничить нормы права от обычаев, религиозных правил и морали первобытнообщинного строя. Но вместе с тем без знания истории права исключается глубокое осмысление его сущности, ибо лишь на основе исторических обобщений обеспечивается возможность понимания проблем возникновения и развития права.

Задача философии права заключается не в том, чтобы воспроизвести весь многообразный процесс исторического развития права, чередования конкретно-исторических правовых памятников и фактов, смены одних правовых систем другими и показать этот процесс в последовательной конкретно-хронологической форме, что составляет задачу истории права. В отличие от нее философия права призвана раскрывать объективно-существенное в его происхождении и необходимости в освобожденном от случайностей виде. В системе разрабатываемых ею абстрактных категорий многообразие конкретных перипетий исторического развития вовсе не исчезает бесследно, а присутствует в снятом виде.

Таким образом, как без исторического воспроизведения правового развития исключается возможность логического осознания его закономерностей, так и без логического осмысления объективного хода исторического развития права невозможно вскрыть внутренние причины и механизмы его закономерного движения. Разумеется, историческое исследование, воспроизводящее фактическое развертывание правовой жизни, является первичным по отношению к ее логическому исследованию; оно всякий раз выступает в качестве обязательной предпосылки логического, поскольку необходимо знать историю того правового объекта, который мы намерены исследовать. При этом, конечно же, историческое

исследование права оказывает помощь в построении его логической теории лишь в том случае, если само историческое исследование осуществляется в соответствии с объективной логикой исторического правового развития. Такая теория создается на основе общей мировоззренческой позиции исследователя (имеющей глубокую логическую сущность) в виде конденсированной логической схемы или модели правовой системы (гипотетического представления об историческом развитии права в его целостности), в соответствии с которой и осуществляется историко-правовое исследование. Данная схема необходима как исходная точка в логическом движении историко-правового исследования. По мере расширения и углубления наших знаний она уточняется, дополняется и тем самым исправляется. Исправленное же представление о сущности и закономерностях правовой системы вновь выступает в качестве логической основы историко-правового исследования. Следовательно, логическое исследование права отнюдь не априорно «чистая» конструкция¹, а воспроизведения того же исторического в логическом прослеживании его внутренних связей, т. е. обнаружения сущности и закономерностей развития правовой системы того или иного общества. Обогащенное представление о сущности и закономерностях развития правовой системы выступает в качестве логической основы ее исторического познания, поскольку ориентирует историко-правовое исследование на обнаружение и фиксацию тех еще не развитых, зародившихся тенденций, которым в силу их внутренних потенций принадлежит будущее, на вычленение из многообразия связей и зависимостей правовых явлений и процессов тех из них, которые являются главными, основополагающими и определяющими. Но, увы, в этом преимуществе логического метода заложен

---

¹ Здесь необходимо оговориться, что выдвинутая идея о логической основе исторического познания ничего общего не имеет с кантовским априоризмом генетического механизма теоретического мышления, согласно которому изучаемые объекты в их чувственно данном состоянии организуются и структурируются с помощью до опыта данных, внеисторических, абсолютных норм познания. Именно в этом выражается несостоятельность кантовского априоризма.

и его недостаток по сравнению с историческим методом, поскольку, выделяя лишь то, что характеризует сущность и закономерности правового развития, он не в состоянии схватить все богатство этого процесса, что чревато значительным его обеднением. Применение любой логической модели к исторической реальности права, к живой, развивающейся правовой действительности всегда таит в себе определенный риск, связанный со стремлением «втиснуть» в заранее подготовленную схему (модель) эту действительность и тем самым ограничить ее богатство, упростить и в конечном итоге — исказить познаваемый объект. Именно поэтому применение логической схемы, особенно к правовой реальности, равно как и сама схема должны быть творческими, гибкими, что дает возможность ее исправления, уточнения и расширения, т. е. формирования такой модели, которая бы в максимальной мере соответствовала изучаемому правовому явлению или процессу.

Иначе говоря, логическое должно всегда корректироваться и обогащаться реальным материалом истории права. Если логическое в познании правовых явлений и процессов позволяет выявить их сущность в статическом состоянии (в данном случае мы отвлекаемся от их функциональности, обуславливающей их динамичность), определить общую схему их движения и развития в соответствии со всеобщими закономерностями социального бытия, то историческое привносит в это знание специфически неповторимое, характеризующее специфику этого движения и этого развития. Логическая схема (модель) права мертва до той поры, пока в нее не вдохнули живительную струю воздуха реальности правового развития. Но, с другой стороны, без логической схемы идеального образа права это развитие предстает как хаотическое нагромождение правовых норм, фактов, событий, ситуаций, не связанных между собой и не зависящих друг от друга, и выступает в виде простой суммы их состояний. В результате историзм в правовом исследовании оборачивается элементарным эволюционизмом, в котором причинно-следственные зависимости исторического развития права утрачиваются, отдельные его эпизоды обособляются, историческая преемственность между ними исчезает.

Лишь единство логического и исторического в познании права избавляет как от омертвления логического, так и от хаоса исторического.

Логическая схема права не только направляет процесс его исторического исследования по определенному руслу. Включая в себя также возможности и тенденции исторического развития права, она вместе с тем оказывается и моделью правового состояния общества в будущем, основные черты и особенности которого «заданы» его настоящим и прошлым. Именно с этим идеальным будущим «сверяются» исторические правовые явления, факты, события, процессы. И сколь бы парадоксальной на первый взгляд ни казалась включенность будущего в историко-правовое исследование, оно всегда присутствует в исследовании, нередко играя роль своеобразного ориентира. Конечно же, предметом историко-правового исследования вовсе не является будущее состояние правовой системы. Речь идет о другом, а именно о логическом приеме историко-правового познания, когда тотальное представление о будущей правовой системе как о цели проецируется через анализ настоящего на осмысление прошлого. Подобный логический прием историко-правового познания позволяет вскрыть тенденции развития права. Он необходим для того, чтобы не «потеряться» в зигзагах, изломах и поворотах истории, но, сумев сохранить общую перспективу, вычленив, так сказать, красную нить развития права.

Общая гипотетическая модель предполагаемого процесса развития права, основываясь первоначально на интуиции и догадках исследователя, впоследствии подтверждается или опровергается заключениями и выводами, добытыми в результате анализа исторических фактов правового развития. В том случае, если эти факты противоречат выдвинутой модели, она изменяется, уточняется или вовсе заменяется иной, более адекватной накопленному фактологическому материалу. Обогащение исследования историко-правовыми данными позволяет выдвинуть серию дополнительных моделей (так сказать, моделей вторичного порядка), которые, в свою очередь, подтверждаются новыми историко-правовыми данными или отрицаются ими. В последнем случае выдвинутые модели вновь уступают место иным идеальным схемам; затем на базе «первичной» гипо-

тетической модели обобщающего характера осуществляется систематизация дополнительных моделей вторичного порядка. Обогащенная необходимым и достаточным историко-правовым материалом, идеальная конструкция, включающая обобщающую схему и дополняющие ее модели вторичного порядка, трансформируется в ходе различного рода логических процедур в своего рода аналог реального исторического развития права. Сам же этот логический аналог или, точнее, идеальный образ такого развития выступает началом для более углубленного познания правовой системы общества и соответственно формирования новых моделей.

Итак, логическое знание характеризуется тем, что составляющие его понятия и выводы разрабатываются не за счет описания историко-правовых фактов, констатации происходящего или систематизации совершающихся событий. Логическое знание не просто отражает историко-правовую действительность и ее явления. Будучи относительно устойчивой инвариантной основой различных состояний и свойств правовых явлений, логическое знание фиксирует внимание на их существенных сторонах и моментах. В силу этого оно приобретает способность вскрывать объективные закономерности развития права, обнаруживать его тенденции и предсказывать перспективы изменений и преобразований данного института. Именно благодаря этим возможностям логическое знание оказывается одной из составляющих прогресса в праве.

Подытоживая сказанное, подчеркнем, что, в отличие от логического, в историческом моменты комментирования, описательности, систематизации играют значительно более важную роль. Для историка последние суть основной продукт утоления исследовательской жажды. Но отсюда не следует, что логическое вообще игнорирует реальный исторический материал. Отталкиваясь от него, оно имеет дело главным образом с идеальными конструкциями и схемами. Соответственно в логическом познавательный интерес удовлетворяется за счет абстрактных категорий и понятий, обобщающих выводов и заключений.

Для логического в рамках исторического проводится колоссальная работа по комментированию, описанию и систематизации фактов правовой действительности. Благодаря это-

му логические конструкции и схемы предстают не тощими и мертвыми, но понятиями, оплодотворенными силой реальной жизни, иначе говоря, имеющими под собой объективные основания.

Логическое в развитии права есть в то же время и историческое в том смысле, что оно выводится из опыта правовой истории и обобщает этот опыт. Но, поскольку речь идет об обобщении, логическое охватывает исторический опыт права, отвлекаясь от специфического, индивидуального, случайного. Изучение особенного и единичного в правовой системе может быть отнесено к сфере исторического. И тем не менее при всем различии логического и исторического точнее было бы говорить о едином логико-историческом подходе, который предполагает изучение предыстории, истории, зрелого состояния и перспектив развития права. Именно в этом заключается диалектический и историко-материалистический принцип познания права. Уместно в этой связи напомнить слова К. Маркса о гегелевском понимании соотношения реальной политической жизни и логики, глубоко раскрывающие существо вопроса: «Гегель дает *своей логике политическое тело*, но он не дает *логики политического тела*»¹.

Заметим кстати, что в юридической литературе при исследовании «правового тела» нередко апеллируют к собственно юридической логике, вместо того чтобы попытаться выявить и пояснить объективную логику правовой действительности. Логика «правового тела» есть, как подчеркивалось выше, отражение реальной жизни права, продукт рационального познания его объективных закономерностей. В результате такого познания последовательно раскрываются этапы, тенденции, формы перехода правовой системы общества из одного качественного состояния в другое. Тем самым открывается путь для воздействия (в том числе и правовыми средствами) на ускорение желательных процессов или, наоборот, на торможение, обуздание нежелательных.

Логическое познание имеет дело преимущественно с объектами, достигшими зрелости, «классической формы», когда за-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 273—274.

кономерность развития обнаруживается в максимальной мере. Именно поэтому логическое осмысление того или иного правового объекта позволяет через познание его зрелого состояния увидеть процесс системообразования данного объекта, включая его зарождение, становление и упрочение. Вместе с тем логическое представление о правовом объекте в его зрелом состоянии, содержащем его историю, в «свернутом», снятом виде, отвлекается от всего богатства и неповторимости фактов исторической действительности. Тем самым логическое представление оказывается неполным. Подобная неполнота восполняется историческим познанием правового объекта в результате прослеживания поэтапности, последовательности его развития. При этом историко-правовые нормы, факты и события выступают здесь не только в качестве исходного материала и основы исследования, но и в качестве самого объекта историко-правового познания.

Как уже отмечалось, историко-правовое исследование все не сводится к простой регистрации норм, фактов и событий, имевших место в развитии правовой системы. В ходе воспроизведения ее истории отбираются лишь те из них, которые имеют существенное значение для характеристики этой системы и выявления присущих ей закономерностей.

Однако неправильно было бы абсолютизировать вывод, согласно которому логический подход оправдан лишь при познании правовых объектов, переживающих зрелое состояние, а исторический акцентирует внимание на этапах становления и формирования данных объектов. При такой постановке вопроса оказалось бы, что логическое исследование возможно лишь по достижении объектом развитого состояния. Речь идет не о моменте, начиная с которого логическое заменяет историческое, а о том, что анализ объекта в развитой форме позволяет более отчетливо прояснить вопрос о предшествующих формах, из которых в конечном итоге сформировалась зрелая форма данного объекта. В принципе и тот и другой подходы продуктивно применяются при познании как зрелого правового объекта, так и только еще становящегося, формирующегося. Их противопоставление является неоправданным. В не меньшей мере неоправданно противопоставление историко-логического исследования системно-функциональному, поскольку

ку именно в процессе функционирования правовой системы осуществляется ее изменение, совершенствование, развитие и преобразование.

Задача в ее полном объеме состоит в том, чтобы органически объединить исследование генетических связей и зависимостей компонентов правовой системы и ее исторического развития с исследованием функционирования элементов этой системы, а также с познанием ее организации и действия в качестве целостного образования, включая его социальное предназначение, эффективность действия, совершенствование и преобразование. Поэтому единство исторического и логического исключает разрыв между историей права и социологической теорией права, их противопоставление друг другу. Историческое исследование всегда социологично, равно как социологическое — исторично.

Проблема единства рассматриваемых подходов привлекает особенно пристальное внимание представителей истории права. И это вполне естественно, поскольку выяснение назначения данной области знания требует четкого решения вопросов о том, сводится ли ее функция лишь к описанию исторического развития права или она включает в себя также разработку логических обобщающих конструкций и выявление объективных закономерностей этого развития; каков уровень разрабатываемых понятий; где проходит линия предметного различения истории права и философии права. На эти и подобные им вопросы традиционно отвечают следующим образом: первая изучает историческое развитие правовых явлений и процессов во всей их конкретности и хронологической последовательности, а вторая объясняет их сущность и закономерности развития. Однако историю права как науку неправомерно представлять хранилищем для сырого правового материала, необоснованно отводить ей лишь «вспомогательную» роль по отношению к философии права. Отвергая «чистую теорию права», с не меньшим основанием должно отвергать и «чисто эмпирическое правовое летописание», что вынуждает более внимательно и корректно решать вопрос о критериях их разграничения.

Разграничение данных отраслей знания важно потому, что определение их предметов предвещает изучение происходящих

с ними изменений, является необходимым условием такого изучения. Но задачу разграничения нельзя возводить в абсолют. Сказанное тем более верно, если учесть, что в настоящее время набирают темпы интегративные процессы. Они делают грани между отраслями наук менее четкими, ибо происходит взаимопроникновение их предметов, что безусловно способствует прогрессу познания и ориентирует исследователей на анализ связей между философией права и историей права.

Иногда эти критерии усматривают в двух уровнях познания права. «Низший» относится к «ведению» истории права, а «высший» — философии права. Против такого решения проблемы в принципе нет возражений, поскольку разграничение предметов иных наук проводится также по «уровневому» критерию. При этом, однако, следует иметь в виду относительность как самого критерия, так и проведенного на его основе предметного разграничения. На самом деле «низший» уровень (особенное и отдельное) невозможно постичь без «высшего» (общего), равно как и последний является результатом синтезирования множества «низших», т. е. особенных и даже отдельных, историко-правовых явлений. Ошибочно трактовать соотношение исторического и логического в том смысле, что первое является особенным (и отдельным), а второе — общим. И историческое, и логическое может быть как общим, так и особенным и даже отдельным¹. Претензии на ограничение уровня, который «доступен» истории права, бесплодны, поскольку неизменно опровергаются познавательными возможностями самой этой науки². Известно, что заслугой именно истории права является открытие и формулирование многих закономерностей

---

¹ Подробнее об этом см. гл. 8 наст. изд.

² Тем не менее подобные ограничительные тенденции исторической науки имеют место даже у самих историков. Так, приведя слова Энгельса о том, что логический метод «в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей»; что логическое воспроизведение истории дает отражение ее процесса «в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс до-

развития данного института, вошедших в «золотой фонд» теории права и философии права.

В органической связи, а в определенных случаях даже в слиянии истории права и философии права не только нет ничего недопустимого, но, напротив, такие процессы следует поощрять, ибо они обогащают эти науки. Подобное суждение

стигает полной зрелости, своей классической формы» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 497), А. Я. Гуревич пишет: «Вот против этого “освобождения” от “мешающих случайностей”, “исправления” действительного хода истории и сведения ее процесса к “классическим формам” не может не восставать мысль “практикующего” историка». Но напрасно этот историк «восстает» против приведенных рассуждений Энгельса. Какое же «восставший» историк видит различие между логическим и историческим методами? Этот вопрос не получил ответа у автора. Вместо этого его дальнейшие рассуждения как раз и подтверждают правильность приведенной цитаты. Он пишет: «Разумеется, он (т. е. «восставший» историк. — Д. К.) не остается рабом хаоса эмпирических фактов и руководствуется неким общим представлением об историческом процессе». Но позволительно спросить: каким же образом достигается историком это «некое общее представление», если не благодаря логическому методу, «освобожденному» от «мешающих случайностей»? Каким образом, если не благодаря логическому методу, историк «не остается рабом хаоса эмпирических фактов»? Автор далее убежден «в том, что историку необходима теория, но теория, не отрывающаяся от исторической почвы (нетрудно заметить, что здесь воспроизведено то, что сказано Энгельсом. — Д. К.); то в чем он нуждается, — не всеобъемлющая система, а комплекс теоретических посылок, поднимающихся над эмпирией, но ни в коем случае не порывающее с ней». Этот «комплекс теоретических посылок» автор именуется «теорией среднего уровня». То, что эта теория необходима не только историку, но и любому исследователю социального объекта, не может вызвать сомнения. Но почему, наряду с «теорией среднего уровня», историку не дозволяется воспользоваться и «теорией высшего уровня», остается непонятным. Во всяком исследовании необходимо использовать высший, средний и низший уровни познания, и при этом, как правильно отмечает и сам автор, «каждая историческая форма человеческого общежития представляет самостоятельный интерес» (Гуревич А. Я. Теория формаций и реальность истории//Вопросы философии. 1990. № 11. С. 42).

Из приведенного высказывания Энгельса у нас вызывает серьезные сомнения иное утверждение, а именно: в историческом процессе «каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы». Не означает ли это, что до достижения определенного момента исторического процесса логический метод не может быть применен? Мы же полагаем, что логический метод применяется с самого начала исторического исследования и вплоть до завершающей его стадии.

вовсе не относится к разряду чисто умозрительных заключений. В нем фиксируется реальность последних десятилетий, характеризующаяся все возрастающей тенденцией теоретизации истории права и историоризации философии права.

История права не в состоянии ограничиваться изучением закономерностей лишь «низшего» уровня, — логика исследования обязывает ее вклиниваться в сферу всемирно-исторических закономерностей общественного развития. И это понятно. Ведь познание специфических, конкретно-исторических закономерностей права невозможно без исследования общих, всемирно-исторических его закономерностей, поскольку в первых, сообразно месту и времени, воплощаются вторые. Здесь допустимо следующее возражение: сказанное отнюдь не исключает того факта, что общие закономерности формируются философией права и используются историей права при познании конкретно-исторических закономерностей. В принципе такое возражение оправданно, но лишь с учетом того, что нередко возникает познавательная ситуация, когда конкретно-исторические закономерности обнаруживаются в рамках истории права, а направляющие их общие закономерности остаются еще не выявленными философией права. При такой ситуации историк права едва ли остановит свое исследование «до лучших времен»; он не станет ожидать соответствующих открытий философом права, а будет двигаться дальше, возвышаясь в своем познании до уровня открытия общесоциологических, всемирно-исторических закономерностей правовых явлений и процессов. Но и представителям философии права для обнаружения этих закономерностей зачастую приходится решать задачу по прояснению вопроса о конкретно-исторических закономерностях, коль скоро ее не решили специалисты в области истории права.

Если логика общих закономерностей правового развития продолжается, развертывается, детализируется в специфических конкретно-исторических закономерностях, то последние не могут не входить в предмет философии права, поскольку в них и через них раскрывается история возникновения, становления и развития объекта до степени зрелого состояния. В результате оказывается, что не только история предмета философии права, но и его сущность становятся более понятны-

ми при изучении специфических, конкретно-исторических закономерностей развития правовых явлений и процессов. С другой стороны, если в специфических, конкретно-исторических закономерностях продолжают, развертываются, детализируются общие закономерности правового развития, то последние должны имманентно входить в состав предмета истории права, поскольку обнаруживают логику его системы. В результате и предмет истории права возможно лучше понять при изучении общих закономерностей правового развития.

Таким образом, исключается жесткое «объектное» различие предметов истории права и философии права, поскольку обе эти науки исследуют как специфические, конкретно-исторические, так и общесоциологические, всемирно-исторические закономерности развития правовых явлений и процессов. Отсюда, однако, вовсе не следует, что тем самым вообще исключается дифференциация предметов этих наук. Предметное отграничение одной науки от другой, осуществляемое в основном по объекту познания, не является единственным. Здесь используются и иные критерии (особенно в смежных науках). В качестве таковых служат, в частности, функциональное назначение, уровни, аспекты, задачи или цели познания соответствующих объектов. Поскольку, как было отмечено выше, объекты интересующих нас наук не только перекрещиваются, взаимопроникают, а во многих случаях и совпадают, постольку их отграничение проводится путем привлечения названных дополнительных критериев.

Итак, предметное различие данных наук может быть выражено в общей форме следующим образом: если философия права, изучая общесоциологические, конкретно-исторические закономерности права, преследует цель сформировать тенденции их логического развертывания в целом, безотносительно к специфике их проявления в условиях определенно-го места и времени, то история права, изучая те же закономерности, имеет своей целью отобразить в хронологической последовательности те правовые явления, факты, события и процессы, в которых данные закономерности воплощаются как во всемирной правовой истории, так и применительно к отдельным ее этапам и странам. Из этой формулы видно не только объектное различие в целях (логическое и истори-

ческое отражение правового развития) этих наук. При этом логическое изучение правового развития вовсе не исключает, а, наоборот, предполагает исторический подход к этому развитию, равно как и историческое изучение правового развития вовсе не исключает, а, наоборот, предполагает логический подход к этому развитию.

Важно в этой связи подчеркнуть, что философизация исторического познания права вполне может достигнуть такого уровня, который не только приблизит ее к логическому познанию, но и в состоянии слиться с ним. От этого только выиграет как философия права, так и история права. Но если философизация истории — явление прогрессивное, то нередко наблюдаемая искусственная «логизация» теории (теория по природе своей логична) не только бесплодна, но и вредна. Критикуя, в частности, идеализацию предмета исследования в гегелевской «Философии права», К. Маркс справедливо отмечал: «В центре интереса стоит здесь не философия права, а логика. Работа философии заключается здесь не в том, чтобы мышление воплощалось в политических определениях, а в том, чтобы наличные политические определения улетучивались, превращались в абстрактные мысли. Философское значение имеет здесь не логика самого дела, а дело самой логики»¹.

До сих пор соотношение исторического и логического анализировалось с точки зрения подхода к объекту исследования, а также в связи с предметным различием смежных наук. Теперь же обратимся к рассмотрению этого соотношения со стороны их методов (т. е. исторического метода и логического метода).

Предметное различие философии права и истории права вовсе не основание для разрыва и противопоставления логического и исторического методов познания социальной и, в частности, правовой реальности.

Нет сомнения в том, что на различных этапах исследовательского процесса можно (и нужно) пользоваться только логическим или только историческим методом. Отсюда,

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 236.

кстати, вытекает относительная самостоятельность каждого из них. Подчеркнем: именно относительная, а не абсолютная самостоятельность. Нет исторического метода без опоры на логический, равно как и логический метод невозможен без исторического. Игнорирование исторического метода влечет за собой схематизм логического, равно как и пренебрежение логическим методом оборачивается эмпиризмом исторического.

Конкретное взаимодействие логического и исторического методов зависит от характера и целей исследовательского процесса: в философском исследовании на первый план выдвигается логический метод, в то время как исторический метод играет вспомогательную роль; в историческом же исследовании первостепенная роль принадлежит историческому методу, а логический метод его сопровождает, исполняя роль направляющего ориентира.

Как уже отмечалось, нет ничего необычного в том, что историческое исследование порой достигает такого уровня логического обобщения, что переходит в ранг философского исследования. Точно так же нередко философское исследование, не утрачивая логической сущности, будучи насыщено богатым историческим материалом, фактически выступает как историческое исследование. Но в обоих случаях вовсе не утрачивается относительная самостоятельность ни методов, используемых в этих науках, ни предметов этих наук. Однако происходящая интеграция наук охватывает не только их предметы. Наряду с этим происходит взаимопроникновение методов.

Применение логического метода в исследованиях правовых систем нельзя себе представлять в виде умозрительного философствования, поскольку логика не ограничивается сферой абстракций. Она нуждается в постоянном соприкосновении с действительностью. С другой стороны, применение исторического метода в исследованиях процесса возникновения и развития различных типов и форм права, находящихся на определенной ступени истории, в условиях соответствующего места и времени, невозможно без предварительного, хотя бы элементарного представления о его сущности. Лишь основываясь на этом представлении, исторический метод спо-

собен раскрыть свои потенции при исследовании конкретной истории права. По мере обогащения знаний о конкретно-историческом развитии права элементарное первичное представление становится все более сложным, наполненным все более многочисленными связями и отношениями, характеризующими их сущность. Отсюда следует, что единство логического и исторического методов следует понимать не в виде простого их сложения или суммы, а как их связь, взаимодействие и взаимопроникновение. И в историческом, и в логическом исследованиях используется как тот, так и другой метод, происходит постоянное «оборачивание» в методе (*Umschlag in der Methode*).

В заключение вновь подчеркнем, что прошлое неизменно. Настоящее бессильно перед прошлым. Будущее лишь тогда прогнозируемо, если основано на опыте прошлого и настоящего. Познание прошлого, настоящего и будущего права будет тем успешнее, если опирается на единство исторического и логического методов.

Глава 9

КОНКРЕТНОЕ И АБСТРАКТНОЕ

Осознание людьми права представляет собой одну из важных и одновременно сложнейших форм, посредством которой они осваивают создаваемый ими мир, овладевают умением и навыками обща, общими усилиями воздействовать на жизнь этого мира, постигают искусство и культуру совместного бытия.

Специфика правового осознания обусловлена прежде всего особенностями его объекта, иначе говоря, права, являющегося всего лишь фрагментом действительности. Право, как известно, выполняет функции упорядочения и регулирования общественной жизни. Отсюда и его осознание не может не нести в себе некоего онтологического (социологического) начала в виде организующего момента.

Вместе с тем осознание права зависит и от субъекта. Как таковое оно наделяется чертами, выражающими духовное состояние человека (нравственные принципы, мировоззренческая позиция, идеалы, уровень образования и т. п.) и его реальное положение в структуре общественных связей. Подобная зависимость объясняет многообразие и различие в сознательном отношении людей к правовой действительности. Однако в этом много- и разнообразии имеются и некие общие начала, которые свойственны любым формам проявления этой действительности. Подобные начала проистекают из того, что освоение людьми права представляет собой процесс, в котором самым непосредственным образом задействовано сознание человека. Эта сторона дела и составляет предмет рассмотрения данной главы, в которой внимание концентрируется на соотношении конкретного и абстрактного применительно к осознанию, пониманию и познанию правовых явлений.

Из сказанного вовсе не следует, что вопрос о специфике сознательного отношения именно к праву должен быть снят как не имеющий сколько-нибудь существенного значения. Речь идет лишь о том, что он подчинен в главных своих чертах более общей проблеме — характеристике развертывания процесса сознательного отношения человека к действительности в целом.

Не требует подробной аргументации положение о том, что без созерцания правовой действительности исключается знание о ней¹. Мышление, стремясь проникнуть в сущность правовых явлений и процессов, не может не опираться на данные, являющиеся результатом «прямого» соприкосновения людей с этой действительностью. Реальная правовая жизнь входит в человеческое сознание через ощущения и восприятия, источником формирования которых является практическое участие людей в этой жизни².

---

¹ Ум, мышление не может обходиться без обобщений, нет науки без абстракций, которые являются лишь идеально-обобщенной моделью опытно воспринимаемых объектов — вещей, явлений и процессов. Еще И. Кант подчеркивал воздействие мышления на формы опытно-чувственного восприятия объектов: «...всякий опыт содержит в себе кроме чувственного созерцания, посредством которого нечто дается, еще и *понятие* о предмете, который дан в созерцании или является в нем; поэтому в основе всякого опытного знания лежат понятия о предметах вообще, как и априорные условия; следовательно, объективная значимость категорий как априорных понятий должна основываться на том, что опыт возможен (что касается формы мышления) только посредством них. В таком случае они необходимы и а priori относятся к предмету опыта, так как только с их помощью можно мыслить какой-нибудь предмет опыта вообще» (Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 187—188).

² Любопытен в этой связи вопрос, выдвинутый М. Хайдеггером: «...человек прежде всего и главным образом может искать только тогда, когда с самого начала предполагает наличие искомого... Неужели все-таки бывают поиски без этой заранее данной известности, поиски, которым отвечает одно чистое отыскание?» (Хайдеггер М. Что такое метафизика//Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 35).

То, что мысль предполагает наличие того, что ею мыслится, — очевидно. Но существует ли мысль без заранее мыслимого, существует ли «чистое отыскание»? Полагаем, что оно существует в виде, например, фантазии, интуиции или догадки. Однако эти и им подобные субъективно-чувственные переживания не являются одним лишь «чистым отысканием», поскольку сам человек вплетается в Dasein (существование, присутствие в жизни

Но чувственное познание не может дать подлинной картины правовой действительности, не в состоянии воспроизвести всего богатства ее содержания, так как отражает в основном лишь внешние и простые признаки, лежащие на поверхности этой действительности; такого рода познание подобно снимку, где за случайным не видится необходимое, а за явлениями и процессами — их сущность. Если бы исследователи только фиксировали и описывали состояние объекта, не формируя представления о нем, то была бы утрачена связь с этим изучаемым объектом.

С точки зрения формального юридического мышления (например, нормативизма), рассуждая, в частности, о правовой норме, нельзя выходить за ее пределы. Поэтому-то «чистое учение о праве» и ограничивается лишь описанием и в лучшем случае определенной систематизацией того, что выступает на поверхности правовой действительности. С точки же зрения философии права нельзя рассматривать правовую норму без привлечения всего того, что является по отношению к ней отличным, противоположным, что одновременно предполагает и отрицает ее. Поэтому подлинно научное познание правовой нормы окажется возможным лишь тогда, когда изучена не только структурная ее организация или форма выражения вовне, но и те исторические условия, внутренние причины возникновения, упрочения и развития, которые обусловили определенную сущность, содержание и форму данной нормы, а тем самым и пути, способы, методы ее осуществления, эффективность действия и результативность в воздействии на общественную жизнь.

вне зависимости от познания этих переживаний, т. е. до их самопознания). При этом, как указывал И. Кант, «необходимо сделать чувственным (sinnlich) всякое абстрактное понятие, т. е. показать соответствующий ему объект в созерцании, так как без этого понятие (как говорится) было бы бессмысленным (ohne sinn), т. е. лишенным значения» (Кант И. Соч. Т. 3. С. 302).

Отвлечение от эмпирических данных и восхождение к рациональному мышлению, образно говоря, напоминают творчество живописца, когда в его произведении на первый план выдвигается главный авторский замысел, а фон приобретает вспомогательный характер, «размытый» колорит, подчеркивающий основную идею изображения.⁴

Логическое познание права — длительный, сложный и многоступенчатый путь от анализа к синтезу, от явления к сущности, от конкретного к абстрактному, от определения права к его практической реализации. Оно движется от внешних представлений о конкретностях, данных в непосредственном созерцании, к глубинной сути всей их совокупности. За восприятием внешних данных о правовых явлениях следует этап, на котором углубляются «первичные» представления об этих явлениях. Знаменуя собой начало собственно исследовательского процесса, этот этап вводит в действие основной инструмент логического познания — абстракцию. В ходе формирования абстракций происходит обнаружение тех признаков, черт, особенностей правового объекта, которые оказались незамеченными при созерцательном его восприятии, осуществляется выявление их качества, а также внутренних связей и противоречий, складывающихся между ними. Здесь познание приобретает рациональный характер; на смену эмпирическим методам, ориентирующимся на описательность фактов, событий и явлений, приходят иные, более совершенные и сложные познавательные средства, пригодные для анализа правового объекта с точки зрения явления и сущности, содержания и формы, причины и следствия, необходимости и случайности, системы и структуры, целого и части, общего, особенного и отдельного. С переходом от эмпирического познания к рациональному совершается качественный скачок; скольжение по поверхности изучаемого объекта уступает место погружению в его сущность. Это погружение — бесконечно длящийся процесс, ибо за обнаружением сущности первого порядка следует выявление сущности второго, третьего порядков и т. д. Сущностный анализ не изолирует объект, но берет его во всей сложности и противоречивости внутренних связей, взаимоотношений с другими объектами и средой, в условиях которой он живет. На всем пути этого анализа формируются понятия, в которых фиксируются те или иные достигнутые результаты познания. Совокупность понятий образует несущий каркас теоретической концепции, которая, строго говоря, представляет собой также понятие, но более емкого, предельно широкого содержания и более высокого уровня.

Поэтому характеристика концепции равнозначна процессу развертывания этих понятий. Всякая теория выражается в серии понятий, они составляют ее основной «строительный материал». Однако как концептуальная теория немислима без образующих ее понятий, так и последние обретают свою ценность в качестве познавательных средств лишь тогда, когда они встроены в единую теоретическую схему, выступают не сами по себе, а в виде фрагментов выражения этой схемы.

Если мы попытаемся с учетом сказанного представить модель познавательного процесса, то она будет выглядеть следующим образом: объект познания $\Rightarrow$ его чувственное, обыденное, донаучное отражение $\Rightarrow$ установление внешних связей, признаков и свойств объекта $\Rightarrow$ анализ и обобщение этих связей, признаков и свойств в рациональном, теоретическом, научном мышлении, определение сущности объекта и формирование соответствующих понятий $\Rightarrow$ конструирование научных теорий, концепций, учений $\Rightarrow$ сравнение полученных результатов исследования с опытом предшествующих исследований, их отрицание или дополнение, изменение, развитие $\Rightarrow$ внедрение в практику результатов исследования $\Rightarrow$ возвращение к объекту познания и корректировка практикой результатов исследования.

Остановимся подробно на этих компонентах познавательного процесса.

Процесс познания конкретных правовых объектов, как мы видим, движется от ощущения, восприятия и представления об этих объектах к образованию сложных понятий, в которых высшее возникает из низшего, низшее переходит в высшее, высшее мысленно преобразует низшее, вскрывая его внутреннее содержание. Тем самым правовые понятия обладают такими качествами, которые позволяют их использовать не только как средство познания прошлого и настоящего применительно к соответствующим правовым объектам, но и как способ постижения, предвидения тенденций их развития в будущем.

Следует, однако, оговорить, что речь идет о компонентах или этапах познавательного процесса вообще. Конкретные же исследования не всегда следуют логике этого процесса. Вышеназванные компоненты и этапы нередко переплетаются,

меняются местами, дополняют и обогащают друг друга. Сказанное относится и к использованию диалектических категорий, которые распределяются вовсе не сообразно генеральной линии познающей мысли, а применяются как бы совокупно, взаимопроникая друг в друга. Как указывал Гегель, «главное для науки не столько то, что началом служит нечто исключительно непосредственное, а то, что вся наука в целом есть в самом себе круговорот, в котором первое становится также и последним, а последнее — также и первым»¹. Иначе говоря, исследование, достигнув определенного результата, на этом не останавливается, а возвращается к своему началу, т. е. к тем объектам, познание которых и составляет цель исследования и его основание. «Именно таким образом, — заключает Гегель, — каждый шаг *вперед* в процессе дальнейшего определения, удаляясь от неопределенного начала, есть также *возвратное приближение* к началу, стало быть, то, что на первый взгляд могло казаться разным, — *идушее вспять обоснование* начала и *идушее вперед дальнейшее его определение*, — сливается и есть одно и то же»².

Возвращение результата (познанной сущности конкретно-го) является этапом движения рационального познания к эмпирической данности, с которой она сливается и превращает ее в рационально осмысленное явление. Это слияние исключает разделение и тем более противопоставление эмпирического и рационального уровней единого научно-познавательного мышления. В отличие от сложившихся в философской литературе представлений мы полагаем, что сбор и описание эмпирического материала не входят составными частями в познавательный процесс, поскольку данный материал не относится к его уровню, предполагает его анализ, обобщение и систематизацию, с которых и начинается движение научного познания. При всей важности для науки эмпирических данных они выступают лишь в качестве исходного информационного материала. И если рациональное познание отнюдь не сводится к накоплению эмпирических данных, то они

¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 128.

² Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 3. М., 1972. С. 307.

и не входят в сам процесс этого познания, хотя бы даже его «низшего» уровня. Иначе пришлось бы признать, что любой, например конкретно-социологический, сбор материала уже представляет собой научно значимый результат. Более того, упрощенным было бы представление о том, что смысл рационального мышления сводится лишь к описанию или, в лучшем случае, к систематизации чувственно воспринимаемых объектов познания. Эмпирическое знание — это донаучное знание, оно является элементарной, непосредственной формой отражения действительности, простой констатацией фактов и событий. Конечно же, без накопления эмпирического материала невозможен его систематизация, аналитическая обработка и формирование обобщений. Эти операции относятся уже к рациональному осмыслению имеющегося материала. В ходе этого осмысления идет процесс формирования серии абстракций, выдвижения гипотез, конструирования теоретических моделей и иных идеализированных образов, «фигур логики», которые в совокупности представляют собой субъективную картину объективного мира.

Сколь бы удаленными от реальных объектов ни представлялись научные понятия, они опираются или исходят из эмпирических характеристик этих объектов и в конечном итоге возвращаются к ним, но возвращаются как к научно познанным, как к «единству многообразного». Даже заблуждения в науке представляют собой определенную форму отражения познаваемого объекта и тем самым обладают соответствующим объективно-предметным содержанием. На многочисленных примерах можно легко показать определенную степень адекватности заблуждений наличному бытию и «подтверждаемость» их эмпирическими данными. Конечно же, от этого заблуждение не перестает быть заблуждением; ведь оно отражает бытие в его исторически ограниченном ведении. Однако знание является истинным лишь тогда, когда оно воспроизводит это бытие не только в его непосредственной данности, но и в исторической перспективе развития, со всеми противоречиями, необходимыми и случайными его проявлениями. Поэтому-то иной раз так называемый непосредственный опыт находится в явном несоответствии с истиной.

Эмпирическое знание — это основа научного познания, но отнюдь не оно само, это тот фундамент, на котором строится «здание» рационального познания. Без твердого и достаточно прочного фундамента невозможно воздвигнуть это здание. Но в отличие от последовательности строительных операций научное познание осуществляется не по завершенным циклам работ, а как бы параллельно, одновременно, когда эмпирическое и рациональное знание перекрещиваются между собой, взаимно дополняют и обогащают друг друга на всем протяжении познавательного процесса. По мере накопления эмпирических данных происходит их обработка, обобщение и систематизация, появление новых эмпирических данных влечет за собой потребность в новом, рациональном их осмыслении, уточнении, изменении или дополнении прежних представлений. И этот процесс совмещения продолжается вплоть до момента достижения научной истины, выявления закона, которому подчинено развитие исследуемого объекта.

Эмпирический материал лишь предпосылка, основание для движения теоретического мышления, включающего различные уровни. Чем ниже, «приземленнее» уровень теоретического мышления, тем в большей мере оно переплетается со своим основанием, нуждается в конкретных данных, которые органично встраиваются в теоретические конструкции. Но по мере того как теоретическое мышление восходит на следующие уровни, эмпирические данные как бы трансформируются в синтезированный, обобщенный, идеализированный образ, приобретают типизированный вид, который не просто совпадает с конкретными эмпирическими данными (как с каждым в отдельности, так и с их совокупностью), но разительным образом отличается от них.

С точки зрения изложенной позиции несостоятельными представляются все эмпирические концепции, начиная с классического эмпиризма и кончая современным логическим эмпиризмом, поскольку они преимущественно ограничивают свою задачу воспроизведением конкретных социологических, политологических или юридических данных, игнорируют необходимость их осмысления собственно рациональным путем. Подобные данные, однако, способны лишь подтвердить,

опровергнуть или быть иллюстрацией уже известных науке положений и выводов.

Названные концепции, гиперболизируя значение эмпирического материала, исходя из его самоценности, не учитывают, что при обработке исследователем этот материал невольно попадает в орбиту имеющихся у него теоретического опыта и знаний и неминуемо оказывается предметом логического осмысления.

Ученый, разделяющий представления такого рода, вынужден оправдывать любую практику. Более того, эмпирическое знание, не переходящее в рациональное, таит в себе и ту опасность, что, осознавая лишь поверхностные пласты правовой реальности, оно может приводить к ошибочным выводам. И это понятно: ведь такое знание игнорирует сущность правовых явлений, не учитывает закономерности их изменения и развития.

С другой стороны, не менее опасно рациональное познание, изолированное от эмпирического, поскольку оно утрачивает связь с исследуемым объектом, о реальном состоянии которого сигнализируют как раз эмпирические данные. И в том, и в другом случае познание оказывается односторонним, а его результаты — не только необоснованными или неполными, но и ошибочными. Вряд ли такие исследования могут претендовать на научную ценность, ведь они не возвышаются над конкретными ситуациями правовой реальности до уровня их теоретического обобщения либо, напротив, не возвращаются к тем конкретным фактам и ситуациям правовой реальности, ради которых познание осуществляется.

Итак, только органическая связь и единство эмпирического осмысления правовой реальности и рационального мышления, обобщающего эту реальность, обеспечивают тот законченный цикл движения познания от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, который повторяется вновь и вновь, становясь каждый раз началом последующего аналогичного витка исследовательского процесса.

Обратимся теперь к тем методологически важным моментам, которые нередко игнорируются при воспроизведении и

тем более использовании, особенно в правовой сфере, описанного выше движения познания.

Необходимо подчеркнуть, что познание правовой действительности, представляя собой кумулятивный процесс, опирается на результаты и итоги, достигнутые ранее. Оно, в целях элементарной экономии труда исследователя, не должно повторять уже проделанную работу как по сбору информации о внешних признаках объекта, так и по формированию абстракций, фиксирующих его сущностные моменты. Каждый исследователь, приступая к работе, имеет дело с почвой, подготовленной к продолжению научных поисков, которые не были завершены его предшественниками. Поэтому в меру своей профессиональной подготовленности и культуры он использует то, что было сделано до него, т. е. использует уже собранный информационный материал и оперирует имеющимися абстракциями.

Сказанное, однако, не опровергает положения об общем пути познавательного процесса, который движется от изучения того, что лежит на поверхности объекта, к тому, что остается скрытым для внешнего наблюдения, т. е. к формированию абстракций, выражающих его сущностную природу. Ее обнаружение не есть однократное сведение внешнего к внутреннему; оно состоит из ряда звеньев в цепи проникновения от сущности первого порядка к сущности второго, третьего порядка и т. д. При этом движение познания от менее глубокой к более глубокой сущности правовых объектов нельзя представлять себе как движение прямолинейное. Нередко оказывается необходимым отклоняться от этой линии в сторону, анализировать и другие факторы, которые так или иначе воздействуют на изучаемый правовой объект и тем самым изменяют его, равно как и тенденции его развития. Более того, зачастую приходится возвращаться к познанию сущности правовых явлений и процессов или даже к тем внешним формам их выражения, с которых начиналось исследование. Это возвращение вызывается необходимостью убедиться в том, что сущность адекватна истине, выражена в соответствующих ей внешних формах. Оно предпринимается также с целью установить, какие причины обусловили выражение сущности именно в этих, а не иных формах, ка-

кие внутренние и внешние связи существуют не только между сущностью и ее формами, но и между изучаемыми и иными правовыми объектами, в каких отношениях они находятся с другими социальными факторами, явлениями, процессами и т. д.

Подчеркивая то обстоятельство, что сущность правового целого формируется в юридических абстракциях, не менее важно вскрыть «механизм» их образования. Он сводится к следующим процедурам. Первоначально правовое целое расчленяется на части, которые служат предметами специального изучения. Затем синтезируются их общие признаки, свойства и черты. В юридической абстракции, следовательно, определенным образом объединяются уже изученные отдельные, как бы выхваченные из правового целого его составляющие. Тем самым юридическая абстракция воссоздает внутреннюю целостность познаваемого правового явления или процесса, без чего это явление или процесс «распались» бы в мышлении на не связанные друг с другом фрагменты.

Но подобно тому как всякое целое не сводится к сумме своих частей, так и общая научная абстракция не является итогом простого объединения всех общих черт, свойств, признаков отражаемых явлений и процессов. Если бы это было так, то правы оказались бы те, кто объявляет любую абстракцию пустой, бессодержательной, лишенной конкретности, отдающей преимущество в социальном познании ощущению, восприятию, представлению. Можно, например, в различных исторических правовых системах обнаружить множество общих черт, свойств, признаков. Но такого рода познание правовых систем различных исторических типов остается на уровне представлений, не вскрывает сущности, закономерности их развития, ибо общее в правовых системах отнюдь не всегда идентифицируется с их существенными особенностями. Отсюда это общее не всегда должно рассматриваться и в качестве содержания понятия об этих образованиях.

В огромном многообразии конкретных проявлений правовой действительности первоначально выявляются повторяющиеся или одинаковые моменты; отвлекаясь от специфики каждого конкретного проявления правовой действительности, выделяется лишь то общее, что свойственно всей их массе.

Общее вовсе не является результатом выделения одного и того же признака, характерного для всех конкретных объектов, и исключения всех остальных, «не общих» их признаков. Общими могут быть и несущественные признаки явлений. Поэтому образование правовых абстракций осуществляется путем отвлечения от несущественных признаков правовых объектов, хотя бы даже и одинаковых для всех иных, и выделяются лишь те общие признаки данных объектов, которые составляют их сущность. Следовательно, в абстракции общее следует понимать не как простое вычленение всего того, что свойственно массе отдельных объектов, а как выделение в них существенно общего.

Следует, однако, подчеркнуть еще один важный момент: в правовых абстракциях должны найти свое отражение не только существенные общие признаки правовых объектов, но и те существенные признаки, в которых выражается специфическая определенность той или иной обособленной группы правовых образований. В противном случае наше знание о праве окажется недостаточным и отвлеченным. Известно, что составляющие его явления и процессы, при всем отличии друг от друга, суть именно правовые, а не какие-либо иные. Именно в качестве таковых они обладают определенной общностью, что выражается, в частности, в общем понятии права, охватывающем собой не только его общие, но и специфические особенности.

Юридические абстракции окажутся подлинно научными лишь тогда, когда каждый из фиксируемых в них существенных признаков необходим для раскрытия специфики изучаемых правовых объектов, а их совокупность достаточна для выявления сущности этих объектов. Значение научной абстракции в правовой сфере в том и состоит, что оно вскрывает их внутреннюю связь, единство, общность, позволяет отделить главное от неглавного, существенное от несущественного, за случайным увидеть необходимость и тем самым обеспечивает возможность обнаружить объективные закономерности, «управляющие» правовым развитием. Посредством отвлечения от несущественного, случайного, частного и учета того существенно-общего, что свойственно массе единичных явлений и процессов, абстракция возвы-

шает единичное до особенного, а это последнее — до всеобщего.

Упрощением этой диалектической связи было бы сведение единичного к конкретному, а общего к абстрактному. Конечно же, единичное не есть абстрактное, равно как и общее — это не автоматически конкретное. Диалектика их соотношения куда сложнее; абстрактным общее является лишь в том случае, если оно обнаруживает и фиксирует общие связи и взаимодействия единичных вещей, явлений и процессов. Здесь общее не противостоит единичному, а является постижением последних в их взаимосвязи и взаимодействии, т. е. выступает как вполне конкретное. Подобно этому, единичное не противостоит общему, а является его продолжением, т. е. выступает как потенциально абстрактное.

Абстрактное представляет собой субъективное отражение действительного, которое как бы изолировано, оторвано от процесса его реального движения. Будучи субъективным в этом своем качестве, абстрактное является вместе с тем и объективным, поскольку выступает как момент, звено данного движения. Через соотношения абстрактно-конкретного с целым и частью, общим и единичным, субъективным и объективным наглядно обнаруживается их противоположность, единство, переход одного в другое. Без единства противоположностей исключается возможность выразить в языке логических категорий диалектику действительности и ее познания, поскольку эти противоположности постоянно отождествляются, систематически переходят друг в друга.

В ходе познания правового объекта может быть образовано не одно, а множество абстрактных понятий, и чем сложнее и многограннее эти объекты, тем в большем количестве понятий они нуждаются; как правило, они подразделяются на юридические абстракции высшего, среднего и низшего уровней. Соотношение же между ними подчиняется диалектике общего, особенного и отдельного¹.

При этом чем выше уровень абстракции, тем в меньшей мере «ощутимы» в ней конкретности особенных и отдельных

¹ Подробнее об этом см. гл. 13 наст. изд.

проявлений определяемых объектов; они в ней присутствуют в обобщенном, концентрированном, снятом виде. Поэтому нет никаких оснований пренебрежительно относиться к такого рода абстракциям. Наоборот, они представляют несомненную познавательную ценность, дают целостное представление об общей картине правовой сферы жизнедеятельности общества и являются одним из высших продуктов разума, который организует весь последующий исследовательский процесс, выступая в качестве одного из его философско-методологических оснований.

Каждая же отдельная абстракция среднего и низшего уровней, конкретизируя абстракцию высшего уровня, вместе с тем является итогом познания той или иной части, стороны, грани общей картины правовой действительности. В этом смысле они не только способствуют тому, чтобы эта картина отражала реальность в ее целостности, но и приближают отражаемое к реальности, предохраняют разрыв связей между тем и другим, обеспечивают практическую значимость теоретических изысканий.

В процессе образования юридических абстракций исследователь отвлекается от сферы отдельных, чувственно воспринимаемых проявлений правовой действительности. При этом, однако, абстрактное мышление, хотя и отдалается от реальных проявлений правовой действительности, не утрачивает своей предметности.

Сказанное тем более верно, если учесть, что научная юридическая абстракция отнюдь не является продуктом произвольного теоретизирования исследователя; она рождается на почве правовой практики, резюмирует, концентрирует, упорядочивает многосторонний практический опыт возникновения, действия и развития права. Именно благодаря этому научные юридические абстракции вскрывают правовые явления и процессы глубже, вернее, полнее, истиннее, чем простое чувственное их созерцание или непосредственное, «живое» представление.

В этой связи следует различать конкретность чувственного восприятия и конкретность абстракции. Если конкретность чувственного восприятия правовой действительности, характеризуясь определенной непосредственностью, вместе с тем

выступает как поверхностное, «хаотичное», бедное, малосодержательное познание правовых явлений и процессов, то конкретность юридической абстракции, преобразуя «чувственный» правовой материал, придавая ему обобщенный вид, становится содержательно богатой и разносторонней, ибо воспроизводит наиболее существенное, главное, основное, что свойственно внутренней сущности правовых объектов, что определяет их качественную специфику, вскрывает объективную закономерность их развития.

При этом в юридической абстракции материал, полученный исследователем на стадии восприятия правовых явлений и процессов, не «исчезает», не «ликвидируется», не «отбрасывается», а мысленно перерабатывается и в преобразованном виде воссоздается как единое целое.

Юридическая абстракция есть логическая основа конкретного, своеобразный узловой пункт, в котором объединяются в строгой логической системе общие, наиболее характерные, существенные, главные признаки и специфические особенности правовых явлений и процессов.

Будучи идеальным образом самих правовых явлений и процессов в их сущности, юридическая абстракция отнюдь не находится по ту сторону бытия этих явлений и процессов. Она вбирает в себя все многообразие этого бытия в его мысленно обобщенном выражении.

Она не просто фотографирует, не натуралистически изображает правовые объекты, а отображает их в преобразованном, концентрированном виде. Юридическая абстракция, если она действительно научна, не отрывает своих корней от почвы многообразных проявлений и движения правовой жизни, а через эти корни впитывает в себя живительные соки этой почвы. Абстракцию, из которой выхолощено все единичное и особенное, Гегель называл пустой, скудной, безжизненной, бесцветной и бессодержательной всеобщностью. «Абстрактное, — писал он, — считается в таком случае по той причине менее значительным, чем конкретное, что из него, дескать, опущено так много указанного рода материи. Абстрагирование получает согласно этому мнению тот смысл, что из конкретного вынимается (лишь для нашего субъективного употребления) тот или иной признак, так что с опущен-

нием стольких других *свойств и модификаций* предмета их не лишают ничего из их *ценности и достоинства*, а они по-прежнему остаются как *реальное*, лишь находящееся на другой стороне, сохраняют по-прежнему полное свое значение, и лишь *немоощь* рассудка приводит, согласно этому взгляду, к тому, что ему невозможно вобрать в себя все это богатство и приходится довольствоваться скудной абстракцией»¹.

Научная абстракция противостоит, по Гегелю, такого рода скудным абстракциям, поскольку вбирает в себя все богатство особенного, индивидуального, отдельного и обобщает их в существенности и определенности.

Речь идет, следовательно, не о том, чтобы юридические абстракции включали в себя все без исключения признаки отдельных правовых объектов, а о том, чтобы в них нашли свое воплощение существенные, первостепенные и необходимые признаки, которые в своей системности и составляют богатство отдельных правовых явлений и процессов. Поскольку же в юридических абстракциях объединяются, интегрируются лишь существенные признаки правовых явлений и процессов и отбрасываются их несущественные, второстепенные, случайные признаки, постольку и создается с первого взгляда впечатление, что эти абстракции носят неконкретный характер. Такое впечатление ошибочно. На самом деле если юридические абстракции более богаты по содержанию, более всесторонне, глубже, полнее, адекватнее, чем чувственное восприятие, отражают правовую действительность, то они, естественно, являются подлинно конкретными. Юридические абстракции о тех или иных правовых объектах вскрывают эти объекты в их взаимной связи и обусловленности, единстве, полноте и необходимости, т. е. конкретно. Конкретность юридического знания в том именно и состоит, что, обнаружив, вскрыв сущность, внутренние закономерности существования и развития определенных объектов, оно дает возможность представить в мышлении те их внешние стороны, с которых началось познание, не как не связанные между собой и случайные (какими они представлялись вначале, на чувственной стадии поз-

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VI. С. 17—18.

нения), а как необходимые проявления сущности данных объектов. С помощью юридических абстракций стороны изучаемых правовых объектов выступают в мышлении уже не как мертвые, оторванные, изолированные друг от друга, но в их взаимозависимости, развитии. Следовательно, диалектика познания правовой действительности состоит в том, чтобы, «отходя» от этой действительности, затем «приблизиться» к ней, прояснив ее сущность и тем самым становясь все более конкретным. Именно поэтому, как выражался К. Маркс, тоска по содержанию гонит абстрактного мыслителя к соприкосновению с действительностью.

Однако, несмотря на то что юридические абстракции конкретно отражают реальную правовую действительность, они всегда и неизбежно «огрубляют» всю тонкость связей и отношений этой действительности. Иначе и быть не может, ибо всякая абстракция «останавливает» движение реальной действительности.

«Омертвляя» живую действительность, абстракция в то же время является единственно возможной ступенью к ее постижению. С другой стороны, это «омертвление» отнюдь не означает, что абстракция в состоянии давать лишь безжизненную фотографию действительности. Оживление «омертвленного» в абстракциях достигается диалектичностью самих этих абстракций. Если объективная правовая действительность постоянно изменяется и развивается, если процесс движения правовых объектов протекает в борьбе противоречий и имеет своим результатом ликвидацию старого и возникновение нового¹, то и юридические абстракции, для того чтобы они верно отражали эту действительность, должны быть всесторонними, гибкими, изменяющимися, развивающимися, едиными в противоположностях. Достигается это путем

---

¹ Сущность, писал Гегель, «существенна лишь постольку, поскольку она имеет внутри самой себя свое отрицательное, соотношение с другим, опосредование». При этом он подвергает резкой критике «абстрактное тождество», которое исключает внутреннее различие, противоречие. Признание различия в тождестве позволяет отличить всякую плохую философию от того, «что единственно и заслуживает названия философии» (Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. I. С. 195, 198).

сложного процесса отражения, концентрации в юридических абстракциях реальных противоречий правовой действительности. Юридические абстракции могут и должны «схватить», «вобрать» в себя реальные противоречия объективного изменения и развития отражаемой правовой реальности.

Однако формированием юридических абстракций, отражающих противоречивость правовой действительности, не исчерпывается познание этой действительности. Юридические абстракции — не самоцель, не итог, не завершение правового исследования, а лишь этап в мысленном воспроизведении конкретных явлений и процессов правовой действительности. Поскольку всякая юридическая абстракция представляет собой обобщение определенных сторон, свойств или признаков конкретных правовых явлений и процессов, постольку она не только не совпадает, но и противоречит каждому отдельному правовому явлению или процессу. Задача познания в том и состоит, чтобы преодолеть, снять это противоречие, что и достигается путем восхождения от абстрактного к конкретному. Восхождение от абстрактного к конкретному — способ теоретической переработки данных созерцания и представления в осознание, чувственного опыта в рациональное постижение изучаемого объекта. Но прежде чем говорить о том, каким образом снимается это противоречие, необходимо выяснить, в чем оно состоит.

Движение мышления от конкретного к абстрактному обнаруживает общность соответствующих правовых явлений и процессов в «чистом» виде, без учета своеобразия каждого отдельного правового явления или процесса. И именно в силу этого обстоятельства конкретное в праве всегда противоречит юридической абстракции. Кроме того, каждое конкретное правовое явление или процесс постоянно изменяется, обрстая новыми чертами, признаками, свойствами. Через определенный отрезок времени мышление вновь возвращается к тем конкретным правовым явлениям и процессам, которые в своем развитии претерпели определенные изменения и в силу этого могут уже не соответствовать их первоначальному обобщению в юридических абстракциях. Естественной поэтому является потребность уточнить, скорректировать и саму ранее сформулированную абстракцию. Если изменение

и развитие правовой действительности непрерывно, то и юридические абстракции не могут оставаться неизменными, раз и навсегда данными, пригодными для любых условий, обстоятельств, ситуаций. Это постоянно возникающее несоответствие юридической абстракции развитию конкретных правовых явлений и процессов и составляет противоречие между ними. Данные противоречия, если они не преодолеваются, могут привести, с одной стороны, к отвлечению юридической абстракции от конкретной правовой действительности, а с другой — к накоплению лишь известной суммы знаний о конкретном в праве на эмпирическом уровне, не связанной с юридической абстракцией.

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению «механизма» восхождения от абстрактного к конкретному и снятия противоречий между ними, необходимо также предварительно уяснить, что категорию конкретного следует понимать в двойном смысле. Это, во-первых, сами правовые явления и процессы во всем их бесконечном многообразии, со всеми специфическими чертами, признаками, свойствами каждого из них. Они непосредственно выступают как представление о фактическом правовом явлении или процессе, находящемся на поверхности правовой действительности. Именно с такого конкретного и начинается любое юридическое исследование. Во-вторых, это результат постижения мышлением правовых явлений и процессов в единстве их многообразия, в системной целостности с многочисленными определениями, в синтезе этих определений. Этим, собственно, и заканчивается соответствующий цикл познания тех или иных правовых явлений и процессов. В этом смысле конкретное во-все не является констатацией отдельных признаков, черт, свойств изучаемого объекта, а представляет собой, если позволительно так выразиться, его абстрактную конкретность, под которой мы понимаем синтез многообразных его определений, органическое объединение, слияние, «сращение» существенных признаков, черт, свойств *изученного* объекта в единую целостность. Здесь конкретное выступает уже не как внешне созерцательное, эмпирически данное с многочисленными проявлениями, а как познанное в своей сущностной конкретности. Очевидно, что второй смысл понятия конкретного нам

не удастся постичь, применяя лишь эмпирические (например, конкретно-социологические¹ или конкретно-правовые) методы. Нельзя недооценивать направляющую роль общих понятий философии в использовании этих методов. В противном случае можно первое попавшееся эмпирическое знание о правовых явлениях и процессах — не исключено и чисто случайное — принять за фундамент всего «здания» правовой системы. И тогда мелкотравчатый эмпиризм восторжествует, а закономерности развития права исчезнут.

Абстрактно-правовое превращается в конкретное благодаря синтезированию, концентрации противоречий развития правовых явлений и процессов в единой, целостной картине правовой реальности. Иначе говоря, «духовно-конкретное»² есть синтез многих определений различных сторон, свойств, черт правовой действительности как конкретной целостности, познанной в ее существенных связях. Однако это конкретное не только соединение различных определений, но и единство многообразного. «Конкретное потому конкретно, — отмечал К. Маркс, — что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного»³.

Суть этого положения сводится к представлению о некоторой целостной системе во взаимосвязи и взаимодействии ее различных компонентов, где конкретное в мышлении воспроизводится через сложный комплекс логически связанных между собой многочисленных понятий и определений, каждое из которых выражает одну сторону, черту

---

¹ В связи с распространением конкретно-социологических методов при правовых исследованиях многие юристы под конкретным понимают лишь нечто эмпирически данное. Отсюда иногда делается вывод о том, будто юридическая наука может ограничиться сбором и описанием фактов, использованием анкетных данных или данных интервью, наблюдений, данных статистики и т. д. Конечно, конкретное как эмпирически данное реально существует и с него начинается познание, но познание им отнюдь не заканчивается. Дело в том, что в философии конкретное понимается и в качестве результата постижения истинности объекта.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 727.

³ Там же.

или свойство конкретного, а их совокупность — его целостную систему.

Восхождение от абстрактного к конкретному в правовом исследовании позволяет показать конкретные правовые явления и процессы в объективности, во всей полноте и единстве многообразного. В этом сложнейшем движении от абстрактного к конкретному решающая роль принадлежит законам и категориям диалектики как узловым пунктам, моментам, ступенькам в процессе познания правовой действительности. Восходя по этим ступенькам к конкретным проявлениям правовой действительности, исследование достигает полноты и единства в многообразии, которое и составляет конечную цель данного цикла правового познания.

В последующем будет предпринята попытка раскрыть значение диалектических законов и категорий в процессе познания права. Здесь же более подробно остановимся на вопросе о тех двух смыслах понятия конкретного, которые были отмечены выше. В юридической литературе «конкретность» понимается, как правило, в первом смысле как «непосредственная данность»; а второй смысл этого понятия — «единство многообразного» — не только не учитывается, но и нередко вообще игнорируется. Это выглядит особенно странно в наше время, когда широкой научной общественностью все более осязаемо осознается значимость логической культуры мышления. Отсутствие философских обобщений, абстрактного мышления, логических выводов в произведениях эмпирического характера восполняется обилием цифровых данных, примеров, описаний фактов и случаев из обыденной социальной и, в частности, правовой практики. Как здесь не вспомнить слова В. И. Ленина: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подбирать примеры вообще — не стоит никакого труда, но значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их целом, в их связи, не только “упрямая”, но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно толь-

ко игрушкой или кое-чем еще похуже»¹. Именно поэтому в отличие от эклектики «диалектика требует всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергивания кусочка одного, кусочка другого»².

Нельзя, разумеется, отрицать познавательное значение фактов, но только в том случае, если они берутся в целом, в связи с конкретно-историческими условиями их возникновения, существования, развития. Иначе говоря, лишь в обобщенной форме факты приобретают доказательственную силу, и такое их качество приобретается в результате именно абстрагирования от них. Каждый отдельный пример может быть иллюстрацией объективной закономерности, но не доказательством ее. В лучшем случае отдельные примеры могут подтверждать частные или случайные проявления закономерности, но они не в состоянии доказать ее возникновение, действие и развитие в целом. Такое цельное постижение закономерности доступно лишь абстрактному мышлению. Именно поэтому те произведения, в которых присутствуют только эмпирические данные и отсутствует их обобщение в абстрактном мышлении, не могут претендовать на научность, хотя и имеют справочно-информационное значение. Но когда такие произведения выдаются как эталон, образец научного творчества, тогда они опасны, поскольку замыкают науку на описании эмпирического материала. Еще более опасным является «воинствующий эмпиризм», который, облачаясь в наукообразную или лжепатриотическую форму, рассуждает о вреде абстрактно-философского мышления под тем предлогом, что оно-де отвлекает от миссии науки — непосредственного ее служения практическим потребностям дня. Между тем науке противопоказаны конъюнктурщина, пассивная регистрация фактов, чужающаяся смелых философских обобщений.

Нигилистическое отношение к философским обобщениям, отрицание значения абстракций равносильно разрушению самой науки.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 286.

В подтверждение данной позиции уместно привести убедительные, яркие высказывания Гегеля. О рассуждениях, отрицающих абстрактное мышление, он замечает с ироническим сарказмом: «Можно... отметить особую форму нечистой совести, проявляющуюся в том виде красноречия, которым эта поверхность важничает; ближайшим образом она сказывается в том, что там, где в этой поверхности более всего *отсутствует дух*, она чаще всего *говорит о духе*; там, где она наиболее мертвенно-суха, она чаще всего употребляет слова: “жизнь”, “ввести в жизнь”; там, где она проявляет величайшее, свойственное пустому высокомерию себялюбие, она чаще употребляет слово: “народ”». И далее: «Те, которые желают говорить философски о праве, морали, нравственности и при этом желают устранить мышление, а отсылают к чувству, сердцу и груди, к восторженности, высказывают этим то величайшее презрение, с которым стали теперь относиться к мысли и науке, ибо тут даже сама наука, отчаявшись в самой себе и дойдя до последней ступени усталости, делает своим принципом варварство и отсутствие мысли и, поскольку это зависело бы от нее, лишила бы человека всякой истины, ценности и достоинства»¹.

Научная абстракция противостоит, по Гегелю, такого рода скудным абстракциям, поскольку вбирает в себя все богатство особенного, индивидуального, отдельного и обобщает их в существенности и определенности.

Следовательно, абстракция абстракции рознь: некоторые из них тошние, мертвые, схоластичные, бессмысленные и поэтому никакого значения не имеют для науки и ею решительно отвергаются; другие — носят формальный, схематичный характер, но имеются и такие абстракции, которые силой своего могущества открывают человечеству законы его собственного бытия, вооружают общество теорией и методом преобразования этого бытия.

Вместе с тем необходимо отметить, что абстракции сами по себе, без связи с конкретностями действительности и без возвращения к ним теряют свои жизненные потенции. По

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VII. С. 48—49.

мере абстрагирования от конкретностей действительности, теоретического возвышения мышления утрачивается наглядность этих конкретностей, а сама абстракция все более бледнеет, становится одноцветной, не сравнимой с многоцветной действительностью, которая всегда ярче, богаче, содержательнее, разнообразнее любой абстракции. Следовательно, лишь противоречивое единство абстрактного и конкретного, их взаимодействие и постоянные переходы одного в другое обеспечивают реализацию потенций абстрактного и познание конкретного, его преобразования.

Проследим путь восхождения от абстрактного к конкретному в самых общих чертах (поскольку детализированное использование этого пути есть задача каждого специального исследования) на примере восхождения от сущности права к конкретным правовым явлениям и процессам. Сущность права как абстракция, образованная в результате обобщения конкретных проявлений правовой действительности, переходит в «отношения внешней жизни», в частности через конкретные правовые нормы и далее через правоотношения и иные формы реализации данных норм. В связи с этим первоначально исследуется простейшее проявление сущности права; одна из его «клеточек» — правовая норма. В итоге этого исследования каждая правовая норма, ее стороны, черты, свойства получают многочисленные определения. Так, например, обнаруживаются ее социальная природа, содержание, внутренняя и внешняя форма, юридическая сила и место в правовой системе в целом, связи и отношения с другими нормами, институтами и отраслями права, равно как и с другими регулятивными факторами общественной жизни, и многое другое. Вслед за этим исследуются более сложные проявления сущности права — конкретное действие правовой нормы в регулировании общественных отношений. В ходе этого исследования определяются, в частности, содержание правоотношений, основания для их возникновения, изменения и прекращения, составные части данных правоотношений. Наконец, исследование проникает в еще более глубинную суть отношений, регулируемых правовой нормой, определяя действенность, эффективность, результативность данного регулирования,

степень его воздействия на ту или иную сферу общественной жизнедеятельности¹.

Процесс перехода мышления от конкретного к абстрактному и восхождение от абстрактного к конкретному сопровождается такими универсальными логическими средствами познания, как анализ и синтез. С их помощью оказывается возможным переходить от менее конкретных к более конкретным правовым явлениям и процессам, познавать их стороны, признаки, свойства не как индифферентно стоящие друг возле друга, а как единое, органически связанное целое, т. е. вскрыть то общее, что внутренне объединяет многообразные проявления правовой действительности². Однако обнаружение единства, сущностной общности различных правовых явлений и процессов далеко еще не завершает процесс познания. С помощью анализа целостная правовая действительность расчленяется на составные части (например, нормы права, правоотношения, юридические факты и т. д., которые, в свою очередь, расчленяются в процессе анализа на составные элементы),

---

¹ «На рассматриваемом втором, завершающем этапе исследования, — указывал С. И. Аскназий, — мы возвращаемся к исходному пункту исследования. От вскрытой ранее “сущности” определенной группы правовых отношений мы синтетически восходим к тому, как эта сущность “проявляется” в правовой сфере, т. е. к тому, что непосредственно дано в законодательстве (в форме правовых норм) и в хозяйственном обороте (в форме правоотношений). Однако если в исходном пункте анализа эти данные в правовом опыте нормы и отношения выступали лишь как факт (по выражению Маркса, как “хаотическое целое”), то в результате этого завершающего этапа исследования они оказываются уже познанными как необходимые во всех своих качествах и определениях» (Аскназий С. И. Общие вопросы методологии гражданского права//Ученые записки ЛГУ. Серия юридических наук. Вып. I, 1948. С. 49).

² П. В. Копнин, воспроизводя рассуждения известного физика В. Гейзенберга о сущности абстрактного (см.: Heisenberg W. Die Abstraktion in der modernen Wissenschaft//Wissenschaft und Fortschritt. 1964. № 3. S. 100), приходит к выводу, что односторонность («одинаковость», по Гейзенбергу) в постижении объекта является одним из важнейших признаков сущности абстрактного (см.: Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966. С. 193). С этим не следует соглашаться. Конечно, без «одинаковости» вообще исключается возможность образования абстракций, но если речь идет о сущности абстракции, то ее характеризует прежде всего «одинаковость» в главном, основном, наиболее важном.

каждая из которых сама по себе является юридической абстракцией. Их знание хотя и необходимо, но пока не воспроизводит правовой действительности во всей ее полноте и противоречивости, не вскрывает главного — конкретного способа соединения этих частей (элементов), сочетания в единстве противоположных тенденций их развития, от чего в первую очередь зависит природа изучаемой правовой системы.

Правовое явление или процесс многогранны. Вполне возможно изучать каждую из этих граней, тем самым получая простое представление о данном явлении или процессе. Эта задача осуществима даже в том случае, когда исследуемое правовое явление или процесс сложны, а поэтому и количество их граней увеличивается. Изучение каждой грани, а затем их объединение в определенной совокупности создает впечатление об исследуемом объекте в целом. Но этим впечатлением, этим представлением ограничиваются возможности анализа, за его пределами остаются все те связи и отношения каждой грани объекта с многочисленными другими факторами, и процессами, которые не только видоизменяют формы, но и накладывают определенный качественный отпечаток на данный объект. Анализ каждой части, грани целого ведет, но еще не приводит к познанию целого. Эта цель достигается в результате сложной работы мышления по синтезированию ранее, на стадии анализа полученных данных. Посредством синтеза конкретные правовые явления и процессы не просто воспроизводятся в их многообразных формах; последние выводятся из абстракции как из своей общей основы. Синтез конкретизирует общее, выводя из абстракции характеризующие отдельные проявления правовой действительности, благодаря чему они оказываются едиными в своем многообразии. Но этим его роль не исчерпывается. Суть синтеза состоит, далее, в том, что с его помощью определенным способом объединяются, сочетаются в единстве противоположные тенденции в развитии конкретных правовых явлений и процессов¹. Если посредством анализа из сложного правового цело-

---

¹ Б. М. Кедров отмечал, что «познание противоречия обуславливает собой противоречие познания» (Кедров Б.М. Единство диалектики, логики и теории познания. М., 1963. С. 208).

го вычленяются его противоположные элементы, части, компоненты, что позволяет изучить их в наиболее «чистом» виде, то с помощью синтеза это целое восстанавливается в единстве всех его противоречивых элементов, частей, компонентов со всеми их связями, отношениями и взаимодействиями!

В движении мышления от анализа к синтезу своеобразно отражается и воспроизводится соотношение исторического и логического в процессе познания. При аналитическом изучении той или иной правовой системы не имеют существенного значения исторические причины их возникновения и развития. Но анализ, будучи необходимым для детального исследования структуры и механизма каждого правового явления или процесса, выступает вместе с тем предпосылкой обнаружения генетической природы тех правовых систем, к которым принадлежат данные явления и процессы. Если же анализ является лишь предпосылкой познания истории правового развития, то синтез необходимо включает в себя такое познание.

В этой связи важно подчеркнуть еще один момент. Применяя анализ и синтез, следует иметь в виду и самую цель исследования. Эта цель непосредственно определяет и выбор соответствующего метода. Анализ, обособляющий то или иное правовое явление или процесс, позволяет «просвечивать» его в определенном аспекте или уровне, разрезе, позволяет подвергать детальному рассмотрению вычлененный объект в том именно ракурсе, который интересует исследователя. И при всей необходимости такого «специализированного» исследования данного объекта оно оказывается односторонним, поскольку оставляет в тени другие его характерные черты, не вскрывает его связи, опосредование и взаимодействие с иными его свойствами. Использование аналитического метода в исследовании, в частности, того или иного правового явления или процесса дает четкое представление о свойствах отдельных его сторон, частей, моментов движения, отвлекаясь при этом не только от целостности исследуемого явления или про-

---

¹ П. В. Копнин писал, что «...синтез не просто соединяет результаты анализа, воспроизводя то, что было до анализа. В таком случае и аналитический, и следующий за ним синтетический процессы были бы излишними» (Копнин П. В. *Философские идеи В. И. Ленина и логика*. М., 1969. С. 300).

цесса, но и от историко-генетических причин и условий его возникновения, становления и развития (равно как и от его субстанционально-системных и функциональных связей и зависимостей как целого). Эту задачу выполняет синтетический метод, опирающийся на метод аналитический. Подобно тому как исторический и логический методы используются в их единстве, так и аналитический и синтетический методы только в органической взаимосвязи и единстве оказываются действенными средствами познания социальной, в том числе и правовой, реальности. Нельзя, используя аналитический метод, останавливать познание на стадии анализа. Далее необходимо на основе синтетического метода переходить к обобщению, восстановлению целостности объекта познания. Будучи различно направленными методами исследования правовой действительности, они эффективны лишь в неразрывной связи между собой и только в единстве постигают истинную картину правового развития. Именно поэтому в общем потоке правового исследования каждый из данных способов предполагает другой и исходит из него; они находятся в постоянном взаимодействии, переходят друг в друга и переплетаются на каждой стадии исследования. Противоречивому характеру правовой действительности соответствуют и противоречивые способы ее познания. Анализ, вскрывающий тождество противоположных явлений в их единстве, подготавливает «почву» для синтеза; воспроизводя же целостную правовую действительность во всей противоречивости ее развития, синтез позволяет на новой стадии исследования глубже проникать в сущность правовых явлений и процессов, все более полно познавать их объективные закономерности. Такое познание, вновь возвращаясь к анализу конкретных противоречий правовой действительности, открывает пути их изменения, совершенствования, преобразования в соответствии с нуждами общества, потребностями его прогресса. И это чередование, это дополнение, соотношение и взаимодействие анализа и синтеза составляют, по образному выражению Гегеля, «алмазную сеть»¹ тождества и различия процесса познания.

---

¹ См.: Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. II. С. 17.

Итак, посредством анализа единая правовая целостность разлагается на отдельные составные части; каждая из них исследуется самостоятельно, а затем с помощью синтеза все части объединяются и соединяются в мышлении со всеми их связями, отношениями и взаимодействиями, во всем богатстве их специфики и в восстановленном целостном единстве. Именно здесь, на завершающем этапе восхождения от абстрактного к конкретному, правовая действительность воспроизводится во всей своей полноте как сущность и единство общих и специфических закономерностей развития правовых явлений и процессов, многообразия и разнообразная форм их выражения, одним словом, как синтез абстрактного и конкретного в правовой реальности.

И здесь необходимо отметить чрезвычайно тонкий момент, который обычно исчезает из поля зрения при рассуждениях о диалектике анализа и синтеза в познании. Дело в том, что когда мы говорим о расчленении познающим мышлением социальной целостности в целях анализа составляющих ее частей, а затем о восстановлении с помощью синтеза этой целостности в том виде, в каком она существует в действительности, то это не более чем схематическая структура мыслительного процесса, выдвинутая лишь для того, чтобы наглядно вычленить его элементы.

В действительности же этот процесс протекает отнюдь не как однолинейное движение с временными переходами от анализа к синтезу и от синтеза к анализу, а как соединенный, органически единый акт аналитико-синтезирующего свойства мышления, в котором фактически отсутствуют четко выраженные грани «этапов», «переходов» от аналитического к синтетическому и обратно; с самого начала и на протяжении всего процесса познания аналитическое в мышлении содержит в себе синтетическое, а синтетическое — аналитическое.

Из предшествующих рассуждений вытекает вывод, согласно которому в цепи познавательного движения мысли образуются «ступени», «опорные пункты», «узловые звенья» в виде общих понятий и определений, опираясь на которые исследование продвигается ко все более глубокому, всестороннему и конкретному познанию правовых явлений и процессов правовой действительности в целом. На этом пути вос-

хождения к конкретному каждое последующее «звено» невозможно понять без предыдущего. Каждое новое и более сложное правовое понятие синтезирует в себе предыдущие понятия в снятом виде и тем самым выступает как то «звено», которое продвигает и все ближе подводит исследование к «духовно-конкретному» выражению правовой действительности. Каждое новое «звено», опосредуясь всеми предшествующими (и прежде всего теми, к которым оно непосредственно примыкает), несет в себе более богатое содержание, поскольку не только сохраняет в себе содержание предшествующих «звеньев», но и прибавляет новые штрихи к картине правовой действительности, уточняет ее рисунок, обогащает новыми красками, делает колорит более гармоничным, совершенствует композицию. Процесс перехода от одного «звена» познания к другому продолжается до тех пор, пока не завершено полное воспроизведение действительного развития права во всей его противоречивой сложности, конкретности, единстве многообразного.

Следовательно, процесс восхождения от абстрактного к конкретному отнюдь не сводится к простому «приложению» общих правовых дефиниций к отдельным проявлениям и процессам права. Он куда более сложен. Воплощая в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного, общие понятия права не приобретают характера абсолютной универсальности в том смысле, что позволяют механически, прямолинейно, чисто логическим путем выводить особенное, индивидуальное, отдельное. Общие правовые понятия могут служить инструментом проникновения в сущность исследуемых единичных правовых явлений и процессов лишь при условии, если они применяются на основе конкретного анализа единичного, условий и обстоятельств его существования и развития. Общие понятия, формулы могут в лучшем случае лишь намечать общие задачи, необходимо видоизменяемые конкретной правовой ситуацией.

Данные положения следует иметь в виду прежде всего тем, кто в общих правовых понятиях видит средство для разрешения конкретных проблем правовой теории и практики. Без тщательного исследования конкретного в конкретных условиях места и времени его существования, действия и разви-

тия неизбежно возникает несоответствие, противоречие, разрыв между данным конкретным и соответствующими общими понятиями, что и приводит либо к исчезновению, непониманию сущности конкретного, либо к ее извращению, одним словом, к отсутствию познания. Бесспорно, что без общих дефиниций правотворчества, сущности, содержания и формы права, нормы, института и отрасли права, системы права и системы законодательства, без общих категорий реализации права, его толкования, соблюдения, исполнения и применения, правоотношения, законности, правопорядка и т. д., в которых резюмируются результаты абстрагирующей работы мышления, ни одна отрасль юридической науки не может плодотворно разрабатывать вопросы своей специальной сферы знаний и выдвигать практические рекомендации по совершенствованию правового регулирования соответствующих общественных отношений. Это обусловлено тем, что в реальной правовой действительности объективно существуют такие специфические закономерности развития правовых явлений и процессов, такие существенные их связи и отношения, которые присущи всем явлениям данного рода и без познания которых невозможно более или менее глубокое изучение правовой сферы жизнедеятельности общества.

Подводя итог рассуждениям относительно соотношения конкретного и абстрактного в познании права, можно констатировать: если первый этап правового познания позволяет определить сущность, назначение и роль права в социальной жизнедеятельности общества, их место в общественном развитии, то второй («обратный путь») — помогает вскрыть специфику правовых форм, механизм действия каждой из них, особенности правовых явлений и процессов в тех или иных условиях места и времени, своеобразие их взаимодействия между собой и иными явлениями социальной среды.

Глава 10

ЯВЛЕНИЕ И СУЩНОСТЬ

Конкретное и абстрактное, явление и сущность — категории однопорядковые, органически между собой связанные. Поэтому рассуждения о явлении и сущности в праве представляют собой дополнение, продолжение, конкретизацию, развитие конкретного и абстрактного.

Понятие «явление» относится к числу широко употребляемых в научной литературе. Его значение весьма многообразно. Это и всеобщий объект познания (явления природы, общества, мышления), и категориальное определение отдельных реальностей (предметные явления), и гносеологическая или логическая форма мышления (явления сознания, явления сущности) и т. д. Однако, несмотря на различие содержания этих понятий, в дальнейших рассуждениях их качественное значение будет выражено достаточно ясно в каждом конкретном случае.

Отдельные правовые нормы, акты или отношения, будучи конкретными правовыми явлениями, обладают самыми разнообразными характеристиками и связями как между собой, так и с другими явлениями. Для того чтобы в них разобраться, понять тенденцию их движения, назначение и роль в общественной жизни, необходимо прежде всего выяснить то, что их объединяет, вскрыть «ядро», основу, общую закономерность развития всех правовых явлений, т. е. обнаружить и определить их общую сущность.

Сущность — это внутренняя субстанция в противоположность внешним ее выражениям, обобщаемым в понятии «явление», это устойчивое отношение, нечто единое в многообразии явлений. В отличие от сущности явление (или процесс, понимаемый как его развитие) представляет собой нечто не-

устойчивое, колеблющееся, изменчивое. При этом явление (процесс) отнюдь не тождественно видимости или кажимости, включающим в себя субъективный момент (явление кажется, видится таким-то), а выступает как одно из выражений сущности объекта. Но в отличие от сущности, отражающей объекты в их необходимости, в «очищенном» от случайностей виде, явление (процесс) всегда в той или иной мере содержит в себе момент случайного.

Из сказанного вытекает, что сущностное познание права предполагает обнаружение тех внутренних и необходимых, общих и основных, главных и устойчивых свойств, признаков, черт правовых явлений и процессов, единство и взаимообусловленность которых определяют их специфику и закономерности развития.

Эти положения позволяют провести различие между категориями явления и сущности права. Во-первых, сущность права выражает общие закономерности развития правовой действительности, в то время как отдельные правовые явления или их группы выражают лишь специфические закономерности их развития. Во-вторых, в сущности права представлены все основные, существенные, главные характеристики правовых явлений в их единстве, тогда как отдельные правовые явления не только не могут обладать этим качеством, но нередко содержат неосновные, несущественные, неглавные их свойства, признаки или черты. В-третьих, в понятие сущности права включено лишь нечто внутреннее, глубинное, необходимое, а в понятие правового явления — зачастую внешнее, поверхностное, случайное. В-четвертых, сущность права устойчива, спокойна, относительно постоянна, в то время как правовые явления отличаются подвижностью, изменчивостью, текучестью. Наконец, в-пятых, если сущность права, как нечто общее для всех правовых явлений, может быть выражена только и исключительно посредством данных правовых явлений, то последние выступают сами по себе, прямо и непосредственно.

Следует, однако, тут же оговорить: единство сущности и явления права детерминирует весьма относительный характер отмеченных различий, что окажется очевидным в последующем изложении при рассмотрении взаимоотношений

сущности и явления права. Здесь же необходимо более подробно остановиться на отдельных характеристиках интересующих нас понятий и на их взаимосвязи.

Прежде всего отметим, что, говоря о сущности права, мы имеем в виду его закономерное развитие. Однако не следует отождествлять сущность права с его закономерностями. При всем том, что это категории однородные, однопорядковые, между ними имеется различие, которое состоит в том, что сущность права выражается не в одной, а в ряде закономерностей (например, в системности, формальной определенности, обязательности правовых норм и т. д.). Каждая закономерность права есть лишь одна из форм движения его сущности. Более того, сущность права включает в себя не только закономерности развития правовых явлений, но и связь этих закономерностей с закономерностями других (неправовых) явлений социальной действительности (например, обусловленность права условиями жизни общества, обеспеченность правовых норм принудительным механизмом государства, связь правосознания, правовых норм, законности с политикой, моралью, наукой и т. д.).

Следовательно, закономерности суть отношения между сущностями; закономерности правовых явлений как свойство сущности права являются конкретизацией последней; в закономерностях правовых явлений сущность права получает более определенное выражение. С другой стороны, в сущности права выражаются не только закономерности правовых явлений, которым подчиняются их функционирование и развитие, но и основание права, свойственные ему необходимые характеристики. Основание права составляют не все его особенности, признаки, черты, а именно необходимые, главные, решающие, т. е. такие, которые одновременно представляют собой существенные и специфические, накладывающие отпечаток на все другие проявления права.

Понятие сущности права, далее, мы характеризовали через категорию «внутренних» качеств в отличие от «внешних» качеств, свойственных правовым явлениям. Но такое различие нельзя рассматривать не только в абсолютном смысле (как и отмеченные другие различия, на что было обращено внимание выше), но и в том смысле, который нередко придает-

ся этим категориям в философской литературе: сущность выражает внутреннюю сторону явления, а явление — внешнюю сторону сущности. Такое понимание данных категорий не может быть принято по двум основаниям. Во-первых, характеристика сущности любого явления, в том числе и права, не ограничивается, как фиксировалось выше, лишь определением его внутренних качеств. Во-вторых, и это особенно важно, категории внутренние и внешние не распределяются прямолинейно между сущностью и явлением права, а могут характеризовать и то и другое. Говоря о внутренних качествах, присущих праву, следует иметь в виду те из них, которые имманентно присущи праву, неотделимы от него, необходимо находятся в нем, но, как правило, не выступают на его поверхности и поэтому скрыты от внешнего созерцания.

Наконец, понятие сущности права имеет ту особенность, что включаемые в ее состав свойства, признаки и черты обладают относительным постоянством и устойчивостью, в то время как правовые явления более текучи, изменчивы, менее спокойны. Правовые явления не так «плотно» держатся, не так «крепко сидят», как сущность права. Но и сущность права преходяща, подвижна, изменяема. И тем не менее эти особенности сущности права отличны от аналогичных свойств правовых явлений. Сущность права изменяется несравненно медленнее, чем правовое явление. Кроме того, если качественное изменение правового явления может привести к исчезновению старого и возникновению другого, нового правового явления — хотя, правда, и другого, но все же явления той же сущности, — то возникновение другой, новой сущности права может быть следствием лишь преобразования **всей социально-экономической и политической системы общества**. Поэтому изменение сущности права каждой данной **социально-экономической и политической формации** осуществляется внутри, в границах той же сущности.

Перейдем теперь к рассмотрению взаимоотношений сущности права и правового явления. Исходным пунктом такого рассмотрения являются их единство, тождество и противоположности. «Они нерасторжимые противоположности единого, взаимопроникающие части целого. Реальное бытие сущности права обнаруживается, выражается в правовых яв-

лениях. Нет сущности права вне правовых явлений, в которых она обретает свою реальную объективность. Правовое явление есть превращенно осуществленная сущность права, ее непосредственная действительность, конкретная форма выражения. Правовое явление — это сущность в ее существовании¹. Но оно — не независимое от сущности права существование, а именно существование сущности права. Всякое правовое явление так или иначе, но в конечном итоге всегда есть явление сущности права. Следует, однако, иметь в виду, что сущность права содержит в себе все богатство связей и отношений правовой действительности, поэтому каждое отдельное правовое явление может обнаруживать не всю сущность права, а ее отдельный момент, сторону, часть.

Взаимоотношение сущности и явления права характеризуется не только единством, тождеством, но и противоположностью, противоречивостью. Сущности права как общему противопоставляется правовое особенное и отдельное². Право в целом не есть простая совокупность правовых явлений, оно не сводится к непосредственным формам своего бытия, а представляет собой определенную, внутренне связанную и закономерно обусловленную их систему. И наоборот, сумма правовых явлений не составляет сущности права, отдельные и особенные их проявления далеко не полностью выражают эту сущность. Если в каждом отдельном и особенном правовом выражении есть только явление сущности права, то именно в силу этого в них нет самой сущности права, в котором представлено все богатство правовых явлений в обобщенном и системном виде.

Итак, каждое правовое явление выражает лишь особенный или отдельный момент сущности права; каждое особенное и отдельное правовое явление может обнаруживать не всю сущность права, а его отдельные моменты, стороны, признаки. При этом степень соответствия правового явления своей сущности может быть различной: в одних правовых явлениях сущность права представлена более полно, прямо и непосред-

---

¹ См.: Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. V. С. 596.

² Подробнее об этом см. гл. 13 наст. изд.

венно, чем в других правовых явлениях. Это обусловлено не только тем, что в зависимости от конкретно-исторических условий одна и та же сущность права проявляется по-разному, но и тем, что эти условия неизбежно влияют на правовые явления, вносят в их содержание какие-то моменты, которые непосредственно не вытекают из их сущности. В результате правовые явления нередко объединяют в себе как то, что детерминировано их сущностью, так и то, что явилось причиной воздействия на них других явлений социальной действительности. Именно поэтому сущность и явления права никогда не совпадают, сущность права не только проявляется, обнаруживается, раскрывается в правовых явлениях, но и скрывается в них. Задача научного исследования в том и состоит, чтобы за внешней формой правовых явлений вскрыть, обнаружить, определить их сущность.

Если сущность выражает общее в массе отдельных правовых явлений, то именно поэтому она не может быть полностью воспроизведена в каждой из них. Кроме того, сущность модернизируется не только конкретными особенностями отдельного правового явления, но и теми конкретными условиями, в которых она существует. В результате оказывается, что та форма, в которой может или должна быть отражена сущность, процесс движения явления, закономерность явления, не совпадает с его непосредственно созерцаемым видом, а нередко и прямо ему противоречит.

В противоречивости сущности и явления в праве таится их единство. Тот, кто не понял противоречивости развития правовой действительности, в недоумении останавливается перед глухой стеной, отделяющей правовые явления от их сущности. Он либо отождествляет сущность с явлением, искажая тем самым и то и другое, либо вместо раскрытия внутренней связи правовых явлений с сущностью утверждает, что в явлениях правовая реальность выглядит иначе, чем в ее сущности. Тем самым видимость принимается за подлинную сущность права и его проявлений.

Изложенные гносеологические соображения необходимы как предпосылка максимально глубокого проникновения в онтологическое осмысление сущностной природы права, что будет специально рассмотрено в дальнейшем. Здесь же необхо-

димо остановиться на логической «завершенности» рассуждений о явлении и сущности, а именно на формировании и формулировании понятий и определений познанных правовых явлений и процессов. В чем же их смысл, назначение и роль в юридических исследованиях?

Эвристическое значение юридических понятий и определений трудно переоценить. Они являются не только показателями культуры мышления, но и инструментами проникновения в сущность исследуемых правовых объектов, служат тем методологическим руслом, в котором развивается правоведение.

Понятия не существуют в самих объектах и вовсе не априорно даны мышлению в виде вечных форм. Они возникают в процессе самого мышления, в процессе овладения исследователем познаваемых объектов — правовых явлений и самого правового мышления. В этой связи не может не вызвать недоумение то печальное обстоятельство, что даже в наше время находятся научные работники, отрицающие или по крайней мере недооценивающие значение научных понятий, выраженных в определениях¹. Между тем самой наукой давно доказано, что понятия и определения не только вскрывают суть познаваемого предмета, явления или процесса, но и дисциплинируют мысль, позволяя ей логически двигаться от абстрактного к конкретному, от явления к сущности. Еще Гегель отмечал, что с некоторого времени стало хорошим тоном «говорить всевозможные дурные вещи о *понятии*, делать его, эту вершину мышления, предметом презрения и, напротив, считать наивысшей вершиной научности и моральности *непостижимое и отсутствие постижения*»².

Подлинно научные юридические понятия должны не только опираться на реальные явления объективной правовой действительности, но и воплощать в себе, как указывалось, все богатство особенного, индивидуального, отдельного, частного в этой действительности. Однако речь идет не о том, что-

¹ См., например: Зинченко В. П. Наука — неотъемлемая часть культуры?//Вопросы философии. 1990. № 1. С. 33.

² Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VI. С. 12.

бы общие юридические понятия включали в себя все без исключения признаки отдельных правовых явлений, а о том, чтобы в них нашли свое воплощение эти признаки в снятом виде, и притом прежде всего существенные, первостепенные и необходимые признаки этих явлений, которые в своей системности и составляют богатство отдельных правовых явлений. Поскольку же в общих юридических понятиях объединяются лишь существенные признаки правовых явлений и отбрасываются их несущественные, второстепенные, случайные признаки, постольку и создается с первого взгляда впечатление, что эти понятия носят неконкретный характер. Такое впечатление, однако, само по себе поверхностно и не соответствует действительности. На самом деле если общие юридические понятия при всей своей абстрактности более богаты по содержанию, более всесторонне, глубже, полнее, адекватнее, чем чувственное восприятие, отражают правовую действительность, то они, естественно, являются подлинно конкретными. Научные понятия о тех или иных правовых явлениях вскрывают многообразие этих явлений в их взаимной связи и обусловленности, единстве, полноте и необходимости, т. е. наиболее конкретно. Однако, несмотря на то что научные юридические понятия конкретно отражают реальные явления правовой действительности, они всегда и неизбежно «огрубляют» всю сложность связей и отношений этой действительности. Иначе и быть не может, ибо всякое понятие (схема, теоретическая модель или конструкция) «останавливает» движение реальной жизни. И тем не менее, «останавливая» живую жизнь, понятие в то же время является единственно возможной ступенью на пути к ее постижению.

Научные юридические понятия могут и должны «схватить», «вобрать», «включить» в себя реальные противоречия объективного движения и изменения отражаемой правовой действительности. Только тогда они будут диалектическими, смогут выразить сущность, закономерность развития этой действительности.

С другой стороны, если развитие правовой действительности непрерывно, если она в процессе развития изменяется и преобразуется, то и юридические понятия не могут быть неизменными, раз и навсегда данными, пригодными для любых

условий и обстоятельств. Было бы упрощением представлять дело так, что сами понятия неизменны, являются нормативными догмами «правильного» мышления. Опыт развития науки опровергает такое представление, нередко мысль исследователя движется по ранее неизвестному пути, менее всего подчиняющемуся канонам традиционной логики. И в этом одна из замечательных особенностей научного мышления, создающего новые правила или корректирующего старые логические формы. Тем самым логическая система познания расширяется, обогащается, углубляется, вовлекает в орбиту исследования новые явления и процессы действительности.

В процессе исторического развития правовой действительности постепенные количественные изменения приводят к качественным изменениям, старые правовые воззрения и нормы уступают место новым, со временем преобразуется как форма правовых предписаний, так и их содержание, возникают новые связи и отношения между различными правовыми явлениями жизни. Отсюда следует, что роль понятий заключается не только в извлечении определенных следствий из существующих понятий, но и в их синтезе, соединении научных данных, добытых в разные исторические периоды и различными науками. На этой основе формируются новые понятия, движущие научное мышление по пути познания ранее неизвестных объектов.

По мере развития правовых явлений обнаруживаются такие новые факты и обстоятельства, которые не подпадают под существующие понятия о них, не согласуются с этими понятиями. Новые понятия должны вскрывать те существенные закономерности, которые обнимали и объясняли бы все реальные как старые, так и новые факты и обстоятельства, характеризующие данные явления. «Нужно, — писал А. А. Пионтковский, — чтобы юридические определения действительно выражали главное, и притом главное с точки зрения нашей правовой системы в определенных конкретно-исторических условиях ее существования»¹.

---

¹ Пионтковский А. А. К методологии изучения действующего права//Ученые записки ВЮОН. Вып. IV. М., 1946. С. 39.

Лишь в том случае, если юридические понятия будут носить диалектический характер, станут соответствовать правовой действительности и тенденциям ее развития, они окажутся конкретными понятиями, сыграют роль инструмента познания этой действительности и ее противоречивого развития.

Всякое подлинно научное юридическое понятие не только имеет конкретно-познавательное значение, поскольку вскрывает истинную сущность соответствующего правового явления, но и представляет собой средство, инструмент дальнейшего, более углубленного познания данного явления. Значение юридических научных понятий в том именно и состоит, что с их помощью оказывается возможным глубже проникать в сущность правовых явлений и овладевать ими.

Изучая различные правовые явления и процессы, исследуя многообразие проявлений правовой действительности, мы опираемся на понятия, чтобы правильнее подойти к конкретному объекту нашего исследования, охватить его всесторонне. Научные юридические понятия — это не только итог, но и средство, инструмент познания сложной сети правовых явлений и процессов. Цель создания научных юридических понятий состоит не в простой любознательности; они образуются ради возможности более глубокого и всестороннего познания, а затем и преобразования правовой действительности. Как отмечал датский физик Нильс Бор, «никакое настоящее человеческое мышление невозможно без употребления понятий...»¹.

Научные юридические понятия, добытые мышлением, имеют своим источником практический опыт и в основном определяются им. Но мышление вносит в содержание научных юридических понятий не только опыт как таковой, но и обобщение его положительных сторон и путей их развития, придавая понятиям форму всеобщности и необходимости. Тем самым данные понятия «очищаются» от второстепенного, частного, случайного. Посредством опыта действительность воспринимается как объективная реальность, как то, что дано в данный конкретно-исторический отрезок времени, но тот

¹ Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961. С. 45.

же опыт позволяет критически осознать действительность и перспективы ее преобразования, улучшения, совершенствования. Следовательно, практический опыт предоставляет эмпирические данные о ситуациях, фактах, обстоятельствах, одним словом, о конкретных условиях существования и функционирования государственных и правовых структур, общества в целом, которое с помощью научного юридического обобщения в понятиях приобретает рациональный характер всеобщности и необходимости, т. е. объективной закономерности развития.

С другой стороны, научные юридические понятия, выраженные в юридических определениях, прямо и непосредственно используются (могут использоваться) в законодательной и любой юрисдикционной практике. Именно поэтому юридические определения соответствующих научных юридических понятий должны быть безукоризненными с точки зрения их содержания, строгости, четкости, ясности стиля и языка. Отмечая значение юридических определений, А. А. Пионтковский писал: «В юридических науках определения играют большую роль, чем в каких-либо других науках. От характера определений соответствующих юридических понятий, юридических институтов, правоотношений и их элементов зависит качество разработки всей данной отрасли юридической науки. От этого в сильной степени зависит и процесс применения действующих правовых норм на практике»¹.

В познании явлений и сущности права допустимы, как нам кажется, и другие, нетрадиционные приемы. Так, в процессе исследования применим и такой прием, как аналогия не только по свойствам изучаемого объекта с другими объектами, но и по сходству самих приемов познания однопорядковых объектов. Для этого приема, выражаясь языком психологов, «перенос», т. е. успешно использованный прием в ранее проведенных исследованиях, переносится на познание нового объекта. Этот прием нередко оказывается довольно эффективным, особенно тогда, когда очевидно сходство структур, связей и взаимодействий познаваемого объекта с уже познанным объектом. Речь идет именно о сходных, но, конечно, не

---

¹ Пионтковский А. А. К методологии изучения действующего права//Ученые записки ВИЮН. Вып. IV. С. 36.

о тождественных объектах (в этом случае нет надобности применять данный прием). Поскольку же сходных объектов множество, постольку использование приема аналогии отнюдь не исчерпывается одним лишь «переносом», а предполагает поиск и других возможных «переносов» приема из множества успешно познанных объектов на познаваемый объект.

В научном юридическом исследовании немаловажную роль играет и другой прием — прием догадки, смысл которого сводится к выдвижению предположения о возможном пути постижения познаваемого объекта (этот прием расценивается как первоначальная форма всякой научной гипотезы).

Наконец, еще один прием, который, вероятно, покажется особенно парадоксальным. Смысл его состоит в том, что в процессе юридического познания возможно опереться на веру. Речь идет, разумеется, отнюдь не о метафизической догме или о религиозной вере, к которой пригвожден верующий. Имеется в виду особый прием познающего мышления, когда объект воссоздается воображением таким, каким по логике вещей он должен быть в действительности. И в такой воображаемый объект исследователь верит. С этого начинается познание, ибо без веры в то, что идеальный образ объекта соответствует его действительному состоянию, нет и самого познания. Следовательно, вера составляет один из возможных вариантов познания, точнее говоря, она находится в глубине, лежит на дне познания. В последующем ходе исследования эта вера либо опровергается, либо подтверждается, либо уточняется, корректируется, изменяется. И этот познавательный прием, на наш взгляд, вполне оправдан: подобно тому как обретается вера в познательность объекта, так и обратный процесс допустим, когда для познания объекта необходима хотя бы приблизительная вера в то, что познаваемый объект должен быть именно таким, каким мы себе его представили в воображении. Коротко говоря, если нет веры без познания, то нет и познания без веры. Вопрос лишь в том, с чего начинается познание и чем оно заканчивается. И в этом различении веры и знания в итоге исследования обнаруживается, что есть вера и что есть истина, насколько вера соответствует или не соответствует истине. Поэтому не стоит пренебрегать «приемом веры», который способствует постижению истины.

Глава 11

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА

Подобно тому как рассуждения о явлении и сущности в праве представляют собой продолжение, дополнение, конкретизацию и развитие конкретного и абстрактного, так и рассуждения о содержании и форме права являются продолжением, дополнением, конкретизацией и развитием явления и сущности права.

В содержании права выражена его сущность в том смысле, что содержание каждой правовой нормы есть частичка, момент, сторона сущности права той правовой системы, к которой принадлежит данное право. Определение сущности не имело бы ни теоретического, ни практического значения, если бы за этим определением не последовало раскрытие содержания правовых норм, входящих в ту же правовую систему. Если сущность вскрывает то, чем право практически является, то содержание определяет, в чем состоят веления (дозволения) правовых норм. Сущность права обретает соответствующее содержание в системе правовых норм и в каждой отдельной правовой норме — в ее принципах, должном или возможном поведении людей, их политических структур и общественных формирований. Если же в содержании права так или иначе выражается его сущность, то их нельзя ни отождествлять, ни противопоставлять. Разрыв сущности и содержания права ничем не оправдан: не только содержание, но и сущность права являются категориями объективными и выражены в законодательстве субъективно отраженными.

Сущность права проникает в содержание всей совокупности правовых норм и в каждую отдельную правовую норму, в которой заключена определенная часть содержания соот-

ветствующей правовой системы. Через содержание конкретных норм права выражается и проявляется частичка, сторона или момент сущности права. Содержание права, каждой отдельной правовой нормы не существует иначе, как в той связи, которая ведет к сущности права; всякое содержание правовой нормы есть (так или иначе) сущность права, но не полно входит в нее. Всякое отдельное содержание правовой нормы тысячами переходов связано с другого рода правовыми нормами и в совокупности с ними дает возможность обнаружить сущность права.

Следовательно, в содержании права заключается жизнь его сущности. Сущность и содержание права отнюдь не «разноплановые», а именно однопорядковые категории. Но это вовсе не означает их полного совпадения: сущность права в абстрактно-концентрированной форме обобщает главные, основные, важнейшие его свойства; в содержании права находит конкретизацию, продолжение и раскрытие его сущности. Поэтому отождествление сущности и содержания недопустимо, ибо сущность — более глубокая, более общая категория, нежели категория содержания. Если сущность — основа, суть процесса, то содержание — выражение сущности в многочисленных и разнообразных ее проявлениях. Сущность — фундамент, содержание — «настройка» над сущностью в виде различных модификаций. Если сущность вскрывает внутреннюю природу права, то содержание конкретно выражает в правовых нормах те или иные запрещения или дозволения данной сущности.

И в данном пункте наших рассуждений необходимо подчеркнуть еще один важный методологический момент. Сущность права объективна, но поскольку содержание правовых норм, выражаясь гегелевским языком, «погружается в свое основание», т. е. в сущность, постольку и они (правовые нормы) обретают объективное качество. Однако правовые нормы вместе с тем продукт правотворческой деятельности государственных органов и тем самым приобретают субъективный характер. Происходит своеобразное раздвоение правовых норм на объективные и субъективные моменты. Иначе говоря, правовые нормы являются объективно-субъективными феноменами, разумеется тогда, когда создание

правовых норм исходит из сущности определенной правовой системы, соответствуют и не противоречат ей.

Право порождается и обуславливается общечеловеческим развитием и спецификой каждого общества, его материальными, историческими, национальными, политическими, моральными, культурными и иными условиями и традициями жизни. Именно эти условия и традиции в конечном счете определяют особенности как сущности, так и содержания соответствующей правовой системы. Однако определять что-либо отнюдь не значит быть определяемым. Поэтому нельзя представлять себе дело так, будто все эти факторы общественной жизни, воздействующие и определяющие право, составляют сами по себе его содержание. Между тем именно такое ошибочное представление укоренилось, к сожалению, в нашей литературе, которому положил начало, по-видимому, известный теоретик права Н. Г. Александров.

«В каждой юридической норме можно, следовательно, — писал он, — различать два элемента. Во-первых, элемент, воспроизводящий (разумеется, идеально) известные отношения, существующие или могущие существовать в объективной действительности. Во-вторых, элемент, воздействующий на отражаемые общественные отношения...»¹ Однако в правовой норме даже мысленно невозможно «различить» «воспроизводящий элемент» и «воздействующий элемент». Воспроизведение объективной действительности в правовой норме осуществляется не в простой зеркальной форме, а в обобщенной, концентрированной и преобразованной форме. И только благодаря такому воспроизведению действительности правовая норма приобретает способность обратно воздействовать на нее.

Вслед за «воспроизводящим» и «воздействующим» элементами появились «материальное», «классово-волевое» и «юридическое содержание права»²; «экономическое, политическое

¹ Александров Н. Г. Сущность права. М., 1950. С. 11.

² См.: Иоффе О. С. О форме и содержании социалистического права // Вестник Ленинградского государственного университета. 1959. № 11. Вып. 2. С. 85; Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 136.

и идейное» содержание права¹; «классово-волевое», «фактическое», «интеллектуальное» содержание права² и т. д. Эти и подобные воззрения ранее были подвергнуты подробному анализу и критике³, против которой ни один из критикуемых не возразил, а многие авторы эту критику поддержали⁴.

Обратимся теперь к категории правовой формы и ее соотношению с правовым содержанием.

Прежде всего воспроизведем устоявшиеся выводы в философской литературе по данному вопросу.

Любой предмет, явление или процесс обладает и своим содержанием, и своей формой. Нет содержания без формы, равно как нет формы без содержания. Вместе с тем каждый предмет, явление или процесс имеет специфическое содержание и соответствующую ему форму. В свою очередь содержание и форма обладают своими особенностями связи, соотношения и взаимодействия. Это относится и к такому сложному социальному образованию, каковым является право и его проявления, в частности в законодательстве.

Изучение форм права имеет чрезвычайно важное теоретическое и практическое значение не только потому, что организует и выражает вовне сущность и содержание права, но также и потому, что от их особенностей зависят многие факторы правовой жизни: общеобязательность, нормативность, степень юридической силы правовых актов, методы и способы правового регулирования общественных отношений и т. д.

Многообразие форм права предполагает определение их общего понятия, на основе которого окажется возможным вскрыть особенности и назначение каждой из них.

---

¹ См.: Шейндлин Б. В. Сущность советского права. Л., 1959. С. 25.

² См.: Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1970. С. 44.

³ См.: Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 200—214.

⁴ См., например: Белов Г. А. О содержании и форме социалистического права//Советское государство и право. 1964. № 12. С. 86—88; Шебанов А. Ф. Форма советского права. М., 1968. С. 14, 20; Кучинский В. А. Личность, свобода, право. Формы их выражения. Л., 1964. С. 66; Марксистско-ленинская общая теория права и государства. М., 1970. С. 373—374.

Отметим в первую очередь смысловое различие между понятиями «правовая форма» и «форма права». Первая может выступать в качестве формы экономического развития, формы государственной политики, формы научно обоснованного управления социальными процессами, формы гуманистических или нравственных идеалов индивида или общества. Что же касается второго понятия, то оно может рассматриваться и как форма целесообразной правовой системы, и как форма части целого (система, структура и элементы права), и как форма систематизации законодательства (инкорпорация и кодификация), и как форма реализации права (правоотношения и другие пути и способы воздействия правовых норм на регулируемые общественные отношения). Нас, естественно, интересует преимущественно «форма права» в ее различных аспектах. При этом, однако, следует иметь в виду многоплановость, гибкость, подвижность и органическую взаимосвязь и взаимодействие «правовой формы» и «формы права», равно как и взаимодействие и переходы содержания в форму и наоборот. Только при этом условии можно избежать отождествления как «правовой формы» с «формой права», так и содержания с формой. Нельзя, например, отождествлять экономические отношения с их опосредованием в правоотношениях или форму внешнего выражения правовой нормы (или ее структуры) с формами ее реализации.

Констатируя двоякое значение формы, Гегель писал: «При рассмотрении противоположности между формой и содержанием существенно важно не упускать из виду, что содержание не бесформенно, а форма в одно и то же время и содержится в самом содержании, и представляет собой нечто внешнее ему. Мы здесь имеем удвоение формы: во-первых, она как не рефлексированная в самое себя есть внешнее, безразличное для содержания существование». И ранее: «Таким образом, форма есть *содержание*, а в своей развитой определенности она есть закон явлений. В форму же, поскольку она не рефлексирована в самое себя, входит отрицательный момент явления, несамостоятельное и изменчивое, — она есть равнодушная *внешняя форма*»¹.

¹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. I. М., 1974. С. 298.

Отмечая глубокий смысл данных размышлений (особенно плодотворной идеи о рефлексированной и не рефлексированной вовнутрь себя формы), мы, тем не менее, не разделяем некоторых их моментов. Удвоение формы состоит отнюдь не в разрыве «формализованной» и «содержательной» форм (что допускается и в нашей философской литературе¹), а в двояком аспекте рассмотрения одной и той же формы. Во-первых, «рефлексированная в самое себя» форма вовсе не есть самое содержание, а остается формой, внутренне организующей субстанцию², тем самым превращая ее в содержание. Во-вторых, «не рефлексированная в самое себя» форма является не чем иным, как внешней оболочкой той же самой «рефлексированной в самое себя» формой. В-третьих, «не рефлексированная в самое себя» форма вовсе не безразлична для содержания, а является его внешним выражением и

---

¹ Так, С. Н. Мареев всячески пытается доказать, будто бы форма зачастую «безразлична» содержанию, которому «все равно», какую форму оно имеет. Это утверждение иллюстрируется множеством примеров: «глыба мрамора» существует либо в форме статуи, колонны или плиты для облицовки стен и безразлична к мрамору; одно и то же знание может быть записано на русском языке, переведено на какой-то другой, иностранный язык, записано с помощью азбуки Морзе, на перфоленге или на перфокартах при определенном его редактировании без изменения самого содержания и т. д. (см.: Мареев С. Н. Формальные и содержательные системы в научном познании//Вопросы философии. 1986. № 6. С. 34—35).

Все эти примеры свидетельствуют, однако, не о безразличии содержания к форме, а лишь о возможности множественности форм одного и того же содержания. При этом «безразличие» содержания к форме весьма относительно, ибо статую, колонну или плиту нельзя сотворить из русского или другого языка, записать с помощью азбуки Морзе, равно как одного только знания недостаточно, чтобы создать статую, колонну или плиту. В том-то и дело, что нет «безразличной» к своему содержанию формы, ибо она всегда так или иначе, но определенным (и разнообразным) образом оформляет именно определенное содержание и поэтому зависит от этого содержания. Ведь и глыба мрамора (и иные объекты) имеет свою определенную форму. Любая форма содержательна, равно как и любое содержание оформлено.

² Понятие «субстанция» в философской литературе лишено четкой и ясной определенности. По нашему мнению, «субстанция» чисто субъективное понятие, более того, бессмысленно-аморфное представление, которое не существует в объективности и становится реальностью через оформленное содержание.

в силу этого зависит от содержания. В-четвертых, форма не есть содержание, и тем более она, даже в своей развитой определенности, вовсе не выступает законом явления и не есть равнодушная внешняя форма (например, внешние формы правовой системы: законы и многочисленные подзаконные акты отнюдь не равнодушны к своему содержанию, поскольку определяют «статус» и юридическую силу каждого из них).

Субстанция не может быть отделена от содержания, равно как и содержание не может быть отделено от формы. Такое отделение может существовать лишь в мышлении, в понятии, но никак в реальности. Субстанция только тогда становится содержанием, если она оформлена. Форма не только соотносится с тем, что она оформляет, но и является неизбежно необходимым атрибутом субстанции как ее целостность и тотальность, как ее тождественность самой субстанции, как ее определенность, ее энергия, как условие возможности и направленности развития. И именно благодаря этому форма превращает субстанцию в содержание, а содержание в содержательность.

Если содержание и форма представляют две неразрывно связанные между собой категории, существующие вместе как две стороны любого предмета, явления или процесса объективного мира, то, следовательно, и в праве содержание и форма — это не только связанные между собой категории, но стороны одного и того же правового образования, например нормы права. Содержание правовой нормы реально, объективно существует лишь тогда, когда государственная воля «возведена в закон», соответствующим образом оформлена и превращена в результате этого из «отвлеченного» в «определенное» содержание.

Единство содержания и формы права является обязательным условием его существования. Именно благодаря этому единству право приобретает качественную определенность. Так, в процессе правотворчества в результате сочетания отдельных волевых актов (или их частей, сторон, моментов) представителей государства (или народа путем референдума) образуется государственная воля, которая, будучи выражена в праве, составляет его содержание. Но составные компоненты содержания права не могут выступать обособленно, изолированно друг от друга. В этом случае мы имели бы лишь

различные, органически не связанные между собой правовые идеи, правовые взгляды, но отнюдь не правовую норму как органическое единство этих идеи и взглядов. Существование содержания права необходимо предполагает определенную структурную его организацию, требует своего выражения в определенной форме. Но и форма права не может существовать без его содержания, поскольку форма должна организовывать и выражать данное содержание, а если нет того, что должно быть организовано и выражено (содержания), то, естественно, не может быть и самой организации, самого выражения (формы). Следовательно, основанием формы права является его содержание.

В отличие от изложенного понимания формы права некоторые авторы полагают, что формой права являются сами правовые нормы¹. Подобная трактовка понятия формы права приводит не только к ее смещению или отождествлению с содержанием права, но и к отрыву одного от другого, нарушает их единство. В самом деле, если правило поведения (норма) есть лишь форма права, то что же является его содержанием? Сторонники указанной точки зрения считают, что содержанием права является государственная воля. Но ведь именно эта воля конкретизируется в правовой норме, составляя его содержание. С другой стороны, если признаётся, что правовая норма есть лишь форма права, то для содержания права не остается места, оно выходит за пределы самой правовой нормы, оказывается за ее бортом. Тем самым содержание отрывается от формы права, нарушается их неразрывное единство или (что еще хуже) форма оказывается без содержания. Между тем, как было отмечено выше, форма не может объективно существовать, если она не наполнена определенным содержанием, и, наоборот, содержание права не может быть реальностью, если это содержание не организовано и не выражено в определенной форме.

Прямо противоположную точку зрения выдвигают по этому вопросу другие авторы, указывая, что правовая норма —

¹ См., например: Фабер И. Е. О сущности права. Саратов, 1959. С. 47; Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. С. 54.

это «не форма права, а само право»¹. Между тем ради точности следовало бы указать, что не правовая норма в ее структурной организации, а конкретное правило поведения, в ней зафиксированное, является содержанием данной нормы, равно как и не правовая норма вообще, а лишь ее структурная организация является внутренней формой правовой нормы. Иначе говоря, в правовой норме следует различать, какое в ней установлено правило поведения (содержание) и как это правило поведения структурно организовано (внутренняя форма).

Односторонность позиции как тех авторов, которые считают норму права формой права, так и тех, которые усматривают в ней лишь его содержание, состоит в том, что эти авторы не видят, а поэтому и не учитывают диалектического единства содержания и формы права, из которого вытекает не только их сосуществование, но и взаимопроникновение. Указанные авторы охотно подчеркивают тесную, непосредственную или даже органическую связь между содержанием и формой, но при этом забывают, что всякая «связь и есть переходы...»². Между тем именно это взаимопроникновение, эти «переходы» являются ключом к пониманию диалектики содержания и формы в правовой норме (равно как и в системе права в целом)³. Так, в частности, правило поведения, как содержание правовой нормы, является определенной конкретизацией сущности права и одновременно, будучи структурно организовано, есть внутренняя форма данного правила. Или, наоборот, правило поведения, как структурно организованная норма, является внутренней формой права и одновременно, будучи определенной конкретизацией сущности права, есть его содержание.

В этой связи следует обратить внимание еще на один, весьма тонкий момент особенности понятия содержания права, определяющий его соотношение со своей формой. Во всех рассуждениях выше речь шла о содержании права как о про-

---

¹ Александров Н. Г. К критике пережитков буржуазной идеологии в определении права//Советское государство и право. 1948. № 10. С. 48.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 162.

³ Подробнее об этом см. гл. 14 наст. изд.

стом его объективном субстрате — государственной воле. Между тем при более глубоком проникновении в понятие содержания права обнаруживается, что лишь этим оно не ограничивается. Как известно, Гегель отличал «содержание» от «материи». Это отличие состоит в том, что хотя материя «относительно... равнодушна к форме...»¹; что «вещество хотя оно в себе не лишено формы, однако в своем наличном бытии показывает себя равнодушным к ней; напротив, содержание, как таковое, есть то, что оно есть, лишь благодаря тому, что оно содержит в себе развитую форму»².

Оставляя в стороне вопрос о «равнодушной форме», о чем говорилось выше, отметим то важное, что нас в данном случае интересует. По Гегелю, следовательно, понятие содержания, будучи куда более сложной категорией, чем категория «материя», включает в себя в снятом виде как «материю», так и форму. Гегель заключал, что содержание объемлет собой как форму как таковую, так и «материю», и оно имеет, таким образом, некоторую форму и некоторую материю, основу коих оно составляет. Разделяя эти положения, мы все же должны отметить, что и «материя», так же как и содержание, объемлет собой как содержание, так и форму. Другое дело, что «развитость» формы может быть различной у различных объектов. За исключением отмеченного момента, рассуждения Гегеля безусловно продуктивны. Их методологическое значение заключается в том, что позволяет рассматривать, в частности, содержание права как более высокую степень его развитости и понимания единства и взаимопроникновения его субстанциональной природы и форм организации и выражения, как более глубокую зависимость формы права от его содержания, как действительный процесс «формообразования в его различных фазах»³. Понятие содержания права включает не только сам по себе субстрат государственной воли, но и его определенное внутреннее состоя-

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. I. С. 218—219.

² Там же. С. 224.^{*}

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 526.

ние, сложную систему связей и отношений его компонентов как между собой, так и с внешней средой, которые характеризуются многими признаками, направленностью, целью, перспективами. Именно этот момент содержания права детерминирует (и вместе с тем объясняет) особенности той или иной правовой формы, которая имманентна специфическому состоянию развивающегося содержания. При всем многообразии и разнообразии внешних форм выражения права все они так или иначе, но в конечном итоге зависят от своего содержания. Это обстоятельство подчеркивал М. А. Аржанов. «Содержание, — писал он, — может выступать в разных, но не в любых формах. Форма может быть формой различного, но не всякого содержания. Полной самостоятельности, полного безразличия здесь нет и быть не может, как бы велика она в отдельных случаях ни была»¹.

Специфика самого содержания права предполагает юридически «развитую» форму в смысле наибольшей степени ее соответствия своему содержанию. Органическая связь и взаимопроникновение содержания и формы не должны давать повод для их смешения. Между тем в философской литературе наблюдается подобное смешение. Так, В. С. Тютин полагает, что «если познаваемый объект представить как систему, то его состав... действительно необходимый компонент содержания, однако оно им далеко не исчерпывается. Отождествив сведения о составе объекта с его содержанием, отнеся организацию, структуру к категории “форма”, мы значительно обедним категорию “содержание” или, образно выражаясь, вынем из нее душу, ликвидируем как самостоятельную категорию». И отсюда делаются далеко идущие выводы. Указав на то, что при одном и том же составе может качественно измениться содержание объекта в зависимости от типа его структуры, В. С. Тютин пишет: «...если принять определение формы как структуры самого содержания, то следует признать, что форма определяет содержание, а не содержание форму. А признание примата формы над содержа-

¹ Аржанов М. А. Соотношение государства и права//Советское государство и право. 1941. № 2. С. 29.

нием, как известно, характерно для идеалистической философии»¹. С этими положениями и выводами нельзя согласиться (за исключением лишь положения о недопустимости отождествления состава объекта с его содержанием). Прежде всего отметим, что при обогащении категории содержания за счет включения в него организации и структуры категория формы не только значительно обедняется, но и вовсе выхолащивается. Далее, «душой» содержания является состав (субстанция), а отнюдь не то, что его структурно организует. Невозможно ликвидировать не существующее в действительности: содержание не самостоятельно, а выступает лишь в единстве с формой (организацией, структурой). В рассуждениях В. С. Тюхтина, как, впрочем, и многих иных философов, упускается из виду одно важное методологическое положение: внутренняя структура потому и именуется «внутренней», что она рефлексирована вовнутрь самой себя, т. е. в свое содержание, сливается с ним и тем самым образует нечто целостное. Отграничить органически слитую структуру от содержания возможно лишь в мышлении, но никак не в действительности. Игнорирование этого обстоятельства и приводит к путанице, когда оказывается, будто бы не содержание определяет форму, а форма (структура) определяет содержание².

Содержание не только может изменяться, но и, как правило, изменяется под воздействием формы. Более того, различная структурная организация одной и той же субстанции может дать качественно отличные друг от друга содержания. Но отсюда вовсе не следует, что все зависит только от структуры, что форме принадлежит примат над содержанием. Та или иная организация, структура объекта может качест-

¹ Тюхтин В. С. Категории «форма» и «содержание» и их структурный анализ // Вопросы философии. 1971. № 10. С. 89, 90.

² Утверждение примата формы над содержанием, вопреки мнению В. С. Тюхтина, характерно вовсе не для всей идеалистической философии, а лишь для отдельных ее представителей. Так, Г. Дель Веккио писал, что правовая форма абстрактна, независима от правовой действительности и правового опыта (см.: Del Vecchio G. Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Basel, 1951. S. 345—351).

венно изменить его содержание лишь в том случае, если сама субстанция данного объекта поддается преобразованию. Как бы мы ни изменяли организационную структуру объекта, последний невозможно превратить в нечто такое, чего потенциально не содержится в его субстанциональном составе. Именно поэтому первичным в изменениях содержания объекта является в конечном итоге его же субстанция.

Содержанию права присуще постоянное развитие, непосредственно отражающее движение и изменение материальной и духовной жизни общества; развитие же формы права является опосредованным, происходит через изменение направленности и функций содержания. Однако определяющую роль содержания права по отношению к его форме не следует абсолютизировать: на развитие той или иной формы права влияют и многие иные факторы природной и социальной действительности (особенности исторической обстановки, национальные традиции, обычаи и т. д.), равно как и уже существующие формы позитивного права (например, наличие развитых форм конституционного законодательства, влияющих на формы текущего законодательства). Но в основном определяющее значение в развитии форм права принадлежит его содержанию.

Следует, далее, иметь в виду, что, подобно тому как сущность может быть первого, второго порядка и т. д., так и форма может быть более или менее глубоко рефлексирована вовнутрь себя, т. е. в свое содержание. Глубоко рефлексированная в самое себя внутренняя форма, структура погружается в содержание и тем самым сливается с ним. Если, например, структура правовой нормы внутренне имманентна, типична для содержания всякого правового правила поведения, то внешнее выражение данной нормы в зависимости от ряда объективных и субъективных условий и обстоятельств имеет отнюдь не одинаковую степень связанности со своим содержанием. В одних случаях она выражается только в форме закона; в других — либо в законе, либо в иной форме актов высших органов государственной власти или управления; в третьих — может быть выражена в форме актов как высших, так и местных государственных органов, в форме актов как органов общей компетенции, так и органов специальной

компетенции и т. д. В отличие от внешней формы права внутренняя форма права, погружаясь в свое основание и сливаясь с ним, более стабильна и менее многообразна.

Итак, в праве следует различать внутреннюю и внешнюю формы. Так, в частности, внутренней формой правовой нормы является система строения, способ связи частей, структура, определенным образом организующая содержание этой нормы. Обычно в литературе эту форму называют структурой правовой нормы (гипотеза, диспозиция, санкция). Внешняя форма правовой нормы — это выражение вовне внутренне организованного содержания ее. Обычно в литературе эту форму называют формой выражения права, нормативным актом или источником права в так называемом формальном смысле (закон, указ, постановление и т. д.).

Проведенное различие между сущностью и содержанием права, между внутренней и внешней формами права позволяет более глубоко уяснить единство содержания и формы права, их соотношение и взаимодействие. Это различие имеет и непосредственное практическое значение. Так, если сущность права обнаруживает, волю какого именно государства право выражает и закрепляет, то содержание права определяет, какие именно требования эта воля предписывает. Если, далее, внутренняя форма придает всем правовым нормам обязательную силу, то внешняя форма определяет степень юридической силы каждой правовой нормы по отношению к другим правовым нормам. Все правовые нормы, как известно, обязательны к исполнению, но не все правовые нормы в соотношениях между собой обладают одинаковой юридической силой (например, закон и постановление одинаково обязательны к исполнению, но закон обладает большей юридической силой, чем постановление).

Наконец, предложенная трактовка содержания и формы права раскрывает их развитие. Так, в процессе развития содержания права наступает такой момент, когда его новые качества не укладываются в рамки старой формы. Тогда происходит «сбрасывание» старой формы права новым правовым содержанием, возникновение новой формы, адекватной своему содержанию. Однако следует иметь в виду, что такое «сбрасывание» старой формы права в целом происходит лишь

при смене политической и социально-экономической формации, что отдельные старые формы права при определенных исторических условиях могут выражать новое правовое содержание, что иногда правовые правила поведения прошлой политической и социально-экономической формации (а следовательно, и их формы) могут сохраняться в новой формации (разумеется, в преобразованном, трансформированном виде). Со временем старая правовая форма видоизменяется применительно к новому содержанию или вовсе отбрасывается и заменяется новой.

Сказанное полезно учитывать, в частности, в законотворчестве¹.

Следует в заключение данной главы отметить два обстоятельства. Во-первых, анализ содержания и формы, как мы могли убедиться, органически связан с теми «парными» категориями, которые были рассмотрены в предыдущих главах, представляя собой их дополнение, обогащение, конкретизацию и развитие. И это вполне оправданно, поскольку в процессе познания права используются не отдельные «парные» категории, а их совокупность и одновременность. Во-вторых, в данной главе в качестве иллюстративного материала использовалась простая правовая «клеточка» — норма права. Между тем проблема содержания и формы права распространяется и на более обширные пласты права, в частности на систему права и систематизацию законодательства, которой будет посвящена специальная глава. Но прежде чем непосредственно обратиться к данной проблеме, решить ее последовательно и всесторонне, представляется необходимым подвергнуть анализу структуры и элементы, отдельное и общее, часть и целое в праве, которые не только лишней раз подтвердят органическую связь и взаимодействие всех философ-

---

¹ А. А. Ушаков справедливо отмечал: «Проблема содержания и формы в праве выступает как важнейшая часть методологии законодателя... ибо, к какому бы вопросу мы ни обращались, будь это вопрос о мастерстве законодателя, о качестве законодательства, о роли языка в праве, его решение связано с решением вопроса о содержании и форме в праве. Отсюда изучение проблемы содержания и формы имеет огромное не только теоретическое, но и практическое значение» (Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 26—27).

ских категорий в познании права, но и вместе с тем позволят ближе подойти к познанию системы права и систематизации законодательства.

Глава 12

СТРУКТУРА И ЭЛЕМЕНТЫ

Методологическое значение структуры и элементов является логическим следствием познания внутренней формы права, ее дополнением, конкретизацией и развитием.

Прежде всего необходимо отметить, что структурный анализ природы общества и мышления давно используется в науке. Особую эффективность он обрел в правоведении в силу его органического объединения с генетическим, каузальным, субстанционально-системным и функциональным подходами к познанию правовых явлений и процессов. Поэтому не может не вызвать недоумения высказанное в нашей социологической литературе мнение о том, будто бы структурный анализ (равно как и системный) впервые применяется лишь в последние годы; якобы теория общественного развития до последнего времени не содержала в себе никаких аспектов структурного анализа¹. Это не соответствует действительности².

---

¹ См.: Угринович Д. М. О предмете марксистской социологии//Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970. С. 30, 31, 32. И здесь автор делает существенное замечание, которое особенно следует иметь в виду юристам при использовании ими структурно-функционального метода: «Примечательно, что термин “противоречие” совсем исчез из многих современных статей и докладов по проблемам социологии, претендующих на последнее слово в науке. И это естественно, если исходить из той методологии структурно-функционального подхода, которая игнорирует генетический и каузальный аспекты исследования. Если социальная система рассматривается лишь с точки зрения поддержания ее устойчивости (“гомеостазиса”, выражаясь языком кибернетик.1), то тогда противоречий в системе обнаружить невозможно. Все “возмущающие” систему факторы рассматриваются как дисфункциональные, подлежащие устранению. Таким образом, критерий прогрессивного и реакционного полностью исчезает».

² См.: Федосеев П. Н. Идеи Ленина и методология современной науки//Ленин и современное естествознание. М., 1969. С. 15; Келле В. Ж. Обосно-

Право не может быть неструктурно. Анализ правовых явлений и процессов невозможен без применения именно структурного метода наряду и в органической связи с другими методами. Взять, например, такие проблемы, как сущность права, содержание и форма права, связь права с политикой, государством, нравственностью и правосознанием, правопорядок, дисциплина и ответственность, «двойное» подчинение и законность и многие другие, чтобы убедиться в том, что здесь, как и во всех иных случаях, мы имеем перед собой глубокое диалектическое сочетание различных, в том числе и структурных, методов, синтезирование которых позволило познать такую сложную сферу общественного бытия, какой является право.

В связи с тем что в философской литературе понятие структуры толкуется по-разному, необходимо более подробно остановиться на этом понятии. Так, если одни авторы считают, что структура является лишь своеобразным проявлением категории качества¹, то другие, наоборот, считают ее проявлением категории количества². Анализируя эти точки зрения, В. В. Агудов пришел к выводу о неправомерности отождествления структуры с категорией количества и с категорией качества, а также рассмотрения структуры как некой разновидности одной из этих категорий³. Исследуя вопрос о соотношении категорий «форма» и «структура», В. В. Агудов заключает: «Итак, “внешняя форма” образует диалектическую пару (соотносится) с “содержанием”, а “внутренняя форма”, т. е. “структура”, диалектически соотносится с “составом”»⁴. Однако этот вывод неубедителен, так как не раскрывает различий в пони-

---

вание исторической необходимости социалистической революции в «Капитале» Маркса//«Капитал» К. Маркса, философия и современность. М., 1968. С. 405.

¹ См.: Дудель. Законы материалистической диалектики. М., 1958. С. 54.

² См.: Кедров Б. М. О количественных и качественных именах в природе. М., 1946. С. 46.

³ См.: Агудов В. В. Количество, качество и структура//Вопросы философии. 1967. № 1. ♣

⁴ Агудов В. В. Соотношение категорий «форма» и «структура»//Философские науки. 1970. № 1. С. 70.

мании категории содержания и состава, не объясняет, почему, собственно, структура соотносится с составом, а не с содержанием. Думается, что внешняя форма и структура оформляют и содержание, и состав (т. е. субстанцию).

Еще большая разноречивость в толковании понятия структуры обнаружилась на конференции, которая была посвящена методологическим проблемам системно-структурного исследования и которую провела кафедра диалектического материализма философского факультета МГУ (март 1986 г.). Так, С. Т. Мелюхин, призывая избегать неопределенного, слишком расширительного употребления понятия структуры, сам встал на этот путь: по его мнению, структура выступает как единство материального содержания и законов взаимоотношения элементов в системе. Однако помимо нечеткости этого определения оно подменило, по существу, определение структуры определением системы, ибо именно последней (а отнюдь не структуре) свойственно единство материального содержания и законов взаимоотношения его частей.

Трудно понять смысл положений, выдвинутых на той же конференции В. С. Тюхтиным. Он считает, что структуры «вообще» совпадают с бесструктурностью, т. е. они не существуют. Но при такой «логике» можно объявить несуществующими все общие понятия и категории науки, а следовательно, и саму науку.

Не менее странной выглядит высказывание О. С. Зелькиной, предложившей вместо научного поиска и формулирования общего понятия структуры пойти по пути договоренности в его определении¹. Но, как известно, проблемы науки не могут решаться и не решаются «голосованием».

Анализ категории структуры целесообразно начинать с понятия целостности, о которой подробно пойдет речь в дальнейшем². Здесь же лишь отметим, что целостное правовое образование, как и любое другое целое, необходимо имеет как свою внешнюю, так и внутреннюю форму. Как уже отмечалось ранее, внешняя форма — это выражение вовне целост-

---

¹ См.: Философские науки. 1968. № 5. С. 177—178.

² См. гл. 14 наст. изд.

ного правового образования. Внутренняя форма — это структура, способ организации, определенная упорядоченность частей данного целого. Образно говоря, если внешняя форма есть облик, внешний вид правового здания (или организма), то внутренняя форма — его каркас (или скелет).

Итак, основным признаком структуры является то, что она есть внутренняя форма («форма, рефлексированная вовнутрь себя») определенного объекта. В силу этого структура, во-первых, не может иметь самостоятельного существования вне того объекта, содержание которого ею определенным способом цементируется, организуется, упорядочивается, и, во-вторых, характер ее построения и изменения непосредственно зависит от природы и закономерностей развития данного объекта.

Эти важные обстоятельства не всегда учитываются многими философами, в результате чего оказывается, что структура отрывается от своего материального субстрата, лишается своего содержания и обретает самодовлеющее значение. Именно такое впечатление создается от трактовки понятия структуры, которая дается, например, В. И. Свидерским. Отвергая принятое в науке «понимание структуры как материализованной структуры», В. И. Свидерский рекомендует под структурой понимать «принцип, способ, закон связи элементов целого, систему отношений элементов в рамках данного целого»¹.

Это и подобные ему определения фактически отождествляют категории целого, системы и структуры. Но дело не только в этом. Структуру как внутреннюю форму определенного объекта, разумеется, можно в целях анализа рассматривать отдельно, отвлекаясь от содержания (субстанции) данного объекта. Но при этом нельзя забывать, не учитывать того, что структура, как и любая форма, не существует без того, что она оформляет, что ее изменение подчиняется общим закономерностям содержания и формы вообще. И каким бы элементарным ни казалось это напоминание, у В. И. Свидерского, тем не менее, чувствуется отрыв структуры от ее субстанции, со-

¹ Свидерский В. И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965. С. 135.

держания. Это впечатление усугубляется и укрепляется, когда он фактически разрывает парность категорий элемента и структуры, приписывая им разнопорядковые сущности: первому — субстанциональное, а второй — организующее значение. Он пишет: «...под элементами следует понимать любые явления, процессы, образующие в своей совокупности данное явление, данный процесс, а также любые свойства явлений, образующие в своей совокупности некое новое свойство, и, наконец, любые отношения, образующие в своей совокупности некое новое отношение»¹.

Это определение представляется неудачным, более того, ошибочным. В самом деле, если элементы — это любые явления и даже любые свойства явлений, то какая же разница между элементами, явлениями и их свойствами? Каким образом любые явления, процессы могут в своей совокупности образовать данное (какое именно?) явление, процесс? Почему любые явления, процессы, их свойства и отношения именуется элементами? В чем назначение и специфика понятия элемента, обусловившая необходимость его введения в категориальный аппарат науки?

На эти вопросы отсутствуют ответы, но оставим их в стороне. В данном случае интересно заметить иное: автор явно стремится придать категории элемента качество субстанциональности и тем самым совокупность элементов отождествляется с категорией целого. Таким образом получается, что В. И. Свидерский не только не проводит разграничения между понятиями целого, системы и структуры (на что обращалось внимание ранее), но и «совокупность элементов» сводит к целому. Но если целое и структура тождественны, а целое есть совокупность элементов, то, следовательно, и между структурой и элементами нет различий. Но такой вывод, естественно, неприемлем, в том числе и для В. И. Свидерского, который пишет: «Говоря об элементах, мы должны подразумевать под ними не просто дробные части данного целого, а лишь такие из них, которые, вступая в определен-

---

¹ Свидерский В. И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. С. 133.

ную систему отношений, непосредственно создают данное целое»¹.

Но, во-первых, «дробные части», если они не создают целого, вовсе не являются его частями; во-вторых, если не «дробные части», создающие данное целое, и есть элементы, то, следовательно, нет никаких различий теперь уже между частями и элементами целого. В итоге, к сожалению, получается, что ни одна из рассматриваемых автором категорий ничем не отличается от любой другой и в силу этого не может быть использована, в частности, при анализе правовых явлений и процессов.

В этой связи следует обратить внимание на следующее. В философской литературе все настойчивее выдвигается мысль о многоплановости категорий диалектики, и особенно категории структуры². Безусловно, эта мысль имеет под собой серьезные основания, поскольку отражает не только всеобщность, но и гибкость диалектических понятий. Однако иногда эта многоплановость трактуется так широко, что теряется специфика той или иной категории, ее использование выходит за рамки ее применимости, смешивается с другими категориями и в итоге лишается познавательного значения. Именно это произошло с пониманием и использованием категории структуры. Например, Р. А. Зобов рассматривает структуру как материализованную связь между образующими ее компонентами, как закон, способ, характер связи их между собой и, наконец, как результат их взаимодействия, образующего «новые стороны и свойства» структуры³. Но, во-первых, понимание структуры как материализованной связи между образующими ее компонентами исключает возможность отличить ее от системы. Во-вторых,

---

¹ Там же.

² См., например: Миносян А. Категория содержания и формы. Ростов, 1962. Гл. 2.

³ См.: Зобов Р. А. Некоторые аспекты категорий отношения, целого, структуры, функций и их значение для научного исследования//Некоторые вопросы методологии научного исследования. Вып. 2. Л., 1968.

структура, как было показано ранее, вовсе не всегда характеризуется закономерностью связи частей целого. Таким качеством обладает отнюдь не любая структура, а лишь структура системного целостного образования (так сказать, «системная структура»). И в-третьих, сама по себе структура, будучи внутренней формой, не может лишь в результате взаимодействия ее элементов создать свои «новые стороны и свойства», поскольку они образуются в зависимости от движения, изменения и развития самого целого (и прежде всего системного целого).

В итоге рассмотрения данного вопроса представляется уместным привести высказывания М. Розенталя и Э. Ильенкова о «структурализме» или «структурно-функциональном анализе», которые полезны для правоведческих исследований и с которыми мы полностью солидаризируемся. «Ссылаясь на определенные достижения, — пишут они, — полученные на основе применения структурно-функциональных методов в некоторых науках (лингвистика, биология и др.), некоторые философы решили распространить этот метод на все области человеческого знания, включая даже диалектику, которую они пытаются “структурализовать”». И далее: «“Структура” — категория не новая. Уточнить это понятие, поставив его в связь с другими категориями диалектики, то есть определить его именно как “ступеньку”, как “узловую точку” познания, дело, несомненно, полезное и важное. Но менять всю последовательность научных понятий материалистической диалектики, всю систему их научных определений путем приспособления ее к частным нуждам “структурного анализа” представляется затеей весьма легкомысленной.

“Структурный метод” сознательно абстрагируется от всех фактов, связанных с историей возникновения, формирования и перспективой эволюции тех “структурных образований”, о которых в данном случае идет речь. А тем самым, естественно, и от тех внутренне присущих им противоречий, которые как раз и стимулируют рождение, формирование и в конце концов “гибель” указанных структур (то есть процесс их преобразования в более высокие и исторически позднейшие структуры). Нетрудно представить, как будет выглядеть

теория материалистической диалектики, если ее перестроить по схемам и моделям структурного анализа»¹.

В заключение рассмотрения философской категории структуры следует отметить, что ее столь методологически важное для правопведения значение менее всего привлекает внимание юристов-исследователей. В тех же редких случаях, когда отдельные исследователи правовых проблем касаются правовой или законодательной структуры, они менее всего озабочены пониманием и определением данного понятия², а в худшем случае лишь иллюстрируют правовым материалом далеко не лучшие образцы философских изысканий категории «структура»³.

Выше отмечалось распространение в философской литературе так называемой многоплановости структуры. Та же, выражаясь гегелевским языком, «дурная» многоплановость сложилась и в результате попытки разграничить понятия части и элемента. По данному вопросу в философской литературе выдвинуто несколько различных мнений. Одни авторы, по существу, отождествляют категории части и элемента⁴. Другие, наоборот, отрицая их тождественность, указывают, что элемент

---

¹ Розенталь М., Ильенков Э. Ленин и актуальные проблемы диалектической логики//Коммунист. 1969. № 12. С. 32.

² Так, в одной из книг имеется специальный, довольно обширный параграф, посвященный «структурированности права», в котором говорится о чем угодно (о «глубинных элементах» правовой ткани, дозволениях и запретах, социальной ценности права, судебных решениях, «праве судей», кодификации, юридическом режиме, публичном и частном праве, нормах права, правовом регулировании, социально-политическом и юридическом содержании права и т. д. и т. п.), но нет главного: ответа на вопрос о том, какова природа, понятие и определение правовой структуры. В тех же случаях, когда автор касается структуры, то постоянно смешивает ее с системой или отождествляет их (см.: Алексеев С. С. Теория права. М., 1995: С. 187—201).

³ Подробнее об этом см. гл. 12 наст. изд.

⁴ Например, А. Г. Спиркин пишет: «Элемент — это минимальная единица в составе данного целого, выполняющая в нем определенную функцию»; «категория части выражает предмет не сам по себе, не как таковой, а лишь в его отношении к тому, составным компонентом чего он является, во что он входит...» (Спиркин А. Г. Курс марксистской философии. М., 1965. С. 161).

обозначает только предметы, явления и процессы, находящиеся в соответствующей взаимосвязи, образующейся в рамках определенной структуры целого, в то время как часть может существовать в определенном сочетании между собой в рамках целого, а также и до этого сочетания. Та или иная часть превращается в элемент лишь после ее вступления в определенное сочетание, образующее целое, и после определенного изменения под воздействием этого сочетания. До этого часть не является элементом¹. Третьи считают, что элементом является все, что указывает, из чего состоит целое, что относится к компонентам, его составляющим, безотносительно к тому, отражают они специфику данного целого или нет. Но частью является не всякий компонент, а лишь такой, который наделен специфическими особенностями целого, непосредственно выполняет функции, характерные только для данного целого². Четвертые полагают, что часть шире элемента, поскольку частями целого являются не только элементы, находящиеся между собой в известной взаимосвязи, но и сами взаимосвязи между элементами, т. е. структура. Если элементы, обладая определенной самостоятельностью и качественной обособленностью, отличаются от связи, в которой они состоят между собой, то специфическое содержание частей выявляется не в соотношении со связью, существующей между ними, а в соотношении с целым. Поэтому они не могут противопоставляться связям, составляющим структуру целого, ибо последние сами являются частями целого³. Наконец, пятые исходят из того, что понятие элемента более глубоко, чем понятие части, хотя они оба характеризуют предмет со стороны его составных компонентов. Элементы — это те же части, но наиболее существенные части и в наибольшей степени отражающие связи и отношения, специфичные для

---

¹ См., например: Вальт Л. О. Соотношение структуры и элементов//Вопросы философии. 1963. № 5. С. 45—46.

² См., например: Югай Г. А. Диалектика части и целого. Алма-Ата, 1965. С. 93.

³ См., например: Шептулин А. П. Система категорий диалектики. М., 1967. С. 284—287.

предметов как целостного образования. Поэтому отличительной особенностью элементов является то, что они обладают вполне определенными свойствами, не изменяющимися в пределах исследуемого отношения. Элемент — более богатое и конкретное понятие, определение которого сохраняет особенности содержания, выражаемого категорией части, и включает также и новые признаки, позволяющие относить их к наиболее важным, существенным частям системы¹.

К сожалению, ни одна из приведенных точек зрения неприменима к анализу правовых явлений, процессов и уже в силу этого не может претендовать на всеобщее отражение действительного соотношения категорий части и элемента. В первую очередь следует отметить, что если бы категории части и элемента совпадали, то не было бы смысла хотя бы одну из них вводить в научный оборот. Но в том-то и дело, что и категория части, и категория элемента выполняют определенные, но не тождественные гносеологические функции. И прежде чем вскрыть своеобразие каждой из этих функций, необходимо выяснить различие между указанными категориями.

Нельзя представлять себе дело так, будто часть может быть частью до вступления в состав целого. Самостоятельное существование части превращает ее в отдельное, лишая при этом специфических особенностей как компонента целого. Конечно, с универсальных позиций любое относительно самостоятельное явление есть часть какого-то целого, которое, в свою очередь является частью еще более объемного целого, и т. д. Но специфика категории части в том именно и состоит, что она является таким компонентом целого, вне которого эта специфика исчезает. Нет, например, сомнения в том, что любая отрасль права является частью соответствующей системы права, но это вовсе не исключает ее относительного, в известной мере обособленного и специфического существования и функционирования. В противном случае не было бы оснований для выделения определенных правовых норм и институтов в самостоятельную отрасль права. Следовательно, по этой

---

¹ См., например: Кураев В. И. Содержание и форма//Категория диалектики как ступени познания. М., 1971. С. 222—224.

линии исключается возможность провести разграничение между частью и элементом, которое также имеет смысл лишь как компонент определенной структуры.

Неверно также и представление, будто элемент лишен качественной характеристики целого или структуры, в состав которых он входит или составным компонентом которых является. Если бы тот или иной элемент не играл определенной роли в соответствующей структуре, он лишился бы качества элемента, превратившись в механическую приставку или дополнение к этой структуре. Специфика элемента в том и состоит, что он является необходимым атрибутом структуры. Без элементов нет структуры, равно как и без структуры нет элементов. Так, необходимыми элементами правового отношения являются субъект, объект, правомочие и юридическая обязанность, без определенной связи между которыми нет и самого правоотношения. С другой стороны, трудно отрицать, например, за преамбулой законов значение части данного нормативного акта, хотя и не во всех случаях она является обязательной и тем более не играет непосредственно регулирующей роли нормативного акта, в состав которого входит. Следовательно, и по этой линии нельзя провести разграничение между категориями элемента и части, которая отнюдь не всегда непосредственно выполняет функции, характерные для целого.

Не следует соглашаться и с мнением, разграничивающим элементы и части по их связям между собой и с целым, когда первые характеризуются самостоятельностью, качественной обособленностью и независимостью, а вторые выявляются лишь в соотношении с целым. Во-первых, элементы существуют лишь как элементы структуры, подобно частям, имеющим смысл только как части целого. Во-вторых, элементы обретают качественную особенность не сами по себе, а при наличии определенных связей между собой и целиком со структурой, точно так же как и специфика частей определяется не только ими самими, но и связями их между собой и целым. При рассмотрении, например, любой правовой нормы со стороны ее элементов и структуры или со стороны ее частей и целого легко обнаруживается, что она обязательно состоит из тех элементов, или частей, связь между которыми характеризует ее специфически необходимую структуру и це-

лостность, в свою очередь влияющие как на сами элементы и части ее, так и на их связи между собой. Следовательно, и здесь мы лишены возможности провести линию разграничения между категориями элемента и части. Более того, последняя из критикуемых точек зрения допускает полное смешение понятий. Структура целого не может быть лишь его отдельной частью хотя бы уже потому, что является внутренней формой объединения всех частей целого.

Наконец, едва ли можно считать оправданной точку зрения, согласно которой различие между элементом и частью состоит в том, что первый является не всякой, а лишь существенной частью. Такая характеристика произвольна хотя бы уже потому, что, поменяв местами часть и элемент, можно утверждать прямо противоположное, а именно: частью является не всякий, а лишь существенный элемент. Но дело не в этом. Подобное толкование понятия «элемент» не имеет сколь-нибудь рационального смысла, ибо можно было бы вместо понятия элемента пользоваться простым обозначением: основная, главная или существенная часть. Между тем думается, что введение в научный оборот наряду с категорией части также и категории элемента имеет более глубокий смысл.

В чем же в таком случае состоит действительное различие между интересующими нас в данном случае категориями в их применении к исследованию правовых объектов, явлений и процессов?

Если целое является категорией прежде всего субстанционального, содержательного порядка, то, естественно, и части целого суть субстанциональные, содержательные его компоненты. Если, далее, структура есть не что иное, как внутренняя форма целого, то, следовательно, и ее элементы являются моментами, связями, «блоками» организационного устройства этого целого.

Как же структурно организованы ее элементы? Во-первых, все части структурно заключены в одно целое, что является вполне целесообразным, поскольку каждая из них и все вместе участвуют в регулировании соответствующих отношений. Во-вторых, части целого связаны между собой в структурно-логической последовательности, что обеспечивает эффективность правового регулирования.

Таково рассудочное разграничение категорий части и элемента. В действительности же они сливаются, удваиваясь лишь при их понятийном анализе. Элемент — это та же часть целого, рассматриваемая с точки зрения ее связи с другими частями данного целого и с самим целым. Поэтому элемент, будучи частью определенного целого, вместе с тем только к ней не сводится, поскольку представляет собой не «чистую», изолированную часть, а рассматривается в комплексе ее связей с другими частями целого и с самим целым. Следовательно, элемент можно характеризовать как своеобразный «блок», связывающий одну из частей целого с другими его частями, равно как и с самим целым. Система элементов целого и образует структурную связь компонентов данного целого, без которой целое распалось бы на части и перестало существовать как целое¹. Иначе говоря, элемент — характеристика части со стороны того его свойства, которое превращает различные части в единое структурное целое. Это свойство частей как элементов проявляется по-разному: в системном целом оно выступает в качестве наиболее сильного средства органической связи его частей; в суммативном целом это качество выражено слабо — части данного целого легко отделимы друг от друга.

Суммативная связь отличается от синтетической не только тем, что ни один из взаимодействующих ее элементов не приобретает качественно новых свойств, но также и тем, что часть может легко выйти из состава целого, существенно не нарушая его структурности. Степень устойчивости структуры зависит от характера самого правового целого: в отличие от суммативного системное правовое образование значительно глубже, «строже» организует внутренние связи и взаимозависимости своих частей. Тем самым структура правового

---

¹ Эту же мысль выразил В. А. Звегинцев: «Каждый элемент структуры, сам по себе автономный, будучи изолирован от структуры и рассмотрен вне внутренних связей, существующих в ней, лишается тех качеств, которые придает ему его место в данной структуре, почему изолированное его изучение не дает правильного представления о его действительной природе. Входя в состав структуры, всякий элемент приобретает, таким образом, “качество структурности”» (Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. М., 1962. С. 66).

образования приобретает устойчивость, стабильность, «крепче» цементирует части в органическое внутреннее единство. Наконец, суммативная структура может характеризоваться как единством однотипного содержания элементов, так и единством разнотипных содержаний элементов. Кроме того, это единство отнюдь не внутреннее, а лишь внешнее, но дело не только в этом. В многочисленных переплетениях явлений правовой действительности обнаруживается богатое разнообразие структур, среди которых можно выделить объективные и субъективные, общие и частные (локальные), сложные и простые, относительно устойчивые и изменчивые, динамические и статические и т. д. Так, структура системного целого (например, системы отраслей права) объективна, сложна и относительно устойчива в противоположность структуре суммативного целого (например, систематики отрасли действующего законодательства), которая субъективна, относительно проста и изменчива.

Более углубленный анализ правовой структуры обнаруживает необходимость различать внутреннюю и внешнюю структуру правовых явлений. Внутреннюю структуру составляет определенная связь частей единого целостного правового образования, а внешнюю — определенная связь целостного правового образования с другими правовыми явлениями. Внутренняя структура, например, правовой нормы образуется из определенной связи между ее частями — гипотезой, диспозицией и санкцией, а внешняя — из определенной связи между данной правовой нормой и другими правовыми нормами, входящими в состав единого правового института. В свою очередь внутренней структурой института является определенная связь между его компонентами — правовыми нормами, а внешней — определенная связь данного института права с другими институтами права, входящими в состав единой отрасли права. Наконец, внутренней структурой отрасли права является определенная связь между его компонентами — институтами права, а внешней — определенная связь с другими отраслями права, входящими в состав единой системы права того или иного исторического типа.

Все эти многочисленные правовые структуры находятся между собой в разнообразных сочетаниях, отношениях, коорди-

нации и субординации, образуя тем самым (подобно системным образованиям) целостные многоструктурные правовые образования различных уровней (например, структуры нормы, института, отрасли, системы права), сложный комплекс структур правового целого. Так, например, в структуру нормативного акта включаются структуры норм права и статей нормативного акта, имеющих различную природу и характер. В свою очередь структура нормативного акта определенным образом вплетается в структуру соответствующей отрасли действующего законодательства, а иногда — нескольких отраслей. Вместе с тем структуры отраслей законодательства оказывают известное влияние друг на друга, на становление и развитие структуры соответствующих отраслей права и структуру системы права в целом, а равно и наоборот. Взаимное проникновение, воздействие, влияние друг на друга структур различной природы и характера, возникновение в результате этого общих, интегральных, фундаментальных структур обуславливают необходимость обнаружения в данных конкретно-исторических условиях оптимальных структур не только для отдельных правовых явлений, но и для структуры права в целом, законодательства в целом.

Изложенное свидетельствует о том, что структурный подход к анализу правовых явлений и процессов имеет важное и многостороннее как теоретическое, так и практическое значение. Структурная упорядоченность действующего законодательства позволяет привести его к строгому целостному единству, внутренней и внешней согласованности, логической последовательности связей между его частями и к их гармоничному развитию и т. д. Это, в свою очередь, способствует дальнейшему укреплению законности и упрочению правопорядка во всех сферах жизнедеятельности общества. Этот вывод будет подтвержден последующими размышлениями и объективными данными.

Глава 13

ОТДЕЛЬНОЕ И ОБЩЕЕ

Дальнейшее движение к познанию системы права предполагает, как было отмечено ранее, предварительный анализ соотношений отдельного и общего, целого и части в праве. Рассмотрим в этой главе соотношение отдельного и общего в праве.

Одной из важных философских проблем правоведения является выяснение соотношений отдельного и общего в праве. На основе этих соотношений, по существу, строится вся теория таких фундаментальных юридических категорий, как, например, норма, институт, отрасль и система права, которые имеют огромное познавательное и практическое значение.

Правовая действительность характеризуется бесконечным множеством и разнообразием явлений, процессов — норм, актов, связей, отношений и т. п.; они относительно тождественны или различны, устойчивы и неизменчивы, прерывны или непрерывны и т. д. Для того чтобы разобраться в этом «хаотическом» целом, необходимо, в частности, применить к исследованию права философские понятия отдельного и общего.

Проблема отдельного и общего имеет в философии длительную историю. Мыслители прошлого (начиная с Аристотеля) и Нового времени сталкивались с неразрешимыми трудностями при определении понятий отдельного и общего (а также особенного). Так, Гегель, пытаясь преодолеть эти трудности, считал, что первоначалом всего сущего является мысль в ее абстрактной всеобщности, представляющая собой «чистое» бытие. В таком виде она «ничто», которое, однако, благодаря движению переходит к становлению и приводит к возникновению «наличного бытия». В отличие от «чистого бы-

тия» «наличное бытие» обладает качеством, которому противостоит уже не «ничто», а другое определенное бытие. Это другое определенное бытие, другое качество, ограничивая данное качество, порождает конечность, которая, будучи соотнесена с собой, в свою очередь порождает количество. В соответствующих границах количество превращается в определенное качество и, соотносясь с другим количеством, выявляет свое качество. В процессе движения и развития изменяется количество, а вслед за ним — и качество. Но за этими изменениями скрывается нечто устойчивое — субстанция, сущность, от которой через ряд категорий (в частности, единство, меру) осуществляется переход к понятию, в котором все предшествующие категории «затонули и содержатся». Именно поэтому понятие включает три момента: всеобщность, особенность и единичность, — которые, будучи нераздельными, теряются друг в друге, растворяются одно в другом, но вместе с тем и отличаются друг от друга. Так, особенное есть всеобщее в одном из его определенных обособлений; всеобщность, будучи единством всех своих обособлений, есть тотальность; но особенное как определенная всеобщность является также и единичным; поскольку же единичное оказывается благодаря особенному определенным всеобщим, постольку оно является также и некоторым особенным.

Наличное бытие изменчиво, всеобщее, наоборот, неизменно даже тогда, когда оно включает себя в некоторое определение, оставаясь в этом определении тем же, что оно есть. Всеобщее является душой того конкретного, в котором она обитает, сохраняя свою «неизменность и бессмертие»¹.

Итак, по Гегелю, всеобщее, существуя объективно и самостоятельно вне единичного и до единичного, развивается само в себе и через себя порождает все многообразие единичного. Он писал, что «всеобщее есть основание и почва, корень и субстанция единичного»². Тем самым действительность необъективна, и ее закономерности являются источником мышления, всего субъективного, а сама мысль (по-

¹ См.: Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VI. С. 5, 31, 34, 35, 38, 56.

² Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. I. С. 283.

нятие, всеобщее) превратилась в творца действительности, реального мира во всем многообразии и разнообразии его особенных и единичных проявлений.

Опираясь на логику соотношения отдельного, особенного и общего, обратимся непосредственно к анализу его проявления в праве. Прежде всего надлежит выяснить, что́ следует понимать под отдельным, особенным и общим в праве.

Под отдельным в праве следует понимать единичное правовое явление, совокупность свойств которого определяет его специфику и тем самым отличает от всех других явлений (правовых и неправовых). При всем множестве отдельных правовых явлений исключается абсолютная тождественность хотя бы двух из них. Так, любая правовая норма отлична не только от правоотношения или юридического факта, но и от других правовых норм; каждое единичное гражданско-правовое отношение отнюдь не идентично не только, например, административно- или процессуально-правовому отношению, но и любому иному гражданско-правовому отношению; всякий юридический факт обладает своеобразием, особенностью, спецификой и т. д. Именно эта качественная и количественная специфика каждого конкретного, индивидуального правового явления, составляющая его оригинальность, исключительность, неповторимость, и есть отдельное в праве¹.

---

¹ В философской литературе была предпринята попытка провести различие между отдельным и единичным, однако вряд ли ее можно признать удачной. Так, А. П. Шептулин писал: «Отдельное богаче единичного, оно представляет собой единство единичного и общего... Отдельное не только единично, но и обще. Включая в себя единичное и общее, оно не может быть тождественно единичному. Единичное лишь часть отдельного» (Шептулин А. П. Диалектика единичного, особенного и общего. С. 50). Но все, что сказано в отношении отдельного, в равной мере может быть отнесено и к единичному. Автор же не объясняет, почему сказанное им характеризует отдельное, а не единичное. Вместе с тем если отдельное включает в себя и единичное, и общее, то чем же тогда оно отличается от особенного? А. П. Шептулин пишет далее: «То, что отличает одно материальное образование от других, является особенным» (там же. С. 57). Но отличает одно материальное образование от других прежде всего само единичное, отдельное, его особенности. Иначе оно не может быть единичным, отдельным. Кроме того, к особенностям единичного, отдельного вовсе не сводится понятие особенного, что показано ниже.

Вместе с тем нет такого отдельного правового явления, которое существовало бы изолированно, само по себе, вне отношений с другими явлениями. Оно не может ни возникнуть, ни существовать, ни развиваться, ни функционировать без связи и взаимодействия с другими явлениями социальной, в том числе и правовой, жизни. Так, государственная воля имеет силу и значение лишь тогда, когда в результате правотворческого процесса она превращается в правовое предписание, которое при наличии соответствующего юридического факта воплощается в правоотношении и через него реализуется в действительность.

Но если отдельные правовые явления связаны между собой, взаимодействуют, зависят и обуславливают друг друга, то, следовательно, они имеют (и не могут не иметь) нечто соизмеримое, однопорядковое, общее¹. И если в процессе познания мы будем это игнорировать, будем воспринимать право лишь как многообразие его отдельных проявлений, то не достигнем рациональной степени правового познания². На-

---

¹ Ф. Энгельс писал: «Если мы станем сопоставлять в отдельности друг с другом такие две до крайности различные вещи — например, какой-нибудь метеорит и какого-нибудь человека, — то тут мы откроем мало общего, в лучшем случае то, что обоим присуща тяжесть и другие общие свойства тел. Но между обеими этими вещами имеется бесконечный ряд других вещей и процессов природы, позволяющих нам заполнить ряд от метеорита до человека и указать каждому члену ряда свое место в системе природы и таким образом *познать их*» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 547).

На основе общего для всех правовых явлений обнаруживается различие между ними, определяется «место» каждого из них в правовой жизни и тем самым осуществляется их познание.

² Именно это характерно для западных теоретиков права различных направлений. Так, если представитель юридического позитивизма К. Бергбем считал, что право — это то, что мы видим (см.: Bergbehm K. *Jurisprudenz und Rechtsphilosophie*. Bd. 1. Berlin, 1892. S. 75), то сторонник психологического направления в «правовом реализме» Дж. Фрэнк указывал, что при определении права не следует интересоваться абстрактными предписаниями, так как правом является то, что делает в каждом отдельном случае каждый судья на основе личного восприятия (см.: Frank J. *Law and Modern Mind*. N. Y., 1930. P. 125; его же. *Fate and Freedom*. N. Y., 1945. P. 12), а представители экзистенциалистской философии права Г. Кон и Е. Фехнер уверяют, что действительным правом являются отдельные, разовые, случайные факты, которые обладают индивидуальными особенностями (см.:

ше представление о праве, основанное только на его эмпирическом восприятии, окажется односторонним и, следовательно, глубоко ошибочным.

Различные явления становятся сравнимыми лишь после того, как они сведены к общему. Энгельс отмечал: «И в самом деле, всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность; заключается в том, что мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное — в преходящем. Но форма всеобщности есть форма внутренней завершенности и тем самым бесконечности; она есть соединение многих конечных вещей в бесконечное»¹.

Эти важные методологические положения применительно к праву означают то, что общее для всех правовых явлений — как бы они ни отличались друг от друга — есть именно правовые, а не какие-либо иные явления (нравственные, эстетические, технические и т. д.). Следовательно, как нет абсолютно сходных, тождественных правовых явлений, так нет и абсолютного различия между ними. Все правовые явления обладают определенной общностью, что выражается, например, в таких общих понятиях, как право, система права или законность.

Итак, под общим в праве следует понимать единство всех правовых явлений, выраженное в сходстве или общности их свойств, связей и отношений.

Из сказанного со всей очевидностью вытекает, что и в праве не может быть общего без отдельного², равно как и наоборот; что они органически взаимно связаны, зависимы, обу-

---

Cohn G. Existenzsocialismus und Rechtswissenschaft. Basel, 1955. S. 103; Fechner E. Rechtsphilosophie, Soziologie und Metaphysik des Rechts. Tübingen, 1956. S. 257).

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Т. 20. С. 548—549.

² Методологическую ошибку допускают Г. Кельзен и все старые и новые нормативисты, когда, абсолютизируя общее в праве, отрывают его от отдельного, провозглашая «первоначальную» правовую норму основой совершенно чистого долженствования (см.: Kelsen H. Reine Rechtslehre. Aufl. 2. Wien, 1960).

словлены. Каждое отдельное правовое явление содержит в себе предпосылки, стороны, черты того, что образует общую сущность всех правовых явлений. Эти предпосылки, стороны, черты явно или скрыто для «невооруженного глаза» связаны между собой и в сложном единстве составляют сущность права. Вот почему нельзя познать сущность права, не выявив предварительно тех основных признаков, характерных черт правовых явлений, которые свойственны всей их совокупности. И наоборот, внутренняя суть, назначение и роль каждого отдельного правового явления, закономерности его возникновения, развития и отмирания могут быть плодотворно исследованы лишь на основе знания общей сущности права¹.

В философской литературе иногда можно встретить утверждение, согласно которому в каждом отдельном заключается общее как его сущность². С категоричностью такого суждения нельзя согласиться по следующим причинам. В каждом отдельном действительно в той или иной степени, виде или форме заключается общее, но не всякое общее составляет сущность отдельного, и это особенно наглядно обнаруживается при анализе правовых явлений. Как известно, могут быть различные уровни общности отдельных, в том числе и правовых, явлений. Правовая норма, например, представляет собой соответствующее обобщение разнообразных предписаний нормативных актов. Вместе с тем понятие правовой нормы является менее общим по сравнению с понятием института права, отрасли права и тем более системы права. И едва ли можно утверждать, что уже обобщение на уровне правовой нормы обнаруживает сущность каждой отдельной статьи нормативного акта.

---

¹ Эту взаимосвязь отдельного и общего отрицают некоторые сторонники юридического позитивизма. Так, Э. Бирлинг, определяя цель своей работы «Учение о юридических принципах», заявлял, что она сводится к синтетическому изложению «тех правовых понятий и принципов, которые, благодаря неизменности своего содержания и сущности, независимы от индивидуальных свойств какой-либо определенной (конкретной) системы позитивного права» (Bierling E. Juristische Prinzipienlehre. Bd. I. Berlin, 1894. S. 21).

² См., например: Спиркин А. Г. Курс марксистской философии. М., 1965. С. 158.

Далее, общее может выступать как в качественной, так и в количественной стороне явления. Очевидно, что только количественная характеристика явления, каким бы уровнем обобщения она ни была, не может выражать сущность. Например, утверждение, что «любая исторически сложившаяся система права есть совокупность правовых норм», является общим, но отнюдь не сущностным.

В этой связи уместно также коснуться и другого распространенного в философской литературе положения, смысл которого сводится к тому, что чем более общим является понятие, тем в большей степени оно воплощает в себе богатство особенного и отдельного¹. На первый взгляд может показаться, что в данном случае лишь воспроизводится известный гегелевский тезис о всеобщем, охватывающем собой или воплощающем в себе все богатство особенного и отдельного, — вывод, который В. И. Ленин в «Философских тетрадах» назвал прекрасной формулой². Между тем Гегель специально подчеркивал, что всеобщее удерживает в себе то богатство особенного и отдельного, которое составляет в них существенное, а внешнее, несущественное отбрасывается, в результате чего всеобщее возвышается над всеми этими особенностями и составляет их сущность. Иначе говоря, отнюдь не все, а лишь существенные признаки особенного и отдельного составляют то их богатство, которое воплощается в общем. При этом следует иметь в виду, что лишь общее определенного уровня, и именно такое, которое составляет прежде всего качественные, основные, принципиальные, важные черты единичных явлений, может заключаться (и заключается) в каждом отдельном как его сущность. Так, положение о том, что Конституция Российской Федерации является Основным законом страны, означает, что данный отдельный правовой акт содержит в себе нечто принципиально общее, характерное для всего российского законодательства.

¹ См., например: Павлов Т. Теория отражения. Основные вопросы теории познания диалектического материализма. М., 1949. С. 443.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 90.

Задача правового исследования в том, в частности, и состоит, чтобы обнаруживать тот именно уровень общности отдельных явлений, который определяет их сущность; в том, чтобы на соответствующем уровне обобщения устанавливать те основные свойства и черты отдельных явлений (все богатство особенного и единичного), которые характеризуют их общую сущность. Таким образом, в каждом отдельном заключаются предпосылки, стороны, черты общего, имеющие значение для его сущности.

Общее вместе с отдельным составляет взаимодействующее единство. Конкретное проявление такого единства и есть особенное. Ярким подтверждением этого является взаимодействующее единство общего и отдельного в праве. Возьмем, например, институт права: он представляет собой, с одной стороны, совокупность отдельных правовых норм, а с другой — объединение не всяких, а лишь отдельных и определенных правовых норм. Под особенным в праве следует понимать именно такое единство общих и отдельных правовых проявлений в конкретной действительности.

Особенное в праве всегда представляет собой качественно определенное, конкретное бытие системно объединенных общих и отдельных свойств, черт, «параметров» правовых явлений. Так, институт права государственной или личной собственности по содержанию конкретнее права собственности вообще, структура норм этого института более системна, чем структура норм права собственности вообще.

Нетрудно видеть, что не только общее, но и особенное может быть различного уровня. Например, отрасль права, подобно институту права, является конкретным объединением в единое целое определенных правовых норм и, следовательно, является особенным. Но это единство иное, более высокого порядка по сравнению с предыдущим, поскольку в него входят не только нормы, но и институты права. Еще более высоким уровнем особенного является система права, объединяющая нормы, институты и отрасли права определенной социально-политической формации.

Возведение особенного в общее в праве предполагает обнаружение внутренней общности и единства между особенными проявлениями правовых явлений. Основываясь на этой

общности и исходя из нее, оказывается возможным вскрыть отличие друг от друга особенных форм правовых явлений и тем самым показать объективное многообразие норм проявления права как общего.

Определяя общее в праве как единство многообразных правовых явлений, мы отмечали, что первое выражается в сходстве или общности свойств, связей и отношений вторых. Из этого вовсе не следует, что всякая общность и тем более сходство есть сущность отдельного, позволяющая отличить одно целостное правовое явление от другого. Так, любая правовая норма является общим правилом поведения и юридически обязательна к исполнению. Но это общее пока не дает возможности отличить одну правовую норму от другой, хотя и указывает на их сходство. Различие между нормами права обнаруживается на уровне особенного, поскольку при конкретном их проявлении становится очевидным не только разное содержание каждой из них, но и разная степень общности данных правил поведения (действие нормы права во времени и пространстве), а также различная степень их юридической силы (иерархия правовых норм). Отсюда вытекает и различие между понятиями общего и всеобщего в праве. Всеобщее в праве — высший («универсальный») уровень сходства или общности свойств связей и отношений правовых явлений.

Следует, однако, иметь в виду, что существует и иное общее в праве, а именно такое, которое воплощает в себе не любые, а лишь закономерные свойства, связи и отношения правовых явлений. Тем самым общее в праве отличается от отдельных проявлений права тем, что вбирает в себя только существенное содержание отдельных правовых явлений. Если правовое содержание в отдельном его проявлении непосредственно сливается со своей формой существования, то в правовом общем она отделяется от формы своего конкретного существования, обретает новую форму, объединяя и организуя уже синтезированное содержание отдельных правовых проявлений. И в этом качестве общее доминирует, господствует, властвует над отдельным, единичным правовым явлением.

В результате образуются две крайности — общего и отдельного в праве, противоречия которых снимаются через особен-

ное. В правовом особенном содержатся не только существенные свойства, закономерные связи и отношения отдельных проявлений права, но и их различия. Тем самым в отличие от общего особенное в праве имеет двойственный характер.

Таким образом, как правильно отмечал Б. К. Касенов, «в единичном, особенном и всеобщем оригинально сочетаются, во-первых, отправной пункт научного познания — конкретное как объективное единство единичного, особенного и всеобщего; во-вторых, конечная цель познания — конкретное как познанное единство многообразия, единство всеобщего, особенного и единичного; наконец, посредствующее звено между единичным и всеобщим — особенное»¹.

Между отдельным, особенным и общим в праве существуют взаимопереходы. Более того, грани между ними настолько подвижны, что одно и то же правовое явление в зависимости от аспекта рассмотрения, от того, в связи с какими другими явлениями (или условиями) оно изучается, может выступать то в одном, то в другом, то в третьем качестве. То, что является отдельным в одном отношении, может стать особенным или общим в другом отношении, и наоборот. Так, в повседневной практике правотворческой деятельности мы нередко сталкиваемся с фактами, когда по мере созревания необходимых условий правовая норма ограниченного действия распространяется на более широкий круг аналогичных отношений. Постепенно, шаг за шагом возникают другие нормы, регулирующие различные стороны, моменты, особенности этих отношений. Место отдельной правовой нормы занимает целый ряд норм, образующих в своей совокупности правовой институт. И наоборот, выполнив свою социальную функцию, те или иные правовые нормы, составляющие в своем единстве правовой институт, в новых условиях теряют свое значение и отменяются.

Однако в юридической литературе эта подвижность, к сожалению, нередко затушевывается. Так, в связи с рассмотрением содержания и формы права А. А. Ушаков отмечает:

---

¹ Касенов Б. К. Диалектика единичного, особенного и всеобщего в «Капитале» К. Маркса. М., 1963. С. 43.

«Сущность лежит в плоскости общего, содержание — в плоскости конкретного, единичного». А что лежит в плоскости особенного? Не ответив на этот вопрос, автор продолжает: «Поэтому не может быть двух одинаковых содержаний, как не может быть двух одинаковых людей»¹.

Действительно, сущность представляет собой общее, но может быть и особенным, а содержание выступает не только как отдельное (конкретное, единичное), но и как особенное и даже общее в зависимости от того, в каком аспекте или в связи с какими другими явлениями сущность исследуется. При анализе соотношения отдельного, особенного и общего следует иметь в виду, что их значение отнюдь не равнозначно. Так, историческая необходимость правового развития выражается прежде всего в общем и особенном, в то время как в отдельном может проявиться и случайность, которая, однако, не отменяет этой необходимости общего и особенного в праве, хотя и оказывает известное влияние на них. Единичные причины, как отмечал Г. В. Плеханов, не могут произвести коренных изменений в действии причин общих и особенных, которыми к тому же обуславливаются направление и пределы влияния единичных причин².

Диалектика отдельного, особенного и общего имеет огромное методологическое и непосредственно практическое значение. Так, если каждое отдельное участвует в образовании общего, то только путем учета и тщательного анализа единич-

---

¹ Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 30.

Аналогичные элементарно-схематические параллели можно встретить и в философской литературе. Так, А. П. Шептулин пишет: «Взаимосвязь общего и отдельного проявляется как взаимосвязь целого и части, где целым является отдельное, а частью — общее» (Шептулин А. П. Диалектика единичного, особенного и общего. С. 51). Но в действительности может быть и прямо противоположное соотношение: целым может быть не только отдельное, но и их совокупность или система, равно как и, наоборот, частью может быть не только общее, но и отдельное в качестве части определенного общего. Соотношения между упомянутыми категориями куда более диалектичны, сложны, тонки, чем представляют себе указанные авторы, претендующие на диалектику их соотношения.

² См.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I. М., 1956. С. 332.

ных правовых явлений можно углубить познание сущности права, обнаружить новые и конкретизировать известные закономерности его развития. Если общее есть отражение закономерностей развития отдельных явлений, то, следовательно, правоведение должно умножать богатство своих идей, учений, теорий и тем самым более эффективно использовать научное предвидение в практике правового строительства. Если границы общего, особенного и отдельного весьма подвижны, то совершенно необходимо четко определять направление каждого конкретного правового исследования, тщательно изучать связи и отношения анализируемых правовых явлений с другими (в том числе и неправовыми) явлениями социальной жизни. Если общее и особенное в праве могут быть различного уровня, выражая разную степень сходства или общности свойств, связей и отношений правовых явлений, то при сравнительном анализе сущности отдельных исторических типов права необходимо акцентировать главное внимание не на формальном сходстве, а на их сущностном отличии друг от друга, т. е. на особенном. Если, далее, в каждом отдельном содержатся предпосылки, стороны, черты общего, то, следовательно, в практической правотворческой деятельности необходимо стремиться к тому, чтобы каждая статья создаваемого нормативного акта и акта в целом в максимальной степени отражала сущность права. Если каждое особенное есть единство общего и отдельного в их конкретном проявлении, то, применяя на практике общую правовую норму к сложному случаю правонарушения, нужно в полном соответствии с принципами правосудия строго следовать требованиям правового предписания, всесторонне и глубоко изучать совокупность условий совершения правонарушения и личность правонарушителя и на основе этого единства выносить решение (приговор). Если между отдельным, особенным и общим в праве отсутствуют непреодолимые грани и их соотношение характеризуется взаимопереходами в процессе развития и изменения, то можно путем создания благоприятных условий способствовать практическому превращению отдельного прогрессивного правового явления в особенное и общее и, наоборот, устаревшего отрицательного особенного и общего — в отдельное или даже их полной ликвидации и т. д. и т. п.

Разумеется, отмеченные общие положения, вскрывающие значение рассматриваемых категорий для развития теории и практики права, абстрактны. Однако использование этих положений при анализе отдельных правовых явлений позволит их конкретизировать, поэтому и результат исследования будет практически более осязаемым. Вот почему дальнейшая разработка диалектики соотношения отдельного, особенного и общего требует изысканий не только в гносеологическом плане, но и в плане специфических проблем различных отраслей и направлений юридической науки.

Впрочем, сказанное относится в равной мере и ко всем другим философским категориям, освещаемым применительно к праву в данной книге.

Глава 14

ЦЕЛОЕ И ЧАСТЬ

В предшествующих рассуждениях попутно использовались категории целого и части. Теперь же следует более подробно остановиться на их познавательном значении при анализе правовых явлений.

Прежде всего необходимо отметить, что комплексные исследования различных материальных и духовных процессов выдвинули проблему целостности на передний план современной науки. Интенсивная разработка этой проблемы за последние десятилетия дала плодотворные научные результаты не только в естествознании, но и в ряде отраслей общественного знания. С помощью категории целостности оказалось возможным четко выделить объект исследования, в котором обозначены не только познанные его части, но и те, которые должны быть познаны. Вместе с тем применение этой категории к исследованию соответствующего объекта позволяет вплотную подойти к определению природы и характера связей и взаимодействия между составляющими его частями, т. е. к его системно-структурному и функциональному анализу. На методологическое значение этой категории оправданно обратил внимание Б. Г. Юдин, указав: «...постановка проблемы целостности всегда связана с анализом исходных предпосылок, в значительной мере формирующих предмет и методы той или иной научной дисциплины... Взятое в качестве ориентира научного исследования, понятие целостности играет двоякую роль. Во-первых, это понятие позволяет обозначить, очертить разрыв между тем, что уже познано, и тем, что еще не познано, но что должно быть познано. Иными словами, не познанный еще объект интуитивно задается нам как целостность и таким образом становится объектом научного

исследования. В этом случае можно говорить о регулятивной функции понятия или, скорее, представления о целостности. Во-вторых, понятие целостности позволяет конкретизировать, сделать более развернутыми наши представления об объекте. Фиксируя исследуемый объект, оно оказывается своего рода системой отсчета, ибо только в связи с ним приобретают определенность, точный смысл такие понятия, как функционирование, развитие, поведение, структура, организация и т. д., то есть те понятия, без применения которых сейчас немыслимо изучение сложных объектов... Очень важно отметить также привносимое этим понятием требование выявить специфику данного объекта, то, что конституирует его именно как целостность»¹.

Научное руководство и оптимальное управление прогрессивным общественным развитием осуществляется на основе самого общества как единого, целостного организма. При этом существенную роль в реализации такого руководства и управления призвано сыграть право. Именно это обстоятельство актуализирует разработку проблемы целостности самого права.

При исследовании права категории целого и части, равно как и их соотношение между собой и с другими категориями, почти не рассматривались в отечественной юридической литературе. Что же касается философской литературы, то в ней, на наш взгляд, до сих пор отсутствует достаточно четкое разграничение между данными однопорядково-парными (но отнюдь не тождественными) категориями. Это ставит серьезные преграды на пути обнаружения гносеологического значения категорий целого и части (как, впрочем, и многих других) в анализе правовых явлений. А между тем, чтобы познать одну из интересующих нас однопорядково-парных категорий через посредство другой, необходимо знать, чем первая отличается от второй. Без подобного разграничения этих категорий, особенно при их использовании не вообще, а применительно к конкретному объекту, исклю-

¹ Юдин Б. Г. Понятие целостности в структуре научного знания // Вопросы философии. 1970. № 12. С. 82—83.

чается познание таких сложных социальных образований, каковым, в частности, является право.

В справедливости этих упреков можно убедиться, взяв для сравнительного анализа, например, определения целого и структуры, сформулированные В. И. Свидерским: «Признаком целого... является обязательное наличие общей структуры, объединяющей отдельные элементы и накладывающей свою печать на сами эти элементы»¹. Под структурой же он понимает, «принцип, способ, закон связи элементов целого, систему отношений элементов в рамках данного целого»².

Таким образом, целое определяется здесь через структуру, а структура — через целое. Разумеется, против подобного логического приема возражать нельзя, если бы при этом было проведено отличие целого от структуры, без которого невозможно понять ни целое, ни структуру. Более того, оказывается, что целое и структура — понятия совпадающие. В самом деле, если под структурой понимается определенная закономерность связи элементов целого, а целое обязательно имеет структуру, в пределах которой устанавливается определенная закономерность связи между ее элементами, то получается, что и для структуры, и для целого основным признаком является закономерная связь между их элементами. В чем же тогда разница между понятиями структуры и целого? Определяя, далее, структуру, автор использует и понятие системы, соотношение которой со структурой и целым также остается неизвестным. Если под системой понимаются те же закономерные отношения (или связи) тех же элементов в рамках данного целого, то вопрос еще более осложняется, поскольку неизвестно, в чем же, собственно, состоит различие не только между структурой и целым, но и между ними и системой.

В трактовке категории целого в философской литературе обнаруживаются две противоположные, но в одинаковой ме-

---

¹ Свидерский В. И. Некоторые особенности развития в объективном мире. Л., 1964. С. 6.

² Свидерский В. И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965. С. 135.

ре односторонние тенденции. В одном случае эта односторонность выражается в представлении, будто части непременно пространственно отделены от целого, существуют самостоятельно и только при этом условии могут именоваться частями целого¹. В другом случае столь же категорически утверждается противоположное, а именно: частями являются лишь такие органически связанные и взаимодействующие компоненты, которые пространственно неотделимы от целого².

Обе эти точки зрения односторонни, и прежде всего потому, что не учитывают универсального характера категории целого, включающего в себя как первую, так и вторую ее особенность. Обоснованность этого утверждения легко обнаруживается при применении категорий целого и части к познанию, в частности, правовых явлений. Абсолютизировать ту или иную особенность целого неправильно, поскольку действует немало целостных³ правовых образований, части которых не имеют смысла без органических связей и взаимодействия друг с другом (например, взаимодействие гипотезы, диспозиции и санкции правовой нормы или нормы права и правоотношения). Но с другой стороны, имеются и такие целостные правовые образования, части которых могут существовать относительно самостоятельно, автономно (например, при нарушении той или иной статьи нормативного акта применяется не этот акт в целом или отрасль законодательства, к которому он относится, а именно данная конкретная статья нормативного акта). Диалектическая универсальность це-

---

¹ См., например: Сержантов В. Ф. Основные аспекты проблемы материи и сознания и их связь с физиологией//Некоторые философские вопросы теоретической медицины. Труды Института экспериментальной медицины. Л., 1958. С. 13—14.

² См., например: Афанасьев В. Г. Проблема целостности в философии и биологии. М., 1964. С. 17.

³ В литературе была предпринята, по нашему мнению, безуспешная попытка отграничить понятие целого от понятия целостности. Так, Г. П. Короткова считает, что целостность, в отличие от целого, есть «состояние не полной, а относительной замкнутости какой-то совокупности явлений» (Короткова Г. П. Принципы целостности. Л., 1968. С. 7). Но и целое есть относительно замкнутая совокупность соответствующих явлений. Поэтому в данной работе эти термины используются как синонимы.

лого особенно наглядно выражается в системе права, которая, будучи органически единой, вместе с тем подразделяется внутри этого единства на отдельные относительно самостоятельные, автономные части — отрасли права. Материальное право и процессуальное право — вполне самостоятельные отрасли единой системы права, но их применение немислимо себе представить вне взаимодействия.

Универсальный характер категории целого, далее, состоит в том, что составляющие его части объединяются как естественным, так и искусственным путем; как по объективным, закономерным, так и по субъективным, произвольным моментам; как по качественным, так и по количественным признакам; как по содержательным, так и по формальным критериям.

Законодательство в целом, равно как и отдельные законодательные целостности, является, разумеется, искусственным образованием в смысле его отличия от целостных образований природы, представляющих собой продукт естественной эволюции. Они создаются законодателем в процессе законотворческой деятельности. Однако это вовсе не означает, что любая законодательная целостность во всех случаях является продуктом произвольного образования. Подобно тому как целостное образование природы и само общество как целое суть результат естественноисторического процесса, так и создание законодателем законодательных целостностей подчиняется объективному праву, объективной необходимости — естественноисторическим закономерностям общественного развития. Законодательство, будучи государственной волей, всегда отражает достигнутый уровень общественного развития, ни отменить который, ни перескочить через который оно не в состоянии. Однако в пределах общих исторических закономерностей могут образовываться законодательные целостности, имеющие либо объективные, закономерные, либо субъективные, произвольные основания. Так, отрасль права состоит из определенного количества институтов, которые обязательно обладают соответствующими качественными признаками (прежде всего единым предметом правового регулирования) и которые связаны между собой строгой взаимной обусловленностью.

Однако в практике имеются и другого рода целостные правовые образования, которые не обладают столь устойчивой организацией. Трудно отказать в целостности отдельным правовым актам, но их организация носит субъективный характер, и поэтому эти акты нередко существенно отличаются друг от друга.

Из сказанного следует, что уровень устойчивости правовой организации может быть различным в зависимости от характера связи между ее частями. «Шкала» этой устойчивости движется от относительно слабой к абсолютно сильной, необходимой связи ее частей. Так, правовая норма и форма ее реализации составляют некое целостное единство. Но если правовая норма имеет различные формы (или пути) ее реализации, то наименее целесообразная из них, очевидно, и в наименьшей степени связана с этой нормой.

Уровень устойчивости правовой организации зависит и от природы, свойств самих частей данного целого. В этом случае «шкала» устойчивости движется от простой правовой организации к сложной. Например, инкорпорация правовых актов в хронологической последовательности их издания является целостной систематизацией законодательного материала на уровне простой организации. Свойства этой организации в основном совпадают с совокупностью свойств составляющих ее частей: исключение или дополнение актов или норм к ней (например, повторяющихся) не влечет за собой сколько-нибудь серьезных качественных изменений самой организации. Иначе обстоит дело с правовой целостностью сложной организации. Так, кодификационная систематизация одной из отраслей действующего законодательства не может оставаться качественно неизменной в случае каких-либо исключений или дополнений, уточнений и т. д., ибо части целого здесь находятся в более прочной, стабильной и логически необходимой взаимосвязи. Вследствие этого часть в составе целого обладает иным качеством, чем то, которое она имела бы в случае единичного существования.

Характер связи между частями целого и природа самих частей целого, таким образом, определяют уровень целостности правовой организации. При этом данный уровень может

иметь, как было отмечено выше, либо объективные, либо субъективные основания. Так, система и систематика права, будучи целостными правовыми организациями, тем в основном и отличаются друг от друга, что первая имеет объективные, а вторая — субъективные основания. И именно это обстоятельство нас в данном случае непосредственно интересует, поскольку здесь обнаруживается основное различие между понятиями целого и системы в праве и законодательстве. Оно состоит прежде всего в том, что целое в праве и законодательстве может быть либо объективным, закономерным, необходимым, либо субъективным, произвольным, в то время как система права всегда объективна, закономерна, необходима. Следовательно, целостное правовое образование может быть как системным, так и суммативным.

С такой трактовкой целого не соглашаются многие философы, хотя она, как было показано выше, и вытекает из анализа реального существования, в частности, целостных правовых образований. Л. О. Вальт, например, отмечает: «Любое целое тем и отличается от механического агрегата, что оно обладает некоторой закономерной упорядоченностью, организацией частей»¹. Но квалифицированное проведение, например, инкорпорации законодательства достигает порой безупречной упорядоченности и организованности нормативного правового материала в единое целое, которое, тем не менее, вовсе не является результатом объективного, закономерного, необходимого развития законодательства. Л. О. Вальт под целым понимает лишь такое объединение частей, которое свойственно не целому вообще, а только системному целому.

Эта линия при рассмотрении данных категорий последовательно проводится В. Г. Афанасьевым, который доводит ее до логической завершенности — прямого отождествления категории целого и системы. В частности, он пишет: «Слов нет, всякое целое есть система» — и затем указывает, что целое следует определять «как систему, совокупность объектов,

---

¹ Вальт Л. О. Соотношение структуры и элементов//Вопросы философии. 1963. № 5. С. 45.

взаимодействие которых обуславливает наличие новых интегративных качеств, несвойственных образуящим ее частям»¹.

То, что целое может обладать качеством системности, безусловно, правильно. Верно и то, что взаимодействие частей может обусловить возникновение таких интегративных качеств целого, которые не свойственны образуящим его частям. Однако целое может носить не только системный, но и суммативный характер. Далее, взаимодействие частей не всегда обуславливает возникновение новых качеств целого, несвойственных его частям. И наконец, система и совокупность частей (или объектов, по выражению В. Г. Афанасьева) отнюдь не одно и то же. Система частей целого — это качественная характеристика его содержательного, субстанционального начала, в то время как совокупность частей целого — лишь его количественный признак.

Следует заметить, что позиция В. Г. Афанасьева по данному вопросу противоречива. Так, он считает, что не может быть суммативного целого, что оно всегда система, поэтому каждое целое является целостной системой. И тем не менее он допускает наличие суммативной системы. Но, не говоря уже о том, что простая сумма каких-либо компонентов является в определенном смысле противоположностью их закономерно объединению в систему, если целое есть система (а система может быть, по В. Г. Афанасьеву, суммативной), то, следовательно, и целое может быть «суммативно-системным». Тогда отрицание суммативного целого лишено логической основы. Конечно, наличие аддитивности (т. е. способности частей сохранять в целом численное значение некоторых своих свойств) не дает оснований сводить целое к сумме его частей. Но вряд ли можно отрицать тот факт, что в реальной действительности имеются и такие целостные образования, в которых аддитивные свойства целого, не будучи единственными и определяющими, имеют известное значение для их характеристики. Это значение аддитивных свойств целого не следует, разумеется, преувеличивать и тем более абсолютизировать; на них, как выражался Ф. Энгельс, «далеко не уедешь»,

¹ Афанасьев В. Г. Проблема целостности в философии и биологии. С. 8, 10.

поскольку сущность целого отнюдь не сводится к количественной его характеристике, а определяется реальными отношениями и пространственными формами, взаимодействием частей, его составляющих¹. Но отсюда вовсе не следует, что аддитивными свойствами целого, особенно суммативного целого, во всех случаях можно полностью пренебрегать.

Точку зрения В. Г. Афанасьева разделяет Г. А. Югай, указывающий, что любое «целое есть система, но не всякая система есть целое...»². В действительности же дело обстоит как раз наоборот: всякая система есть целое, но отнюдь не всякое целое есть система. Суммативное целое — это тоже целое, но оно еще не система, ибо не имеет объективных, закономерных, необходимых связей и взаимодействия между составляющими ее частями, компонентами. Поэтому целое может быть системным и несистемным. Всякая система есть разновидность целого. Она является хотя и наиболее совершенным, но отнюдь не единственным видом целого. Если данная целостность системна, то она не только состоит из определенного количества закономерно между собой связанных частей, которые образуют субстанциональную, содержательную основу (сторону или начало) целостной системы, но и всегда должна быть определенным образом внутренне структурно организована. Нет системы без структуры, которая есть необходимый скелет, внутреннее устройство, закономерная организация субстанциональных, содержательных компонентов системного целого. Но если не может быть системы без структуры, то означает ли это одновременно, что нет и структуры без системы? Думается, что не означает. Существует множество несистемных целостных образований, имеющих свои структуры, специфика которых, однако, существенно отличается от структур целостных систем. Они образуются не по объективным, закономерным, необходимым основаниям, а субъективно, произвольно и поэтому значительно менее устойчивы, прочны, стабильны. Именно поэтому-то структуру в праве и тем более в законодательстве

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 39.

² Югай Г. А. Диалектика частей и целого. Алма-Ата, 1965. С. 99.

нельзя характеризовать только как непременно закономерную связь между элементами целого.

Между тем именно с такой характеристикой структуры мы сталкиваемся не только в философской, но и в юридической литературе. Так, С. С. Алексеев с наивной доверчивостью и без каких-либо сомнений прямо воспроизводит определение структуры В. И. Свидерского как закона, способа связи, организации элементов явления¹ (не имея представления об оценке данного определения в философской литературе). Дело, однако, не только в том, что в данном определении полностью отождествляются понятия системы и структуры², но также и в том, что структура рассматривается только как закономерная связь между компонентами целого. Ошибочность этого убеждения легко обнаруживается при конкретном анализе различных правовых явлений, например структур статьи нормативного акта и правовой нормы. Каждая часть нормативного акта (как и сам нормативный акт в целом) так или иначе структурно организована, но она вовсе не всегда совпадает со структурой правовой нормы. Построение статьи нормативного акта (как и постатейное построение самого нормативного акта) зависит от законодателя, от тех целей и задач, которые он перед собой ставит. Именно поэтому структура статьи нормативного акта даже в тех случаях, когда она совпадает со структурой правовой нормы, носит в своей основе субъективный, произвольный, а иногда даже случайный характер. И именно этим она отличается от структуры правовой нормы, которая всегда объективна, закономерна, необходима.

Из такой трактовки вытекает, что структура — это категория, характеризующая внутреннюю форму предмета или явления, и как таковая она представляет собой имманентный признак любого целого. Именно поэтому она не может быть тождественной целому. Следовательно, целое может быть как системным, так и несистемным; оно отнюдь не сводится лишь к форме своей организации, а характеризуется прежде

¹ См.: Алексеев С. С. Общетеоретические принципы исследования структуры права//Советское государство и право. 1971. № 3. С. 41, 42.

² См.: Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. С. 187—189.

всего содержательной субстанцией. Другое дело, что целое может характеризоваться как с содержательной, так и с формальной стороны. Так, например, когда мы говорим, что институт права собственности сложился в правовую целостность под воздействием исторически определенных условий развития экономических отношений, то тем самым характеризуем данную целостность со стороны ее содержания. Утверждение же о том, что этот институт является целостным правовым образованием в силу объединения в нем соответствующих юридически обязательных предписаний, является его характеристикой с формальной стороны.

Очевидно, однако, что первая характеристика является главной, основной, существенной, в то время как вторая — второстепенной, незначительной, поверхностной (разумеется, лишь в сравнении с первой). Но какой бы ни была вторая характеристика целого, она, тем не менее, свидетельствует о другом важном аспекте универсальности ее природы: целое может быть образовано путем объединения (необходимого или случайного) его компонентов как по содержательным, так и по формальным критериям. Так, объединение норм права в целостную организацию по признаку предмета правового регулирования является объединением по содержательному критерию, а объединение их по признаку метода правового регулирования — объединением по формальному критерию. Поэтому следует отличать целостное правовое образование, в основу которого положен содержательный критерий, от того целостного правового образования, основой которого является формальный критерий (например, объединение всех предписаний законодательства о труде, в частности, в сборник в соответствии со степенью их юридической силы).

В этой связи возникает вопрос: может ли сложиться правовая целостность, которая была бы объективной, закономерной, необходимой и вместе с тем объединяла бы свои компоненты по формальным критериям? Или наоборот: может ли сложиться правовая целостность, которая была бы субъективной, произвольной, случайной и одновременно объединяла бы свои компоненты по содержательным критериям?

Для выяснения этого вопроса обратимся к самой правовой действительности. Правовой целостностью является, на-

пример, вся совокупность актов, изданных в форме законов. Объективность, закономерность, необходимость этой целостности выражается в том, что все ее компоненты — законы — регулируют основные, главные, наиболее существенные общественные отношения, в стабильности которых особенно заинтересовано государство. Вследствие этих качеств данной целостности она составляет базу, фундамент всей системы действующего законодательства. Тем не менее в основу ее образования положен формальный критерий — факт издания законов соответствующим органом государства. С другой стороны, в правотворческой практике государства, как известно, нередко издаются правовые акты, объединяющие в целое нормы различных отраслей законодательства, которые, однако, регулируют одну и ту же сферу политической, хозяйственной или культурной жизни общества. Здесь мы сталкиваемся с обратной картиной: правовая целостность образована субъективным путем, хотя в ее основе лежит содержательный критерий — характер той сферы общественной жизни, которая подвергнута правовому регулированию.

Утвердительное решение первого вопроса выдвигает второй: если правовая целостность создана по формальному критерию, то может ли она иметь как суммативный, так и системный характер?

Все правовые нормы, объединенные в целое по содержательному критерию, могут быть как системными (например, институт, отрасль, система права или законодательства), так и суммативными (например, хронологическое собрание той или иной отрасли законодательства), равно как и наоборот: все правовые нормы, объединенные в целое по формальному критерию (например, по методу правового регулирования), могут быть как системными (например, Гражданский кодекс), так и суммативными (например, систематизация гражданско-правовых актов по степени их юридической силы).

Перечисленные признаки правовой целостности вполне реальны, существенны и специфичны вне зависимости от того, в каком соотношении они находятся между собой. А это означает, что все эти признаки должны войти в определение понятия правовой целостности. Только при этом условии оно вскроет универсальность понятия правовой целостности,

тождественность и отличие ее от категорий системы и структуры в праве и законодательстве.

Под правовой целостностью следует понимать единство соответствующих ее компонентов (частей), которые определенным образом объединены между собой (по содержательным или формальным критериям) и которые в зависимости от их природы и характера связи между ними (объективной, закономерной или субъективной, произвольной) составляют относительно устойчивую организацию.

Правовая целостность тождественна системе и структуре в праве и законодательстве в том отношении, что всякая система и структура есть целое вне зависимости от критерия объединения их частей (содержательного или формального). Но этим, собственно, и ограничивается их тождественность, за которой следуют весьма существенные различия между ними. Если правовая целостность может быть как объективной, закономерной, так и субъективной, произвольной, то система в праве всегда объективна, закономерна. Если, далее, правовая целостность характеризуется объединением своих частей как по содержательно-субстанциональному, так и по формально-организационному признаку, то структура в праве — характеристика лишь организационно-формального признака правовой целостности¹. Иначе говоря, всякая система и структура в праве есть правовая целостность. При этом, однако, правовая целостность — это как объективное, закономерное, так и субъективное, произвольное; как субстанциональное, содержательное, так и организационное единство своих частей. Система в праве — это лишь объективное, закономерное, как субстанционально-содержательное, так и организационное единство частей целого. Структура в праве и законодательстве — это лишь организационное как объективное, закономерное, так и субъективное, произвольное, единство частей целого.

Возникновение любого целого может иметь место лишь в том случае, если реально существуют его части, объединение

---

¹ Однако характеристика целого со стороны его формальной организованности отнюдь, разумеется, не лишает целое его материальной природы. Речь идет в данном случае не о природе целого, а о характере, способе его организации, о признаке объединения частей целого.

определенной совокупности которых и создает некую целостную организацию. Нет и не может быть частей, которые не являлись бы частями своего целого, как нет и не может быть целого, если оно не является целым своих частей. Нет, например, целостной системы права того или иного исторического типа без необходимых отраслей права, отрасли права — без институтов права, а института права — без правовых норм. Или нет систематики законодательства без нормативных актов, а нормативных актов — без правовых установлений, правовых новелл, статей нормативного акта, объединяемых по тому или ному признаку, избранному систематизатором. Короче говоря, нет системы права или систематики законодательства без частей, их составляющих.

Правовая часть, будучи компонентом правовой целостности, естественно подчиняется общим принципам существования и функционирования этой целостности и поэтому может быть определена в соответствии с ней. А именно она объединяется с другими частями данной целостности (по содержательным или формальным критериям), и в зависимости от их природы и характера связи между ними (объективной, закономерной или субъективной, произвольной) все эти части в своей совокупности образуют относительно устойчивую правовую организацию.

Обратимся теперь к взаимодействию целого и части в праве и законодательстве.

Анализ взаимодействия целого и части имеет в правовой теории свою длительную историю, в которой обнаруживаются две основные тенденции, в одинаковой степени бесплодные. Если представители одной из них (например, естественной школы права) исходят из первичности естественных прав отдельного человека по отношению к целостной система позитивного права, то представители другой тенденции (например, исторической школы права), наоборот, исходят из примата исторически сложившегося права нации по отношению к правам отдельного индивида. Между тем право отдельного члена общества как отдельная часть целостной правовой системы не может быть первичным, поскольку именно эта система является его источником, содержанием и гарантией осуществления. Но и целостная правовая система не может

обладать качеством примата по отношению к своим частям, поскольку образуется из частей, в том числе и субъективных прав граждан, ее составляющих. Взаимодействие целого и части в праве, как и во многих иных явлениях, куда более сложное. И онтологически, и гносеологически категории целого и части в праве диалектически соотносительны, поскольку не только имеют смысл лишь по отношению друг к другу, но и вообще вне друг друга не существуют.

Однако неразрывную связь целого и части не следует абсолютизировать в том смысле, что они непременно возникают одновременно, что одно не может предшествовать другому, что совокупность частей и целое во всех случаях качественно тождественны. Во-первых, категорическое утверждение того, что часть и целое возникают одновременно, противоречило бы действительности и лишало бы нас возможности рассматривать явления в их диалектическом развитии. Во-вторых, нередко взаимодействие составных компонентов целого детерминирует возникновение в нем новых интегративных качеств, несвойственных его исходным компонентам до их вступления во взаимодействие. В. И. Ленин воспроизводит положение Аристотеля о том, что отдельные члены живого организма «лишь в своей связи суть то, что они суть. Рука, отделенная от тела, лишь по названию рука»¹. По аналогии с этим можно сказать, что правовые нормы лишь в своей связи суть то, что они суть; что норма права, отделенная от системы права, лишь по названию правовая норма. Сущность системы права в том именно и состоит, что в отличие от простой совокупности правовых норм она не является суммой свойств компонентов, ее образующих, а обладает по сравнению с ними новым качеством. Более того, системе права свойственно не только это новое качество. При необходимости и наличии соответствующих условий в системе права образуются новые компоненты, которые до ее возникновения вообще отсутствовали.

Правовая часть, возникнув внутри, в «недрах» правовой системной целостности, придает ей новую «окраску», наполняя

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 184.

ет новым специфическим содержанием, изменяет эту целостность. Новые правовые части, вступая в противоречие со старыми, вытесняют их, занимают их место, вступают в связи и отношения с другими частями целого и тем самым в еще большей степени видоизменяют целостную правовую организацию. А на этой основе может возникнуть новая правовая часть, изменяющая правовую целостность, и т. д. Отсюда следует вывод о беспочвенности постановки вопроса о примате целого над частью в праве, равно как и наоборот, поскольку правовая целостность своим возникновением обязана объединению соответствующих правовых частей, но вместе с тем она может быть своеобразным правовым основанием для возникновения новых своих частей, а последние, видоизменив правовую целостность, являются непосредственной причиной ее развития. Правовая целостность, таким образом, оказывается первичной по отношению к новым своим частям, но вторичной по отношению к старым частям, объединение которых и образовало эту целостность. Точно так же и правовые части первичны по отношению к правовой целостности в том смысле, что их объединение образует ее, и вместе с тем вторичны, поскольку не только могут быть порождены правовой целостностью, но и вообще вне ее существовать не могут.

Нетрудно видеть, что в праве, как и в любых иных явлениях, взаимодействие целого и части во многом сходно с взаимодействием общего и отдельного. Подобно тому как общее существует лишь в отдельном, через отдельное, целое существует только благодаря своим частям, в своих частях. Как отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему, так и часть не существует вне целого, равно как и наоборот. Если, далее, отдельное так или иначе есть общее, то и часть в той или иной мере является целым. Вместе с тем, как и общее, целое есть сторона или сущность части, а часть, как и отдельное, обладает своими специфическими особенностями, признаками, чертами. Наконец, подобно соотношению отдельного и общего, всякая часть множеством переходов связана с другими частями, составляющими целое, и т. д. и т. п.

И тем не менее взаимодействие целого и части нельзя полностью сводить к взаимодействию общего и отдельного, по-

сколько каждое из них имеет своеобразную характеристику. В. Г. Афанасьев правильно отмечал, что категории общего и отдельного отражают сходство и различие не только данного целого с его частями, но данного целого с другими целостными и нецелостными образованиями, сходство и различие самых разнообразных предметов и явлений; что понятие общего не исчерпывает всех сторон целого, оно отражает только те из них, которые роднят его с частями, делают их выражением одной и той же сущности, не раскрывая его особенностей, специфичности; что понятие отдельного не тождественно понятию части, поскольку учитывает лишь то, что отличает часть от целого, не характеризуя, однако, их сходства, общности¹. Вместе с тем В. Г. Афанасьев, по нашему мнению, ошибался, когда полагал, что часть, как и отдельное, входит в целое не всеми своими чертами². Именно в обратном утверждении: часть, в отличие от отдельного, со всеми своими чертами входит в состав целого — кроется одна из особенностей понятия части, ее отличие от отдельного. В этом и состоит единство многообразия частей целого.

Гегель по этому поводу писал: «Целое не есть абстрактное единство, а единство некоторого *разного многообразия*; но это единство как то, в чем *многообразное* соотносится одно с другим, есть та *определенность* этого многообразия, в силу которой оно есть часть...

Но... целое есть рефлексированное единство, части же составляют определенный момент или *инобытие* единства и суть разное многообразное. Целое равно им не как этому самостоятельному разному, а как им, *вместе* взятым. Это их “вместе” есть, однако, не что иное, как их единство, целое как таковое. Целое, следовательно, равно в частях лишь себе самому, и равенство его и частей служит выражением лишь той тавтологии, что *целое как целое равно* не частям, а *целому*.

Обратно, части равны целому; но так как они суть момент инобытия в них же самих, то они равны ему не как единст-

¹ См.: Афанасьев В. Г. Проблема целостности в философии и биологии. С. 85.

² См. там же. С. 85—86.

ву, а так, что *одно* из его многообразных определений приходится на часть, или, иначе говоря, они равны *ему* как *многообразному*; это означает, что они равны *ему* как *разделенному на части целому*, т. е. как *частям*. Здесь, следовательно, имеется та же самая тавтология, а именно, что *части как части* равны не *целому* как таковому, а в этом целом — *самим себе*, т. е. *частям*.

Целое и части, таким образом, безразлично выпадают друг из друга; каждая из этих сторон соотносится лишь с собой. Но удерживаемые таким образом одно вне другого, они разрушают сами себя. Такое целое, которое безразлично к частям, есть *абстрактное*, не различенное внутри себя *тождество*; последнее есть целое лишь как внутри *самого себя различенное*, и притом различенное внутри себя так, что эти многообразные определения рефлексированы в себя и обладают непосредственной самостоятельностью»¹.

Следовательно, в отличие от общего, включающего в себя лишь богатство многообразных отдельных, целое содержит в себе не только богатство части, но и части со всеми их чертами, особенностями (в том числе и второстепенными), т. е. целое включает части целиком².

Сказанное наглядно обнаруживается при анализе соотношении целого и части в праве. Возьмем, например, институт или отрасль права. Они состоят отнюдь не из тех лишь черт, которые характеризуют богатство отдельных правовых норм, а включают (и не могут не включать!) в себя сами правовые нормы со всеми их существенными и несущественными чертами, особенностями, спецификой. Без этого институт или отрасль права из конкретного средства правового регулирования общественных отношений превратились бы в абстрактное понятие.

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. V. С. 618.

² Еще Аристотель писал: «*Целым* называется то, у чего не отсутствует ни одна из тех частей, в составе которых оно именуется целым от природы, и также то, что объемлет объемлемые <им вещи> таким образом, что эти последние создают нечто единое; а таковое они образуют двояким образом: или так, что каждая из этих вещей есть одно, или так, что из <всех> них <вместе> образуется одно» (Аристотель. Метафизика. М.; Л., 1934. С. 102—103).

И еще одно соображение в этой связи. Речь пойдет о соотношении целого и части с анализом и синтезом (кстати, это лишний раз свидетельствует о взаимосвязи одних парных категорий с другими парными категориями). По сложившимся в литературе представлениям, анализ выглядит как расчленение целостного объекта на части, а синтез — как объединение частей. Такое общее представление имеет под собой логические основания, но этим соотношение анализа и синтеза, части и целого не исчерпывается. При анализе и синтезе лишь на первом этапе происходит расчленение целого на части и их последующее объединение. Вслед за этим наступает второй, более сложный этап, когда расчленяются уже не части как таковые, а те их стороны, которые характеризуют противоположности целого. И именно благодаря второму этапу оказывается возможным обнаружить причины и тенденции развития целого. Можно легко расчленить, например, правоотношение на его составные части (этим, собственно, и ограничивается юридическая теория). Но в результате едва ли будет познано развитие самого правоотношения как целого, едва ли окажется возможным существование тех противоречивых его сторон, которые не только обуславливают движение, но и выявляют его особенности, специфику, неповторимость, которые только и высвечиваются в результате второго аналитико-синтетического этапа познания.

Интегративные свойства целого имеют различные уровни, и чем выше уровень, тем сложнее его познание, поскольку взаимосвязи противостоящих сторон целого более органичны и не поддаются простому (легкому) расчленению.

Из всего ранее сказанного вытекает и другой аспект соотносительности целого и части в праве. Так, норма права, рассматриваемая как определенное правило поведения, является относительно самостоятельным и целостным явлением. Но та же правовая норма теряет свое относительно самостоятельное и целостное значение в связи с ее рассмотрением как части определенного института, отрасли или системы права. Однако и в том и в другом случае правовая норма «ощущает» на себе влияние, действие целого, которое как бы проникает в свои части, пронизывает их, существует в них. Любая правовая норма создается и реализуется на основе, с учетом и в

соответствии с той правовой системой в целом, составной частью которой она является. Лишь в рамках целостного правового образования (института, отрасли, системы права) отдельные правовые нормы в полной мере реализуют свои потенции. И именно благодаря совокупности этих обстоятельств мы можем легко отличить смысл, значение и роль внешне сходных правовых норм различных исторических типов права. Право того или иного исторического типа может четко, ясно и определенно регулировать соответствующие общественные отношения, устанавливая твердый и стабильный правовой порядок, эффективно способствовать государству в осуществлении его задач и функций лишь при том непременном условии, если оно едино в целом, если его части внутренне согласованы между собой как по содержательным, так и по формальным признакам.

Часть в праве, на наш взгляд, имеет двустороннюю природу: с одной стороны, она характеризуется своими индивидуальными особенностями, а с другой — эти особенности приобретают специфический оттенок в результате воздействия других частей и самого целого, в состав которого они входят. Часть всегда несет на себе печать целого, сохраняя, однако, свою особенность. Именно благодаря тому, что часть обладает особенностью, она занимает соответствующее место в целом и играет в нем определенную роль, воздействует на целое и в той или иной степени детерминирует его характер. Но не только особенности частей, а также специфика их взаимосвязи и взаимодействия определяют природу целого. Так, противоречивость или несогласованность между отдельными частями (хотя бы незначительная) действующего законодательства, устарелость или нереальность, повторяемость или неясная редакция отдельных правовых предписаний отрицательно сказываются на действии данной правовой системы в целом, могут повлечь за собой неразбериху, волокиту, бюрократизм, нарушение требований законности и т. д.

Однако, какое бы значение ни имели части в составе целого, они в конечном счете носят подчиненный характер по отношению к целому. Здесь, так же как и во взаимоотношении содержания и формы, ведущая роль принадлежит содержанию и целому. Последнее интегрирует, объединяет части,

воздействует на них, преобразует их в соответствии со своей природой, целями и задачами. Именно целое составляет тот фундамент, на котором существуют, функционируют и развиваются части. Этот методологический принцип имеет исключительно важное значение как для правотворческой, так и для правореализующей практики. Создавая ту или иную новую правовую норму, статью нормативно-правового акта, правотворческий орган должен строго определять их связи и отношения с уже действующими правовыми нормами, статьями нормативно-правового акта, их место и роль в целостной правовой системе действующего законодательства. Подобно этому, при выборе наиболее целесообразного пути осуществления этой нормы, статьи в конкретных условиях места и времени правотворческий орган всегда обязан опираться на действующую систему права и законодательства в целом, неукоснительно соблюдать требования законности, учитывать общую «политику права».

Это вовсе не означает умаления роли правовых частей в составе целостной правовой системы. Правовые части не пассивные компоненты их целостности. Они активно воздействуют на правовую систему в целом, будучи доминантами ее развития и совершенствования. Это воздействие имеет самые разнообразные проявления. Отражая объективные и субъективные потребности общественного прогресса, постоянно возникают новые правовые нормы, статьи нормативно-правового акта, изменяются другие, отменяются третьи; устанавливаются, преобразуются и прерываются их связи между собой и целостной правовой системой; дифференцируются, ассимилируются и интегрируются правовые части, обуславливающие перестройку правовой системы; повышается эффективность регулирующего воздействия отдельных правовых норм, институтов и отраслей на соответствующие общественные отношения, а тем самым улучшается и функционирование всего действующего законодательства. Отсюда следует, что для того, чтобы познать то или иное целостное правовое образование (систему права, отрасль или институт права), проникая из сущности первого порядка в сущность второго порядка и т. д., необходимо путем анализа выделить в этом правовом образовании его части, определить существо,

содержание и форму каждой из них, выявить характер их связи и взаимодействия между собой, обнаружить их роль в действии данного целостного правового образования.

Любая правовая часть обладает относительной самостоятельностью, мера которой зависит от типа целостного правового образования, в состав которого она входит. Так, части правовой нормы настолько органически связаны между собой и настолько непосредственно подчинены общему, что их раздельное существование бессмысленно. Относительная самостоятельность этих частей выражается в том, что каждая из них выполняет специфические, только ей свойственные функции в составе целого — правовой нормы. В отличие от этого в таком целостном правовом образовании, как, например, институт права, части его обладают значительно большей относительной самостоятельностью, поскольку сами по себе регулируют соответствующие общественные отношения, хотя, разумеется, и не без известного влияния целого — института права.

Мера относительной самостоятельности правовых частей является одним из признаков устойчивости их целостности. Превышение этой меры или ее недостаточность влечет за собой выход соответствующей части из состава целого, но отнюдь не всегда влечет за собой разрушение целого. Только при условии выхода определенных (основных, главных, существенных) частей из состава целого возможно разрушение последнего. При этом его части лишаются качества таковых, обретая самостоятельное существование или становясь частями других целостных правовых образований.

Мера относительной самостоятельности правовой части нередко достигает уровня полной «автономии». Эта «автономия», «независимость» функционирования правовой части, в свою очередь, воздействует и соответствующим образом непосредственно определяет характер того целостного правового образования, в составе которого она обрела известную «автономность»¹.

---

¹ А. Голднер справедливо отмечает, что части системного целого обладают большей или меньшей степенью автономии, независимостью от других частей, что отражается в той или иной мере на существовании и

Следует, далее, отметить и другую важную особенность отдельных частей целого. Для некоторых из них характерно не только то, что они входят в состав соответствующего целого, но и то, что одновременно являются частями другого целостного правового образования. В результате оказывается, что разнообразие свойств, связей и отношений этих правовых частей гораздо богаче и шире их разнообразия лишь как частей данного целого (т. е. целого, в которое они прямо входят). Об этом свидетельствует, например, тот факт, что общая часть того или иного кодекса (как целого) может служить не только особенной частью того же кодекса, но и играть ту же роль для других законодательных установлений. То же можно сказать и о некоторых правовых принципах той или иной отрасли права и тем более о принципах права вообще.

Различные правовые части в составе целостного правового образования занимают отнюдь не равноценное положение. Одни из них менее подвижны, статичны, стабильны, другие более динамичны, активны, изменчивы. Они имеют различное значение в целостном правовом образовании. Все это обуславливает постоянное возникновение, обострение и разрушение самой правовой целостности. Противоречие между правовыми частями, в результате их преодоления, влечет за собой изменение и развитие целостного правового образования¹.

функционировании данной системы (см.: Goldner A. Repriprocity and Autonomy in Functional Theory//Symposium on Sociological Theory. L., 1959. P. 241—270).

¹ Оскар Ланге по этому поводу пишет: «В системах, образующих целое, появляются противоречия, которые делают невозможным сохранение системы в неизменном состоянии. Противоречия вызывают в системе изменения, которые приводят к преодолению возникших противоречий. Эти изменения, однако, становятся источником новых противоречий, которые вызывают новые изменения в системе, и т. д. В результате системы, образующие целое, никогда не могут оставаться в неизменном состоянии, они непрерывно меняются. Но эти изменения протекают в определенном направлении или образуют *процесс развития*. В ходе развития отдельные целые связываются в более сложные системы, в целые “более высокого порядка”, которые отличаются новыми свойствами и новыми, не встречавшимися ранее закономерностями» (Ланге О. Целое и развитие в свете кибернетики//Исследования по общей теории систем. М., 1969. С. 182).

Из сказанного следует, что у различных правовых частей далеко не одинаковые перспективы: некоторые из них существуют временно и обречены на неизбежное исчезновение, другие несут в себе зародыш более прогрессивного правового целого, возможность более эффективного, рационального, целесообразного регулирования соответствующих общественных отношений и т. д. Поэтому задача научного познания правовых частей того или иного конкретного целостного правового образования отнюдь не сводится лишь к определению их места, значения и роли в функционировании данного целого; необходимо также проследить процесс их развития, будущего, возможностей, потенций в совершенствовании действующего законодательства.

Познание части, однако, вовсе еще не означает познания целого. При исследовании отдельного правового явления следует всегда находить его место как части целого, поскольку оно не может существовать и функционировать вне целостного правового образования, в состав которого оно входит и которым в той или иной степени определяется.

Целостное правовое образование — это не только простая совокупность его частей. В сложном переплетении частей целостного правового образования возникает своеобразный комплекс функциональных связей, характерный только для этого целого и вне его не существующий. Именно это своеобразие целого видоизменяет характер его составных частей, превращая их из отдельных правовых явлений в организованную правовую систему. Поэтому невозможно понять целое, исходя лишь из особенностей отдельных его частей и даже их совокупности. Гегель по этому поводу писал: «Целое по своему понятию есть то, что содержит в себе части. Но если целое будет положено как то, что оно есть по своему понятию, если оно будет разделено, то оно перестанет быть целым»¹.

При изучении правовой действительности необходимо исследовать не только влияние части на целое, но и обратное влияние целого на части. Ясно, например, что сущность права может быть познана и познается на основе тщательного

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. I. С. 227.

изучения отдельных правовых проявлений и определения закономерностей их развития. Но не менее очевидным является и то, что существо, назначение и роль каждого отдельного правового явления, как и закономерность его развития, находятся в прямой связи и зависимости от сущности того исторического типа права, составной частью которого оно является.

Предшествующие рассуждения непосредственно подвели нас к центральной методологически-правовой проблеме — системе права и систематизации законодательства, рассмотрению которых посвящена следующая глава.

Глава 15

СИСТЕМНОСТЬ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ

В развитии отечественной и мировой науки последние годы ознаменованы «взрывом» интереса к проблеме системного подхода, системного метода, системных исследований (правда, в последнее время этот интерес несколько затухает).

Прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению системности права и систематизации законодательства, следует отметить, что в западной науке за последние десятилетия получили широкое распространение системные исследования (Systems Research), которые преподносятся как «дерзкая теоретическая идея», как поворотный пункт «в современной научной мысли», открывший путь «к новым взглядам и принципам», и т. д. и т. п.¹

Эта далекая от научной скромности самореклама, к сожалению, первоначально ввела в заблуждение и некоторых наших философов².

---

¹ См., например: Берталанфи Л. Общая теория систем//Исследования по общей теории систем: Критический обзор. М., 1969. С. 23—24; Ackoff R. L. Games, Decisions, and Organisations//General Systems. 1959. Vol. IV. P. 145—150.

² Так, В. Н. Садовский и Э. Г. Юдин, характеризуя значение современного «системного движения», писали «о новом направлении исследовательской деятельности, о выработке новой системы принципов научного мышления, о формировании нового подхода к объектам исследования, о разработке новых принципов познания и научно-практической деятельности» (Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Задачи, методы и приложения общей теории систем//Исследования по общей теории систем. С. 4, 7). Справедливости ради следует, однако, заметить, что позже И. В. Блауберг и тот же Э. Г. Юдин убедительно критикуют состояние той же общей теории систем, призывают «подвергать принципиальной критике попытки интерпретировать эти исследования как “новую”, “современную” версию философии» (Блауберг И. В.,

Действительно ли «системное движение» представляет собой совершенно новое явление в науке? Конечно же, нет. Еще Гегель сформулировал системную идею применительно к философии: «Каждая часть философии есть философское целое, замкнутый в себе круг, но философская идея имеется в каждой из этих частей в особенной определенности или особом элементе. Отдельный круг, именно потому, что он есть внутри себя целостность, прорывает границу своего элемента и служит основанием более обширной сферы; целое есть поэтому круг, состоящий из кругов, каждый из которых есть необходимый момент, так что система их своеобразных элементов составляет всю идею, которая вместе с тем проявляется также и в каждом из них»¹.

Нельзя недооценивать и многие другие системные идеи Гегеля².

Очевидно, что материальный и идеальный мир отнюдь не состоит из отдельных, друг от друга изолированных предметов, явлений и процессов, а представляет собой органически взаимосвязанные, взаимодействующие и взаимопроникающие объекты и, естественно, требует системного к ним подхода и познания. Об этом, вслед за Гегелем, писал и Ф. Энгельс: «Уразумение того, что вся совокупность процессов природы находится в систематической связи, побуждает науку выявлять эту систематическую связь повсюду, как в частностях, так и в целом»³. В не меньшей степени эта систематическая связь присуща и общественным явлениям, что и побуждает науку выявлять социальные образования системного типа, изучать различные уровни системности этих об-

---

Юдин Э. Г. Философские проблемы исследования систем и структур//Вопросы философии. 1970. № 5. С. 65—66). См. также: Лекторский В. А., Швырев В. С. Актуальные философско-методологические проблемы системного подхода//Вопросы философии. 1971. № 1. С. 151.

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. I. С. 33.

² Н. В. Мотрошилова справедливо отмечает, что разработка идей системности «принадлежит к величайшим достижениям диалектической мысли Гегеля» (Мотрошилова Н. В. Принцип системности в «Науке логики» Гегеля//Вопросы философии. 1980. № 10. С. 139).

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 35—36.

разований, их связи, отношения и взаимодействия как в целом, так и в частностях.

В то же время, как признают и сами западные авторы, «современное системное движение» породило поток разноречивых, неопределенных и противоречивых суждений прежде всего о его существовании, о характере системного исследования, о самом понятии системы¹.

И тем не менее утверждение о том, что системный подход к исследованию материальных и социальных явлений не может претендовать на абсолютное новшество, вовсе не означает его бесплодности. Нельзя не видеть известных достижений современных системных исследований (особенно общей теории систем)², хотя они и остаются пока довольно скромными. В настоящее время определены лишь основные направления системных исследований, происходит процесс накопления понятийного аппарата этих исследований, проведены отдельные «пробы», «эксперименты» их приложения к различным объектам познания³.

¹ Автор общесистемной концепции (в современном ее варианте) Л. Бергаланфи признает ее ограниченность и неразвитость на сегодняшний день (см.: Бергаланфи Л. Общая теория систем. С. 23—82). См. также: Buck R. C. On the Logic of General Behaviour Systems Theory//Minnesota Studies in the Philosophy of Science. University of Minnesota Press. 1956. Vol. I. P. 233—238; Young O. R. Survey of General Systems Theory//General Systems. 1964. Vol. IX. P. 61—80.

² В. А. Лекторский и В. С. Швырев пишут: «Было бы, разумеется, неоправданным преувеличением утверждать, что развитие современных системных исследований радикально меняет ориентацию гносеологических исследований. Однако несомненным фактом является возникновение в гносеологии новых проблем или, точнее, некоторых новых аспектов старых проблем в связи со специфической для современной науки практикой анализа сложно организованных объектов» (Лекторский В. А., Швырев В. С. Актуальные философско-методологические проблемы системного подхода//Вопросы философии. 1971. № 1. С. 152).

³ Отметив, что системные исследования принесли уже познавательные и практические результаты в ряде областей знания, авторы отмечают: «Тем не менее общий категориальный аппарат системного подхода находится еще в процессе своей разработки» (Коновалов А. Г., Демидов А. И., Гамаюнов А. З. Системный подход и его применение в социально-историческом познании//Ленинская теория познания и современная наука. Саратов, 1970. С. 135—136).

Актуализация системных исследований обусловлена по крайней мере двумя важными обстоятельствами. Во-первых, все более настоятельной практической необходимостью целостного, системного и комплексного освоения и преобразования природных и социальных условий жизни. Ныне отчетливо выявляется потребность внедрения системного подхода и метода не только в науку, но и в организацию и управление производством, социальной и духовной жизнедеятельностью общества, в том числе в сферу практической политики и правового регулирования общественных отношений. Во-вторых, современное теоретическое и практическое знание и деятельность настолько углубляются, специализируются и дифференцируются, что общая картина общественного бытия, общественная практика как бы распадается на отдельные, на первый взгляд не связанные между собой и обособленные друг от друга фрагменты или формы деятельности. Возникает объективная потребность не только в систематизации знания и деятельности, но и в их интеграции, синтезе, в восстановлении общей картины общественного бытия, общественной практики в целом. И эту задачу призваны реализовать системные исследования, что позволит подготовить основания и предпосылки для нового витка как в углублении, специализации и дифференциации знаний и деятельности, так и в их новой, более высокого уровня интеграции, в их синтезе.

Если попытаться определить в наиболее общей форме понятия системного исследования, то можно сказать, что оно предполагает всесторонний анализ сложных динамических целостностей, части которых (представляющие собой подсистемы данных целостных систем) находятся между собой в органическом единстве и взаимодействии¹.

---

¹ В последние годы значительную популярность в научных кругах приобрела синергетика, реализующая потребность в глобальном осмыслении систем новыми средствами мышления (нелинейного, причинно-следственного характера, учитывающего эффект логики случайной флуктуации). См., например: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986; Аглилулин И. А. Синергетическое представление социальных систем: концепция моделирования управления//Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика. М., 1996; Гомаюмов С. От истории синергетики к синергетике

Системный подход к исследованию сложных динамических целостностей позволяет обнаружить внутренний механизм не только действия отдельных его компонентов, но и их взаимодействия на различных уровнях. Тем самым открывается возможность обнаружения субстанционально-содержательной и организационной «многослойности» систем, глубокой диалектической связи и взаимозависимости субстанционально-содержательных частей, структур и функционирования явлений бытия как сложных целостных организмов. «Однако, — как подчеркивает И. Клир, — понятие системы в различных научных дисциплинах используется различным образом и применяется для решения различных проблем. Эти различия обусловлены главным образом традицией и специфическими методами и задачами отдельных наук»¹.

Обращает, однако, на себя внимание то обстоятельство, что в понятие системы как в отечественной, так и в мировой литературе включается столь обширное количество сущностно-разнокачественных предметов, явлений, процессов, что за их пределами практически не остается ничего иного². В результате оказывается затруднительным следовать традиции и специфическим методам и задачам отдельных наук. При такой ситуации оказывается, что любое всеобщее определение системы может претендовать в лучшем случае на «метатеоретическое», «идеально-моделированное» или «абстрактно-формализованное» значение, отвлеченное от качественной характеристики реальных системных образований. А отсюда следует, что сами всеобщие определения системы должны классифицироваться в зависимости от целей их фор-

---

истории//Общественные науки и современность. 1994. № 2; Делюкаров К. Х. Рационализм и социосинергетика//Общественные науки и современность. 1997. № 1, и др.

При всей плодотворности данного методологического направления исследований, вместе с тем думается, что многие его моменты пока недостаточно теоретически осмыслены и нуждаются в более четком выражении.

¹ Клир И. Абстрактное понятие системы как методологическое средство//Исследования по общей теории систем. С. 288.

² Подробнее об этом см.: Садовский В. Н. Основания общей теории систем. М., 1974. С. 51—106.

мулирования. В таких классификациях наиболее важным определением является, на наш взгляд, всеобщее определение системы гносеологической направленности, поскольку всякая наиболее абстрактная категория имеет прежде всего смысл познавательного инструментария.

Исходя из данного предположения, нам представляется, что всеобщее определение системы, имеющее гносеологическую цель, должно включать в себя такой «набор» характеристик, который позволил бы ориентировать любое системное исследование, во-первых, на обнаружение составных частей системной целостности; во-вторых, на выявление специфических качеств каждой из частей; в-третьих, на аналитическое изучение связей, отношений и зависимостей частей между собой; в-четвертых, на обобщение частей в их качественной определенности и взаимодействии, раскрывающем свойства системы как единого целого; в-пятых, на познание функционального назначения, роли и эффективности воздействия системы и каждой ее части на среду и обратного влияния среды на систему. Такой системный анализ¹ позволяет ориентировать научный поиск на всесторонний учет связей, отношений, взаимодействий компонентов изучаемого объекта, в целом объекта со средой его существования и функционирования. Тем самым исследовательская мысль направляется, в частности, на обнаружение и осмысление тех внутренних механизмов правовой системы, которые обеспечивают ее состояние в единой целостности, условий ее устойчивости, предельных границ изменчивости и т. д.

Из сказанного понятен и тот интерес к системности, который не только ориентирует исследование на всестороннее познание сложных целостностей природного и общественно-го бытия в единстве их структурно-функциональных и иных зависимостей. Благодаря этому интересу достигнуты весьма плодотворные результаты как в теоретической, так и в практической деятельности. Но если в практической деятельности системность использовалась пока преимущественно для

---

¹ В литературе «системный анализ» принято понимать расширительно — как инструмент познания интегрированных целостностей.

решения прикладных задач, то в теоретической деятельности в основном разрабатывались общие принципы системности, их философское обоснование¹.

Сейчас наступил такой период в научном развитии, когда, продолжая совершенствовать общенаучные представления о системности, надлежит переходить к их использованию в конкретных отраслях знания, в том числе и в правоведении, где и происходит непосредственное «слияние» теоретической мысли с практическими потребностями социального прогресса.

Системный подход, метод, исследование являются категориями гносеологическими и поэтому входят в качестве составных компонентов в арсенал теории познания, пронизывают все ее основные законы и категории. Но это вовсе не означает, будто системный подход или метод играет, как полагают некоторые авторы, ведущую роль в общей стратегии исследования. Такое представление является, конечно же, преувеличением, поскольку функцию общей стратегии исследования выполняет отнюдь не системный подход или метод, а теория познания, в состав которой входит и системный подход, и метод. Теория познания и системность не располагаются на одной линии методологической значимости. Теория познания как всеобщая методология соотносится с системностью как с одним из своих моментов. Именно поэтому сама по себе системность, оторванная от теории познания, не только неприменима к исследованию любого объекта, но и страдает той ограниченностью, которая не позволяет ей проникнуть в тот или иной объект с достаточной мерой глубины и обстоятельностью. На это важное обстоятельство обращали внимание многие отечественные ученые. Так, В. Г. Афанасьев указывал, что «системный подход, взятый вне исторического аспекта, становится простой фотографией объекта в его статике, структурной и функциональной постоянности, что... означает

---

¹ См., например: Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., 1968; его же. Системность и общество. М., 1980; его же. Общество: системность, познание и управление. М., 1981; Садовский В. Н. Основания общей теории систем; Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности//Методологические проблемы современной науки. М., 1978, и др.

отрицание закономерностей, ведь эти последние суть не только закономерности раз и навсегда данного функционирования системного объекта, но и его движения, развития»¹.

Теория познания исходит из того, что реально существующие и функционирующие социальные образования, и прежде всего сама социально-экономическая историческая формация (в состав которой входит и правовая система, без которой понять последнюю невозможно), требуют системного их исследования. Между тем исследование социально-экономической исторической формации осуществляется, как правило, в двух основных направлениях: системно-историческом и системно-логическом. При этом если в процессе системно-исторического исследования, нацеленного на конкретно-исторические формы проявления этой формации, нередко упускается из виду общая логическая закономерность ее развития, то в процессе системно-логического исследования, направленного на обнаружение общих закономерностей развития формации, зачастую упускается из виду то, что она сама имеет собственное историческое измерение. Иначе говоря, наблюдается тот разрыв единства исторического и логического, о котором речь шла ранее: системно-логическое исследование стремится «избавиться» от исторической эмпирии, а системно-историческое — от логической абстракции. Тем самым как первым, так и вторым направлением преимущества интеграции исторического, логического и системного подходов оказываются далеко не полностью реализованными².

Системность социально-экономической, исторической формации в целом обуславливает и системность (или подсистемность) ее компонентов: экономической, политической, правовой систем. Отсюда вытекает необходимость системно-

---

¹ Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980. С. 187.

² По этому поводу М. А. Барг справедливо отмечал: «Без предварительного теоретического анализа исторического содержания категории “формация” всякое внешнее “примеривание” теоретических абстракций к конкретно-историческим условиям данного региона и данной эпохи неизбежно превращается в накладывание “некоего трафарета” на живую действительность» (Барг М. А. О двух уровнях марксистской теории исторического познания//Вопросы философии. 1983. № 8. С. 111—112).

го подхода и исследования также и этих компонентов. Такой подход к исследованию данных систем (подсистем) должен, однако, учитывать системную целостность изучаемой формации и под этим углом зрения постоянно видеть связи, взаимодействия, противоречия изучаемого объекта, явления или процесса с другими компонентами, с социальным организмом в целом, с его историческим движением, изменением и развитием. Исследования отдельных объектов, явлений и процессов формации представляют собой те «кирпичики», из определенного соединения, синтезирования которых создается научное представление об этой формации как о целостной, функционирующей и развивающейся системе. Подобное представление, в свою очередь, позволяет увидеть тенденции движения и перспективы развития этой системы, закономерности ее смены другой, нарождающейся, новой формацией.

Системный подход к исследованию правовых явлений необходимо предполагает их комплексное исследование, которое требует в первую очередь выяснения качеств системности и структурно-функциональных зависимостей самих этих явлений. Выдвижение этой задачи на первый план обусловлено исходным пунктом в понимании соотношения бытия и сознания. Задача, однако, осложняется тем специфическим обстоятельством, что данное соотношение в социальной, особенно в правовой, сфере (в отличие от природы, где действуют «слепые, бессознательные силы», если мы отвлекаемся от обратного влияния на нее человека) выступает не только в прямой и обратной зависимости, но и в виде как объективной, так и субъективной связи. Любой правовой феномен является объективным в силу закономерности его возникновения и общих тенденций развития. Но с другой стороны, этот феномен субъективен в том смысле, что он является продуктом человеческого сознания и деятельности.

Рассмотрим теперь общее определение понятия системы, предложенное в мировой и отечественной литературе, учитывая замечание К. Боулдинга о том, что система «есть скелет науки в том смысле, что ее целью является разработка основ или структур систем, на которые наращиваются плоть и кровь отдельных дисциплин и отдельных предметов иссле-

дования в их движении к упорядоченному и последовательно построенному телу знания»¹.

А. Д. Холл и Р. Е. Фейджин пишут: «Система — это множество объектов вместе с отношениями... между объектами и между их атрибутами (свойствами)»². Чрезмерная абстрактность этого определения очевидна и для самих авторов, отмечаящих, что оно не удовлетворяет требованиям точности и полноты, что «в самом деле, трудно считать, что такое определение понятия системы достаточно»³. Но, увы, то же самое можно сказать и относительно других определений, сформулированных зарубежными авторами. Так, Р. Л. Акоф считает, что «систему можно определить как *любую сущность, концептуальную или физическую, которая состоит из взаимозависимых частей*»⁴. И. Клир полагает, что «множество величин, уровень анализа, отношения между величинами, свойства, определяющие эти отношения, — это основные признаки каждой системы независимо от того, с точки зрения какой научной дисциплины определяется объект как система»⁵. М. Тода и Э. Х. Шуфорд (мл.) пишут: «Системой в самом широком смысле может быть решительно все, что можно рассматривать как отдельную сущность»⁶.

Правильно отмечают В. Н. Садовский и Э. Г. Юдин, что употребление термина «система» «разными авторами и в разных науках существенно отличается друг от друга — и не только по приписываемым им значениям, но и, что более важно, по лежащим в их основе содержательным и формальным прин-

---

¹ Боулдинг К. Общая теория систем — скелет науки//Исследования по общей теории систем. С. 124.

² Холл А. Д., Фейджин Р. Е. Определение понятие системы//Там же. С. 252.

³ Там же. С. 253.

⁴ Акоф Р. Л. Системы, организации и междисциплинарные исследования//Там же. С. 145.

⁵ Клир И. Абстрактное понятие системы как методологическое средство//Там же. С. 289.

⁶ Тода М.; Шуфорд Э. Х. (мл.). Логика систем: введение в формальную теорию структуры//Там же. С. 334.

ципам: нередко в их использовании просто отдают дань моде или же исходят из чрезвычайно широко понимаемого изменения характера исследуемых объектов (системные объекты); иногда под их употребление подводят философскую и общенаучную базу и т. д. Если учесть, что практически каждый исследователь системных проблем опирается на свое понимание понятия «система»... то мы оказываемся перед фактически безбрежным морем оттенков в истолковании этого понятия»¹.

К сожалению, таким же безбрежным морем оттенков в определении понятия системы характеризуется и отечественная, в частности философская, литература. Например, в Философском словаре указывается: «Система — множество связанных между собой элементов, составляющее определенное целостное образование»². В результате получается, что любая, а не только объективная, закономерная, необходимая связь между частями целого образует систему. Но, как было показано выше, суммативное целое, конгломерат частей целого или механический агрегат вовсе не является системой, которая есть органическое, внутреннее объединение частей целого (что, между прочим, и означает латинский термин «*sistema*», т. е. «соединение»). Возьмем другое определение интересующей нас категории. «Система, — пишет А. Г. Спиркин, — это целостная совокупность элементов, в которой все элементы настолько тесно связаны друг с другом, что выступают по отношению к окружающим условиям и другим системам как единое целое»³.

¹ Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Задачи, методы и приложения общей теории систем//Там же. С. 7, 12.

² Философский словарь. М., 1968. С. 320. В Кратком словаре по философии также указывается, что система — это «совокупность элементов, связанных между собой определенным образом и образующих некоторое целостное единство» (Краткий словарь по философии. М., 1966. С. 264). «Краткость» словаря оставляет пользующегося им в полном недоумении: во-первых, почему «совокупность», а не «внутреннее объединение»? Во-вторых, почему «элементов», а не «частей» прежде всего? В-третьих, почему «связанных», а не «соединенных»? В-четвертых, каким именно «определенным образом»? В-пятых, какое именно «некоторое»? В-шестых, какое именно «единство»? И т. д. и т. п.

³ Спиркин А. Г. Курс марксистской философии. М., 1965. С. 161.

Помимо ранее отмеченного отождествления понятий целого и системы здесь подчеркивается тесная связь элементов системы, и в этом усматривается ее сущность и специфика. Но такой критерий, как «тесная» связь, ничего не определяет и поэтому не может вскрыть особенность системы. Можно привести сколько угодно целостных образований, составные части которых весьма тесно связаны между собой, но которые, тем не менее, не являются системами.

Приведенные и другие подобные им определения системы настолько неточны, что вряд ли могут претендовать на применимость к различным явлениям социальной жизни и тем более к праву.

Более осторожно подходит к этому сложному вопросу В. С. Тюхтин, отмечающий, что к настоящему времени еще не выработаны общепринятые определения понятия системы, приложимые к изучению любых объективно существующих или мыслимых предметов; что трудности выработки унифицированных понятий коренятся в факте огромного (практически неисчерпаемого) множества качественно разнородных систем; что, наконец, логически более строгого и унифицированного определения системы естественно ожидать в аксиоматической форме, а это возможно при достаточной зрелости системных исследований, в частности на основе изучения различных классов систем¹.

Обобщая ряд отечественных и зарубежных исследований, В. С. Тюхтин предлагает следующее «рабочее» определение понятия системы: «Система — это множество связанных между собой элементов (любой природы), имеющее тот или иной вид упорядоченности по определенным свойствам и связям и обладающее относительно устойчивым единством, которое характеризуется внутренней целостностью, выражающейся в относительной автономности поведения и (или) существования этого множества в окружающей среде»².

Нетрудно видеть, что это определение имеет ряд преимуществ по сравнению с вышеприведенными (указание на упо-

¹ См.: Тюхтин В. С. Системно-структурный подход и специфика философского знания // Вопросы философии. 1968. № 11. С. 48—49.

² Там же. С. 48.

рядоченность составляющих частей системного целого по их свойствам и связям, устойчивое единство, автономность поведения и т. д.). Но и оно не может в полной мере удовлетворить нас прежде всего потому, что, во-первых, не подчеркивает объективного, закономерного, необходимого характера связей частей системного целого и, во-вторых, не отмечает соединения частей целого по содержательным признакам. Без этих существенных моментов невозможно понять, в частности, системность права, отграничить ее, с одной стороны, от других целостных правовых образований, а с другой — от структурности права.

Значительно хуже дело обстоит с определением понятия системы и правовой системы в юридической литературе¹.

Учитывая сложность рассматриваемой категории, особенно в ее приложении к правовым объектам, а также недостатки приведенных дефиниций, можно предложить иной вариант «рабочего» определения понятия системности права.

Системность права — это объективное объединение (соединение) по содержательным признакам определенных правовых частей в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования.

Рассмотрим признаки понятия системности права, заключенные в этом определении.

1. Части правового системного целого необходимо объединены и тем самым находятся в соединенном состоянии. При этом такое соединение имеет объективный характер. Если

---

¹ В редких юридических работах, претендующих на системное осмысление права, вовсе отсутствует определение понятия системы. Вместо этого отмечается, что «любое явление... с точки зрения его целостности может быть рассмотрено в виде системы»; что «любой конкретный объект может представлять различные системы», а сама система зависит «от целей субъекта» (Тиунова Л. Б. Системные связи правовой действительности. СПб., 1991. С. 13, 14, 15). Эти странные умозаключения не выдерживают критики. Во-первых, отнюдь не любое явление или целостность является системой. Во-вторых, отнюдь не любой объект может «представлять» различные системы. В-третьих, система объективна и вовсе не зависит «от целей субъекта», его познающего. В-четвертых, нельзя смешивать систему и структуру, часть и элементы и т. д.

этого нет, то целое носит лишь суммативную природу или его вообще реально не существует.

2. Части системного правового целого соединены между собой по определенным содержательным основаниям, которые характеризуют субстанциональные особенности их свойств и связей. Иначе объединение правовых частей не будет иметь системной природы.

3. Системное правовое целое образует единство в результате структурной упорядоченности его частей, определяющей их функциональные зависимости и взаимодействие. Без этого не может быть действия системы и, следовательно, нет и самой системы¹.

4. Объективное объединение и соединение по содержательным признакам определенных правовых частей в структурно упорядоченное целостное единство обуславливает наличие у системного правового целого свойства относительной самостоятельности, которое выражается в том, что, во-первых, ее качества не сводятся к качествам системообразующих частей; во-вторых, она обладает способностью существенно видоизменять составляющие ее части² и создавать новые части в пределах своего единства; в-третьих, она может выступать в виде части или подсистемы другой, более объемной системы, равно как и в границах своего органического единства расчленяться на внутренние подсистемы (или системы иного уровня); в-четвертых, она необходимо связана с внеш-

---

¹ В связи с этим нельзя согласиться с мнением В. И. Кремянского, различающего неорганизованные и организованные системы. Под неорганизованными системами подразумеваются хаотические агрегаты, взаимосвязи, компоненты которых однообразны и просты (см.: Кремянский В. И. Некоторые особенности организмов как «систем» с точки зрения физики, кибернетики и биологии//Вопросы философии. 1958. № 8). Но «неорганизованные системы» именно в силу того, что они хаотичны, системами быть не могут, а в лучшем случае представляют собой одну из разновидностей целого — суммативное целое.

² Б. М. Кедров отмечал необходимость учитывать природу компонентов, которые, вступая в целостную систему, «претерпевают иногда весьма существенные изменения и превращения вплоть до полного их разрушения» (Кедров Б. М. О соотношении форм движения материи в природе//Философские проблемы современного естествознания. М., 1959. С. 150).

ней средой, ощущая ее воздействие на своих «входах» и реагируя ответными реакциями через свои «выходы». Отсутствие относительной самостоятельности лишает правовую целостность системного характера.

5. Структурная упорядоченность придает системному правовому целому относительную устойчивость, лишь в пределах которой допустимы изменения свойств ее частей и их связей. Система разрушается, если эти изменения выходят за пределы минимальных или максимальных ее «порогов».

6. Относительная самостоятельность системного правового целого обуславливает относительную автономность ее функционирования, степень которой определяет уровень данной системы. Но отсутствие вообще какой бы то ни было автономности функционирования лишает целое характера системности.

Отмеченные существенные признаки системности права вскрывают органическую связь частей, ее составляющих. Эта связь выражается в такой зависимости системообразующих компонентов, когда исключение или изменение одного из них может вызвать изменение других или даже повлечь разрушение всего системного целого.

Анализ системных образований в праве обнаруживает различный уровень множественности их комплекса: наряду с односистемными имеются и многосистемные правовые образования. Так, система правовой «клеточки» — нормы права — относительно проста, односистемна. Но уже система института права включает в себя ряд простых систем (подсистем), соответствующих правовых норм, и тем самым становится многосистемной. Еще более комплексным является многосистемное образование на уровне отрасли права, поскольку включает в себя подсистемы различных уровней — правовые нормы и институты. Наконец, вершиной многосистемности является система права, состоящая из подсистем — правовых норм, институтов и отраслей. При этом система права — не просто совокупность ее подсистем, а система подсистем. Тем самым образуется иерархия правовых систем, создающих стройное здание правовой системности: от основания (система многообразных правовых норм) через промежуточные «этажи» (система институтов и отраслей права) к его вершине (система права).

Прежде чем перейти к анализу этого целостного правового здания в аспекте его системности, необходимо остановиться на двух моментах, имеющих методологическое значение для исследования права в указанном аспекте.

Правовая система может быть признана замкнутой лишь весьма относительно, поскольку определяется социально-экономической системой в целом, зависит от нее и развивается вместе с ней. Но дело не только в этом. Правовая система имеет внутрисистемные и межсистемные связи как прямого, так и обратного порядка; она закрепляет экономические, политические и социальные системы (и подсистемы), воздействует на них посредством своего общеобязательного нормативно-регулирующего свойства, в определенной мере направляет их движение, изменение и развитие. Эти межсистемные связи правовой системы детерминируют и характер ее внутрисистемных связей, которые формируются как результат определяющего влияния тех систем, на которые, если можно так выразиться, «накладывается» правовая система. Поскольку же, далее, внутренние и внешние связи правовой системы могут быть как однородными, так и неоднородными, постольку возникает проблема соотношения их качественных характеристик и количественных изменений (при этом мы исходим из той предпосылки, что лишь однородные связи поддаются количественному измерению). Остановимся, хотя бы вкратце, на затронутом вопросе.

Исследование правовых систем предполагает анализ всех тех реальных условий, факторов и обстоятельств, которые с объективной необходимостью порождают, определяют и детерминируют их развитие. Прежде всего необходимо подвергнуть тщательному изучению как качественные, так и количественные характеристики, параметры, измерения достигнутого уровня производительных сил, производственных отношений, специфики гражданского общества и политического строя, в своей системной совокупности соответствующее им право и законодательство. Только интегрированное качественно-количественное исследование данных социальных комплексов позволит выяснить социальную сущность, истинное назначение и роль права и действующего законодательства.

Но лишь количественный анализ, отвлеченный от качественной сущности правовой системы (и ее компонентов), не имеет сколько-нибудь значительной научной ценности. Только их интеграция в системном исследовании права и законодательства дает высокий коэффициент научной результативности познания. При этом ведущим звеном в этой интеграции, как показывает исторический опыт большой науки, принадлежит качественной стороне, поскольку использование количественных методов исследования правовых систем ограничивается только измерением однородных связей данной системы. Количественные методы неприменимы и к тем правовым системам, уровень общности которых отвлечен от отдельных видов правовых систем. Иначе говоря, количественным методам исследования недоступны универсально-всеобщие правовые системы (например, система правового регулирования в целом) именно в силу их универсальности и всеобщности; они применимы лишь при ограниченной степени общности правовых систем. Вместе с тем, используя количественные методы, можно обнаружить наиболее существенные факторы общественной жизни и определить меры воздействия каждого из них на правовые процессы. В этих исследованиях, как свидетельствует уже накопленный опыт, должны быть использованы статистические данные, многообразные приемы количественного выражения качественных переменных, характеризующих правотворческую и особенно правореализующую деятельность, построение формализованных обобщений и моделирование с широким применением математического аппарата, кибернетики, теории операций, теории массового обслуживания, теории игр и т. д. Однако в этих исследованиях мы сталкиваемся с существенными трудностями, обусловленными прежде всего тем, что для ряда качественных показателей развития правовой системы и ее подсистем пока не найдены адекватные способы их специфически юридического количественного измерения.

Необходимая интеграция качественных и количественных методов исследования правовых систем и действующего законодательства, правореализующей деятельности особенно наглядно обнаруживается при использовании конкретно-со-

циологических и конкретно-юридических методов. Следует, однако, оговорить, что в последние годы среди некоторой части социологов и юристов укоренилось не просто ошибочное, но даже вредное мнение, будто эти методы приобретают чуть ли не основополагающее значение в развитии науки. Между тем собранный и систематизированный с помощью этих методов эмпирический материал при всей его важности не имеет пока научной значимости, ибо должен быть еще осмыслен на уровне рационального обобщения. Непонимание этого оказывает неблагоприятное влияние на сами конкретно-социологические и конкретно-юридические методы прежде всего тем, что лишает их общей методологической основы и единого концептуального стержня. В результате они применяются нередко бессистемно, стихийно, случайно и поэтому теряют какую-либо ценность для науки.

Эффективность количественного подхода к познанию правовых систем, законодательства и практики его реализации зависит от природы и характера исследуемого объекта, от задач, целей и аспекта самого исследования. Так, если при количественном исследовании в заданном аспекте отдельных правовых подсистем достигнуты некоторые успехи, то пока еще никому не удавалось теми же методами получить аналогичные результаты при изучении правовой системы в целом. Некоторые авторы полагают, что причиной тому — недостаточная развитость существующих в мире количественных методов (их «детское состояние»). Но думается, что и при достаточной развитости этих методов их использование не даст сколько-нибудь серьезных результатов в исследовании правовых явлений и процессов, где необходим главным образом и прежде всего качественный анализ, сущностное обобщение их субстанционально-содержательной природы. Более того, вообще математическая юриспруденция, которая еще ждет своей детальной разработки для различных уровней исследования правовых систем, должна опираться на общую методологию познания явлений и процессов. В такой интеграции — залог ее грядущих научных достижений.

Основным, главным свойством любой системы, вытекающим из предшествующих ее характеристик, является ее интегративность, которая, с одной стороны, образует качество

системы, а с другой — соединяет ее компоненты во внутренне организованную структуру.

Интегрированные качества правовой системы обуславливают методологические основания ее исследования. Так, единичная правовая норма или статья нормативно-правового акта, отделенная от целостной правовой системы, не в состоянии воздействовать на соответствующие общественные отношения. Лишь в единстве с иными правовыми средствами, входящими в состав данной правовой системы, достигается эффективное правовое регулирование этого отношения.

Система права действует, функционирует, исполняет определенную роль. Функционирует не только система права в целом, но и каждый ее компонент. При этом функции компонентов детерминированы, производны от функций системы в целом. В правовой системе нет и быть не может бездействующих компонентов. «Мертвый» компонент, как правило, «останавливает» всю систему; в результате она, сохраняя простую целостность, лишается качества системности.

Функционирующий характер правовой системы обуславливает те методологические основания ее исследования, которые сводятся к необходимости изучения деятельности каждого компонента этой системы. Помимо этого, исследование должно вскрывать как взаимодействие между отдельными компонентами правовой системы (внутренний механизм взаимодействия), так и взаимодействие данной системы со средой, другими системами (внешний механизм).

Однотипность компонентов системы, их интеграция в единой структурно-организационную целостность, относительная самостоятельность и автономность функционирования, устойчивость и стабильность вовсе не означают неизменности системы. Система динамична, она постоянно развивается в силу присущих ей внутренних и внешних противоречий. Отсюда вытекает необходимость при исследовании правовой системы выявлять эти противоречия, находить пути их разрешения.

Каждая из систем существует и функционирует в определенной внешней среде, которая определяет, оплодотворяет и развивает данные системы, детерминирует направленность их функционирования. Поскольку же среда своеобразна, веч-

но движется и постоянно изменяется, создавая неповторимые жизненные ситуации, постольку и познание данных систем предполагает изучение их прямых и обратных информационно-коммуникативных связей с внешней средой. Только в этом случае окажется возможным выяснить как прямое влияние среды на правовую систему, так и эффективность ее обратного воздействия на эту среду, понять как те преобразования, которые происходят под влиянием среды в правовой системе, так и те преобразования, которые претерпевает среда под воздействием данной системы.

Любая система существует в определенной среде и для этой среды. Поэтому исследование правовой системы будет наиболее полным при рассмотрении всей совокупности определяющих ее условий экономической, социальной и духовной сфер общества и обратного воздействия системы на данные сферы общественной жизнедеятельности.

Система имеет ядро, вокруг которого объединяются, интегрируются и структурируются ее компоненты. Это ядро играет также роль направляющего, стимулирующего начала в организации и функционировании всей системы и каждого ее компонента; под его воздействием осуществляется координация деятельности всего комплекса компонентов системы, развитие каждого компонента и всей системы. Таким ядром правовой системы является конституция, на основе, в соответствии и во исполнение которой осуществляются (должны осуществляться) правовое регулирование общественных отношений, вся правотворческая и правореализующая деятельность государства.

Подводя итог предшествующим рассуждениям, отметим их выводы: во-первых, не всякое целое есть система, но любая система целостна. Нет системы без целого, которое и придает ей единство; во-вторых, аналогичным образом не всякая структура системна, но любая система не может не содержать в себе структуру. Нет системы без структуры, которая в снятом виде содержится в системе; в-третьих, то же относится и к функциям. Не всякое функционирование системно, но любая система не может быть нефункционирующей. Нет системы без функционирования, которое и обуславливает ее динамичное развитие.

Понятие системы, следовательно, более емкое, богатое, универсальное по сравнению с понятиями целого, общего. Поэтому в одинаковой мере излишними являются определения типа «целостная система», «структурная система», «функционирующая система», поскольку и то, и другое, и третье (целое, структура, функция) являются имманентными свойствами системы. С этой точки зрения можно было бы избежать и использования в настоящей работе указанных определений, но мы сознательно пошли на такое использование с той лишь целью, чтобы показать гносеологическую роль каждого из основных компонентов понятия системы, их связи, отношения и взаимодействия.

В. П. Кузьмин писал: «Чтобы ответить на вопрос (“что такое система”, надо прежде всего знать, чем она отличается от несистемы. Возьмем для примера два объекта: кучу яблок и яблоко. Куча — это простая сумма, суммативное множество, и как таковая она системой не является. Яблоко же есть органическое целостное единство, интегральное образование составляющих его элементов или компонентов. Таким образом, как мы видим уже из этого простейшего примера, различие суммативных и целостных множеств состоит в феномене интеграции. Соответственно исходным, базовым признаком системы является интегральная целостность или интегральное единство, а специфическим предметом изучения — интегральные свойства и закономерности объекта или комплекса»¹.

Наряду с этими положениями (с которыми мы солидаризуемся) В. П. Кузьмин выдвигает идею о необходимости различения целостных систем и системных комплексов. «В первом случае, — полагает он, — предметом изучения оказываются прежде всего их структура, законы соединения частей в некое структурное или функциональное целое, их внутренние механизмы и интегральные закономерности. Во втором же случае предметом изучения становятся связи, взаи-

---

¹ Кузьмин В. П. Место системного подхода в современном научном познании и марксистской методологии // Вопросы философии. 1980. № 1. С. 60.

модействия и отношения двух или нескольких объектов-систем, образующих полисистемный комплекс»¹.

Отнюдь не исключая возможности различения целостных систем и системных комплексов, мы, однако, полагаем, что такое различие вовсе не исключает их совпадения. Целостная система может включать в себя и определенный системный комплекс, и тогда различие предмета их познания, выдвинутое В. П. Кузьминым, теряет смысл. Сам же автор указывает, что система есть «объединение частей в целое» и что соответственно должны быть выявлены законы объединения частей в целое; вместе с тем система есть и само целое, а это значит, что должны быть выявлены ее базисные основания, законы ее структуры, функционирования, движения и развития. С этой точки зрения познание, в частности, правовой системы предполагает исследование объективных оснований соединения ее частей в определенную интегральную и структурно-функциональную целостность. Но правовая система вместе с тем не только многосистемное образование, но и полисистемный комплекс (т. е. комплекс частей, компонентов системы, каждая из которых сама может рассматриваться как целостная система). В ее состав входит множество подсистем различного уровня — правовые нормы, институты и отрасли. Это обстоятельство предполагает познание не только ее интегральных и структурно-функциональных качеств, но и ее

---

¹ Кузьмин В. П. Место системного подхода в современном научном познании и марксистской методологии // Вопросы философии. 1980. № 1. С. 57.

Аналогичную мысль выразил и Питирим Сорокин: «Свойства различных частей автомобиля отличаются от свойств собранного автомобиля как единой системы. Свойства человеческого организма как системы нельзя узнать, изучая его органы или клетки, вырезанные из живого организма. То же самое верно и в отношении свойств единых социальных или культурных систем по сравнению с характеристиками их отдельных членов... В настоящее время во всех науках — физике, биологии, социальной психологии — твердо установлено, что свойства систем в корне отличаются от свойств их элементов или компонентов и что просто значение какой-то малой части одного или нескольких элементов отнюдь не отражает адекватно свойств системы, в которую входит эта часть» (Сорокин П. А. Существенно важные черты русской нации в двадцатом веке // О русской нации. Россия и Америка. М., 1992. С. 26, 35).

связи, отношения, взаимодействия подсистем, которые в качестве составных частей, компонентов образуют полисистемный комплекс данной целостной системы.

Отмеченные особенности правовых систем являются объективными детерминантами¹ соответствующего познавательного подхода к ним и самого процесса познания, которые, в сущности, и определяют характер системного и структурно-функционального исследования правовых явлений и процессов. Такое исследование предполагает многомерное измерение правовых систем: во-первых, изучение каждого компонента данных систем самих по себе; во-вторых, обнаружение многочисленных и разнообразных связей каждого компонента с другими, «родственными» компонентами данных систем; в-третьих, определение причин возникновения, действия и развития компонентов данных систем и системных комплексов в конкретных условиях внешней среды, выявление взаимодействия данных систем с другими системами общественного организма.

При всем различии данных направлений они имеют один и тот же объект познания, но каждый из них обнаруживает отнюдь не тождественную группу детерминантов, связей, зависимостей и отношений. Интеграция результатов познания объектов, осуществленная по указанным направлениям, воссоздает данный объект в его исторической закономерности развития, в сущностно-содержательной определенности, в структурно-функциональном единстве и целостной системности.

Система права воздействует на внешнюю среду не только прямо или через свои компоненты, но и косвенно, путем воздействия на другие системы или их компоненты. Например, регулируя производственные отношения, правовые нормы через них воздействуют и на развитие производительных сил.

---

¹ Определяя систему права как объективную категорию, А. И. Бобылев пишет, что она «обусловленное состоянием общественных отношений, внутреннее строение права, выражающееся в единстве и согласованности всех действующих правовых норм и их логическом распределении по отраслям и правовым институтам» (Бобылев А. И. Современное толкование системы права и системы законодательства//Государство и право. 1998. № 2. С. 24).

Но и правовое воздействие на производственные отношения отнюдь не всегда осуществляется непосредственно, а через регулирование иных отношений. Так, через правовое регулирование трудовых отношений осуществляется воздействие и на производственные отношения. При этом такое опосредованное воздействие нередко имеет ряд «этажей». Регулируя, например, семейно-брачные отношения, правовые нормы воздействуют на нравственные отношения, которые, в свою очередь, через другие посредствующие звенья в конечном счете влияют на производственные отношения. Здесь, как и во многих иных случаях, обнаруживается общая закономерность: подобно тому как производственные отношения в конечном счете определяют прямо или косвенно (опосредованно), через промежуточные звенья все иные отношения, так и обратное воздействие последних на производственные отношения реализуется не только прямо, но и косвенно, через другие отношения. При этом наблюдается и иная закономерность, а именно: чем выше удаляется надстроечное явление от базиса, тем больше количество промежуточных звеньев, через посредство которых осуществляется прямое, косвенное и обратное воздействие базиса на надстроечное явление и надстроечного явления на базис.

К сказанному остается добавить, что сами надстроечные явления воздействуют друг на друга прямо или косвенно. Так, право обычно воздействует, например, на политику прямо, хотя имеется и косвенное влияние, когда, скажем, право воздействует на нравственность, а нравственность — на политику или, наоборот, политика — на нравственность, а последняя — на право. И здесь проявляется аналогичная закономерность: чем дальше друг от друга отстоят надстроечные явления, тем больше промежуточных звеньев, через посредство которых осуществляется их взаимное влияние¹.

Исследование сложных взаимодействий правовой системы со своими компонентами в некоторой мере облегчается

---

¹ Традиционное в марксистской литературе соотношение базиса и надстройки использовано в данном случае с учетом его чрезмерно обобщающей схематичности: этим соотношением далеко не охватываются многие явления и процессы действительности.

при различении понятий «право в целом» и «право как целое». Под понятие «право в целом» подпадают все проявления правовой реальности, рассматриваемые в своей совокупности, но безотносительно к специфике составляющих его частей. В этом смысле «право в целом» равнозначно понятию «все права», охватывающее все правовые явления независимо от их значимости в правовой жизни общества. Иной смысл вкладывается в понятие «право как целое». Здесь акцент делается на внутреннем единстве права, на отношении права как целого со всеми составляющими его частями и каждой правовой части к объединившему их правовому целому. Следовательно, понятие «право как целое» является развитием и конкретизацией понятия «право в целом», поскольку выражает внутреннее единство, органическую связь и взаимодействие разнообразных правовых явлений, объединенных в определенный тип целостности. Вместе с тем понятиями «право в целом» и «право как целое» характеризуют правовую систему, но в различных плоскостях, срезах, уровнях.

Различение понятий «право в целом» и «право как целое» имеет познавательное значение потому, что ориентирует, определенным образом направляет исследовательский процесс. Познание «право как целое» является логическим основанием исследования всех его составных частей а познание «права в целом» определяет особенности, специфику, своеобразие каждой составной части правовой целостности. Правоведение призвано исследовать как «право в целом», так и «право как целое», в результате чего правовая система будет познана в единстве и тождестве противоречий.

Сказанное может быть обращено и на познание законодательства. Сложность отмеченных прямых и обратных связей, зависимостей и отношений, взаимодействий и взаимопроникновений во много крат возрастает, если иметь в виду не только их закономерность, необходимость, но и включенность в это переплетение случайных факторов. Как отмечает В. Г. Афанасьев, «необходимые причинные связи, законы функционирования целого переплетаются со случайными воздействиями, проявляются через случайности. Отсюда наступление того или иного следствия, являющегося результа-

том перекрещивания, столкновения необходимых и случайных взаимодействий, приобретает *вероятностный* характер, тем более что в целостной системе наряду с одно-однозначными имеют место и одно-многозначные и много-однозначные детерминации. Учесть роль и значение случайных причин в функционировании целого позволяют методы статистики и теории вероятностей»¹.

Такие причинно-следственные зависимости во взаимодействии необходимости и случайности особенно характерны для правовой сферы. Нередко закономерно необходимое развитие правовых процессов коренным образом изменяется из-за случайных воздействий.

Что же касается методов статистики, теории вероятностей и многих иных специальных методов, способных оказать помощь правовым исследованиям, то приходится с сожалением констатировать, что до сих пор они, за редкими исключениями, вовсе не используются в правоведении, особенно в отраслевых юридических науках, где они могли бы принести максимальную пользу.

Обратимся теперь к соотношению системы права со своими компонентами, а также компонентов системы между собой.

Регулируя ту или иную относительно изолированную сферу общественных отношений, право, в свою очередь, дифференцируется, подразделяется на отрасли, в которых объединяется комплекс правовых норм, призванных своей совокупностью воздействовать на данную область общественных отношений. Единые по своей сущности отрасли права в то же время разнообразны в зависимости от тех отношений, которые ими регулируются. Каждая отрасль имеет свои специфические черты и характерные особенности, в то же время находясь во взаимной связи, обусловленности с другими отраслями права той же формации. Ф. Энгельс отмечал: «В современном государстве право должно не только соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть *внутренне со-*

¹ Афанасьев В. Г. О целостных системах//Вопросы философии. 1980. № 6. С. 72.

гласованным выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий»¹.

Следовательно, системное единство права и его дифференциация, деление на отрасли внутри этого единства являются не субъективно-произвольным, а объективно-детерминированным.

Система права — это обусловленное экономическим, политическим и социально-культурным строем общества внутреннее объединение в согласованное, упорядоченное и единое целое правовых норм и одновременно их подразделение на соответствующие отрасли, обладающие сами по себе относительной самостоятельностью и автономностью функционирования.

Каковы же критерии подразделения отраслей права внутри единой правовой системы? В отечественной юридической науке установлено, что такими критериями являются предмет правового регулирования (главный, основной) и метод правового регулирования (дополнительный, производный). Под предметом правового регулирования имеют в виду общественные отношения определенного вида, которые подвергаются правовому воздействию (имущественные, трудовые, административные и т. д.). Природа этих отношений обуславливает и избрание метода воздействия, с помощью которого осуществляется наиболее эффективный процесс правового регулирования. Это и степень автономности субъектов правоотношений, и их взаимоположение (равенство сторон или их соподчиненность), и пути, способы и средства защиты или восстановления нарушенных прав и т. д. Из сказанного следует, что метод правового регулирования определяется в основном его предметом, но зависит также от интересов и целей государства при выборе форм воздействия на соответствующие общественные отношения. Именно этим объясняется, что тот или иной вид общественных отношений может быть урегулирован по-разному, что правовая защита разных сторон одного и того же вида общественных отношений может быть обеспечена различными средствами.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 418.

Однако это более или менее установившееся в отечественной юридической науке заключение оспаривается отдельными авторами с прямо противоположных позиций. В результате, несмотря на проведение двух широких дискуссий, проблема осталась нерешенной. Оставляя в стороне критический анализ этих дискуссий и последующих безуспешных попыток решить данную проблему (поскольку этот анализ был проведен нами ранее¹), мы полагаем необходимым: во-первых, ясно и четко разграничить критерии оснований дифференциации отраслей права и отраслей законодательства; во-вторых, углубить дальнейшее исследование самих общественных отношений (предмет правового регулирования), что позволит определить критерии основания разграничения как отрасли права, так и отрасли законодательства; в-третьих, вернуться к обсуждению проблем системы права в целом, а также оснований выделения его подсистем — отраслей права и отраслей законодательства.

Следует также отметить, что при исследовании системы права в юридической науке делается упор на обнаружение дифференциации ее отраслей и явно недостаточно изучаются пути укрепления их системного единства. Между тем грани между различными отраслями права и особенно между отраслями законодательства весьма подвижны вследствие динамической подвижности самих общественных отношений, подвергаемых правовому регулированию. Отсюда постоянное изучение одной из важнейших особенностей системы права и системы законодательства, их внутренней изменчивости, даст возможность поддерживать гармоничное развитие частей системного целого и, следовательно, совершенствовать их.

Решение проблемы системы права и системы законодательства предполагает предварительное тщательное изучение тех их подсистем, комплекс которых и образует данные системы. Иначе говоря, успех познания системного целого зависит от знания частей, его составляющих. На основе такого знания окажется возможным также и практическое совершенствование как системы в целом, так и ее подсистем. Чем правиль-

---

¹ См.: Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 289—295.

нее определены признаки, понятие и система отрасли, института и нормы права, тем более обоснованными будут рекомендации по дальнейшему развитию и повышению логической последовательности правовой системы в целом. Поэтому и следует перейти к позитивному рассмотрению составных компонентов системы права и законодательства — различного уровня их подсистемных образований, и прежде всего отрасли права. Как известно, проблемы системы отрасли права входят в предметы соответствующих специальных юридических наук и более или менее успешно ими разрабатываются. Хуже дело обстоит с общими вопросами — с определением признаков и понятия отрасли права как относительно самостоятельного системного правового образования. В связи с этим имеет смысл остановиться на данных вопросах более подробно (хотя и обобщенно, поскольку критический анализ соответствующей литературы проведен нами ранее¹).

За последние десятилетия отечественная юридическая наука сделала важный шаг в теоретической разработке понятия отрасли права, указав, что ее самостоятельность определяется совокупностью следующих признаков: предметного критерия, а также метода правового регулирования, специфических правовых принципов, характерной внутренней и внешней формы, особого механизма регулирования, «нерасторжимости» входящих в нее институтов и обособленности законодательства. Основываясь на этих признаках, понятие отрасли права можно определить следующим образом.

Отрасль права — это объективно сложившаяся внутри единой системы права в виде ее обособленной части группа правовых институтов и норм, регулирующих качественно однородные общественные отношения на основе определенных принципов и специфических методов, в силу этого приобретающих относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования.

Системный подход к анализу права предполагает не только его дифференциацию на подсистемы первого, так сказать, уровня — на отрасли права. Одно и то же общественное от-

¹ См. там же. С. 295—298.

ношение имеет, как известно, множество признаков, особенностей, сторон, которые в зависимости от условий, места и времени их проявления приобретают различный характер. Это обстоятельство обуславливает необходимость всестороннего урегулирования правом каждого типичного общественного отношения (если, разумеется, эти отношения вообще нуждаются в урегулировании его правом). В силу этого дифференциация права происходит и внутри каждой отдельной отрасли права, выражаясь в делении ее на ряд правовых институтов. Отдельная правовая норма, как правило, не в состоянии урегулировать с требуемой полнотой и всесторонностью то или иное общественное отношение без сочетания, взаимодействия с другими правовыми нормами, направленными на регулирование того же отношения. Совокупность этих правовых норм, соединенных между собой в определенное системное целое, и образует правовой институт.

Таким образом, оказывается, что отрасль права, будучи подсистемным образованием системы права, сама выступает в качестве системы по отношению к институтам права, ее образующим. Но и институт права обладает всеми признаками системного правового образования, поскольку представляет собой объективно сложившуюся внутри отрасли права в виде ее обособленной части группу правовых норм, регулирующих с требуемой детализацией типичное общественное отношение и в силу этого приобретающих относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования.

Из этого определения вытекает, что институт права отличается от отрасли права прежде всего объемом предмета регулирования: он регулирует не всю совокупность качественно однородных общественных отношений, а лишь различные стороны (признаки, особенности) одного типичного общественного отношения. Вместе с тем институт права, будучи подсистемой системы отрасли права, имеет общие с ней характеристики — объективную обособленность и органическое единство компонентов, специфичность метода, относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования.

Следует заметить, что вопрос о природе, системе, структуре правового института в отечественной юридической нау-

ке разработан недостаточно. Более того, его трактовка противоречива. Так, если считается общепризнанным, что отрасль права не может быть комплексной, то одновременно допускается существование комплексных институтов права. Так, И. В. Павлов, считавший «несостоятельной» постановку вопроса о комплексных отраслях права, вместе с тем считал, что «некоторые правовые институты являются характерными не для какой-то одной, а для двух или более отраслей права»¹. При этом И. В. Павлов, по-видимому не замечал, что его аргументы, отрицающие существование комплексных отраслей права, в той же самой мере могут быть отнесены к отрицанию существования и комплексных институтов права. В самом деле, если нельзя включать правовую норму, относящуюся к одной отрасли права, в другую отрасль права, то тем более недопустимо включать институт права, содержащий в себе «комплекс» норм различных отраслей права, в какую-либо отрасль права, так как тем самым данная отрасль права сама превратилась бы в комплексную. Следовательно, одно из двух: либо наряду с самостоятельными отраслями права существуют и самостоятельные «комплексные» институты права, не включенные в соответствующие отрасли права, либо институты права являются частью соответствующих отраслей права и вследствие этого обладают, кроме специфических признаков, им присущих, также теми общими признаками, которые характеризуют отрасль права в целом. Мы оказались бы непоследовательными, если бы, отрицая существование комплексных отраслей права, вместе с тем допускали самостоятельное существование комплексных институтов права, ибо, как было отмечено выше, те доводы, которые дают нам убедительные основания для отрицания комплексных отраслей права, в не меньшей мере должны быть отнесены и к отрицанию комплексных институтов права. Между тем именно эта непоследовательность, эта логическая противоречивость характеризует рассуждения всех тех, кто, правильно отрицая наличие в системе права комплексных от-

¹ Павлов И. В. О системе советского социалистического права//Советское государство и право. 1958. № 11. С. 10.

раслей права, вместе с тем допускает существование в ней комплексных институтов права, тем самым нарушая системное единство права и разрывая однопорядковое соотношение его системы и подсистем.

Нетрудно понять истоки этого, равно как и многих других заблуждений, которые кроются в отождествлении права и законодательства. Только законодательству свойственно создавать комплексные отрасли и институты права, но само право, будучи объективной категорией, не способно иметь комплексные отрасли и институты права.

Остается теперь перейти к последнему компоненту системы права — к норме права. В отечественной литературе дается множество определений данной «клеточке» правовой системы. Но все эти определения страдают тем, что не отличаются от общего определения понятия права, традиционно используемого в отечественной литературе. Различие между ними в лучшем случае сводится к количественной стороне: правовая норма лишь единичная часть правовой системы¹.

Между тем нельзя давать одинаковое определение целому и части целого не только потому, что они не совпадают, но также и потому, что их отождествление не имеет сколько-нибудь рационального смысла. Задача состоит не в том, чтобы показать лишь количественную разницу между правом и правовой нормой, а в том, чтобы, опираясь на общее понятие права, вскрыть специфические качественные признаки правовой нормы.

Если общее понятие не только имеет познавательное значение, но и должно служить инструментом более углубленного познания явлений, то необходимо от общего понятия права проникать в глубь составляющих его частей, в частности в правовую норму, чтобы обнаружить ее специфические особенности. При этом в тех случаях, когда определяется та или иная часть какого-либо целого в ряду всего комплекса однопорядковых категорий, вовсе не обязательно повторять

---

¹ См., например: Недбайло П. Е. Советские социалистические правовые нормы. Львов, 1959. С. 28; его же. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 37; Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 132, и др.

в этих определениях все те общие черты, которые характерны как для целого, так и для всех его частей. Более того, подобное повторение не имеет ни теоретической, ни практической ценности и лишь отвлекает от задач вскрытия и понимания той особенности, которая характерна для специфики изученного явления и, следовательно, его места, значения и роли в составе целого. Это, однако, вовсе не означает, что, исследуя часть, можно игнорировать существенные признаки целого. Без этого невозможно познать часть, но речь в данном случае идет не о процессе познания, а о его итоге — формулировании определения целого и его части.

Основываясь на этих соображениях, представляется возможным выдвинуть следующее определение правовой нормы.

Норма права — это объективно сложившееся внутри института права единичное общее правило поведения, регулирующее типичное общественное отношение или одну из сторон этого отношения и в силу этого приобретающее относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования.

Если теперь провести сравнительный анализ предложенных определений подсистем права, то в них легко обнаружить повторяющиеся моменты, в частности указание на их относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования. Но в данном случае за этими повторениями скрывается различный смысл, ибо уровень их относительной самостоятельности, устойчивости и автономности функционирования различен. Что же касается всех других моментов каждого из предложенных определений, то они своеобразны, отличны друг от друга не только в количественном, но и в качественном отношении.

Прокомментируем теперь отдельные стороны выдвинутого определения нормы права. Положение, что правовая норма представляет собой общее правило, не следует понимать лишь в том смысле, что каждая правовая норма всегда содержит непосредственное указание для поведения лиц в определенном случае. Характеристика нормы права как общего правила означает не только отсутствие в ней конкретности (персонификации) адресата и неопределенность случаев ее применения; она может содержать в себе также принципы и

определения, которыми руководствуются субъекты правоотношений.

Содержание и системные части нормы права отнюдь не произвольны, а зависят от природы и характера регулируемых общественных отношений и тем самым объективно ими детерминированы. Всякая правовая норма, будучи общим правилом поведения, является единичной, поскольку регулирует не комплекс отношений, а отдельное типичное отношение или даже отдельные его стороны. И поскольку это отношение обладает известной долей самостоятельности, постольку и регулирующая ее правовая норма приобретает относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования. Но, являясь единичной, она не может не входить в систему соответствующего института права, вместе с которым оказывается способной регулировать то или иное отношение. Эта способность правовой нормы приобретается благодаря наличию в ней также качеств, которыми обладает институт права, в состав которого она входит. Подобным же образом и для института права характерны общие качества отрасли права, а для отрасли права — общие качества системы права. Следовательно, относительная самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования правовых норм, равно как и института и отрасли права, детерминирована не только их зависимостью от природы и характера общественных отношений, ими регулируемых, но и от тех правовых подсистем и системы, в состав которых по объективной необходимости они соответственно входят; образуется, так сказать, «двойное подчинение» отдельных целостно-системных правовых образований¹.

Таким образом, объективно создается органическая связь, зависимость и взаимообусловленность системы и подсистем

---

¹ При этом, как правильно отмечает А. Ф. Черданцев, «между нормами права существует не только “отраслевое”, но и “профессиональное разделение труда”, функциональная специализация. Такая специализация, с одной стороны, обуславливает тесную связь отдельных частей системы права в процессе правового регулирования, а с другой — проявляется в наличии в самой системе права особых норм, которые призваны обеспечивать единство и согласованность права и представляют собой особый “механизм саморегулирования” внутри системы права...» (Черданцев А. Ф. Системность норм права//Сборник ученых трудов. Свердловск, 1970. Вып. 12. С. 63).

права, в своей совокупности образующих стройную целостность определенного исторического типа права.

Итак, понятие правовой нормы — категория абстрактная в том смысле, что выражает то общее, что свойственно конкретным нормативно-правовым установлениям. Иначе говоря, она выводит за скобки те общие признаки, которыми обладает (в явном или предполагаемом виде) любое правило, а именно: условия, при которых действует то или иное правило, его содержание и последствия, которые наступают при несоблюдении или нарушении данного правила.

Из абстрактности понятия правовой нормы следует недопустимость ее «приложения» ко многим конкретным статьям закона и подзаконного акта. Такая попытка разрушает само понятие правовой нормы, поскольку далеко не всегда статья закона и подзаконного акта содержит все перечисленные ее части. Правовая норма, как понятие абстрактное, в указанном смысле не может быть одноэлементной или двухэлементной, она всегда состоит из трех частей, элементов. Каждая правовая норма логична, если содержит ответы на ~~те~~ обязательных вопроса: какое поведение она предусматривает для субъектов правоотношений; при каких условиях это поведение должно (или может) иметь место и какими будут последствия для лиц, не исполняющих или нарушающих установленное правило. Немыслима вообще какая бы то ни была норма, в особенности правовая, из которой прямо или косвенно, но вполне определенно не вытекают бы ответы на эти вопросы. Другое дело, что внешняя форма выражения правовой нормы в статье или статьях закона (подзаконного акта) далеко не всегда повторяет ее логическую структуру.

В целях краткости изложения нормативно-правовых актов, исключения из них ненужных повторений правотворческий орган оправданно не воспроизводит в них те или иные части правовой нормы. Однако в любом из таких случаев можно восстановить структурную конструкцию правовой нормы, в сокращенном виде выраженной в нормативно-правовом акте. Но в таких случаях она, как правило, окажется более громоздкой по сравнению с лаконично изложенным нормативно-правовым предписанием. В тех же случаях, когда не удастся кратко сформулировать правовую норму в ста-

тье или статьях нормативно-правового акта без утраты отдельных моментов ее элементного состава, приходится, невзирая на громоздкость и повторяемость, воспроизводить все части правовой нормы. Но такие случаи сравнительно редки. В подавляющем же большинстве статьи нормативно-правового акта не воспроизводят полностью структуру правовой нормы, во многих из них гипотеза или санкция не приводятся, хотя и подразумеваются, вытекают из самой формулировки той или иной статьи или указаны в других статьях того или иного нормативно-правового акта¹.

Обратимся теперь к проблеме систематизации законодательства. В соответствии с объективным единством правовой системы и ее дифференциации на отрасли права внутри этого единства строится и система законодательства. В процессе правотворчества выражается, развивается и конкретизируется всеобщее объективное свойство права — его системность.

Действующее законодательство состоит из огромного количества актов, принятых различными государственными органами и в различные исторические периоды. Время от времени проводится упорядочение законодательства путем его систематизации, вносятся изменения и дополнения. В результате многие акты не согласуются между собой, вновь созданные акты противоречат ранее принятым или повторяют их. В законодательстве часто встречаются серьезные пробелы и содержатся недостаточно ясные, неточные формулировки, понятия и термины. Имеется и много иных недостатков действующего законодательства. Устранение этих недостатков, равно как и обновление законодательства, осуществляется, в частности, и с помощью его систематизации.

В юридической теории и практике различают два основных вида систематизации действующего законодательства: инкорпорацию и кодификацию.

Инкорпорация не вносит существенных изменений и ограничивается лишь внешней обработкой законодательного материала.

---

¹ Подробнее об этом см.: Керимов Д. А. Законодательная техника. М., 1997. С. 44—61.

Кодификация предполагает такое упорядочение законодательного материала, которое направлено на его переработку путем исключения повторов, противоречий, восполнения пробелов, преобразования характера и направленности материала. Тем самым в максимальной мере обеспечивается внутренняя согласованность, целостность, системность и полнота правового регулирования соответствующих общественных отношений¹.

Коллектив научных сотрудников Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации пишет: «Современное российское законодательство находится в неупорядоченном состоянии: не отработана единая, внутренне согласованная система российского законодательства; имеется большое число формально действующих, но фактически утративших силу законодательных и иных нормативных актов; многие акты до сих пор не приведены в соответствие с Конституцией РФ; нормативно не определен круг законодательных и иных актов бывшего Союза ССР, сохраняющих свое действие на территории РФ. Нуждается в завершении разграничение правотворческих полномочий Федерации и ее субъектов.

Часто принимаются недостаточно отработанные законодательные акты, в которых имеются существенные пробелы, противоречивые положения, что вызвано неоправданной спешкой при подготовке проектов. Нередко не обеспечивается реальное применение законов на практике»².

Ранее упоминалось, что в отличие от системности права систематизация законодательства допускает создание комплексных отраслей и институтов законодательства. Дело в том, что на практике нередко возникает потребность в создании комплексных кодификационных сборников, смысл которых заключен в логическом объединении правовых норм нескольких отраслей или институтов законодательства, регулирующих один и тот же круг общественных отношений (например,

¹ Подробнее об этом см. там же. С. 80—114.

² Упорядочение законодательства — насущная потребность правового государства // Журнал российского права. 1997. № 1. С. 7.

морское или воздушное законодательство, права собственности). Следовательно, если системность права носит объективный характер, не зависит от воли законодателя (кодификатора) и определяется в конечном счете предметом правового регулирования, то кодификация законодательства иногда может нарушать эту объективность и проводиться на основе субъективно избранного законодателем (кодификатором) классификационного критерия. Иначе говоря, если система права исключает дифференциацию, при которой правовые нормы одной отрасли права (института) оказались в другой отрасли (институте), то при кодификации законодательства правовые нормы различных отраслей права (институтов) группируются в единый комплекс. Кодификация законодательства не может поэтому во всех случаях полностью совпадать с системой права. Но система права, отражая объективные закономерности общественной жизни в той мере, в какой они проявляются в праве и определяют его, тем самым служит основанием для кодификации законодательства, для классификации, логической обработки и размещения законодательного материала в определенном порядке, необходимом для нужд практики.

Глава 16

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ

Дальнейшее углубление познания права, законодательства и законности предполагает анализ соотношения действительности и возможности, их проявления в интересующих нас сферах.

С помощью категорий действительности и возможности осуществляется проникновение в глубинные пласты сущности права, выявляются связи и зависимости развивающейся правовой системы, выясняется, в какой степени ее прошлое детерминирует настоящее, а настоящее — будущее. Это содействует познанию закономерностей развития правовых явлений и процессов, целей и механизма правового регулирования соответствующих общественных отношений, научному предвидению, прогнозированию и планированию основных направлений эффективного воздействия права, законодательства и законности на прогрессивное общественное движение.

Право, законодательство и законность как определенная система принципов, норм и требований, действующих в обществе, являются объективной реальностью. Но не все реально существующее реализуется. Нужно отличать существование правовых принципов, норм и требований от их действия. В связи с этим под действительностью права, законодательства и законности следует понимать лишь ту систему принципов, норм и требований, которые, отражая потребности общественной жизни, реализуются, действенным образом регулируют соответствующие общественные отношения. Только с учетом этого можно понять истинную природу того или иного правового явления, объективный процесс его развития, роль в общественной жизни, механизм право-

вого регулирования соответствующих отношений, его эффективность и т. д.

Богатство и многообразие сторон объективного мира раскрываются в процессе его развития не только в явлениях, реально существующих в действительности, но и в тех явлениях, которые могут или должны наступить. Развивающаяся действительность именно в силу того, что она развивается, не может быть чем-то статически однообразным; она порождает многочисленные и разнообразные возможности, судьба каждой из которых зависит от объективных закономерностей и сложившейся в данный момент конкретно-исторической ситуации, от потребностей, интересов и целей государства, общества, нации.

Возможность, предшествуя новой действительности, превращается в нее при наличии соответствующих условий. Следовательно, действительность и возможность едины, находятся во взаимодействии между собой.

Отражая объективное развитие общества, право, законодательство и законность постоянно движутся и изменяются, переходят от старого состояния к новому. Этот закономерный процесс осуществляется через реализацию правовой возможности, которая потенциально содержится в действительности в виде предпосылки, тенденции ее развития. Именно развитие действительности ставит вопрос о необходимости возникновения, изменения или отмены правового регулирования соответствующих общественных отношений и тем самым является причиной, порождающей правовую возможность, а затем и ее реализацию, превращение в действительность правовой жизни.

Правовая возможность является лишь потенцией социальной действительности. Однако правовая возможность неразрывно и органически связана с социальной действительностью, будучи ее продуктом, свойством, стороной, следствием развития. Она характеризует состояние данной действительности с учетом ее движения и изменения, является «промежуточным звеном» между существующей действительностью и ее будущим состоянием.

В этой связи необходимо остановиться на традиционной юридической проблеме — на соотношении «сущего» и «должного».

А. А. Пионтковский отмечал, что «между “сущим” и “должным” нет непроходимой пропасти. “Сущее” порождает “должное”, и “должное” превращается в “сущее”. Связь “должного” и “сущего” в общественном развитии есть в логическом смысле взаимоотношение “возможности” и “действительности”. “Должное”, имеющее опору в сущности, есть реально возможное. Оно в результате практической деятельности людей превращается в действительность. Общее решение вопроса о связи “сущего” и “должного” в общественном развитии имеет непосредственное отношение и к праву»¹.

Однако эту позицию не приемлют некоторые западные и дореволюционные отечественные ученые-юристы². Так, например, С. П. Мокринский писал: «Не каузальная оценка права, как явления социальной жизни, но само право, как таковое, нормативная природа права составляет предмет юриспруденции. Юрист изучает право не как элемент сущего, не как частицу реальной действительности, но как нечто, лежащее вне действительности, относящееся к совершенно иной сфере человеческого сознания, — как непосредственное выражение должного»³.

С таким разрывом сущего и должного согласиться невозможно. Между сущим и должным отсутствует непроходимая пропасть, они находятся в диалектическом единстве. Сущее порождает должное, и должное в результате правоприменительной практики превращается в сущее. Отношения должного и сущего в общественном развитии есть в логической интерпретации нечто иное, как взаимодействие и взаимопреходы правовой возможности в правовую действительность. Должное, имеющее в качестве своего источника сущее и опираясь на него, есть реально существующее правовое возможное. Оно в результате практической деятель-

¹ Пионтковский А. А. К методологии изучения действующего права // Ученые записки ВЮИОН. М., 1946. Вып. I. С. 25.

² См.: Kelsen H. Hauptprobleme der Staatsrechtslehre. Wien, 1911. S. IV; его же. Reine Rechtslehre. Wien, 1960.

³ Мокринский С. П. Система и методы науки уголовного права. СПб., 1906. С. 3—4.

ности по ее реализации превращается в правовую действительность.

При анализе правовой возможности следует различать два взаимосвязанных аспекта проблемы: возможность возникновения того или иного правосознания, создания того или иного правового акта и возможность того или иного варианта, пути, способа практической реализации данного правосознания, данного правового акта. Тем самым обнаруживается процесс превращения правовой возможности в действительность, в практику правового развития. Первоначально правовая возможность как определенное правосознание возникает как предпосылка создания правового установления — лишь первая стадия превращения возможности в действительность; вслед за этим наступает действие самого правового установления, регулирование соответствующего общественного отношения. С этой точки зрения право (правосознание, правовые нормы, правоотношения и т. д.) может рассматриваться как действительность — поскольку оно является уже объективно существующим и действующим, и как возможность — до той поры, пока оно не реализовалось, не воплотилось в регулируемых общественных отношениях и не принесло практических результатов. В силу этого правовая возможность имеет сложную природу. С одной стороны, она характеризует существующую и действующую правовую систему, а с другой — связь данной системы с условиями ее существования и действия. Именно это обстоятельство детерминирует и то, что правовая возможность вовсе не является неизменной, она изменяется и развивается вместе с изменением и развитием социальной действительности, которая обладает многочисленными признаками, чертами, свойствами, содержит в себе не только разные, но и противоположные, несовместимые, противоречивые возможности. Тем самым социальная действительность не только создает условия для борьбы противоположных правовых возможностей, но и, в зависимости от результатов этой борьбы, в зависимости от ряда как объективных, так и субъективных факторов, детерминирует свое развитие. Социальную действительность нельзя понимать лишь как то, что необходимо и закономерно. Если бы она состояла только из необходимого и закономерного, то ее развитие приобрело бы вид фаталь-

ной неизбежности, и значение субъективного фактора свелось бы к нулю. Но дело, как известно, обстоит значительно сложнее. Социальная действительность включает в себя также и случайное, а поэтому незакономерное. Одна из функций права в том и состоит, что, отражая необходимое (а не вообще действительное), она охраняет его от случайного или, во всяком случае, ограничивает влияние случайного на закономерное развитие действительности, способствуя тем самым наиболее благоприятному развитию необходимого. В связи с этим следует различать реальные и формальные, общие и конкретные, необходимые и случайные правовые возможности. Правовая возможность реальна лишь в том случае, если она соответствует социальной действительности и тенденциям ее развития. Отрыв от фактов, событий, обстоятельств действительности, пренебрежение предпосылками и тенденциями развития, игнорирование реальных взаимосвязей и отношений правовой жизни превращают правовую возможность в фикцию, лишенную объективного содержания, обрекают ее на нереализуемость. Такая формальная правовая возможность по существу есть невозможность, поскольку она, как правило, не осуществляется. Поскольку в обоснование существования формальной возможности приводятся лишь формальные основания, постольку вероятность ее превращения в действительность ничтожна. Это достаточно ясно выразил Гегель¹.

Однако формальную правовую возможность не следует отождествлять с абстрактной правовой возможностью, которая фактически реально существует в социальной действительности в виде наиболее общей тенденции ее развития, отдаленной предпосылки ее возможного преобразования в будущем².

¹ См.: Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. I. С. 241.

² Между тем в философской литературе формальная возможность отождествляется с абстрактной. При этом абстрактная (формальная) возможность, в свою очередь, отождествляется с невозможностью, которая, как пишет М. Н. Руткевич, «противоречит законам природы и общественной жизни» и существует «лишь в фантазии людей» (Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1959. С. 541). Конкретизируя это положение, А. Е. Фурман отмечает: «Невозможность может носить и абсолютный, и относительный характер. Абсолютно невозможно все то, что противоречит объективным законам природы и общества... Относительная невозможность есть невоз-

Всякая абстрактная правовая возможность уже в силу того факта, что она является возможностью, обладает известной долей реальности, равно как и всякая реальная правовая возможность, поскольку она не есть действительность, в известном смысле является абстрактной. С другой стороны, абстрактная правовая возможность при отсутствии достаточных условий может исчезнуть, ликвидироваться, но также может со временем и при благоприятных условиях превратиться в конкретную. Степень зрелости различных возможностей различна. Абстрактная (общая) правовая возможность, по мере своего вызревания и создания необходимых предпосылок и условий для реализации, превращается в конкретную правовую возможность. Следовательно, развитие действительности превращает абстрактную возможность в конкретную, которая, практически реализуясь, в свою очередь, изменяет эту действительность. Этот методологический вывод довольно убедительно иллюстрирует Гегель: «Чтобы понять, что такое развитие, мы должны различать, так сказать, двоякого рода состояния: одно есть то, что известно как задаток, способность, в-себе-бытие... Если мы, например, говорим, что человек от природы разумен, то он обладает разумом лишь в потенции, в зародыше; в этом смысле человек обладает от рождения и даже в чреве матери разумом, рассудком, фантазией, волей. Но так как дитя обладает, таким образом, лишь способностью или *реальной возможностью* разума, то выходит то же самое, как если бы оно совсем не обладало разумом; последний еще не существует в нем... ибо дитя еще не способно совершать что-либо разумное и не обладает разум-

---

можность лишь при данных условиях» (Фурман А. Е. Материалистическая диалектика. М., 1969. С. 85—86). Но не все то, что противоречит законом природы и общества, является невозможным: случайное противоречит этим законам, но вовсе не является невозможностью. М. Н. Руткевич, однако, допускает, что *«формальная возможность в процессе развития может превратиться в реальную»* (Руткевич М. Н. Диалектический материализм. С. 542), а А. Е. Фурман полагает, что относительная невозможность в какой-то степени «включает в себя и возможность» (Фурман А. Е. Материалистическая диалектика. С. 86), но их нельзя отождествлять с невозможностью (которая, кстати, существует отнюдь не в фантазии людей, а является определенной характеристикой реальной действительности).

ным сознанием. Лишь тогда, когда то, что человек, таким образом, есть *в себе*, становится *для него*, следовательно, когда оно становится разумом для себя, человек обладает *действительностью* в каком-нибудь отношении; лишь тогда человек действительно разумен...»¹

Но не всякая реальная и конкретная правовая возможность является вместе с тем и необходимой. Таковой выступает лишь возможность, которая отражает закономерную тенденцию развития социальной действительности. В сущности эффективность действия права есть не что иное, как степень реализованности необходимой правовой возможности. Та же правовая возможность, которая возникает как продукт случайного стечения обстоятельств, противоречит закономерному ходу общественного бытия и его естественным потребностям, является не необходимой, а случайной. Ее реализация ничего, кроме вреда, принести не может, а поэтому рано или поздно она либо отменяется, либо сама по себе отмирает. Однако этот общий вывод имеет иногда исключения, когда «счастливое» сочетание случайностей может быть эффективно использовано в правотворчестве, но, как правило, на ограниченный период времени.

Проведенная детализация понятия правовой возможности и ее классификация имеет важное методологическое значение для более глубокого проникновения в существо соотношения философии права с юридической практикой, позволяет наглядно видеть процесс превращения теоретического как возможного в практическое как действительное, управлять этим процессом в оптимальном и наиболее эффективном правовом регулировании соответствующих общественных отношений.

Если социальная действительность изменяется, развивается и превращается в новую действительность через реализацию, в частности, правовой возможности, то и юридическая наука должна не только отражать объективно существующую в данных условиях места и времени действительность, но и вскрывать правовые возможности, определять среди них ре-

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. IX. С. 26—27.

альные, конкретные и необходимые, указывать рациональные пути их практического перехода в действительность; не только описывать, комментировать и систематизировать правовые явления и процессы, но и логически «вычислять» вероятность совершенствования и преобразования правовой действительности, предвидеть возможности ее развития.

Мир возможного бесконечно многообразен. Будущее всегда предстоит перед нами в виде богатейшего спектра возможностей. В действительности же воплощается только несколько возможностей. Взаимоисключающие возможности могут рассматриваться как потенциально существующие в действительности до тех пор, пока практическая реализация одной из них не стала самой действительностью. Смысл правотворческой и правореализующей практики в том именно и состоит, чтобы избрать ту именно возможность (или несколько возможностей), которая в наиболее полной мере отвечает потребностям прогрессивного общественного развития. Однако между избранием той или иной возможности для реализации в действительность и самой ее фактической реализацией — дистанция довольно значительная. Преодоление этой дистанции, т. е. превращение правовой возможности в действительность, зависит в основном от комплекса взаимосвязанных обстоятельств, а именно: действия определенных объективных закономерностей, их познания и практического использования для нужд правового регулирования соответствующих общественных отношений; наличия благоприятных условий для такого познания и использования; отбора той именно правовой возможности, которая в наибольшей степени отвечает потребностям прогрессивного развития; зрелости избранной правовой возможности для практической реализации; учета случайных факторов и, наконец, практической деятельности в правотворческой и правореализующей сфере.

Действие определенных объективных закономерностей является не только источником и причиной возникновения самой правовой возможности, но и основанием для ее превращения в действительность. Но одного лишь основания еще недостаточно для перехода возможности в действительность. Необходимо также теоретическое познание объектив-

ных закономерностей, возникающих правовых возможностей и их использования в практической правотворческой и правореализующей деятельности, в определении зрелости этих возможностей для воплощения их в действительность. А это, в свою очередь, предполагает наличие таких демократических условий жизни общества, которые позволяют осуществлять практический переход правовой возможности в действительность легко, беспрепятственно, свободно.

Зависимость каждой реальной возможности от данных конкретно-исторических условий выражает закономерную связь этих условий с тем явлением или процессом, возможность возникновения которого она создает. Поскольку же каждая реальная возможность является своего рода совокупным выражением и проявлением главным образом внутренней специфики данных конкретно-исторических условий, постольку внутренние специфические факторы этих условий играют непосредственно решающую роль в определении характера и зрелости существующих возможностей, в определении того, какая из реальных, в частности правовых, возможностей может и должна быть реализована. Вот почему как правотворческая, так и правореализующая деятельность может претендовать на научную обоснованность лишь в том случае, если она опирается не только на глубокое знание объективных закономерностей, но и на всесторонний учет тех конкретных условий места и времени (в том числе и случайных факторов). И это понятно, поскольку объективные закономерности, определяя лишь основное направление, главную тенденцию, наиболее общие потребности социального развития, вовсе не исключают возникновения различных возможностей в зависимости от конкретных условий. Поэтому, для того чтобы превратить желаемую возможность в действительность, исключая все другие возможности, для того чтобы дать простор тем объективным закономерностям, действие которых наиболее выгодно для общества, или ограничить действие других закономерностей, тормозящих движение общества вперед, необходимо не только изучить требования самих объективных закономерностей, но и тщательно проанализировать условия, в которых они действуют, использовать в практической деятельности как сами эти закономерности, так и конкретные

условия их проявления. Нельзя думать, что во всех случаях правотворческие органы обладают достаточными сведениями о сущности и характере тех общественных отношений, которые подлежат правовому регулированию в силу потребностей общественного развития. Эти потребности могут вполне созреть, а познание их в той мере, в какой это необходимо для правового регулирования соответствующих отношений, может отсутствовать. Именно этим объясняются пробелы, несовершенство, противоречивость различных актов действующего законодательства.

Аналогичным образом дело обстоит и с реализацией правовых установлений: даже при наличии научно обоснованной системы действующего законодательства и благоприятных условий для его реализации в практике, как известно, имеют место так называемые административные и судебные ошибки.

Конкретно-исторические условия сами по себе, разумеется, не являются причиной перехода правовой возможности в действительность, но их познание необходимо для того, чтобы обнаружить содержащиеся в них причины, вызывающие определенное следствие — превращение возможности в действительность. С другой стороны, неправильно представлять дело так, будто бы познание объективных закономерностей и наличие благоприятных условий (также познанных) сами по себе являются достаточными предпосылками для перехода правовой возможности в само право, а права в социальную действительность. При таком упрощенном понимании проблемы оказалось бы, помимо прочего, неясным, по какой именно причине из всего множества правовых возможностей реализуются только некоторые из них.

В общественной жизни, и в частности в правовой ее сфере, развитие происходит значительно сложнее. Здесь, как и во всех иных областях жизни общества, действуют противоположности во всем многообразии проявлений их противоречивых тенденций, противостоящих сил, факторов и обстоятельств. Можно отметить три основные и взаимосвязанные линии, по которым проявляются эти противоположности: во-первых, между социальной действительностью и действующей правовой системой; во-вторых, между социальной действи-

тельностью (в том числе и действующей правовой системой) и порождаемыми ею правовыми возможностями; в-третьих, между самими правовыми возможностями.

Многообразие существующих правовых возможностей является выражением различных тенденций развития социальной действительности. Следовательно, борьба противоположных тенденций в сфере действительности имеет существенное, более того, определяющее значение в выборе той правовой возможности, которая должна оказаться практически осуществимой. Иначе говоря, разрешение противоречий в области действительной жизни в конечном счете обуславливает исход борьбы в области отбора правовых возможностей. И это понятно, поскольку компетентный государственный орган призван правовыми средствами не только разрешать возникающие противоречия, но и закреплять те тенденции социальной действительности, которые отражают закономерный процесс ее развития. В этом пункте рассуждений мы вплотную подошли к вопросу о соотношении категорий действительности, необходимости и возможности в праве, рассмотрение которого позволит глубже проникнуть в диалектику теоретического и практического. На этой проблеме мы остановимся подробно в последующем. Здесь же отметим, что необходимость развития объективной действительности, проявляясь в форме случайности, может породить также возможности, которые при определенных условиях не обязательно должны превращаться в действительность. В этом случае событие, наступление которого ожидается или предполагается, является только возможным, но не необходимым. Наряду с этим та же необходимость, выражая внутреннюю тенденцию развития объективной действительности, порождает такие возможности, которые рано или поздно, но в конечном счете обязательно превратятся в действительность. В этом случае событие, которое должно произойти, является не только возможным, но и необходимым. Действительность, порождая такие возможности, вместе с тем создает и условия, при которых их превращение в действительность является неизбежным. Следовательно, в зависимости от исторического характера действительности необходимость ее развития порождает возможности, которые имеют характер

либо необходимой возможности, либо случайной возможности¹. Сложившаяся конкретно-историческая ситуация вместе с тем предопределяет как то, какая из наличных взаимоисключающих возможностей на данном этапе развития будет реализована, так и быстроту превращения возможности в действительность.

Нетрудно видеть, что данные общие положения имеют методологическое значение, в частности и в особенности, для правотворчества. Если развитие действительности порождает как необходимые возможности, так и возможности случайные, то прогрессивное воздействие на действительность может быть достигнуто прежде всего тогда, когда правотворчество опирается на необходимые возможности, способствует правовыми средствами их превращению в действительность. Если не всякий процесс превращения возможности в действительность есть вместе с тем превращение возможности в необходимость, то ориентация прежде всего на необходимую возможность является условием научного правотворчества. Если, наконец, развитие действительности порождает наряду с необходимыми случайные возможности, не отражающие закономерных тенденций развития этой действительности, то, следовательно, в процессе правотворчества следует учитывать и контролировать случайные возможности, предотвращать их превращение в действительность или, по крайней мере, использовать их временно, ограниченно и в интересах правового регулирования соответствующих общественных отношений. Из положения об обязательной ориентации прежде всего на необходимую возможность при создании правовых норм вовсе, разумеется, не вытекает, что при познании действительности допустимо в процессе правотворчества игнорировать случайные возможности. Изменчивость социальной действительности, выступающей в раз-

---

¹ Следует различать понятия случайности и возможности: если — уже существующий фактор, то возможность — лишь предпосылка такого фактора. Выражение же «случайная возможность» в данном случае используется в том смысле, что такая возможность не только еще не существует в действительности (как и всякая возможность), но и потенциально отражает не закономерные, а случайные тенденции развития действительности.

нообразных формах необходимости и случайности, ставит перед правотворчеством задачу познания этих форм в их единстве и соотношении к моменту создания правовой нормы. Лишь в этом случае законодатель не только обнаружит закономерное развитие необходимости, пробивающей себе дорогу через массу случайностей, но и сможет контролировать действие случайных факторов и даже использовать их при благоприятной ситуации в интересах общества.

Таким образом, научно обоснованное правотворчество, отражающее объективность общественного развития, исходит прежде всего из необходимой тенденции этого развития, опирается на нее, реализует ее и тем самым открывает простор социальному прогрессу и обеспечивает его правовыми средствами. Необходимость поэтому оказывается тем мостом, по которому в основном проходит путь превращения правовой возможности в правовые нормы, а затем — в результате их практической реализации — в социальную действительность.

Отмеченное соотношение необходимости и случайности в правотворчестве носит всеобщий характер и в силу этого не исключает использования благоприятного стечения случайных обстоятельств, которые в конечном счете способствуют быстрому и полному достижению целей законодателя.

Обнаружение необходимой правовой возможности еще не является достаточным основанием для ее превращения в правовую норму и для реализации в социальной действительности. Требуется, помимо этого, определить ее обоснованность, зрелость для практического перехода в действительность. Мерой развитости возможности является вероятность, которая характеризует величину основания для осуществимости возможности, силу действия причин и условий, ее породивших. Иначе говоря, вероятность характеризует «параметры» возможности, ее осуществимость, реализуемость. У правовой возможности иногда отсутствует достаточно обоснованная вероятность осуществления в данных конкретных условиях места и времени. В этом случае мы будем иметь дело с абстрактной правовой возможностью, которая связана с действительностью значительным временно-пространственным расстоянием и переход которой в действительность происходит посредством множества других, более конкретных

правовых возможностей. При этом нередко переход абстрактной правовой возможности в действительность осуществляется не через сумму однозначных правовых возможностей, а через их систему. Познание этой системы позволяет не только обнаружить всю сложность механизма перехода абстрактной правовой возможности в действительность, но и определить, в какой степени прошлое и настоящее детерминируют и предопределяют основные черты будущего состояния правовой системы и ее действия.

Процесс перехода от абстрактной правовой возможности к конкретной есть процесс нарастания тех условий и причин, которые увеличивают вероятность ее реализации. Отсюда следует, что практика правотворчества и правореализующей деятельности, опираясь на необходимые возможности и определяя степень их зрелости, для перехода в действительность должна своевременно создавать правовые нормы и осуществлять их предписания. В равной мере недопустимо как преждевременное превращение правовой возможности в действительность, так и запаздывание в этом деле. Эффективное правовое регулирование соответствующих общественных отношений предполагает обнаружение возникших возможностей, определение их зрелости, развитости, обоснованности для перехода в действительность и — при наличии таковой — изучение путей, способов и средств их практической реализации. В этой связи возникает важный для правовой практики вопрос об определении момента превращения возможности в действительность, своевременного разрешения с помощью права намечающихся противоречий. Не каждая только что возникшая правовая возможность должна быть тут же превращена в действительность. Преждевременность принятия правового акта не способствует созданию условий для реализации соответствующей возможности, для ее наиболее безболезненного перехода в действительность, для успешной ликвидации образовавшегося противоречия. В процессе создания правового акта и его осуществления необходимо предвидеть те конкретные препятствия и трудности, которые могут возникнуть при разрешении назревших или назревающих противоречий, и с учетом этого установить не только наиболее целесообразные пути, способы и средства, но и сроки

реализации правового акта, при которых практическое разрешение противоречий, переход возможности в действительность будут осуществлены в максимальной степени безболезненно, легко и гармонично.

Изложенное со всей очевидностью показывает, что переход правовой возможности в социальную действительность предполагает единство познания и действия. Только на этой основе теоретическое воплощается в практическом; благодаря этому последнее обретает в полной мере сознательность. Но прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению этого процесса, необходимо подробно остановиться на проблеме цели права и средств ее достижения, что раскроет смысл перехода возможности в действительность.

Глава 17

ЦЕЛЬ И СРЕДСТВО

С проблемой действительности и возможности в праве и законодательстве органически связаны и из них вытекают проблемы цели и средства. Правовая возможность первична по отношению к цели права и законодательства, она является непосредственной причиной цели. Целенаправленность и целесообразность права и законодательства аккумулирует в себе правовые возможности и конкретизирует их превращение в действительность.

Более того, из сущности права вытекает, ею обуславливается и определяется его цель, познание которой имеет фундаментальное методологическое значение для юридической теории и практики. Цель, как философская категория, лежит в основе исследования правовых явлений и процессов, детерминирует правотворчество, само право, законодательство и его реализацию, совершенствование и развитие правовой системы.

Проблема цели в философии наиболее продуктивно разработана Гегелем. Он указывал, что цели как субъективной категории противостоит объективность. «Цель есть ближайшим образом нечто сущее внутри меня, *субъективное*, но она должна стать также и *объективной*, сбросить с себя свой недостаток, перестать быть только субъективной»¹. Разъясняя свою мысль, Гегель далее пишет: «Можно здесь задать вопрос: почему же субъективность есть недостаток? Если то, у чего есть недостаток, не стоит, вместе с тем выше своего недостатка, то

---

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VII. С. 39.

для него это не недостаток... Цель, поскольку она пока лишь *наша* цель, есть для нас недостаток, ибо свобода и воля суть для нас единство субъективного и объективного. Цель должна быть положена объективно, и она получит в этом полагании не новое одностороннее определение, а лишь свою реализацию»¹.

Преодоление «недостатка» цели, снятие противоположности между субъективностью и объективностью осуществляется только путем реализации цели и благодаря ей. Гегель считает, что «суть дела исчерпывается не своей *целью*, а своим *осуществлением*, и не *результат* есть *действительное* целое, а результат вместе со своим становлением...»². Реализация же цели требует определенной деятельности, а также средств, с помощью которых цель объективируется. В деятельности человека, использующего соответствующие средства, субъективный характер цели превращается в объективность — воля «представляет собой процесс перевода *субъективной цели в объективность* через опосредование деятельности и некоторого средства»³, цель «смыкает себя через некоторое средство с объективностью...»⁴. Следовательно, «в этом смысле воля становится *объективной* лишь через выполнение своих целей»⁵. Деятельность воли заключается в том, что «она снимает противоречие между субъективностью и объективностью, перемещает свои цели из первого определения во второе...»⁶, используя при этом соответствующие средства. Эти средства есть «нечто *более высокое*», чем цель, поскольку в «своих орудиях человек обладает властью над внешней природой, хотя по своим целям он скорее подчинен ей»⁷. Благодаря деятельности и средствам сама цель, хотя бы «и была совершенно частной

¹ Там же.

² Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. IV. С. 2.

³ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VII. С. 39.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. V. С. 200.

⁵ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VII. С. 51.

⁶ Там же. С. 53.

⁷ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VI. С. 205.

и субъективной», превращается в объективную, «когда она становится явлением»¹. В результате в цели «начало и конец одинаковы друг с другом, так как мы субъективное делаем объективным для того, чтобы его снова получить обратно»².

Всякая деятельность имеет определенную цель. Деятельность, лишенная цели, является бесцельной, бессмысленной деятельностью. Любая деятельность, направленная на достижение той или иной цели, будучи по своей природе субъективным фактором, определяется объективной действительностью, поскольку возникает как закономерное следствие уже достигнутого уровня развития этой действительности. Возникнув же под воздействием определенных условий объективной действительности, цель по необходимости всегда реализуется в той или иной материально или духовно ощутимой форме, которая в итоге представляет собой результат реализации потребности. С другой стороны, любая деятельность человека непосредственно обуславливается и направляется осознанной целью, «которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю»³. Будучи порождением конкретных условий общественного бытия и в конечном счете определяясь им, цель представляет собой идеальный образ тех результатов волевых действий индивида, ради которых эти действия им совершаются. Поскольку осуществляющий волевое действие индивид ранее воссоздал мысленно то, к чему стремится, предвосхитил в сознании желаемый результат своего действия, постольку он оценил основания и мотивы, в силу которых необходимо выполнить данное действие, чтобы достигнуть уже идеально представленного результата. Цель является, таким образом, исходным пунктом и двигательной силой волевой деятельности и одновременно направляющим фактором в этой деятельности. Цель возникает раньше, чем ее реальное воплощение в действительность, поскольку является идеаль-

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VII. С. 52.

² Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. IX. С. 292.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 189.

ным внутренним образом подлежащих созданию предметов, явлений, процессов; они заранее намечаются человеком в качестве цели в их еще субъективной форме. В этом смысле цель выступает в качестве внутренне-побуждающего начала в деятельности людей по преобразованию действительности. Реализация же данной цели как возможности осуществляется человеческой деятельностью.

Не может вызвать сомнения то, что эти ^{общеправовые} философские и психологические представления имеют прямое методологическое отношение к познанию права и законодательства. Определяясь условиями жизни общества, закономерностями его развития, право является объективным социальным образованием. Вместе с тем право, будучи выражено и закреплено в законодательстве, должно рассматриваться и как фактор субъективный, поскольку прежде, чем возникнуть, оно созревает в сознании людей, получает форму правосознания, затем закрепляется в правовых принципах, в нормативных и ненормативных предписаниях, реализуется в правоотношениях и иных видах воздействия на общественные отношения, наконец, воплощается в законности и правопорядке как итоге достижения правовой цели. Сознательность проявляется на каждом из этапов этого процесса. Так, правотворчество, будучи объективно детерминировано реальной действительностью, вместе с тем по своей природе субъективно, поскольку осуществляется людьми, преследующими сознательно поставленные цели. Точно так же правореализующий процесс направляется людьми, сознательно воплощающими правую цель в действительность, в установление определенного режима законности и правопорядка. Отсюда вытекает, что нет резкой грани между объективным и субъективным в праве, хотя, понятно, субъективное и не совпадает с объективным. «Обычно полагают, — пишет Гегель, — что субъективное и объективное неподвижно противостоят друг другу. Но это неверно, так как они скорее переходят друг в друга, ибо не представляют собой абстрактных определений, как, например, положительное и отрицательное, а имеют уже более конкретный смысл»¹.

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VII. С. 52.

Цель права, подобно самому праву, может рассматриваться и как объективная, и как субъективная категория. Она объективна, поскольку определяется условиями жизни общества, реально существует в различных проявлениях, необходимо закрепляется в действующем законодательстве и его реализации, в законности и правопорядке. С другой стороны, цель права, как и всякая цель, субъективна, поскольку формируется сознанием людей, выражается в законотворчестве и реализуется сознательной деятельностью людей. Именно поэтому, когда мы говорим о деятельности людей по созданию законов и подзаконных актов или их реализации, то пользуемся удачным выражением Гегеля: «...в лице цели имеем содержание, которое известно уже заранее; эта деятельность поэтому не слепа, а зряча»¹.

Важно при этом отметить, что объективный источник возникновения цели права и субъективная ее природа — две органически связанные между собой стороны одного и того же явления. Цель права как идеальное выражение положительного или отрицательного, должного или возможного поведения людей объективна, закономерна и необходима по источнику возникновения и по содержанию. Вместе с тем она субъективна по своей природе как продукт сознательного творчества людей, организованных в государство.

Рассматривая цель в праве, выраженную в законодательстве и практике его реализации, как категорию субъективную, можно констатировать, что она может отражать реальную действительность как в соответствии с ее объективными закономерностями, так и вопреки им. В. И. Ленин писал: «Фактические отношения не мертвы, а живут и развиваются. Юридические определения могут соответствовать прогрессивному развитию этих отношений, но могут также (если эти определения плохи) “соответствовать” регрессу или застою»². Реальность и эффективность действия права и законодательства определяются прежде всего тем, насколько они точно и полно отражают и правильно предусматривают реализацию объ-

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. I. С. 248.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 259.

активных возможностей в соответствии с познанными закономерностями общественного развития. Если цель права и законодательства основана на научном познании закономерностей общественного развития, то она обеспечивает наиболее целесообразные пути и средства использования этих закономерностей. В противоположность этому фикция права и законодательства есть не что иное, как отражение в их принципах, оценках и велениях объективно невозможного, того, что фактически не может быть реализовано в данных условиях места и времени.

Как и всякая цель, правовая цель отнюдь не является продуктом, извне навязанным праву, спускаемым откуда-то сверху¹, а представляет собой результат творчества людей, привлеченных как к созданию правовых норм, так и к их реализации. В правотворчестве, как и в любой иной деятельности, люди, определяя свои цели, подчиняя свои действия достижению этих целей, тем самым критически относятся к действительности, констатируют, что те или иные стороны, черты, факты, явления, процессы этой действительности не соответствуют их потребностям, интересам, устремлениям и поэтому или нуждаются в изменении, преобразовании, или должны получить дальнейшее развитие в том или ином направлении. Это и достигается четким определением правовой цели и ее закреплением в законодательстве. В правовой цели непосредственно выражается опережающее отражение сознанием действительности, и в этом состоят творческие потенции законодательства в преобразовании действительности. Правотворчество должно исключать «созерцательное отражение» в правовых установлениях объективной действительности, пассивно их приспособлять к стихийно складывающимся общественным отношениям. В этом случае утрачивается целевая направленность правовых установлений. Напротив, научная обоснованность правотворчества предполагает активное, целеустремленное проникновение в глубин-

---

¹ «На деле, — отмечал В. И. Ленин, — цели человека порождены объективным миром и предполагают его, — находят его как данное, наличное. Но *кажется* человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы («свобода»)» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 171).

ные процессы общественной жизни, смелое и решительное их преобразование правовыми средствами в интересах социального прогресса. Именно поэтому критерием ценности правовых установлений должен быть не только факт точного и всестороннего отражения в них материальной и духовной действительности, но и степень преобразования этими установлениями регулируемых ими общественных отношений.

Развитие бытия порождает объективные возможности в двух основных формах: с участием и вмешательством человека и без его участия и вмешательства. Право, законодательство связано с первой из указанных форм, поскольку оно направлено на сознательное регулирование деятельности и поведения людей и через посредство такого регулирования достигает определенной цели: превращения объективной возможности в материальную или духовную действительность через посредство деятельности людей. Поскольку же правовая цель связана с объективными возможностями, осуществление которых предполагает определенное правовыми нормами установленное действие и поведение людей, постольку отмеченное выше отсутствие резкой грани между объективным и субъективным в праве (законодательстве) конкретизируется в данном случае в том, что реальные возможности и цели права (законодательства) не разделены непроходимой пропастью. Они взаимодействуют и взаимно обогащают друг друга: возможность отражается в цели права (законодательства) и определяет ее содержание, а реализация этой цели приводит к превращению возможности в действительность и к дальнейшему развитию объективной реальности. Тем самым право (законодательство) не только отражает возможности, порожденные действительностью, но и в результате своей реализации преобразует эту действительность.

Обоснование первичности объективных возможностей по отношению к правовой цели методологически необходимо для того, чтобы исключить какое бы то ни было проявление субъективизма и волюнтаризма в правовой теории и практике.

Объективная возможность лишь отражается в законодательстве и определяет цель, которая в нем выражена. Поэтому-то и в содержании законодательства концентрируется не только отражаемое, но и смысл отражения — цель, непосред-

ственно определяющая тот или иной характер, способ или метод правового регулирования общественных отношений и намечающая конкретные пути превращения возможности в действительность. Следовательно, цель законодательства есть не что иное, как превращение объективной возможности в идеальную (до ее практической реализации) действительность, т. е. в ту действительность, которой еще нет, но которая может, более того, должна быть. Иначе говоря, цель законодательства — это не только отражение и закрепление существующих отношений, но и своеобразная форма будущего в настоящем, прообраз того общественного состояния, к которому сознательно стремится законодатель.

Объективная закономерность никогда не выступает в завершенной форме, в окончательном виде, а существует как необходимость, тенденция, возможность. Всякая закономерность создает определенные объективные возможности того или иного поведения, действия, поступка, направленных на достижение конкретной цели. И если любая цель является идеально выраженным результатом предстоящего поведения, действия, поступка и всегда выступает как задача, которую предстоит разрешить, то законодательство является одним из средств целесообразного разрешения этой задачи, указателем пути в процессе движения к цели. В законодательстве воссоздаются порядок, этапы, темпы, способы и другие действия людей, ведущие к определенной цели. Следовательно, для того чтобы цель законодательства была научно обоснованной, нужно учитывать не только саму цель, но и необходимость ее правового закрепления в конкретных условиях жизнедеятельности того или иного общества; следует изучать конкретные возможности, исходить из этих возможностей и опираться на них. Но возможности, как было ранее отмечено, имеют различную степень обоснованности, развитости, зрелости для их перехода в действительность. Именно поэтому в законодательстве закрепляются цели ближайшие, перспективные и конечные. Каждая ближайшая цель, будучи закреплена в соответствующих конкретных правилах поведения, выражает задачи правового регулирования в данный период исторического развития общества и является необходимым шагом, ступенью, звеном в цепи, связывающей близлежащую цель с

перспективной целью, которая, в свою очередь, является средством, периодом, этапом на пути к конечной цели. Если объективно существующие возможности являются основой для закрепления в законодательстве их безотлагательного превращения в действительность, то зарождающиеся, возникающие объективные возможности могут учитываться в законодательстве лишь как перспективная цель. Такой учет означает, что при существующих условиях еще нет всех необходимых предпосылок для полного осуществления цели, выраженной в законодательстве, хотя некоторые из данных предпосылок уже существуют, а недостающие могут быть созданы и необходимо появятся в процессе дальнейшего общественного развития. По мере того как под воздействием общественной практики недостающие предпосылки для превращения возможности в действительность будут возникать, созревать и развиваться, перспективные цели станут превращаться в ближайшие, но отсюда вовсе не следует, что в законодательстве должны находить отражение лишь последние. Закрепление перспективных целей в законодательстве не только оправданно, но и необходимо хотя бы уже потому, что тем самым указывается путь сознательного, организованного и гармоничного общественного развития.

В зависимости от того, охватывают ли цели полностью результат, преследуемый законодателем, или выражают лишь составные, подчиненные части этого результата, они подразделяются на общие и специфические. Формулируя общие цели, законодатель конкретизирует их в специфических целях, причем эта конкретизация должна быть доведена до такого уровня, чтобы данная специфическая цель могла выступать в качестве непосредственной цели деятельности. Если же цель выражена в чрезмерно общей форме, то ее реализация становится затруднительной, вызывает необходимость создания новой нормы, в которой данная цель доводится до соответствующей степени конкретизации.

С точки зрения последовательности осуществления целей во времени они подразделяются на ближайшие и перспективные. Ближайшие цели выражают актуальные задачи правового регулирования в данный период исторического развития общества и подлежат непосредственному осуществлению. Пер-

спективные цели выражают более отдаленные результаты, которые достигаются посредством реализации определенной совокупности ближайших целей. При этом недостаточно ясное выражение ближайших целей в правовых нормах отвлекает от насущных задач правового регулирования, превращает их в декларации, оторванные от средств, с помощью которых они могут быть реализованы. С другой стороны, игнорирование значения перспективных целей правотворческой и правореализующей деятельности вносит стихийность в эту деятельность.

Воздействуя на поведение людей, законодатель в одних случаях имеет в виду только наступление изменений в самом их поведении, в других — наступление определенного материального результата. В первом случае цели можно назвать функциональными, во втором — предметными. При этом правовые нормы, включая предметные цели, тем самым должны включать и функциональные. Последние же в идеально реализованном виде учитываются при постановке предметных целей, а будучи фактически реализованными, становятся реальными средствами их осуществления. Законодатель в предметной цели предвосхищает результат, выражающийся в том или ином предмете, но сам этот результат всегда является следствием определенного поведения, действия.

Правовые цели, соответствующие объективным закономерностям общественного развития, являются истинными, а противоречащие им — ложными. Однако объективной истинности недостаточно для того, чтобы данная правовая цель могла быть реализована. Помимо этого, необходимо, чтобы данная цель обладала также признаком реальности. Реальна та цель, для осуществления которой уже имеются достаточные (а не только потенциальные) средства. Истинность и реальность в правовой цели не всегда совпадают. Истинная цель может быть в данный конкретный момент нереальной, и в то же время не всякая реальная правовая цель является истинной. Невозможность немедленного осуществления данной правовой цели сама по себе еще не снимает вопроса о ее объективной истинности. Для истинной цели, однако, характерно, что рано или поздно, но она непременно будет осуществлена. В некоторых случаях могут быть реализованы и такие правовые цели, которые противоречат объективным законо-

мерностям общественного развития. Но от этого они вовсе не становятся истинными. Правовые цели, основывающиеся на случайных правовых возможностях, будучи реализованы, не ведут к исчезновению тех правовых целей, которые возникают на основе необходимых правовых возможностей.

Для реализации цели необходимы соответствующие средства. Именно средства выступают в качестве связующего звена между субъектом цели и объектом его деятельности, направленной на достижение определенного результата. Без средств цели нереальны, неосуществимы, равно как и при отсутствии целей существующие средства не приводят к какому-либо результату. Более того, при наличии и целей, и средств нужна еще деятельность, которая при помощи средств превращает цели в результат. Следовательно, цель и средства соотносительно едины. Определенная цель предполагает, требует и определенных средств, по отношению к которым эта цель выступает первичной, доминирующей, руководящей. Как справедливо заметил Гегель, «цель есть... всеобщее, руководящее, и мы обладаем средствами и орудиями, деятельность которых мы определяем соответственно этим целям»¹. Но благодаря средству реализованная цель обретает объективность, определенность и конкретность. Цель законодательства определяет те правовые средства, с помощью которых эта цель достигается. При этом в зависимости от характера самой цели правовые средства являются общими (нормативность, общеобязательность, формальная определенность, обеспеченность государственным принуждением) или специфическими (гражданско-, административно- или уголовно-правовые методы правового регулирования общественных отношений). По отношению к этим средствам (как общим, так и специфическим) цель законодательства выступает в качестве доминанты. Но с другой стороны, цель законодательства, реализуясь в своих средствах, сама превращается в средство своего собственного осуществления. Здесь проявляется общая закономерность перехода, превращения целей в средства для достижения определенных результатов

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. I. С. 48.

через материальную и духовную деятельность людей. Подобно тому как в психологической сфере происходит сдвиг мотива на интерес, а интереса на цель¹, так и в правовой сфере правосознание сдвигается на правовые цели, а правовые цели — на средства его реализации ради практического достижения того результата в регулировании общественных отношений, который имелся в виду правовой целью. Тем самым законодательство выступает в единстве цели и средства достижения этой цели. Благодаря этому единству оно не только обретает характер ориентира, установки должного или возможного поведения членов общества, но и становится силой, способной обеспечить реализацию этой установки.

Однако одного наличия цели и средств законодательства, как было отмечено, недостаточно для достижения предусмотренного его велениями результата. Необходима еще деятельность людей, использующих правовые средства для объективизации правовой цели в регулируемых общественных отношениях. И здесь мы вплотную подошли к рассмотрению правореализующей деятельности с точки зрения воплощения правовой цели в действительность, к проблеме целесообразности законодательства и его практического осуществления на основе законности. Цель законодательства, если говорить в наиболее общей форме, состоит в реализации требований законности и в установлении режима правопорядка в жизнедеятельности общества. Более подробно эта проблема будет рассмотрена в дальнейшем².

Научное познание не только отображает состояние действительности в настоящем, но и, основываясь на тенденциях ее закономерного развития, намечает предполагаемые результаты целенаправленного воздействия на нее³.

---

¹ Подробнее об этом см. гл. 21 наст. изд.

² См. гл. 23 наст. изд.

³ Западные ученые довольно часто отрицают возможность прогнозирования социального развития. Так, еще К. Пирсон писал: «Наука представляет собой по отношению к прошлому описание, по отношению к будущему — веру» (Пирсон К. Грамматика науки. СПб., 1911. С. 141). Аналогичной позиции придерживаются и современные авторы. Например, К. Поппер

Отсюда следует, что и наука, призванная составить основу управления общественным развитием, должна в совершенстве владеть прогностическим орудием познания. С тем большим основанием это относится к юридической науке. Приходится, однако, констатировать тот факт, что до сих пор юридическая наука в основном ограничивалась выполнением диагностической и этиологической функций и меньше заботилась о своих прогностических обязанностях. Но теперь и в юридическую науку стало проникать прогнозирование¹, которое требует не только глубокого осмысления правовых явлений и процессов, но и предвидения их развития. Прогнозирование является необходимым этапом становления правовой цели, которая всегда включает в себя те моменты предвидения, которые наиболее достоверны, строго основаны на объективных закономерностях действительности, ее реальных возможностях. Если действительность порождает правовые возможности, часть которых выражается и закрепляется в цели законодательства и тем самым определяет пути дальнейшего развития этой действительности, то, следовательно, все-

---

пишет: «Хотя социальная система и обнаруживает некоторые черты собственной логики, все же она работает вслепую, неразумно. Люди, которые попадают в ее механизм, также в целом слепы или почти слепы. Они не могут предвидеть даже наиболее важные результаты своей деятельности» (Popper K. R. *Falsche Propheten — Hegel, Marx und die Folgen*. Bern, 1958. S. 141). Фурастье пишет: «Наука доказывает, что будущее существует и что в настоящее время оно в значительной степени непознаваемо для человека» (Fourastie J. *Die große Metamorphose des 20. Jahrhunderts*. Düsseldorf; Wien, 1964. S. 96).

И тем не менее западная наука пытается предвидеть будущее, о чем свидетельствует, в частности, широко рекламируемая ныне «футурология».

¹ М. Д. Шаргородский по этому поводу писал: «Прогноз социальных явлений может вызвать у государства, общественных, политических организаций и т. д. целенаправленные действия, в частности издание новых правовых норм, которые должны привести к изменениям в прогнозируемых общественных процессах, к изменениям с точки зрения их ускорения, создания, преобразования, сдерживания и других модификаций последних. Таким образом, возникают прогнозы с информационной обратной связью; именно эти прогнозы, между которыми и деятельностью человека имеется информационная обратная связь, представляют для правовой науки особый интерес» (Шаргородский М. Д. Прогноз и правовая наука // Правоведение. 1971. № 1. С. 42).

стороннее познание данной цели в конкретно-исторических условиях ее образования и реализации означает вместе с тем прогнозирование перспектив правовой жизни общества. При этом, однако, следует иметь в виду, что цель законодательства и правовое прогнозирование — категории, не совпадающие друг с другом не только в количественном, но и в качественном отношении: во-первых, в отличие от цели законодательства правовое прогнозирование может быть не только официальным, но и доктринальным; во-вторых, цель законодательства носит нормативный характер и обеспечена государственным принуждением, в то время как правовое прогнозирование приобретает такой же характер лишь тогда, когда оно выражено в цели законодательства и нормативно закреплено им; в-третьих, на основе одного и того же правового прогноза могут определяться и закрепляться различные цели законодательства. Правовое прогнозирование не само по себе, а только посредством цели законодательства может быть практически реализовано в соответствующем регулировании общественных отношений. Однако содержание правового прогноза может оказаться таковым, что цель законодательства будет направлена не на его реализацию, а, наоборот, на ликвидацию возможности и условий ее осуществления или, во всяком случае, на торможение осуществления.

Законодательство достигает своей цели, как ранее отмечалось, лишь при условии его реализации. Следовательно, цель законодательства имеет как бы две органически взаимосвязанные стадии своего развития: на первой стадии она намечает, планирует, определяет характер правового регулирования соответствующих общественных отношений или иных правовых мероприятий; на второй — представляет собой установку на активные действия, направленные на последовательное осуществление этой цели. Отсюда вытекает двуединая задача правового прогнозирования: в сфере правотворчества и в сфере правореализации. Синтез прогнозов в этих двух сферах будет наиболее надежным критерием научной обоснованности цели законодательства и его осуществления.

Прогнозирование в юридической науке — это, на наш взгляд, определение комплекса возможных вариантов перспективного развития правовой действительности путем исполь-

зования широкого диапазона специальных методов, обеспечивающих научную обоснованность и достаточную точность выдвинутых предложений, моделей, проектов. Отсюда вытекает, что горизонт прогнозирования в юридической науке чрезвычайно широк; он может и должен охватывать как практически прикладные вопросы правового развития (например, прогноз состояния преступности по определенной категории дел в таком-то регионе в предстоящем году), так и глобальные, фундаментальные, крупномасштабные проблемы будущего изменения правовой системы в перспективе (например, прогноз развития правовой системы, планирование законодательной деятельности на длительную перспективу и т. д.). При этом, разумеется, как практически прикладные, так и фундаментальные прогнозы должны быть тесно соподчинены между собой, увязаны; и только в этом случае они будут социально и юридически ценными.

Если попытаться конкретизировать направления правового прогнозирования, то их можно обозначить следующим комплексом основных проблем:

какие общественные отношения (или их стороны) предполагается в будущем подвергнуть правовому регулированию, т. е. в каком направлении будет развиваться действующее законодательство;

в какой последовательности должно и будет развиваться действующее законодательство, т. е. каков план законопроектных работ;

каковы пути дальнейшего совершенствования действующего законодательства (научная обоснованность правового регулирования, перспективы инкорпорации и кодификации законодательства, повышение уровня законодательной техники и т. д.);

каковы перспективы демократизации законодательной деятельности вообще и законодательной процедуры в частности;

какова будет роль правовой системы в различных сферах общественной жизнедеятельности (в повышении уровня управления, в укреплении законности, в правовом информировании населения и т. д.);

какова будет эффективность действия отдельных норм, институтов и отраслей законодательства в зависимости от пред-

полагаемых изменений в экономической, политической, социальной и культурной жизни общества;

каковы будут последствия (результаты) реализации правовых установлений как в разрезе общей динамики общественного развития, так и в разрезе группового и индивидуально-го сознания, действия и поведения;

какова вероятность изменения, в количественном и качественном отношениях, характеристики преступности, правонарушений, антиобщественных явлений и процессов как в масштабе страны в целом, так и в отдельных ее регионах;

каковы будут наиболее действенные меры по борьбе с преступностью и причинами, ее порождающими;

каковы общесоциальные и специально юридические пути дальнейшего укрепления законности и упрочения режима правопорядка в стране.

Эти проблемы правового прогнозирования могут быть, конечно же, дополнены, конкретизированы, развиты. Очевидно, однако, что их решение окажется тем более успешным, чем в большей степени оно будет научно обоснованным. Научность прогнозируемых тенденций в сфере правовой жизни позволит так воздействовать на соответствующие условия, среду и факторы, чтобы они наилучшим образом способствовали дальнейшему совершенствованию законодательства, укреплению законности, упрочению правопорядка в стране. Прогнозы должны основываться только на объективных закономерностях общественного развития, на естественных, необходимых и существенных связях и отношениях развивающейся правовой действительности (с учетом, разумеется, случайных факторов). Нельзя прогнозировать, тем более в правовой сфере, рассчитывая лишь на случайное стечение обстоятельств, поскольку оно может и не наступить. Вместе с тем при исследовании будущего необходимо считаться со всеми возможными, в том числе и случайными, факторами и их комбинациями. Лишь изучив действительное состояние правовых явлений и процессов в настоящем, можно предсказать неизбежность того или иного направления их развития в будущем. Следовательно, знание объективной внутренней логики процесса движения законодательства есть тот необходимый фундамент, на основе которого оказывается возможным

предусмотреть закономерные последствия его действия в грядущей перспективе.

Существенное значение для методологии прогнозирования развития законодательства имеют, по крайней мере, два наиболее важных момента.

Во-первых, к процессу прогнозирования развития правовой действительности следует подходить не только с точки зрения внутренних тенденций закономерного движения правовых явлений, но и со стороны тех внешних факторов, которые будут или смогут оказывать воздействие как на процесс превращения правовой возможности в действительность, так и на результат этого превращения. Глубокая зависимость законодательства от той социальной среды, в которой оно развивается, требует прогнозирования и изменения самой этой среды. Только в этом случае может быть обеспечена достоверность соответствующих правовых прогнозов.

Во-вторых, правовая действительность порождает не одну, а множество возможностей для ее развития. В этих условиях прогнозирование развития законодательства должно не только выявить «спектр возможностей» и вероятность их превращения в действительность, но и избрать именно ту возможность, реализация которой окажется наиболее действенной с точки зрения социальной эффективности предстоящего правового регулирования общественных отношений. Ценность правового прогнозирования состоит в однозначном ответе на вопрос, какую из правовых возможностей следует избрать для превращения в действительность правовой жизни.

Правовое прогнозирование конкретизируется в практике законодательного планирования. В этой связи следует остановиться на соотношении правового прогнозирования и плана законодательной деятельности.

Если правовая цель является отражением определенной правовой возможности и установкой превращения этой цели в действительность, то план законодательной деятельности представляет собой конкретную программу этого превращения. В законодательном плане определяются этапы, последовательность, темпы, сроки, средства реализации прогноза, выраженного в правовой цели. Тем самым законодательный план учитывает общественные возможности, существующие сред-

ства и наличные силы, на основе которых устанавливает конкретные показатели и их взаимную связь. Следовательно, правовая цель не только пронизывает содержание законодательного плана, но и конкретизируется им. В законодательном плане прогностическая цель локализуется в пространственно-временном отношении; вместе с тем она получает четкую определенность, ориентацию на осуществимость¹. Если, далее, правовое прогнозирование есть прежде всего результат теоретического поиска и исследования возможных путей изменения соответствующего объекта, то законодательный план является фиксацией желаемого движения к правовой цели. Следовательно, правовой прогноз представляет собой ту научно-информационную основу, из которой выводятся правовая цель и законодательный план. Реализация же правовой цели и законодательного плана в порядке обратной связи является критерием правильности правового прогноза.

Все высказанные методологические соображения имеют практическое значение. Поэтому необходимо подробно рассмотреть важное для юридической науки соотношение теоретического (методологического) и практического в сфере права, законодательства и законности.

---

¹ «Зависимость плана от цели, — пишет Т. А. Казакевич, — не исключает и его относительной самостоятельности, проявляющейся прежде всего: 1) в активности плана, в его обратном воздействии на цель; 2) в том, что план более конкретен и подвижен, чем цель; 3) в том, что могут быть различные варианты планов для достижения одной и той же цели, а также ряд последовательных промежуточных, поэтапных планов, охватывающих в своей совокупности весь процесс реализации цели» (Казакевич Т. А. Целесообразность и цель в общественном развитии. Л., 1969. С. 68).

Глава 18

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ

Все предшествующие гносеологические предпосылки познания правовых явлений и процессов подвели к заключительному этапу наших размышлений: к методологии перехода правовой теории в юридическую практику.

Научное знание всегда предполагает его реализацию на практике, оно рано или поздно должно найти использование, применение в той или иной сфере, в преобразовании самого человеческого мышления. В этом аспекте теоретическое знание не есть нечто окончательно завершенное, а лишь возможность, предпосылка и средство для завершения, которая наступает в результате реализации научных идей, концепций, учений. Поэтому проблема соотношения объема теоретических знаний и объема непосредственного внедрения этих знаний в практику является одной из фундаментальных проблем методологии. Этой проблеме и посвящается данная глава. В ней речь пойдет не о методологии познания, приращении и систематизации научных знаний, не о повышении его теоретического уровня и глубине проникновения в исследуемые правовые объекты, а о методологии практического использования, применения уже добытых правовых знаний и рекомендаций. И здесь возникает множество методологических вопросов, смысл решения которых состоит в том, чтобы, с одной стороны, ориентировать теорию на формулирование конкретных выводов, обращенных к практике, а с другой — указать наиболее целесообразные пути, формы и способы реализации этих выводов. Тем самым методологическая проблематика расширяется, в ее орбиту подпадают, наряду с разработкой гносеологии, логики и диалектики познания объективной реальности, также и связи

науки со всеми сферами практической деятельности, что, в свою очередь, воздействует на сам исследовательский процесс, задавая ему направленность, определяя его курс на удовлетворение потребностей и запросов практики.

Очевидно, что конкретные пути, формы и способы реализации добытых знаний в практику определяются тем конкретным объектом, который был до этого познан, самим конкретным знанием данного объекта. Но имеются и общие методологические проблемы этого процесса, и прежде всего соотношение теоретического и практического, на основе которого и осуществляется внедрение конкретных результатов научного познания в жизнь.

Методологическое значение единства теоретической и практической деятельности при исследовании правовых явлений и процессов обусловлено тем, что право, законодательство отражает объективную реальность более непосредственно, чем иные субъективные факторы, оно прямо ориентировано на воплощение в действительность. Правовое регулирование общественных отношений оказывается тем эффективнее, чем точнее оно выражает реальные политические, экономические и духовные условия, процессы и потребности развития общества. Отсюда следует, что субъективное воспроизведение объективного в законодательстве будет наиболее адекватным лишь при органическом соединении теоретической и практической деятельности, равно как и воздействие на объективное общественное развитие при таком соединении окажется наиболее эффективным.

Именно поэтому разработка проблемы единства теоретического и практического применительно к интересующей нас сфере имеет существенное значение. Она вместе с тем и весьма актуальна, поскольку не привлекала к себе должного внимания не только со стороны юридических наук, но и в философии не получила удовлетворительного разрешения¹.

---

¹ Д. П. Горский и С. Н. Смирнов замечают по этому поводу: «...несмотря на значительность усилий, направленных философами-марксистами на разработку многочисленных аспектов проблемы взаимоотношения между практикой и познанием, эта проблема продолжает оставаться одной из самых кардинальных для современной философской науки, поскольку она все еще

К сказанному следует добавить, что в философской (а также в психологической) литературе акцент обычно делается на различении теоретической и практической деятельности¹ и менее всего исследуется их единство. В результате разрыв между ними доводится до крайности: теоретическая деятельность, понимаемая лишь как чистое отражение практической деятельности, оказывается за рамками практики и в нее не включается².

Соответственно и практика трактуется как независимая от сознания и воли людей, как чисто материальная деятельность вне связи с теоретическим познанием и научным знанием.

Разрыв теоретического и практического означает искусственное отчуждение субъекта познания от бытия, которое формирует этот субъект, его органы чувств и способности познания. Равным образом и отрыв бытия от его познания и преобразования ведет к агностицизму, к бытию как к «вещи в себе», которая никогда не превратится в «вещь для нас». Между тем бесспорным является единство, нерасторжимость теоретической и практической деятельности, их взаимопроникновение, зависимость друг от друга. Безотносительно к различению теоретической и практической деятельности общественная жизнь в своей целостности является специфической человеческой формой бытия. В общественно-исторической практике выражается в единстве «совокупность физических и духовных способностей которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит...»³. Человеческое существо осуществляет практическое созидание мира, «творит или полагает предметы», но этот процесс совершается не так, что человек «в акте полагания переходит от своей

включает в себя множество дискуссионных вопросов, имеющих большое практическое, теоретическое и идеологическое значение» (Горский Д. П., Смирнов С. Н. Актуальные проблемы диалектико-материалистического учения о практике и познании//Практика и познание. М., 1973. С. 6).

¹ См., например: Славская К. А. Мысль в действии. М., 1968. С. 173.

² См.: Арефьева Г. С. Социальная активность. М., 1974. С. 70—95.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 178.

“чистой деятельности” к творению предмета, а так, что его предметный продукт только подтверждает его предметную деятельность...»¹.

Таким образом, в мышление вводится активная практическая деятельность. К. Маркс отмечал, что «разрешение теоретических противоположностей само оказывается возможным только практическим путем, только посредством практической энергии людей, и что поэтому их разрешение отнюдь не является задачей только познания, а представляет собой действительную жизненную задачу, которую философия не могла разрешить именно потому, что она видела в ней только теоретическую задачу»². Познать бытие возможно лишь в единстве с человеческой деятельностью не только потому, что сам человек является существенной частью этого бытия, но также и потому, что действительность человека заключается в его деятельности. При этом нельзя человеческую деятельность ограничивать деятельностью мышления, не имеющего в своем возникновении какого-либо соприкосновения с действительностью.

Заслугой Маркса явилось как раз то, что в мышление вводилась активная практическая деятельность³. Главный недостаток метафизического материализма он усматривал в том, что представители этого учения трактовали чувственность только как форму созерцания, а не как человеческую деятельность, практику. Рассматривая предметный мир «в форме объекта или в форме созерцания»⁴, они не понимали, что познать этот мир возможно лишь в единстве с человеческой деятельностью не только потому, что сам человек является существенной частью мира, но также и потому, что действительность человека заключена в его деятельности. Человеческая деятельность ограничивалась ими деятельностью мышления, не имеющего в своем возникновении какого-либо соприкосновения с действительностью.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 162.

² Там же. С. 123.

³ См. там же. С. 136.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 1.

В противоположность домарксистскому материализму деятельная сторона человеческой практики развивалась идеализмом, который, однако, понимал ее не как действительную конкретную деятельность человека, а «только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой»¹.

Гегель писал: «Я каждый день убеждаюсь все больше, что теоретическая работа осуществляет в этом мире гораздо больше, чем практическая. И если царство представлений уже революционизировано, то действительности не устоять! Практическое действие не замедлит появиться»².

Нет слов, результаты мыслительной деятельности, в частности революционные теории, оказывают огромное воздействие на действительность, на практику, но само это мышление, эти теории отражают данную действительность, данную практику, на ее почве формируются, ею обуславливаются и определяются.

Всякая человеческая деятельность имеет теоретическую и практическую стороны как необходимые свои компоненты. Нет и быть не может практической деятельности без предварительного осознания ее характера, цели, направленности. Здесь уместно напомнить известное высказывание, что самый плохой архитектор отличается от наилучшей пчелы тем, что в самом начале процесса труда он уже имеет в своем представлении результат труда³. Но равным образом не может быть и теоретической деятельности человека без того реального предмета, на который она направлена в целях преобразования и использования этого предмета.

Теоретическое имеет смысл как движение к практическому, как реализация и воплощение в нем. В свою очередь практическое не имело бы какого-либо рационального смыс-

¹ Там же.

² Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971. С. 301—302. Следует отметить вместе с тем, что, несмотря на идеалистическую трактовку Гегелем соотношения теоретического и практического, утверждающего примат первого над вторым, им высказано множество оригинальных суждений по данной проблеме (см.: Вопросы философии. 1985. № 2. С. 114—123).

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 189.

ла, если бы не осуществляло теоретическое, не содержало в самом себе теоретическое как цель, средство и результат¹.

Из приведенных положений со всей очевидностью вытекает вывод, что практическое не существует без теоретического, равно как и теоретическое опирается на практическое. Сама общественно-историческая практика порождает и обуславливает субъект познания, который, в свою очередь, является необходимым элементом практики. Теоретическое внутренне присуще практическому, поскольку последнее предполагает познание и знание. Но и практическое имманентно присутствует в теоретическом, ибо исходит и направляется им.

Разумеется, это единство не следует упрощать как непосредственный, прямолинейный и механический переход практического в теоретическое и обратно. Диалектика этого перехода куда более сложна, включает в себя множество промежуточных звеньев, сеть тончайших превращений первого во второе и второго в первое. Взять, к примеру, научное творчество, нередко воссоздающее в теоретическом мышлении образы, модели, конструкции, абстракции, гипотезы и т. д. На первый взгляд оно не имеет аналогов в реальности, в действительности, в практическом. Но источником этих феноменов теоретического мышления в конечном счете является практическая жизнь; это мышление всегда ею определяется, по аналогии с ней так или иначе воспроизводит реалии действительности.

Подобно тому как практическое отражается в теоретическом через сложную, последовательно восходящую сеть восприятий, представлений, обобщений, заключений, выводов и т. д., так и обратный перевод теоретического в практиче-

---

¹ В философской литературе даже используется термин «практическое мышление», которое понимается как стадия непосредственного соединения мышления с практическим действием. При этом отмечается, что мышление «как форма познания действительности и как форма определения практического действия разделимы только в абстракции; ни у отдельного человека, ни у социальной группы они обособленно не существуют. Даже отделение умственного труда от физического не разъединяет их, а лишь изменяет их удельный вес в разных видах труда вследствие разных жизненных интересов» (Баталов А. А. К философской характеристике практического мышления // Вопросы философии. 1982. № 4. С. 64).

ское имеет свои «ряды» осмысления практического опыта, его потребности, возможности, целесообразности, необходимости этого перевода, реализации, воплощения в действительность, в жизнь, в практику. Более того, и сам процесс этого перевода предполагает сознательный выбор средств и орудий, методов и приемов, этапов и темпов его осуществления. В этом смысле, как замечает Гегель, и само «орудие является субъективным, находится во власти трудящегося субъекта и всецело определяется через него же, с его помощью изготавливается и обрабатывается...»¹.

Практическая деятельность всегда является целеустремленным, целесообразным, а следовательно, сознательным процессом. Все основные компоненты практической деятельности — ее цель, сам процесс и результат как воплощение цели — освящены сознательным началом. Целесообразность практической деятельности есть не что иное, как идеальное предвосхищение результата; эта деятельность поэтому начинается с идеального и им направляется; идеальное, наконец, воплощается в реальном результате². Основываясь на познании и знании объективных закономерностей природного и социального бытия, практика превращает форму деятельности в форму предмета, явления или процесса, реализует переход возможности в действительность, становление идеального будущего в реальное настоящее³. Одним словом, практика —

---

¹ Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. М., 1978. С. 289.

² См.: Лекторский В. А., Швырев В. С. Диалектика практики и теории//Вопросы философии. 1981. № 11. С. 14.

³ Еще П. Кучеров писал: «Раскрытие предмета для субъекта, “распредмечивание”, обнаруживается в практике, в проникновении субъективной деятельности в объект, в “опредмечивании”. Проникновение в объект, переход из формы деятельности в форму бытия есть в то же время раскрытие предмета. Переход субъективной деятельности в бытие (“опредмечивание”) и раскрытие объекта субъекту (“распредмечивание”) представляют единый процесс, процесс практики, предметной деятельности. “Опредмечивание” нужно понимать как “распредмечивание”, оба процесса находятся в единстве друг с другом» (Кучеров П. Практика и диалектическая логика//Под знаменем марксизма. 1930. № 7/8. С. 76).

это духовно-предметная деятельность людей, направленная на преобразование общественного бытия.

Ничего общего с подобным пониманием практики не имеют те юридические произведения, в которых используются отдельные примеры из области юрисдикционной деятельности. Фактический отрыв от отмеченного широкого понимания практики, повторение известных истин, отсутствие прироста нового знания, приписывание правовой реальности того, чего в ней нет, — все это результат стремления обойти «острые углы», сгладить действительные противоречия и трудности общественной жизни, результат инерции мышления, бездумного следования за устаревшими, догматическими правовыми установками.

Сознательность практики, однако, нельзя абсолютизировать, подобно тому как это делал Гегель, объявивший ее духом, творящим все сущее. Сама эта сознательность, как уже отмечалось, в конечном счете определяется материальными и духовными условиями практической деятельности. Но в такой же мере нельзя абсолютизировать противоположное, а именно провозглашать практику односторонне объективной, лишенной субъективности, забывая при этом, что любая практика, в том числе и материальная, освящается сознанием, мышлением, идеальным. Теоретическая деятельность, конечно же, лишь момент преобразующей практики человека, но неминуемый, обязательный, необходимый, без которого сама преобразующая практика невозможна.

Между тем подобная «обратная» абсолютизация нередко встречается в философской литературе. Так, Б. А. Воронович, исходя из правильных предпосылок о сознательном характере практики, в дальнейших рассуждениях отходит от них, проповедуя ее «бессознательность». Он, в частности, пишет: «Если в процессе выработки цели чувственное отражение внешнего мира — исходный пункт, а мысленное изменение его — результат, то в практике мысленная реализация материальной возможности, мысленное изменение чувственных впечатлений — предпосылка, а действительное преобразование материалов внешнего мира в продукт — конечный пункт. И если выработка цели характеризуется движением от внешнего мира и его чувственных впечатлений к становлению це-

ли, то практический процесс протекает в обратном направлении — от цели к внешнему миру»¹.

Итак, и «чувственное отражение» как исходный пункт, и «результат» как мысленное изменение внешнего мира, и «мысленная реализация» возможности, и выработка, а затем становление цели, и «преобразование» внешнего мира в практической деятельности — все это сопровождается сознательностью действующего субъекта. Но, увы, в дальнейших рассуждениях автора эта сознательность исчезает из практической деятельности. Более того, утверждается, что практика «не имеет внутри себя никаких идей и мыслей»².

Воспроизведя утверждения П. В. Копнина о том, что практика разрешает противоречие между субъектом и объектом путем их соединения, в результате которого субъективное становится объективным не только по содержанию, но и по форме своего существования³, Б. А. Воронович пишет: «Результат практики — своеобразный материальный образ внутреннего мира человека. В этом результате нет идей и мыслей, нет ни грана идеального». И далее: «Думается, что субъективное никогда не может стать объективным по способу своего бытия, по форме существования»⁴.

Следует, однако, полагать, что П. В. Копнин, конечно же, понимал, что субъективное не есть объективное. Но речь идет о переходе субъективного в объективное, о воплощении субъективного в объективном, что достигается благодаря практической деятельности человека. Не только процесс этого перехода является сознательным, поскольку практическая деятельность человека целесообразна, но и результат этой деятельности воплощает в себе субъективное. В данном случае П. В. Копнин исходил лишь из того, что было сформулировано К. Марксом: «...по мере того как предметная действительность повсюду в

¹ Воронович Б. А. Философский анализ структуры практики. М., 1972. С. 94—95.

² Там же. С. 102.

³ См.: Копнин П. В. Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969. С. 458.

⁴ Воронович Б. А. Философский анализ структуры практики. С. 167.

обществе становится для человека... действительностью его *собственных* сущностных сил, все *предметы* становятся для него *опредмечиванием* самого себя, утверждением и осуществлением его индивидуальности, *его* предметами, а это значит, что предметом становится *он сам*¹.

Из этого положения вовсе не следует, будто объективное полностью отождествляется с субъективным (как, вероятно, полагает Б. А. Воронович), поскольку в процессе перехода и в его результате субъективное теряет свое качество и преобразуется в объективное. В процессе диалектических взаимопереходов одно превращается в другое, утрачивая свое первоначальное и приобретая новое качество: субъективное, перейдя в объективное, уже не есть субъективное, а становится объективным. Если предметы (объективное), созданные практической деятельностью человека, являются опредмечиванием самого себя, становятся им самим, то заключенные в предметах (в объективном) собственные сущностные силы человека, т. е. его сознание, цель, волевые действия, воплощаются в этих предметах, тем самым производя «вторую» природу — результат сознательно целенаправленного преобразования действительности, очеловеченную действительность². Б. А. Воронович же, вступая в противоречие с самим собой, пишет: «Преобразованная человеком действительность всегда есть воплощение субъекта в объекте, а потому она одновременно содержит и объективное, и субъективное»³. Вот именно!

При рассмотрении диалектики теоретического и практического следует учитывать и ряд других моментов. На один из таких моментов обращает внимание Т. И. Ойзерман. Ком-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 121.

² Еще Гегель обращал на это внимание. «...Движение цели, — писал он, — можно выразить следующим образом: оно направлено к тому, чтобы упразднить ее *предпосылку*, т. е. непосредственность объекта, и *положить* объект как определенный через понятие. Эта отрицательная позиция относительно объекта есть столь же отрицательная позиция и относительно самой себя, упразднение субъективности цели. Взятая с положительной стороны, эта позиция есть реализация цели, а именно соединение с нею объективного бытия...» (Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VI. С. 199).

³ Воронович Б. А. Философский анализ структуры практики. С. 168.

ментируя положение В. И. Ленина: «Практика выше (теоретического) познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»¹, он указывает, что данное положение относится отнюдь не ко всякой практике, а лишь к той, которая наряду с непосредственной, чувственной действительностью обладает присущей научной теории всеобщностью; что основой познания становится не любая практика, а лишь та, которая органически слита в единство с уже достигнутым и практически освоенным научным знанием². Между тем, отмечает Т. И. Ойзерман, «практика нередко изображается как такого рода деятельность, которая, так сказать, на своей собственной основе, не прислушиваясь к рекомендациям ученых, не имеющих непосредственного отношения к производству, успешно решает встающие перед ней задачи. В эпоху научно-технической революции такое представление об отношении между практикой и наукой представляет собой не только исторический анахронизм, но и явно ретроградную установку. Тем не менее превратные представления такого типа встречаются не только в кругу узколобых практицистов, но и среди тех философов-идеалистов, которые изображают «чистую науку» как самодовлеющее царство знания ради знания, как чуждое практическим нуждам удовлетворение любознательности путем разрешения головоломок и т. д.»³.

Ойзерман рассматривает далее диалектическое единство познания и практики в их противоположности, которые выявляются различно на различных уровнях их развития, усугубляясь благодаря переходу от донаучного познания, непосредственно укорененного в практике, к научному исследованию. Последнее, основываясь на данных практики, «постигает их ограниченность, недостаточность и благодаря силе абстракции приходит к теоретическим выводам, которые, во всяком случае, непосредственно вступают в проти-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 195.

² См.: Ойзерман Т. И. Практика — познание, познание — практика//Вопросы философии. 1984. № 9. С. 60.

³ Там же.

воречие с наличными эмпирическими (в том числе и практическими) данными»¹. В этом противоречии и заключена движущая сила развития и познания и практики, изменяется не только характер познания, но и основные черты практической деятельности².

Следует иметь в виду еще один момент. Практическую деятельность нельзя себе представлять лишь как нечто настоящее; она также и будущее в том смысле, что созидает то, чего нет в настоящем, но что кроется в нем как возможность, которая осознается и реализуется в действительности. Иначе говоря, осознанное будущее переносится в настоящее благодаря практической деятельности. Это осознание будущего, т. е. опережающее отражение социальной действительности, может отходить на близкое, далекое и очень отдаленное расстояние от существующей в настоящем реальности.

Таким образом, в обществоведческом знании формируется сложная иерархическая система уровней социального развития, и, каким бы отдаленным ни казался высший (конечный) ее этап, он уходит своими корнями в существующую действительность, определяется закономерностями бытия. И именно это обстоятельство связывает в единую цепь все уровни опережающего отражения социальной практики между собой, задавая программы общественных преобразований в строгой последовательности и комплексности.

Для дальнейшего обоснования нашей позиции по обсуждаемой проблеме необходимо остановиться также на соотношении двух сторон общественного производства — материальной и духовной. Предшествующие рассуждения приводят к несомненному заключению о предметности сознания и дея-

---

¹ Там же. С. 71.

² «Знание, которое выступает как знающая свое дело практика, как ориентация в окружающей среде, — утверждает Т. И. Ойзерман, — в дальнейшем благодаря развитию науки приобретает обобщенную, абстрактную форму, становится относительно независимым от практики, начинает опережать ее, образуя тем самым предпосылки для развития высших форм практики, претворяющих в жизнь результаты теоретических научных исследований. Такая, высшая форма практики необходимо превосходит абстрактное научное познание, однако лишь постольку, поскольку она включает в себя его достижения» (там же. С. 72).

тельности, равно как и об очеловеченности предметов в процессе созидания «второй» природы. Но сам по себе предмет может быть как материальным, так и духовным. И именно это обстоятельство вызывает среди философов и психологов дискуссию о различении теоретической и практической деятельности. Так, Й. Элез пишет: «...если теоретическая деятельность сама есть практика, то бессмысленно говорить о различии между практикой и теорией, а стало быть, и о приоритете и определяющей роли практики по отношению к теории»¹.

Противоположную позицию занимают иные авторы. Так, исходя из того что теоретическая деятельность «производит» продукт в виде «теорий», «научных произведений» и т. д., Л. Альтуссер делает вывод о «предметности» теоретической деятельности как специфической форме практики, которая «совершается на определенном специфическом предмете и завершается созданием специфического продукта: “познания”, и это есть форма практики в “Марксовом смысле” предметной практики»².

С положениями Л. Альтуссера солидаризуется Т. Ярошевский, который интерпретирует, однако, приведенные формулировки в том смысле, что теоретическое творчество представляет собой также целенаправленную деятельность, рассчитанную на производство определенного «продукта», хотя и идеального; что это тоже вид труда, хотя и духовный, а не производительный. Вместе с тем он отвергает точку зрения, согласно которой творческий труд является в определенном смысле «частью производительного труда», предметной практикой, ибо непосредственно не преобразует материальную действительность или социальные структуры. Теоретическая деятельность, по мнению Ярошевского, не есть практика (т. е. действие целенаправленное и вместе с тем предметное), поскольку непосредственным ее результатом не является преобразование действительности, существующей вне сознания, хо-

---

¹ Элез Й. Категория практики в трудах К. Маркса//Практика и познание. С. 53.

² Цит. по: Ярошевский Т. М. Понятие практики у К. Маркса и современность//Вопросы философии. 1973. № 5. С. 24.

тя она может изменить, преобразовать сознание субъекта или опосредованно иметь своей целью также изменение действительности и служить именно этой цели¹.

Приведенные точки зрения представляются нам излишне абсолютизированными, поскольку в конечном счете влекут за собой не только различие, но даже в какой-то мере противопоставление теоретической и практической деятельности. Между тем связи между ними куда более глубокие, тонкие. В самом деле, теоретическая деятельность имеет различные уровни, «этажи», и, конечно же, высший из них менее всего связан с основанием «здания» и потому не имеет непосредственного «выхода» на практику. Но высшие уровни теоретической деятельности через посредствующие звенья, «этажи» той же деятельности «выходят» на практику, тем самым превращаясь в «непосредственную производительную силу» в самом широком смысле этого понятия.

Несомненно, человеческая деятельность может иметь своим непосредственным объектом либо материальное, либо духовное производство, но во всех случаях она в конечном счете обладает качеством единого, практически-духовного освоения мира. Производство материальных благ, казалось бы, является сугубо практическим делом. Но, будучи условием и основой любой иной деятельности, оно осуществляется не только для поддержания существования и воспроизводства людей, но и для удовлетворения духовных потребностей (не говоря уже о том, что само это производство освящено сознанием, познанием и знанием людей). Равным образом трудно отказать в практической значимости различным видам социальной деятельности, преобразующей природную среду, общественные отношения, самого человека.

В правильности суждений о единстве материального и духовного производства убеждает изучение полемики К. Маркса с А. Шторхом по данному вопросу. Если Шторх в материальном и духовном производстве видел два различных вида производства, лишь внешне связанных между собой, то Маркс рассматривал эти два вида производства как органиче-

¹ См. там же. С. 24—25.

ски связанные между собой стороны единого общественного производства, в котором определяющей стороной является материальное. Маркс критикует Шторха отнюдь не за его суждения об относительно самостоятельном существовании духовного производства, отделения последнего от материального производства, а за разделение и противопоставление двух видов (сторон) общественного производства¹.

Результаты материального и духовного производства, конечно же, различны: если результатом материального производства являются предметы «второй» природы, то результатом духовного производства — социокультурные ценности. Иначе говоря, духовное производство формирует и развивает общественное сознание, мировоззрение и идеологические отношения в их исторически-конкретных формах. Но при всем различии результатов материального и духовного производства (а следовательно, и орудий, средств, методов их получения) их объединяет то общее, что они являются единым предметно-духовным освоением мира. «Анализ практической деятельности, — пишет Т. И. Ойзерман, — несомненно, требует принципиального разграничения духовного и материального, но это разграничение необходимо для понимания их конкретного единства, которое образует практику. В ином случае мы встали бы на путь разгораживания познания и практики, отрыва мышления от бытия, духовного от материального»².

Освоение мира нельзя, конечно, понимать как индивидуальную чувственно-предметную деятельность³. В той мере, в какой человек — существо общественное, в той же мере и его деятельность, практика носит общественный характер. И несмотря на то что общественная жизнь складывается из деятельности индивидов во всем их много- и разнообразии, она, тем не менее, в итоге приобретает относительно само-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 279—280.

² Ойзерман Т. И. Практика — познание, познание — практика. С. 63.

³ Еще С. Н. Булгаков указывал, что человеческая деятельность является теоретически-практической, проектно-деятельной, идеально-реалистической, субъективно-объективной (см.: Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 1912. Ч. I. С. 96).

стоятельный характер по отношению к индивидуальным актам, действиям, поведению, подчиняется в своем развитии объективным общественным законам.

Данная трактовка категории практики имеет определяющее значение для решения многих философских и правовых проблем. В этой связи отметим множество определений понятия практики, представленных в философской и юридической науках. В философской литературе эти определения не только текстуально не совпадают друг с другом, но и содержательно противоречат друг другу. Это происходит по той простой причине, что любая практическая деятельность людей отождествляется с практикой как философской категорией. Но и последняя нередко трактуется односторонне, в виде субъективного момента, «принадлежащего» лишь к теории познания.

То, что практика является имманентным свойством, составным элементом познания, — в этом нет сомнения, и это мы выше отмечали. Но отсюда вовсе не следует, что практика сама по себе, вне познания не существует. При таком понимании практики исключается традиционное утверждение о практике как о критерии истинности познания, ибо оказывается, что этим критерием является само познание, иначе говоря, истинность познания определяется самим познанием. Все дело в том, как понимается практика — в узком или широком смысле. Практика в философском смысле представляет собой объективный, закономерный, всеохватывающий процесс материального и духовного бытия человечества, которое синтезируется познавательной деятельностью людей и результаты которого, реализуясь в действительности, преобразуют ее. И как таковая практика является не только объектом и целью познания, но и включается в него, «вбирается» им, являясь одновременно критерием истинности этого познания. Именно благодаря этому практика приобретает качество «узлового пункта» (Knotenpunkt) процесса познания. Происходит как бы удвоение значения практики: с одной стороны, она выступает как объективная реальность, а с другой — входит в познание в качестве его объекта, цели и результата. В первом случае практика выступает как критерий истинности познания, во втором — как

элемент самого познания. Объективность практики оборачивается, «переливается» в субъективность познания.

И. Т. Якушевский следующим образом определяет понятие практики: «Практика — это философская категория для обозначения материально-чувственной деятельности людей, изменяющей и преобразующей объективный мир и определяющей все остальные проявления человеческой деятельности»¹.

Это определение страдает рядом недостатков. Во-первых, практика отождествляется с человеческой деятельностью вообще, которая несомненно шире философского понятия практики. Во-вторых, едва ли оправданно понятие практики сводить лишь к философской категории, поскольку она может быть сведена также и к социологической, политологической или психологической категории. В-третьих, ошибочно утверждение, будто практика — материально-чувственная деятельность людей, ибо она прежде всего не чувственная, а рациональная форма овладения соответствующим материальным объектом. В-четвертых, не практика, а именно сознание является доминантой практики, хотя последняя в конечном счете и является во многих случаях стимулом самого сознания. Наконец, в-пятых, отнюдь не только практика определяет «все остальные проявления человеческой деятельности», но и многие другие факторы (сознание, знания, творчество, вдохновение, чувства и т. д.) непосредственно определяют многочисленные проявления человеческой деятельности.

Иную трактовку понятия практики выдвинули Г. Клаус и Д. Виттих, которые пишут: «По нашему мнению, практикой является любая материальная или идеальная деятельность, которая выступает в качестве непосредственного основания, непосредственной цели и непосредственного критерия истины»².

---

¹ Якушевский И. Т. Практика и ее роль в процессе познания. М., 1961. С. 15—16.

² Klaus G., Wittich D. Zu einigen Fragen des Verhältnisses von Praxis und Erkenntnis//DZfPh. 1961. Hf. 11. S. 1391; см. также: Müller W., Thom M. Zu einigen Fragen des Verhältnisses von Praxis und Erkenntnis//DZfPh. 1962. Hf. 4. S. 457.

При такой трактовке вопроса пропадает всякий смысл различения теоретической и практической деятельности, они, по существу, отождествляются, но не объединяются в единство.

В юридической литературе практика до последнего времени, как правило, трактовалась односторонне, ограниченно, узко, в основном как юрисдикционная практика. И лишь в последние годы появились попытки несколько раздвинуть ее рамки. Так, высказана мысль о том, что «под практикой в сфере правовой науки» следует понимать «законодательную, нормативную практику» (представляющую собой «поверхностный слой практики») и «практику применения норм права, изучение которых необходимо, но недостаточно», а поэтому «необходимо» или следует обратиться к «исследованию практики жизни общества», которое осуществляется через посредство множества наук; удел же юридической науки — определить лишь правовую форму закрепления того или иного решения и обеспечить его соблюдение¹.

Юридизация практики для «нужд правовой науки» едва ли оправдана, более того, вредна. Прежде всего практика для всех наук предстает не только как непосредственно данная среда, но и как объективное бытие вообще. Такое расширенное понимание практики как общественной жизни в целом позволит в теоретическом мышлении отразить, в частности, законодательную практику не как «поверхностный слой», а как глубинную социальную сущность правообразования и его заключительный этап — законотворчество, учитывающее опыт прошлого, тенденции настоящего и перспективы будущего, в единстве выражающее обыденное, практическое и теоретическое сознание².

То же, хотя и с известным своеобразием, применимо и к правореализующей практике, познание которой невозможно осуществить путем анализа единичного (или их суммы) юридического акта применения правовой нормы (правомерного или неправомерного). Из обобщения определенной суммы

---

¹ См.: Халфина Р. О. Критерий истинности в правовой науке // Советское государство и право. 1974. № 9. С. 23—25.

² Подробнее об этом см. гл. 21 наст. изд.

единичных актов применения тех или иных правовых норм можно составить более или менее полное представление о правоприменительной деятельности соответствующих правоохранительных органов. Но этим исследование проблемы ограничиться не может, ибо за пределами деятельности правоохранительных органов остается масса вопросов положительного правосознания, норм права, правоотношений, всех иных правовых явлений, органически вплетающихся в живую ткань общественного бытия, общественной практики.

Что же касается довольно распространенного представления о том, что наука права будто бы призвана лишь «юридически санкционировать» достижения иных наук в процессе не только правотворчества, но и правореализации, то оно, на наш взгляд, ошибочно и противоречит фактическому положению вещей. Для современного состояния юридической науки характерно не только использование данных других наук, но и совместное с ними проникновение в сущность общественных отношений, подлежащих правовому регулированию.

Правда, как отмечалось ранее, эта тенденция только зарождается. В большинстве же своем правовые исследования, к сожалению, опираются не на анализ совокупности социальных факторов, взятых в их исторической обусловленности и логической обобщенности, а на отдельные, необобщенные примеры из юрисдикционной практики, вырванные из социальной среды, из закономерной цепи их развития. И нет ничего удивительного в том, что в этих исследованиях нет ни крупных правовых обобщений, ни обоснованных ответов на глобальные потребности и запросы практики, ни прогноза развития правовых явлений и процессов.

Одной из основных проблем правоведения является особая форма практического отражения правовой действительности. В этой связи первостепенное значение приобретает понятийный анализ этой формы правосознания, имеющей специфические качества. Прежде всего необходимо подчеркнуть историческую природу правового отражения, свойства которого отнюдь не представляют собой нечто застывшее, раз и навсегда данное, оно постоянно изменяется, обогащается и совершенствуется вместе с развитием общества. Из исторического характера правового отражения вытекает его объ-

ективное свойство — развитие, имеющее различные уровни осознания правовой реальности. Отсюда вытекает задача исследования: обнаружить, понять и использовать особенности, функции и механизмы различных уровней практически-правового отражения как у отдельных общностей, так и у отдельных индивидов, проследить переходы от простых его уровней к сложным. Специфически юридической задачей является также определение психологических причин превратного, противоправного отражения правовых реалий у правонарушителей. В этой связи необходимо отметить, что любая практическая деятельность сознательно целенаправленна, но, к сожалению, не все из них целесообразны. И именно нецелесообразная практическая деятельность (поступок) представляет для правоведения особый интерес. Ее познание должно начинаться от обратного, противоположного, т. е. целесообразной практической деятельности.

Отражение, далее, вовсе не сводится к пассивной адекватности сознания отражаемой реальности, оно активно. Особенно правосознание характеризуется практической активностью, оно не только «переводит» отражаемую реальность из объективности в субъективность, не только осмысливает сущность и содержание отражаемого, но и ориентирует на рационально-практическую деятельность по использованию правовой объективности. Практическая активность правосознания приобретает фундаментальное гносеологическое значение, направляя исследовательский процесс на выяснение психологического механизма оборачиваемости пассивного, созерцательного сознания к рациональному, практически-действенному правосознанию. Тем самым реализуется двуединая познавательная задача: определяется, во-первых, интерес, мотив, цель и установка правомерного или противоправного действия (поступка) и, во-вторых, соответствующее волевое действие или бездействие (заметим, кстати, что и бездействие в праве зачастую имеет волевой характер). Возникновение отражения обусловлено не только воздействием отражаемого объекта на отражающий субъект, но и обратным воздействием второго на первый. Только такое воздействие (в отличие, скажем, от механического или зеркального отражения) объекта и субъекта выступает условием формирова-

ния психического отражения, «превращения» отражаемого в сознательное отражение, которые являются необходимой предпосылкой того или иного практического поведения, действия, деятельности.

Важно, далее, подчеркнуть, что отражение вовсе не ограничивается осознанием отдельного объекта, круг отражаемых объектов постоянно расширяется, сознательное отражение в известной мере освобождается от непосредственной связи с отражаемыми объектами, отчуждается от них. Так возникает сознание «взаимодействия с самим собой». Взаимодействие прямого отражения с внутренними психологическими процессами («взаимодействие с самим собой») превращает сознательное отражение в универсальную форму. Именно эта форма, во-первых, в итоге детерминирует тот или иной юридически значимый поведенческий акт (поступок, действие, деятельность) и необходимость познания данного психологически сложного и тонкого процесса формирования и практического действия правосознания соответствующего субъекта права и, во-вторых, выдвигает на первый план, как отмечалось ранее, способность человеческого мозга к опережающему отражению, имеющему исключительное значение для правоповедения.

Итак, практика с точки зрения индивидуальной деятельности характеризуется следующими основными компонентами: во-первых, разумностью действий; во-вторых, формированием замысла, цели, плана действия; в-третьих, универсальностью действий; в-четвертых, предполагаемым и достигнутым результатами. Разумность действий — необходимый компонент индивидуальной деятельности, ибо без понимания смысла своих действий практика превращается в хаотическое движение. Возможность же действий включает в себя формирование замысла, цели и плана практического действия. Универсальность действия заключается в многовариантности достижения целей. Наконец, совокупность отмеченных компонентов приводит к соотношению предполагавшегося и достигнутого результатов по преобразованию объекта действия.

Содержательно рассматривает вопрос о соотношении теоретической и практической деятельности в правовой сфере Ю. Г. Ткаченко. Развивая положение Г. С. Арефьевой о

существовании предметной деятельности двух порядков¹, Ю. Г. Ткаченко указывает, что предметами первого порядка являются результаты практической деятельности по реальному преобразованию природного и социального мира (предметы в собственном смысле), а предметами второго порядка — результаты отражения (в том числе и опережающего) предметов первого порядка (т. е. «их образы и мерки-нормы»²). При этом подчеркивается, что «предметная характеристика деятельности вовсе не является тождественной вещной характеристике деятельности, поскольку предметной является также и духовная деятельность, создающая предметы второго порядка, т. е. идеальные образы и мерки (нормы)»³. Отсюда делается правильный вывод о том, что практическая деятельность вообще немыслима без сознания, всегда несет в себе элементы интеллектуальной деятельности, которая внутренне связана с процессом практической деятельности, даже когда речь идет о создании гносеологических образов⁴. Распространяя эти философские размышления на правовую сферу, автор утверждает, что «предметом и результатом правовой деятельности является организация всей системы практической предметной деятельности...»⁵.

С этим утверждением можно согласиться лишь частично: оно правильно только в пределах нормативной (и ненормативной) части законодательства, за пределами которого остается огромная сфера действия правовых явлений, не только организующих систему практической предметной деятельности, но и воздействующих прямо или опосредованно на характер общественных отношений, нередко их существ-

¹ Г. С. Арефьева пишет: «...деятельность субъекта с объектом протекает не только в практической, но и в теоретической сфере. Значит, предметом ее могут быть не только материальные, но и идеальные объекты» (Арефьева Г. С. Социальная активность. С. 56).

² См.: Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980. С. 18.

³ Там же. С. 19.

⁴ См. там же. С. 25—27.

⁵ Там же. С. 32.

венно видоизменяя (например, под воздействием правосознания видоизменяются моральные воззрения, нормы и сама нравственная практика; под влиянием определенного мировоззрения у граждан вырабатываются соответствующие установки и т. д.). Но и в пределах нормативной части законодательства организует не всю систему практической предметной деятельности, а лишь ту ее часть, которая объективно нуждается в правовой регламентации. И еще одно соображение в этой связи. Ю. Г. Ткаченко довольно четко разграничила два вида (порядка) предметной деятельности, но не проанализировала особенности механизма воздействия на каждый из них. Если бы такой анализ был проведен, то автор легко убедился бы в том, что второй вид предметной деятельности не только организуется нормативной частью законодательства, но и испытывает на себе влияние других правовых явлений.

Изложенная позиция относительно единства теоретической и практической деятельности, двусторонности общественно-производства (материального и духовного) влечет за собой ряд выводов гносеологического порядка, в частности изменяет наши представления о месте и роли практики в познании. Широко распространенный в философии взгляд на практику как на стимул, цель познания и критерий его истинности оказывается недостаточным. Место практики в этом случае, по существу, находится за пределами самого познания, а ее роль в познавательном процессе оказывается ограниченной. В самом деле, если практика лишь стимулирует познание, является только его целью и критерием истинности (что, разумеется, правильно, но недостаточно), то получается, что в самом познавательном процессе практика не участвует, находится по другую сторону теоретической деятельности. Между тем она обладает характером диалектической универсальности в том смысле, что не только является стимулом, целью и критерием истинности познания, но и имманентно входит, вплетается в сам процесс познания, составляя его необходимый компонент, сторону, свойство.

Характеризуя гносеологическое значение рассуждений Ф. Энгельса о свободе и необходимости, В. И. Ленин замечал: «У Энгельса вся живая человеческая практика врывает-

ся в самое теорию познания...»¹ «Точка зрения жизни, практики, — отмечал В. И. Ленин, — должна быть первой и основной точкой зрения теории познания»². В другом случае он писал: «От субъективной идеи человек идет к объективной истине *через* “практику”...»³ И далее: «...человеческое понятие эту объективную истину познания “окончательно” ухватывает, уловляет, овладевает ею, лишь когда понятие становится “для себя бытием” в смысле практики»⁴. Подводя итог анализу высказываний Гегеля о единстве теории и практики, Ленин приходит к выводу: «Воля человека, его практика сама препятствует достижению своей цели... тем, что отделяет себя от познания и не признает внешней действительности за истинно-сущее (за объективную истину). Необходимо *соединение познания и практики*»⁵. И наконец: «Единство теоретической идеи (познания) и практики — это *НВ* — и это единство *именно в теории познания*...»⁶

Объективная истина обнаруживается только через практику, которая «врывается» в процесс исследования и, аккумулируясь в нем, становится органическим составным элементом самой теории познания. В этой связи необходимо отметить и иной аспект проблемы. Распространенная точка зрения, согласно которой практика — это критерий истинности познания, нуждается не только в дополнениях, но и в корректировках. Во-первых, не всякая практика, а практика в целом в итоге является истинностью познания, поскольку плохая, негативная, вредная практика не может играть эту роль. Поэтому, прежде чем признавать практику критерием истинности познания, необходимо определить, насколько истинна сама практика. Во-вторых, практику нельзя сводить к сумме практических действий, повседневной практической

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 198.

² Там же. С. 145.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 183.

⁴ Там же. С. 193.

⁵ Там же. С. 197—198.

⁶ Там же. С. 200.

деятельности людей, ее следует понимать более широко — как общую закономерность общественно-исторического развития объективного бытия, и только в этом смысле она может исполнять роль критерия истинности познания. В-третьих, роль практики в познании нельзя сводить лишь к критерию истинности этого познания; сама практика предполагает познание, органически входит, интегрируется, вплетается в познание как его необходимая составная часть. Выносить же практику за пределы познания означает признать любую практику «судьей» познания, хотя отнюдь не любая практика может претендовать на такую роль.

Если практика непосредственно входит в сам процесс познания, то имеет место и обратный процесс, когда общественное сознание, познание и знание непосредственно вплетаются в практику, являясь существенной силой преобразования общественной жизни.

Как и любая форма отражения, наука выступает в двуедином аспекте: в аспекте процесса движения мышления от незнания к знанию изучаемого объекта и в аспекте постижения мышлением сущности объекта, результата его освоения. Иначе говоря, науку следует рассматривать как процесс получения знания и как результат этого процесса. Эта особенность, эта способность научного мышления переходить от «живого созерцания» изучаемого объекта к результату познания — постижению и освоению сущности данного объекта в его абстрактном виде — становится возможной лишь благодаря практической человеческой деятельности. И не только в своей исходной стадии, но и на всех этапах движения, в том числе и на завершающем этапе познания объекта, научное мышление органично связано с практической деятельностью, поскольку лишь она «доказывает соответствие наших представлений с объективной природой вещей, которые мы воспринимаем»¹. Более того, наука обретает социальный смысл в том случае, если ее результаты не только проверяемы, но и реализуемы, хотя они и не всегда претендуют на незамедлительное практическое использование.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 142.

Сказанное не следует понимать в абсолютном смысле. Во-первых, практика отнюдь не во всех без исключения моментах познавательного процесса присутствует в нем, поскольку в познавательном процессе используются и такие операции (сведение сложного к простому, противоречивого к соответствию, применение формальных конструкций и моделей, выдвижение гипотез и логических доказательств и т. п.), которые осуществляются мышлением без участия практики и которые являются продуктами «свободного творчества разума»¹. Во-вторых, хорошо известно, что отнюдь не все достижения науки могут быть тотчас использованы в практике, поскольку требуют подготовки соответствующих объективных и субъективных условий, мобилизации и концентрации материальных и духовных сил, времени на организацию и управление процессом внедрения этих достижений в жизнь² и т. д.

Однако это не меняет общей закономерности о включенности практики в познание и познания в практику, об их органическом единстве. Хотя это единство не всегда носит прямой и непосредственный характер, оно непременно существует (нередко в весьма отдаленной, опосредованной и противоречивой форме). Противоречие между практикой и познанием вечно: либо практика не удовлетворяется достигнутым уровнем познания, либо познание опережает практику.

Предложенное понимание роли практики в познании и роли познания в практике, помимо всего прочего, является четким ориентиром в исследовательском процессе. Как известно, логическая «мыслительная модель» действительности в специальных исследованиях, особенно юридических, имеет тенденцию отходить от этой действительности. Это естественно при восхождении от конкретного к абстрактному и обратно. И именно поэтому на каждом этапе познания, в частности правовой действительности, необходимо на практике проверять соответствие ей правовых абстракций, чтобы из-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 37.

² Соотношение объема научного познания и объема практического использования его результатов является актуальной, сложной и самостоятельной проблемой, требующей специального исследования.

бежать опасности превращения «духовно-конкретного» в процесс возникновения самого конкретного¹. Рождаясь на почве правовой действительности, правовые абстракции должны отражать потребности практики дальнейшего правового строительства и вместе с тем проверяться практикой, корректироваться, развиваться и совершенствоваться ею в связи с потребностями прогресса общества.

Опасность ухода правовой теории от реальной правовой действительности преодолевается не только путем их постоянной и органической связи, проверки соответствия правовых абстракций практике правового строительства, но и путем непосредственной включенности практики в правовую теорию познания. Отрыв правовых абстракций от реальной правовой жизни устраняется благодаря такой включенности, когда каждый шаг в движении познания правовых явлений неразрывно связывается исследователем с практикой правового строительства, ею определяется, направляется, развивается и проверяется. С другой стороны, включенность правовой теории в практику правового строительства превращает последнее в осознанно целенаправленный, рациональный и планомерный процесс по преобразованию реальной действительности, общественного бытия. Единство теоретической и практической деятельности, включенность практики в теорию познания и теории познания в практику, двусторонность общественного производства наглядно обнаруживаются тогда, когда мы выходим за пределы только понятийного анализа и сверяем нашу субъективно-диалектическую модель с той объективной диалектикой развития реальности, которую данная модель должна воспроизвести. Возьмем для иллюстрации модель правотворчества, приложение которой к процессу правотворчества наглядно подтверждает единство теоретической и практической деятельности в ходе создания правовых норм.

Прежде всего отметим, что правотворчество объективно детерминировано историческими потребностями общественного развития, практической необходимостью закрепить экономическое и политическое господство государства. В этой

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 727.

связи изучаются реально существующие общественные отношения ради практического урегулирования тех из них, в правовом закреплении которых заинтересовано государство. Далее, отражение действительности в правовых нормах имеет конкретную практическую направленность — сформулировать строго определенные предписания для поведения людей в соответствии с волей государства. Наконец, смысл и назначение правовых норм, обусловленных потребностями общественного развития, — обратно воздействовать в том или ином направлении на это развитие, в их практической реализации, в эффективности действия и результативности регулирования общественных отношений.

Все это с достаточной убедительностью свидетельствует о непосредственной практичности правотворческого познания и действия. Отнюдь не отрицая возможности различения (или аналитического расчленения) теоретической и практической сторон в деятельности по «производству» правовых норм, важно подчеркнуть здесь их единство, зависимость друг от друга, взаимопроникновение, что в первую очередь сказывается на качественности и действенности правотворчества. В самом деле, можно ли считать, что правовые нормы являются продуктами «духовного» производства, в своей реализации не преобразующими «материальную действительность или социальные структуры»? Такое утверждение принизило бы роль правовых норм в общественной жизни, лишило бы их практической значимости и вообще не соответствовало бы реальности.

Как известно, правовые нормы, если они к тому же всесторонне и глубоко научно обоснованы, становятся в процессе их выполнения мощным фактором преобразования не только «социальных структур», но и (через практическое регулирование общественных, в том числе производственных, отношений) самой материальной действительности. Реализуясь в общественных отношениях, правовые нормы воплощаются в этих отношениях, становятся ими самими. Но если это так, то можно ли предполагать противоположное: будто правовые нормы представляют собой лишь продукт «материального» производства? Такое предположение было бы также неосновательным, поскольку правотворчество зиж-

дется на теоретическом фундаменте, издаваемые правовые нормы являются итогом сознательно-целенаправленной деятельности государства, закрепляют достижения различных наук, в том числе и те из них, которые превращают науки в непосредственную производительную силу общества. Следовательно, нельзя правовые нормы считать продуктом либо «духовного», либо «материального» производства; они суть и итог духовно-практического освоения действительности.

Данный вывод подтверждается при рассмотрении проблемы и в ином аспекте. Правотворчество как духовно-практическое освоение общественного бытия выражается в процессе его осуществления в своеобразном объединении трех различных видов сознания, о которых подробно будет сказано в дальнейшем. И если теоретическое сознание, связанное с научным исследованием того круга явлений и процессов, знание которых необходимо для решения проблем правового регулирования общественных отношений, может быть условно отнесено к «чисто» духовной деятельности, то применительно к обыденному и практическому сознанию этого нельзя сделать даже условно.

В связи с интересующей нас проблемой единства теоретического и практического в исследовании правовых явлений следует также проанализировать методологический аспект взаимодействия фундаментальных и прикладных наук.

Различение фундаментальных и прикладных наук весьма относительно. Обычно считается, что фундаментальные науки являются «базисными»¹, существенно пополняющими или изменяющими знания о закономерностях развития природы, общества и мышления; прикладные науки — это науки, открывающие пути и способы исследования научных идей на практике. «Таким образом, — пишут, например, В. В. Ржевский и В. М. Семенчев, — если фундаментальные исследования питают идеями науку, то прикладные — производство, технику и двигают вперед техническую мысль общества. За счет фундаментальных исследований научная

---

¹ См.: Кедров Б. М. Классификация науки//БСЭ. М., 1974. Т. 17. С. 327—330.

мысль идет как бы вглубь, а за счет прикладных — вширь, осваивая для человека одну область природы за другой»¹.

Однако, во-первых, не только фундаментальные, но и прикладные исследования питают идеями науку; во-вторых, не только прикладные, но и фундаментальные исследования питают производство, технику и двигают техническую мысль; в-третьих, и фундаментальные, и прикладные исследования питают не только производство, технику и двигают техническую мысль, но и все иные сферы общественного бытия; в-четвертых, далеко не все исследования, не выходящие непосредственно на практику, являются фундаментальными, равно как и наоборот: отнюдь не все исследования, осуществляемые фундаментальной наукой, носят фундаментальный характер; наконец, в-пятых, не только фундаментальные, но и прикладные исследования могут возвыситься до фундаментального значения, подобно тому как не только прикладные, но и фундаментальные исследования в определенных отношениях могут иметь прикладное значение.

Диалектика взаимодействия фундаментальных и прикладных наук куда более подвижна, сложна и противоречива. Без фундаментальных исследований прикладные науки рано или поздно, но неизбежно опустошаются, затухают и теряют способность воздействовать на практику. С другой стороны, и фундаментальные исследования не могут сколько-нибудь успешно развиваться без прикладных разработок, которые питают фундаментальную науку фактическими, экспериментальными данными, конкретизируют ее, определяют пути и средства внедрения в практику. Иначе говоря, если прикладные исследования являются основой движения от непосредственного «живого созерцания» к «абстрактному мышлению», то фундаментальные исследования — от «абстрактного мышления» через прикладные разработки к практике.

В системе юридических наук философия права является фундаментальной наукой, а в сравнении с ней отраслевые науки носят преимущественно прикладное значение. От их един-

---

¹ Ржевский В. В.; Семенчев В. М. Фундаментальное и прикладное в науке, их взаимосвязь и основные особенности//Вопросы философии. 1980. № 8. С. 111.

ства и взаимопроникновения зависит успех развития как первых, так и вторых.

Относительность различения фундаментальных и прикладных наук может быть выражена такими категориями, как сущность и существование, целое и часть, единство и многообразие, возможность и действительность, цель и средство и т. д., органически между собой связанными, взаимодействующими и проникающими друг в друга. Так, если фундаментальная наука определяет сущность, закономерность развития однотипных объектов познания, то прикладная наука выявляет условия и особенности существования каждого из них. Если фундаментальная наука исследует объект в его целостности, то прикладная — специфику каждой его части. Если, далее, фундаментальная наука обнаруживает единство однотипных объектов познания, то прикладная — многообразие проявления данных объектов или даже одного объекта. Если фундаментальная наука открывает возможность использования изучаемых объектов, то прикладная — пути реализации этих возможностей. Если, наконец, фундаментальная наука определяет цель исследования соответствующих объектов, то прикладная — средства достижения цели и т. д. и т. п.

Легко вывести и обратную зависимость фундаментальной и прикладной наук по отмеченным и иным категориям диалектики. Из анализа этих зависимостей становится очевидным, что фундаментальной науке принадлежит главенствующая, первостепенная, «базисная» роль в развитии прикладной науки. Поэтому всякое пренебрежение фундаментальными исследованиями в угоду узкому практицизму мстит за себя — развитие как фундаментальных, так и прикладных наук прекращается. Логика объективного развития науки такова, что лишь на основе фундаментальных исследований могут успешно развиваться, множиться и углубляться прикладные науки, через посредство которых теоретическое внедряется в практическое, преобразуя и совершенствуя его. И никакие обыденные суждения о «недостаточной практической отдаче», о «малой практической эффективности», об «оторванности от практики» фундаментальных исследований не в состоянии поколебать этой объективной логики научного прогресса, ибо хорошо и давно известно, что ничего не

может быть более практичного, чем фундаментальная теория. Не имеют под собой основания примитивные упреки и в адрес философии права как науки «абстрактной, оторванной от практики, действительности, правовой жизни». При этом упускается из виду, не учитывается то очевидное обстоятельство, что связь науки с практикой может быть как непосредственной, так и опосредованной, как прямой, так и через «промежуточные звенья», как описательной, так и обобщающей. Но связи эти неизменно существуют, хотя и выступают иной раз явно, а другой — завуалированно, скрытно от видимости. Если же этих связей вообще нет, то нет и науки. Спецификой философии права в силу самой ее абстрактной природы является именно то, что она связана с практикой преимущественно опосредованно, через «промежуточные звенья», обобщение данных и достижений отраслевых юридических наук.

Сказанное свидетельствует о необходимости всемерно развивать фундаментальные, в частности правовые, исследования, интегрировать их с соответствующими прикладными разработками, с отраслевыми юридическими науками, что обеспечит внедрение теоретического в практику правового строительства. Здесь действует та же закономерность: фундаментальные правовые исследования, будучи абстрактным выражением правовой реальности, через прикладные разработки восходят к конкретным правовым явлениям и, реализовавшись в них, преобразуют эти явления.

Изложенное показывает, что в единстве теоретического и практического заложены огромные потенции познания, знания и деятельности. И в этом глубочайший смысл знаменитого тезиса Маркса: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 4.

III

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Данный раздел «вторгается» в сферу предмета социологии права, поскольку рассматривает онтологические проблемы общей теории права, имеющих, однако, также и гносеологический характер в силу отправных начал подхода к решению всех иных теоретических тем. Именно поэтому онтологические проблемы исследуются здесь в аспекте их преимущественно гносеологической значимости. Тем самым вновь подчеркивается единство онтологического и гносеологического, социологии права и философии права как основных направлений единой науки — общей теории права.

Глава 19

ПРАВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Изложенные выше соображения гносеологического порядка являются необходимой предпосылкой к осмыслению права в качестве онтологической категории.

Отметим, что истолкование права как раньше, так и теперь вызывает споры не только между представителями материалистического и идеалистического направлений, но и между сторонниками каждого из этих направлений. В этом нет ничего удивительного; формирование понятия права находится в русле развития научного познания в целом. Оно, как известно, представляет собой никогда не прекращающийся процесс обогащения и приращения знаний о предмете, сопровождающийся заменой старых концепций новыми, корректировкой и уточнением выдвигаемых идей и положений. Этот процесс включает в себя две основные фазы. Первая — эволюционная — сводится к медленному, постепенному накоплению знаний, обогащающих уже существующие представления об изучаемых объектах. Эта фаза сменяется другой — революционной, характеризующейся резкой ломкой устоявшихся взглядов, концепций и научных традиций, скачкообразным преобразованием всей суммы накопленных знаний и соответственно формированием новых выводов. Диалектика связи и взаимодействия этих фаз процесса познания выражается в том, что эволюционный период подготавливает революционную фазу, ведет к ней и ею завершается, а революционный период знаменует собой начало новой эволюционной фазы познавательного движения научного мышления. И эта преемственность в движении познания бесконечна, поскольку за каждой эволюционной фазой следует революционная. Последняя же составляет основу для нового постепенного накопления зна-

ния, подготавливающего новый скачок в познании соответствующих объектов. В ходе такого развития познания не только обогащается теория исследуемых объектов, но и происходит переход от эволюционных к революционным «формам мышления», к новым, более совершенным логическим средствам и инструментам познания.

Однако не следует трактовать скачок от старых знаний к новым как разрыв с предшествующими этапами познания. Новые идеи и теории возникают не на пустом месте, но на базе знаний, которые были достигнуты наукой ранее. Более того, степень этой новизны обусловлена уровнем этих предшествующих знаний. Вместе с тем элементы вновь возникших идей, будучи включенными в прежние, преобразуют, обогащают и видоизменяют их. В этом и состоит диалектика, кумулятивность и бесконечность познавательного процесса.

Движение по пути познания сопровождается борьбой мнений, столкновением суждений и взглядов. Острота этой борьбы нередко достигает высочайшего накала. Причина подобного напряжения не только в различии ценностных ориентаций ученых, не только в субъективном предпочтении одних позиций другим. Совершающиеся столкновения имеют и объективные основания; в ходе развития науки становится все более и более очевидной истинность одной позиции и ошибочность другой.

Именно такая познавательная ситуация сложилась в юридической науке. Ее объективное развитие к настоящему времени обнаружило противоречие между традиционным пониманием сущности права и теми новейшими исследованиями, которые требуют внесения весьма серьезных уточнений, изменений и дополнений в это понимание¹.

Остановимся на характеристике сложившейся ситуации более подробно. Содержащееся в юридической литературе оп-

---

¹ М. Ю. Варьяс пишет: «Правопонимание — это, без преувеличения, центральный вопрос теории права. От того, как понимается право, каково его общее понятие и определение, в конечном счете зависит решение всех других проблем и вопросов, входящих в предмет теории права, а в некоторой степени и теории государства» (Варьяс М. Ю. Правопонимание: опыт интегративного подхода. М., 1999. С. 5).

ределение права в основном сводится к тому, что право представляет собой совокупность правил поведения (норм), выражающих волю господствующего класса и обеспеченных государственным принуждением.

Это определение, сформулированное А. Я. Вышинским на Первом Всесоюзном совещании научных работников права в 1938 г., с теми или иными модификациями, вовсе не затрагивающими его существа, было принято юридической научной общественностью. Однако в последние годы оно все более и более подвергается критике многими учеными-юристами. Но имеются и те, кто безоговорочно выступает в защиту традиционного определения права. Одни именуются в литературе сторонниками «узконормативного» правопонимания, другие — «широкого» понимания права¹. Следует, однако, отметить условность подобных обозначений, ибо нормативисты нередко выходят за пределы лишь «нормативного» правопонимания, а те, кто выступает за расширительную трактовку права, вовсе не отрицают «нормативность» как один из его признаков. Кроме того, не отрицая известного исторического, эвристического и практического значения традиционного определения права, фактически законодательства, они вместе с тем пытаются убедить своих оппонентов в том, что нормативистское определение не может претендовать на универсальность, поскольку включает в себя лишь некоторые признаки правовой реальности и не учитывает другие существенные его особенности; что оно, далее, не может претендовать на исключительность, поскольку всякое сложное социальное образование, к числу которых, несомненно, относится и право, требует не одного, а множества опреде-

---

¹ Придерживаясь «широкого» правопонимания, Г. В. Мальцев вместе с тем напрасно пытается подняться выше над указанным спором: «Попытки некоторых авторов осудить нормативизм в праве не могли быть успешными, потому что *право, как бы его ни понимали, в каких бы терминах ни определяли, всегда и неизменно нормативно*» (Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 33). В данном случае автор смешал два различных понятия: правового нормативизма и нормативности права. Первое сводит сущность права в основном лишь к его нормативному свойству, второе вовсе не отрицает одно из важнейших свойств права — нормативно-регулирующую природу.

лений, раскрывающих разные грани его сущности; что оно, наконец, вовсе не является неким конечным результатом познания, но нуждается в уточнении, коррекции, обогащении.

«Узконормативное» понимание и определение права может быть подвергнуто сомнению по трем основаниям. Во-первых, правом является не только то, что установлено или санкционировано официальными органами государства, но и то, что с объективной необходимостью вытекает из жизнедеятельности общества; право существует не только в форме официально-институционализированной нормативности, но и во многих иных видах (в том числе и в ненормативных формах). Во-вторых, право — это отнюдь не только совокупность правовых норм, но и система правовых принципов, правовая политика, а также множество ненормативных установлений и т. д.; право нельзя сводить лишь к статической совокупности его нормативных (и ненормативных) установлений, поскольку смысл права — в его динамике, в действительности, практическом регулировании соответствующих общественных отношений. В-третьих, определение права, с одной стороны, как государственной воли, а с другой — как статической совокупности нормативных предписаний внутренне противоречиво, поскольку сама воля представляет собой, как известно, предметный, динамичный, реализующийся вид сознания, вовсе не сводящийся лишь к одним предписаниям¹.

Остановимся подробно на каждой из этих сторон.

Итак, право вовсе не сводится лишь к совокупности законов, к действующему законодательству², т. е. к определенной сумме правил поведения (норм), установленных государ-

---

¹ Нормативизм, как нам представляется, во многих моментах и аспектах идентифицируется с юридическим позитивизмом. Но последний (вместе с нормативизмом) сходит с исторической сцены. Убедительным, суровым и, пожалуй, последним (вместе с тем и блестящим) приговором юридическому позитивизму вынес Г. В. Мальцев (см.: Мальцев Г. В. Понимание права... С. 393—409).

² «Под действующим правом, — пишет Ф. Т. Селюков, — мы понимаем принятый порядок достижения целей, в котором можно видеть условия, действия норм, сами нормы, меры, принимаемые в случае их невыполнения или отклонения от них» (Селюков Ф. Т. Происхождение действующего права. М., 1997. С. 4). Речь, надо полагать, идет о действующем законодательстве.

ством. Это положение аргументируется самим ходом исторического развития права. Хорошо известно, что на ранних его ступенях общественные отношения носят правовой характер, но еще не регулируются посредством законодательных норм. Лишь впоследствии в обществе закрепляется нормативно-законодательная форма бытия права, что вовсе не означает исчезновения всех иных ненормативных его видов.

Далее, фактическое существование определенных общественных отношений, имеющих правовую природу, может не соответствовать как законодательству в целом, так и отдельным законам. Тогда возникает глубокое противоречие между правом и законодательством. Акт государственной воли выступает в роли «подлинного закона» только тогда, «когда в его лице бессознательный естественный закон свободы становится сознательным государственным законом»¹.

Сказанное свидетельствует о том, что право следует понимать отнюдь не только как сумму законов, установленных государством². И генетически, и функционально, и с точки зрения развития оно представляет собой определенную систему общественных отношений, природа которых объективно имеет правовой характер и которые именно в силу этого, так сказать вынужденно, требуют правового выражения или законодательного оформления. Этим вовсе не отрицается или умаляется значение совокупности законов, законодательства в целом, но подчеркивается то, что эта совокупность — лишь часть целого, одно из проявлений (и, конечно же, очень важное) права.

Если право — это прежде всего сама жизнь, а не формально-абстрактное ее отражение, то законы лишь постольку являются правом, поскольку адекватно отражают динамику объективного общественного развития. Смысл связи права и закона состоит в том, что закон как выражение государственной воли призван быть точной, в научном плане безупречной формулировкой, выражающей объективно существующее и развивающееся право. Законодатель обязан подразумевать под правом саму действительность, ибо содержание закона, ко-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 63.

² Обстоятельно об этом см.: Нерсесянц В. С. Право и закон. М., 1983.

торое предстоит выразить в акте государственной воли, определено и дано реально существующими общественными отношениями, тенденциями, закономерностями их развития. Иначе говоря, общественная жизнедеятельность реализует себя через право, а право, в свою очередь, — через законодательство.

Обратим внимание еще на один момент, чтобы аргументировать обоснованность «широкой» трактовки права. Выше подчеркивалось, что оно не сводится к совокупности правовых норм, но включает и их действие, практику регулирования соответствующих общественных отношений.

Ценность права не только в том, что благодаря законодательным установлениям, предписывающим людям возможное и должное поведение, в обществе утверждается и поддерживается определенный порядок. Ценность праву придают не только нормы, но и принципы, не только общие правила поведения, но и конкретные распоряжения, наконец, не только «возведенная в закон» воля государства, но и правовая культура, правосознание. Кроме того, в случае с правом установленное должностное поведение не является основным моментом и показателем его действительности. Главное заключается в усилиях, которые общество прилагает к тому, чтобы законодательные предписания реализовывались на практике. Иначе говоря, право выступает своего рода сколком общественной жизни. Помимо норм, в нем присутствуют и находят выражение все свойственные этой жизни особенности: уровень культуры и сознания людей, характер их психологии, качество жизни, мера цивилизованности общества, состояние экономики и т. д. Одним словом, широкое понимание права открывает возможность для его анализа в совокупности факторов, которые обеспечивают его существование не в виде схемы законов, отражающей общественную жизнь, а как саму эту жизнь, т. е. как право, взятое в его бытии.

Именно таким подходом к пониманию права снимаются упреки в том, что попытки рассматривать право шире его нормативности чреваты опасностью «разрушения» законности¹.

---

¹ Коснувшись дискуссии о правопонимании, Ю. А. Тихомиров пишет, что в последнее время наметилось резкое противопоставление права и закона; что разрыв между ними чреват недооценкой законов как нормативных ре-

Правопорядок укрепляется, становится эффективным лишь при условии, если законы и подзаконные акты создаются и реализуются на основе принципов права, с учетом органической внутренней связи с регулирующими общественными отношениями, исторически сложившимся правосознанием народа. Ведь режим правопорядка, выступая в качестве правовой реальности, представляет собой единую динамичную систему создания, усвоения и использования правовых ценностей, оказывающих воздействие на психику, сознание и волю людей, на характер их поведения. Правопорядок не только предполагает необходимость следования нормативным образцам человеческого поведения и действия, но и непосредственно участвует в регулировании межличностных отношений и общественных отношений вообще, в повышении правовой культуры населения.

Из сказанного следует, что исследователи, обращающие свои взоры к праву, не должны ограничиваться лишь его нормативным аспектом, ибо в этом случае они окажутся в плену представлений о нем как о статично существующем образовании. Чтобы избежать этой опасности, крайне важно исходить из динамизма права. Тогда в поле зрения исследо-

---

вателей поведения, более того, «законодательству наносится тяжелый удар; что нормативные основы законности “как бы” заменяются общими правовыми принципами и фундаментальными правами и свободами человека, вследствие чего “оценка законов, всех нормативных актов становится произвольно-субъективным делом”...» (Тихомиров Ю. А. Юридическая коллизия, власть и правопорядок//Государство и право. 1994. № 1. С. 5).

Эти утверждения упрощенно и искаженно представляют позицию сторонников «широкого» правопонимания. Во-первых, с позиций последних, «разрыв права и закона» вовсе не является тотальным. Праву противопоставляются отнюдь не все законы, а лишь антиправовые законы. Поэтому «тяжелый удар», и вполне обоснованный со всех точек зрения (цивилизованной, справедливой, нравственной и т. д.), наносится по антиправовому законодательству. Во-вторых, «недооценки законов» как нормативных регуляторов поведения нет и быть не может, если эти законы соответствуют правовым принципам и фундаментальным правам и свободам человека. В-третьих, «произвольно-субъективная» оценка законов вполне возможна при отсутствии научно разработанной системы правовых принципов. Кстати заметим, что «произвольно-субъективная» оценка законов куда менее опасна по сравнению с созданием «произвольно-субъективных» законов в противоречии с правовыми принципами.

вательской мысли окажутся процесс правообразования и правотворчества, характер самих правовых норм, ненормативных правовых предписаний и иных правовых актов, их восприятие, уяснение и оценка людьми, этапы правореализации и эффективность правового действия, результаты и социальные последствия правового регулирования общественных отношений, путь укрепления правопорядка и законности, организованности и дисциплины, воспитание членов общества в духе правовой культуры¹.

Традиционное определение права, представляя его как «должное» и игнорируя его «сущее», неизбежно ориентирует исследователя лишь на характеристику возможностей права, но отнюдь не на раскрытие этих возможностей в практике.

Широкая трактовка права как его бытия обязывает сочетать анализ законодательства (системы правовых норм) с его действием, совершающимся не автоматически, а благодаря творческой инициативе и энергии.

Было бы, конечно, ошибочным огульно отрицать историческое; эвристическое и практическое значение «нормативистского» определения права. Но не менее неоправданным представляется стремление отстоять правомерность лишь такого понимания этого явления, отрицать, что оно страдает внутренней противоречивостью. Нельзя характеризовать право одновременно и как волю господствующего класса, и как совокупность правовых норм по той простой причине, что воля, будучи действенной формой сознания, не может быть сведена к совокупности норм. Первая предполагает реальное функционирование, вторая — их предметное воплощение в регулируемых общественных отношениях.

В ряде философских и психологических исследований указывается на то, что воля знаменует собой, во-первых, переход субъективности в объективность; во-вторых, соединение «теоретического» сознания и «практической» деятельности;

---

¹ Заслуживает внимания правопонимание в контексте социального действия Т. Парсона, в ряде моментов аналогичное нашей позиции. (Подробнее об этом см.: Посконин В. В. Социально-политическая теория Т. Парсона: методологический аспект. Ижевск, 1994; его же. Правопонимание Толкотта Парсона. Ижевск, 1995.)

в-третьих, активность, действенность сознания, воплощающегося в «предмете»; в-четвертых, целеустремленность регулирования деятельности (поведения) по преобразованию действительности.

Право потому и характеризуется как воля, что не только содержит определенную систему предписаний, но и, благодаря их практической реализации, является процессом перехода от человеческих потребностей, интересов и целей к действительности, сознательной практической деятельности людей. Поэтому и природа права окажется понятой адекватно при условии, если оно будет изучено как особая разновидность этой деятельности, которая включает в себя правотворчество, реализацию его норм и все другие акты и события, относящиеся к правовому бытию.

Право до тех пор остается феноменом «чистого» сознания или сознательно смоделированным нормативом поведения (проектом действия, поведения, деятельности), пока оно не воплощено в действительность, не стало частью правовой практики, не реализовалось в реальных делах. Правовые идеи, принципы и установления, при всей их важности, содержательности, структурной упорядоченности, являются лишь ориентиром, программой, средством правовой деятельности, направленной на регулирование общественных отношений, их преобразование. Именно поэтому нельзя в определении сводить право лишь к сумме законов и изданных на их основе подзаконных нормативных актов¹, а само их действие, практику их реализации и фактический правопорядок выводить за пределы этого определения.

Да и сами нормы, взятые в их совокупности, не пассивно фиксируют реальные процессы жизни людей и общества, но, «схватывая их закономерности», активно влияют на эту жизнь, участвуют в ее преобразовании. Мы не вправе рас-

---

¹ Н. А. Бердяев писал, что «правовой и политический прогресс есть не что иное, как осуществление и гарантирование абсолютно естественного права человека, которое не нуждается ни в какой исторической санкции, так как это право есть непосредственное выражение нравственного закона, данного до всякого опыта» (Бердяев Н. А. Этическая проблема в свете философского идеализма. Проблемы философии. М., 1902. С. 117).

сма­три­вать право в виде пассивного регистратора действительности¹, ибо оно активно участвует в его преобразовании, представляя собой в руках общества мощное, эффективное средство его движения по пути социального прогресса.

Правовые предписания действуют не сами по себе. Они реализуются, воплощаются в регулируемых общественных отношениях. Недаром мы различаем действующее законодательство и законодательные фикции. Действие права происходит и через правовые принципы, правовую политику, правосознание, правоотношения, законность и т. д. В своей системной целостности все это не только обеспечивает законодательству жизнь, но и создает тот правопорядок, тот правовой уклад жизни, в условиях которых протекает деятельность каждого члена общества, его государственных и общественных институтов. И именно благодаря движению составляющих право явлений законодательство из простой совокупности правовых предписаний превращается в действующее законодательство, а само право предстает не только в виде норм, но и в качестве живого организма.

Подобный взгляд на право (в отличие от «узконормативного») значительно раздвигает горизонты юридической науки, выводит ее на безбрежные просторы вечно развивающегося общественного бытия, на необходимость исследования экономических, политических, культурно-ценностных, нравственных и иных социальных детерминантов, на определение их роли как факторов организации и управления, цивилизации и культуры. Вместе с тем «широкое» правопонимание ориентирует юридическую науку на изучение внутреннего строения правовой системы, на взаимодействие и взаимопроникновение ее компонентов, на развитие и совершенствование целостного механизма правового регулирования соответствующих общественных отношений. Все это от-

---

¹ Нормативистское понимание права бытует до сих пор среди многих юристов. Так, один из участников дискуссии «круглого стола» журнала «Государство и право» на тему «Современное состояние российского законодательства и его систематизация» объявил о том, что «следует согласиться с мнением тех, кто считает, что право... следует рассматривать в качестве материализации идеологии государства» (Государство и право. 1999. № 2. С. 25).

крывает, в свою очередь, новые пути сотрудничества юридической науки с другими общественными, естественными и техническими науками в решении актуальных проблем общественного развития.

Понимание права во всей сложности и противоречивости его бытия охватывает, как и всякая всеобщая категория, всю действительность правовой реальности, всю сферу правовой жизни общества. Всеобщее понятие права существует в «многократной расчлененности» и «многоступенчатости». Оно не исключает, а, напротив, предполагает множество конкретизирующих его частных понятий, каждое из которых отражает часть, сторону, момент, особую форму жизни права. При этом каждое частное понятие призвано раскрывать определенный аспект этой жизни, и как таковое оно должно быть «скоординировано» со всеобщим понятием, проистекать из него, дополнять и обогащать его. К числу таких частных понятий относится и традиционное «узконормативное», которое (с внесением в него соответствующих коррективов) характеризует одно из важнейших проявлений права — законодательство как систему нормативно-правовых предписаний.

Сказанное свидетельствует об «открытости», «незавершенности» всеобщего понятия права, чем подтверждается и в чем находит свое выражение бесконечность познавательного процесса вообще и такого его объекта, как право, в особенности.

Итак, всеобщее определение права требует серии дополнительных определений.

На основе и в связи с вышеизложенным предлагается следующее определение всеобщего понятия права. *Право* — исторически сложившаяся волевая система принципов, норм и действий, обусловленных общественными отношениями и регулирующих эти отношения в целях установления общественного правопорядка, обеспечиваемого различными средствами, в том числе и государственным принуждением¹.

¹ В юридической литературе, как отмечает Г. В. Мальцев, выдвинуты «сотни, а может быть, и тысячи дефиниций права, и среди них нет ни одной общепризнанной, разделяемой всеми...» (Мальцев Г. В. Понимание права... С. 4). Но ни одна, а не только правовая, дефиниция не разделяется

В предложенном определении права прежде всего подчеркивается его волевая сущность. Право характеризуется, далее, не как простая «совокупность правовых норм», а как сложная система, состоящая из комплекса компонентов. Такая трактовка обусловлена тем, что в понятие права включаются: во-первых, правовые принципы, т. е. устоявшиеся основы правового сознания и главные направления правовой политики; во-вторых, правовые предписания, имеющие как нормативный, так и ненормативный характер; в-третьих, правовые действия, непосредственно реализующие правовые принципы, политику и предписания, воплощение их в реальную действительность, в правовую сферу жизнедеятельности общества. Определение указывает также, что правовые принципы, политика и предписания вовсе не являются субъективно-произвольными. Они обусловлены теми объективными в данных условиях места и времени общественными отношениями, природа которых требует правового опосредования и правового регулирования. Это последнее преследует цель установления режима общественного порядка, обеспеченного мерами просвещения и воспитания граждан общества в духе правовой культуры, уважения к правовым предписаниям. В данной части определения указывается на обеспеченность права также государственным принуждением, которое используется лишь в случаях нарушения его требований.

Еще раз подчеркнем, что данное определение права как наиболее абстрактная дефиниция, конечно же, не в состоя-

---

«всеми», что вовсе не должно влечь за собой агностицизма. Познание, поиск наиболее адекватного определения права — первостепенная задача юридической мысли. И сам Г. В. Мальцев пытается реализовать эту задачу, указывая: «*Право как нормативно-регулятивная система есть совокупность норм, идей и отношений*, которая устанавливает поддерживаемый средствами власти порядок организации, контроля и защиты человеческого поведения» (Мальцев Г. В. Понимание права... С. 7). Несмотря на ряд достоинств этого определения (прежде всего включения в него «норм, идей и отношений»), едва ли и оно будет одобрено «всеми», потому что, во-первых, выпал основной признак права — его волевой характер, благодаря которому оно обретает двойственность, практическую реализуемость; во-вторых, это не «совокупность», а система «норм, идей и отношений»; в-третьих, власть вовсе не всегда поддерживает право, но всегда пытается поддержать закон, причем обеспечивая его, помимо прочего, силой механизма принуждения.

нии охватить все многообразие проявлений правовой действительности и поэтому раскрывает лишь познавательный потенциал, реализуемый при условии его дополнения и конкретизации через определения частного порядка.

И тем не менее любые определения, как известно, схематизируют, упрощают, огрубляют, омертвляют живую действительность и, в частности, реальную жизнь права. Однако, при всех отмеченных недостатках, нет иной альтернативы постижению сущности социальных явлений. При этом в ходе этого постижения обрабатывается множество определений, системная совокупность которых «оживляет» формализованные схемы, дает конкретное в его относительной полноте, воспроизводит в мышлении движение правовой реальности в единстве и тождестве противоположностей, а также в их столкновении друг с другом, позволяя тем самым овладевать этой реальностью.

Во всех этих определениях права присутствует характеристика его в волевом аспекте. Именно воля является непосредственной силой, образующей право, создающей законодательство и воплощающей его в действительность¹.

Если право — это прежде всего жизнь, а не формально-абстрактное ее отражение, то законы лишь постольку явля-

---

¹ С. С. Алексеев долгие годы занимал твердую «узконормативную» позицию в правопонимании, хотя от случая к случаю и выходил за ее пределы. Это дало основание выразить надежду, что он «постепенно переходит на позиции “широкого” правопонимания, что вызвало бы глубокое удовлетворение у многих его коллег...» (Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986. С. 176). В 1993 г. он писал: «Автор этих строк, как и многие юристы советской эпохи, долгое время исповедовал формально-нормативную трактовку права...» (Алексеев С. С. Право России//Независимая газета. 1993. 25 мая). Но, увы, эти заявления оказались недолговечными. Уже 1995 г. он возвращается к тому, с чего начинал, указывая, что «право — это система норм, выраженных в законах...» (Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. С. 157). Оставляя в стороне критический анализ данного определения (например, исчезновение волевого признака права или обеспеченности его реализации), заметим лишь, что без «признаваемых государством» законов право, оказывается, вовсе не существует. Чем вызвана эта странная непоследовательность, остается только догадываться. Что же касается «многих юристов советской эпохи», то справедливости ради заметим, что значительная их часть уже в 60-х годах отказалась от формально-нормативистской трактовки права.

ются правом, поскольку адекватно отражают динамику объективного общественного развития. Смысл связи права и закона как выражения государственной воли призван быть точной и в научном отношении безупречной формулировкой действительного, объективно возникшего, фактически существующего и развивающегося в обществе права. Законодатель должен видеть право в самой действительности, ибо содержание закона, которое предстоит выразить в акте государственной воли, дано как нечто реальное самими общественными отношениями, закономерностями, тенденциями их развития. Иначе говоря, законотворчество призвано перевести, говоря словами К. Маркса, «правовую природу вещей» на законодательный язык¹. А это означает необходимость тщательного, глубокого и всестороннего изучения тех общественных отношений, которые подлежат законодательной регламентации.

Успешная деятельность по созданию законов (и иных правовых нормативных актов) зависит прежде всего от правовой культуры законодателя, его подлинно творческого отношения к своей миссии, от овладения юридической наукой, искусством «делать» законы.

Правовая культура тысячами нитей связана с общей культурой. Ее мощное благотворное влияние на правовое сознание, мышление, мировоззрение творящих законы, на их ценностные правовые установки непосредственно (или опосредованно) определяет характер законодательства, обуславливает его адекватность историческому и национальному духу народа, потребностям и интересам людей. Вместе с тем правовая культура посредством установления режима правовой стабильности, последовательного проведения в жизнь

---

¹ Разделяя эту позицию, Вернер Майхофер пишет, что «природа вещей» развивается «по естественным законам, и законодатель, создающий нормы, противоречащие естественным процессам создает таким образом неюридические нормы» (Maihofner W. Die Natur der Sache. Berlin, 1965. S. 67—68).

Ту же мысль подчеркивает и Альберт Швейцер: «Мы живем в период отсутствия права. Парламенты легкомысленно фабрикуют противоречащие праву законы. Государства обходятся со своими подданными по собственному произволу, нисколько не заботясь о сохранении у людей хоть какого-то ощущения права» (Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992. С. 89).

требований законности и установления правопорядка создаст условия для прогресса общей культуры.

В культуре законотворчества аккумулируются: разносторонние знания о действительности, ее истории и перспективах социальных изменений; специальные знания о праве, законе и законодательной технике, технологии их использования в ходе создания законов и их реализации. Владение этими знаниями и их использование в процессе законотворчества позволяют создавать научно обоснованные и технически совершенные законодательные акты, в полной мере отвечающие потребностям общественного прогресса. Законодатель, следовательно, должен обладать всесторонними и глубокими знаниями, постоянно пополнять их. Не менее важно для законодателя дополнять знание о праве профессиональным и жизненным опытом.

Динамизм экономических, политических и социально-культурных потребностей современного общества выдвигает все новые и новые задачи правового опосредования соответствующих общественных отношений. Многогранность и социальная обусловленность этих задач наглядно обнаруживаются уже простым перечислением проблем, встающих перед законотворчеством. Это:

— исследование различных социальных факторов, обуславливающих потребность в нормативно-правовом регулировании соответствующих общественных отношений;

— выявление и тщательный учет многообразных интересов социальных и национальных образований, общественных групп и общества в целом, их особенностей, обычаев, традиций;

— использование соответствующих достижений науки, техники и культуры;

— проведение сравнительного анализа проектируемого закона не только с аналогичными установлениями прошлых и ныне действующих законодательных систем других государств, но и с другими регуляторами (моральными, традиционными и др.) общественной жизнедеятельности;

— осуществление в необходимых случаях специальных экспериментов с целью определения оптимального варианта правового регулирования и выработки наиболее эффективной формы правового воздействия;

— определение связи, соответствия и взаимодействия проектируемого закона с иными существующими правовыми актами, с правовой системой в целом и прежде всего с конституцией;

— совершенствование организационных форм, процедуры создания законов и т. д.

Столь объемные и трудоемкие задачи не могут быть успешно осуществлены без творческого подхода и решения их законодателем.

Разумеется, особенности развития законотворчества определяются прежде всего специфическими свойствами, признаками, чертами той предметной области, к которой они принадлежат. Но сама эта область выходит далеко за пределы лишь «чисто» правовой проблематики, находясь на рубеже законодательства и всей сферы общественного бытия, понимаемого в самом широком смысле. На законотворческий процесс воздействует не только практика создания законов сама по себе, но и внешняя среда значительно более широкого масштаба. Именно она изменяет, трансформирует и совершенствует законотворчество и его результаты. Вместе с тем законодательная практика потому и носит творческий характер, что не просто отражает изменения и развитие внешней среды, а является сложным процессом ее целенаправленного, концентрированного и нормативно-правового преобразования. Лишь благодаря этому продукты законотворчества — законы — обретают силу обратного воздействия на внешнюю среду, их в конечном счете породившую. Чем глубже и полнее знания о внешней среде, чем рациональнее использованы эти знания, чем в большей мере они отражают назревшие потребности этой среды, тем выше теоретический уровень законотворчества, тем эффективнее действие правовых норм, тем оптимальнее достижение целей и задач правового регулирования.

Познание действительности служит осознанию потребности и необходимости воздействия на эту действительность правовыми средствами. Оно завершается созданием законов, которые выступают своего рода итогом процесса осознания и в то же время продуктом творческих усилий законодателя.

В системе правовых актов закону принадлежит особое место. Он обладает особыми признаками:

— принимается только высшими представительными органами государственной власти — парламентом страны¹ или всенародным голосованием (референдумом);

— регулирует основополагающие, наиболее значимые, важнейшие общественные отношения, определяемые исключительно компетенцией высшего органа государственной власти;

— обладает высшей юридической силой в правовой системе страны. Любой иной правовой акт, изданный не на основе и не во исполнение закона, а тем более не соответствующий или противоречащий закону, отменяется в установленном порядке;

— является нормативным актом, т. е. актом, устанавливающим общие правила поведения (нормы), обязательные для всех подданных государства (а также иностранцев в предусмотренных законодательством условиях), государственных органов, общественных организаций и движений, должностных лиц, для физических и юридических лиц, указанных в самом законе;

— наиболее устойчив и стабилен, подвергается изменению, дополнению или отмене лишь в исключительных случаях в силу объективной общественной необходимости;

— принимается в особом порядке, предусмотренном конституцией и регламентом парламента.

Рассмотрим эти положения применительно к законотворчеству Российской Федерации.

Статья 94 Конституции Российской Федерации устанавливает, что законодательным органом Российской Федерации является Федеральное Собрание. Но, к сожалению, фактически эта функция осуществляется Президентом Российской Федерации. В стране широко применяется практика «указно-

---

¹ Ошибочным является утверждение А. Нашиц о том, что «в случае отсутствия закона главенствующую роль в регулировании соответствующей области отношений могут играть административные нормативные акты» (Нашиц А. Правотворчество. М., 1974. С. 163). Тем самым оправдывается административное «законотворчество». Исполнительная власть лишь в том случае вправе издавать правовые акты по вопросам ведения закона, если это предусмотрено самим законом.

го законодательства», которое нередко противоречит действующим законам.

В инициативном проекте Федерального закона «О законах и иных нормативно-правовых актах РФ» (проект, опубликованный еще в 1995 г., по непонятным причинам остается до сих пор непринятым) справедливо отмечается: «Широко распространенная в настоящее время практика регламентации указами Президента РФ почти любых отношений, в том числе не урегулированных в законе, не имеет опоры в Конституции РФ»¹.

О последствиях этой практики определенно высказывается В. О. Лучин, указывая, что «стремление преувеличивать значение Указа по отношению к Закону отражает существующую авторитаристскую тенденцию, направленную против принципа разделения властей, следовательно, и против правового государства, основанного на верховенстве Закона»².

Закон регулирует лишь наиболее значимые, важнейшие общественные отношения. Федеральное Собрание вправе принять закон по любому вопросу компетенции Российской Федерации (ст. 71 Конституции РФ), если иное не предусмотрено Конституцией.

В ст. 104—106 Конституции Российской Федерации отсутствуют какие-либо ограничения в законотворческой деятельности Федерального Собрания (за исключением частных моментов, например п. «е» ст. 103, ч. 3 ст. 104). В вышеупомянутом инициативном законопроекте указывается, что только законом регулируются: установление правового статуса граждан, в том числе основных прав и свобод личности, способов их охраны, юридической ответственности и применения мер принуждения по отношению к гражданам; условия создания и деятельности общественных объединений; определение порядка формирования и работы органов законодательной, исполнительной и судебной властей РФ;

---

¹ Поленина С. В., Лазарев Б. М., Лившиц Р. З., Козлов А. Е., Глушко Е. К. Инициативный проект Федерального закона о законах и иных нормативно-правовых актах РФ//Государство и право. 1995. № 3. С. 58.

² Лучин В. О. «Указное право» в России. М., 1996. С. 24.

установление всех видов федеральных налогов, их отмена и изменение; уголовное, уголовно-процессуальное, административно-процессуальное законодательство, законодательство о судеустройстве, прокуратуре, адвокатуре, других правоохранительных органах; семейное законодательство; правовой статус массовой информации¹.

За пределами этих отношений общество нуждается в правовом регулировании и других отношений. Кроме того, поскольку законы носят наиболее общий характер, постольку возникает необходимость развития, конкретизации, детализации законодательных установлений. Этими обстоятельствами обуславливается потребность в создании подзаконных актов, осуществляемых органами исполнительной власти. В результате образуется множество правовых установлений, упорядоченность которых в определенной законодательной системе достигается прежде всего тем, что все эти установления соответствуют закону, издаются на основе и в его исполнение. Тем самым достигается единство всех правовых актов, целостность и определенная целенаправленность законодательной системы. Кстати заметим: польская конституционная доктрина и практика допускают, что существуют некоторые области, которые могут быть объектом самостоятельного и первичного правового регулирования со стороны органов исполнительной власти, но при этом одновременно подчеркивают, что это вовсе не означает ни умаления принципа неограниченной законотворческой компетенции высшего представительного органа государственной власти, ни принципа его верховенства. Подчеркнем также, что во всех цивилизованных странах за представительными органами государственной власти признается статус «высшего», в то время как, согласно ст. 94 Конституции РФ, Федеральное Собрание явно необоснованно лишено такого статуса. Разумеется, подобная практика не может не ослаблять законодательной системы Российской Федерации. Помимо отмеченного, вред от нарушения общепринятых конституционных основ, когда исполнительные органы государственной

‡

¹ См.: Поленина С. В. и др. Инициативный проект... С. 62.

власти выходят за пределы своей компетенции и вторгаются в сферу прерогатив законодательной власти, состоит в создании правовых актов, не соответствующих или даже противоречащих закону. На необходимость пресечения подобной практики указывается в инициативном законопроекте, в соответствии с которым указы и распоряжения Президента издаются в пределах его полномочий, предусмотренных Конституцией (ст. 83—90) и федеральными законами, и не должны противоречить Конституции и федеральным законам. Постановления Правительства РФ принимаются в пределах его компетенции на основании и во исполнение Конституции РФ, федеральных законов и указов Президента РФ. Нормативные акты федеральных министерств и других центральных федеральных органов исполнительной власти могут издаваться только в случаях и в пределах, предусмотренных федеральными законами, указами Президента РФ, положениями о соответствующих органах, а также другими нормативными актами Правительства РФ (ст. 12—14).

Отношения между Федерацией и субъектами Федерации регулируются ст. 71—73 Конституции РФ, и если между их нормативно-правовыми актами возникают коллизии, то предлагается на основе сравнения юридической силы разрешать их следующим образом: закону РФ отдается приоритет перед нормативно-правовыми актами субъектов Федерации; закону субъекта Федерации отдается приоритет перед нормативно-правовыми актами органов исполнительной власти РФ; указу Президента РФ или постановлению Правительства РФ отдается приоритет перед актами органов исполнительной власти субъектов Федерации; постановлению правительства субъектов Федерации отдается приоритет перед актами федеральных министерств и других центральных федеральных органов исполнительной власти (ст. 18)¹.

Аналогично решает этот вопрос С. Розмарин, относящий к закону: а) регламентацию прав и обязанностей граждан и их организаций, их собственность и статус, семейное и наследственное право, трудовое право, воинские обязанности, соци-

---

¹ См.: Поленина С. В. и др. Инициативный проект... С. 63—64.

альное обеспечение; б) регулирование важнейших вопросов, касающихся структуры и деятельности государственного аппарата, структуры и компетенции местных органов, организации судов и прокуратуры, судебного процесса, государственного контроля, выборов, государственных стандартов¹.

Нормативно-правовые акты, изданные на основе и во исполнение законов, именуются подзаконными актами. Их отличие от законов сводится к следующим основным моментам. Во-первых, если законы являются актами высших представительных (законодательных) органов государственной власти, то подзаконные акты принимаются органами или должностными лицами исполнительной власти (органами государственного управления). Во-вторых, если законы регулируют наиболее значимые, важнейшие общественные отношения, то подзаконные акты регулируют и все другие общественные отношения, которые нуждаются в правовом опосредовании, а также развивают, конкретизируют, детализируют законы. В-третьих, если законы обладают высшей юридической силой, то подзаконные акты по своей юридической силе уступают законам, подчинены им, отменяются и перестают действовать при их противоречии или несоответствии законам. В-четвертых, если закон всегда создается и принимается коллективно соответствующим представительным органом государственной власти, то подзаконные акты принимаются как коллегиально, так и индивидуально уполномоченными должностными лицами исполнительной государственной власти. В-пятых, если законы в силу их высшего положения в законодательной системе принимаются по строго и подробно регламентированной процедуре, то подзаконные акты принимаются в менее строгом и детализированном порядке. Наконец, в-шестых, если законы устанавливают лишь общие правила поведения (нормы), то подзаконные акты могут иметь как нормативный, так и ненормативный характер.

Последнее обстоятельство диктует необходимость рассмотрения отличия нормативного от ненормативного правового

¹ См.: Rozmarin C. Legea, regulamental si holariea Consiliului de Ministri R. P. Polona//Studii si cersetari juridica. 1963. № 1.

го акта, а также определить назначение каждого из них. Разграничение это имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Оно позволяет со знанием дела осуществлять законотворческую (и правотворческую вообще) деятельность, в каждом конкретном случае использовать именно тот акт, который необходим для достижения соответствующей цели. Благодаря разграничению этих видов актов обеспечиваются законность и правопорядок, поскольку таким образом устанавливается, какие государственные органы имеют право издавать нормативно-правовые акты, а какие — лишь ненормативные правовые акты, какова юридическая сила тех и других.

Смещение нормативных правовых актов с ненормативными, стирание граней между ними ведут на практике к необоснованному расширению компетенции государственных органов, призванных лишь соблюдать, исполнять и применять законы и иные правовые акты, а отнюдь не выполнять законодательные (правотворческие) функции. Иначе говоря, без четкого разграничения данных видов правовых актов нарушается целостность, системность и стабильность законодательства, иерархичность правовых актов сообразно их юридической силе, вносится хаос в правовую жизнь, позволяя любому государственному органу принимать как нормативные, так и ненормативные правовые предписания. Это, в свою очередь, порождает неразбериху в порядке издания того или иного правового акта, неопределенность правомочности органа, его издавшего.

Нормативные правовые акты устанавливают общие правила (нормы) поведения людей, рассчитанные на всех участников правоотношений или ограниченную их часть. Они действуют постоянно и непрерывно, применяются многократно при регулировании соответствующих общественных отношений. Ненормативные акты, в отличие от нормативных, устанавливают не общие правила поведения (нормы), а конкретные предписания (распоряжения), обращенные к отдельному индивиду или юридическому лицу, применяются однократно и после реализации прекращают свое действие. Нормативные правовые акты не только имеют особую, строго определенную форму выражения (закон, указ, поста-

новление и т. д.) и особую внешнюю структуру (заголовки, преамбулы, разбивка текста на разделы, главы, параграфы, статьи, пункты, части и т. д.), но и характеризуются (особенно законы) устойчивостью, стабильностью. Данная особенность нормативного акта нередко вступает в противоречие с потребностями динамично развивающейся общественной жизни. Это противоречие снимается, во-первых, тем, что законом закрепляются принципиальные, устойчивые отношения, характерные для устройства общества на данный относительно длительный период его развития; во-вторых, допустимостью частных изменений (или дополнений) закона в исключительных случаях¹ при возникновении необходимости приведения правового регулирования в соответствие с требованиями жизни. Стабильность закона — одно из важнейших требований правового государства.

Отмеченные особенности закона предполагают особую процедуру его принятия, закреплённую в конституции и регламенте парламента.

Отличие нормативных актов от ненормативных не такое простое дело, как может показаться на первый взгляд.

Связанные с ним трудности коренятся не только в специфике ряда правовых актов, в которых нормативные предписания теснейшим образом переплетаются с ненормативными распоряжениями, не только в том, что не существует абсолютного и исчерпывающего отграничения вопросов, регулируемых ненормативными актами, но и в том, что нормативные акты имеют много общего с ненормативными. Эта общность состоит прежде всего в том, что, будучи приняты компетентными органами, они обязательны для исполнения все-

---

¹ Виктор Кнапп отмечал, что слишком частые изменения закона, нарушая нормальный ход повседневной практической деятельности, приводят к ослаблению авторитета не только данного закона, но и закона вообще. Требование устойчивости законодательства означает, что надо избегать произвольных, вызванных субъективными причинами изменений и вносить только такие изменения, которые научно обоснованы и связаны с изменением общественных потребностей. В этом случае они не ведут ни к ущемлению авторитета закона, ни к подрыву чувства правовой безопасности (см.: Knapp V. Comments on the Problem of Stability of Legislation of Studies on Foreign and Comparative Law. Beograd, 1972. P. 283—288).

ми государственными и общественными организациями, должностными лицами и гражданами. В этой связи напомним еще раз, что одинаковая обязательность различных нормативных и ненормативных правовых актов не означает равнозначности их юридической силы. Все правовые акты обязательны в смысле их соблюдения, исполнения и применения, но их юридическая сила различна. Юридическая сила правовых актов зависит не от большей или меньшей их обязательности, а от компетенции органа, принявшего правовой акт, от того, общие или конкретные (персонифицированные) предписания содержатся в нем.

С этой точки зрения неодинаковой силой обладают не только правовые акты различных органов, но правовые акты одного и того же органа. Закон, например, обладает большей юридической силой по сравнению с правительственными постановлениями, но меньшей — по сравнению с конституцией.

И нормативные, и ненормативные правовые акты зачастую исходят от одних и тех же государственных органов, причем ненормативные акты обычно дополняют, конкретизируют, персонифицируют нормативные.

Итак, в действующей законодательной системе грань между нормативными и ненормативными актами весьма подвижна и не всегда выражена достаточно четко и определенно. Преодолеть возникающие отсюда трудности можно, руководствуясь теми признаками, по которым целесообразнее всего проводить разграничение между нормативными и ненормативными правовыми актами, а именно: по их содержанию и внутренней структуре; по способу регулирования ими общественных отношений и по характеру действия; по форме выражения и внешней структуре; по порядку принятия, вступления в силу и доведения до сведения исполнителей.

Если проводить разграничение между данными видами правовых актов в соответствии с этими признаками, то прежде всего обнаруживается, что нормативные акты выражают государственную волю, опосредованную правовыми нормами. Специфика правовых нормативных актов (в отличие от актов ненормативных) состоит в том, что они, выражая государственную волю, оформляют и конкретизируют эту волю в виде

обращенного к гражданам, должностным лицам и организациям общеобязательного правила поведения. Анализ содержания любого нормативного правового акта показывает как то, что он выражает государственную волю, так и то, что он устанавливает определенное юридически общеобязательное правило поведения. Причем если всегда и во всех нормативных актах выражается государственная воля, то конкретное содержание этой воли в установленных правилах поведения весьма многообразно.

Разнообразие общественных отношений и многосторонняя законотворческая (правотворческая) деятельность государства обуславливают необходимость формулирования государственной воли в виде единых по своей сущности, но различных по содержанию правил поведения и выражения этой воли не только в нормативных правовых актах государственных органов, но и в нормативных правовых актах, принимаемых общественными организациями по полномочию государства.

Что касается ненормативных правовых актов, то они выражают государственную волю не в виде общего правила поведения, а в виде конкретного предписания, непосредственно обращенного к определенным лицам. Поэтому ненормативные правовые предписания не содержат элементов, свойственных правовой норме. В них нет ни гипотезы, поскольку они сами по себе являются фактами применения правовой нормы к конкретным жизненным случаям, ни санкции, так как последняя содержится в правовой норме.

Ненормативные правовые предписания — это распоряжения конкретного характера по применению либо диспозиции, либо санкции правовых норм.

В свою очередь акты по применению диспозиций правовых норм отличаются от актов по применению их санкций. Во-первых, акты по применению диспозиций правовых норм непосредственно направлены на положительные действия субъектов правоотношений в целях достижения политических, хозяйственных или социально-культурных результатов, преследуемых той или иной нормой. Акты же по применению санкций правовых норм непосредственно направлены на создание для правонарушителей невыгодных последствий, сопряженных с ущемлением их благ. Таким актом является, например, при-

говор народного суда по конкретному уголовному делу или решение суда по конкретному гражданскому делу.

Во-вторых, акты по применению диспозиций правовых норм принимаются в менее сложном порядке, чем акты по применению санкций правовых норм. Для принятия актов по применению санкций (в частности, судебных актов) необходимо соблюдение строго определенных процессуальных правил (например, порядок принятия судебных актов определяется уголовно-процессуальным и гражданско-процессуальным кодексами).

В-третьих, акты по применению диспозиций правовых норм обязательны только для их адресатов, т. е. участников данных правоотношений, в то время как акты по применению санкций правовых норм обязательны для всех других лиц в отношении данного конкретного дела и в связи с ним.

Таким образом, конкретные ненормативные правовые предписания, составляя содержание индивидуальных актов, имеют особую, иную структуру, чем правовые нормы. Если нормативные правовые предписания включают в себя как элементы, образующие правовую норму, так и способ связи этих элементов (общий и государственно-обязательный характер правой нормы), то ненормативные правовые предписания являются звеном, связывающим правовую норму с правоотношениями в процессе применения норм права к конкретным жизненным случаям. Так, каждый гражданин России имеет право на труд (нормативное правовое предписание). Приказ руководителя предприятия о приеме на работу конкретного гражданина (ненормативное правовое предписание) порождает персонифицированное правовое отношение между предприятием и гражданином.

Само собой разумеется, что ненормативные правовые предписания не единственное звено, связывающее норму права с определенным правоотношением, а через него и с общественным отношением, урегулированным нормами права. Совершенно очевидно, что такую же роль играют и другие юридические факты, с которыми норма права связывает возникновение, изменение и прекращение правоотношений (например, различного рода юридически значимые события, действия, преступления и иные правонарушения и

т. д.). Однако в отличие от юридических фактов ненормативные правовые предписания (прежде всего судебных, следственных и других органов) являются основной формой, в которой осуществляется применение норм права к конкретным жизненным случаям и с помощью которой наиболее полно и всесторонне проявляется регулирующая роль правовых установлений. Данный вывод вытекает из того обстоятельства, что применение норм права является основной формой осуществления правовых предписаний, в которых наряду с государственными органами все более активное участие принимают и специально уполномоченные общественные организации.

Из сказанного, однако, не следует, будго нормы права до момента своего применения, т. е. до развертывания на их основе конкретных правоотношений, не оказывают определенного влияния на поведение людей, которым они адресуются. Так, воспитательное значение правовых норм запретительного характера проявляется не только в отношении лиц, совершивших недозволенные действия, но и в отношении всех граждан, на которых возлагается обязанность воздерживаться от совершения любых действий, нарушающих существующий правопорядок, посягающих на интересы других граждан или общества в целом.

Из сказанного не следует, что регулятором общественных отношений являются ненормативные правовые акты, а не нормы права. Регулировать — значит устанавливать границы, пределы, масштабы поведения людей, вносить в общественные отношения стабильность, систему, порядок и тем самым направлять их в определенное русло. А таким качеством обладают именно нормы права, которые применяют равную меру, одинаковый масштаб к различным людям. Предписания же ненормативного характера никаких масштабов организации, движения и развития общественных отношений не устанавливают, а подчиняют конкретные общественные отношения или их группы уже установленной законодательной системе, приводят их в соответствие с порядком, закрепленным правовыми нормами.

Выполняя функцию регулирования общественных отношений определенного вида, предписания нормативно-пра-

вового характера содержат в себе не конкретные указания конкретному лицу совершить определенные действия (или воздержаться от них), а определяют общие организационные основы и принципы деятельности широкого круга граждан, органов и организаций, устанавливая «схему» правового отношения, которая должна сложиться в жизни в результате такого регулирования. Определение нормативности того или иного правового акта предполагает установление круга лиц, которым оно адресовано, и общего правила, которое обязывает или уполномочивает этих лиц на совершение тех или иных действий. Отсутствие ответов на эти вопросы означает, что нет и нормативного правового акта, правовой нормы.

Исполнителем нормативно-правовых предписаний может быть любое лицо, которое участвует или будет участвовать в соответствующих правовых отношениях. При этом, однако, действие нормативно-правовых предписаний не зависит от усмотрения отдельных лиц. Оно предопределено самими нормативно-правовыми предписаниями, реализуется с момента вступления данного нормативного правового акта в силу и обычно не ограничивается сроком.

Таким образом, действие нормативных правовых актов — это пути и формы их влияния на общественные отношения; это не всегда еще реализация заключенных в них предписаний, но во всех случаях юридическая возможность такой реализации. Действие нормативных правовых актов — это более широкое понятие, чем реализация заключенных в них предписаний. В свою очередь реализация нормативно-правовых предписаний — это более высокая ступень действия нормативно-правовых актов.

Законность требует, чтобы применению подлежали только действующие нормативно-правовые предписания, т. е. те, которые уже вступили в силу и продолжают ее сохранять (не отменены и не признаны утратившими силу). Отсюда важная задача — довести предписания нормативных правовых актов до всеобщего сведения (своевременная их публикация, пропаганда и разъяснение действующего законодательства среди населения, юридическая подготовка кадров государственного аппарата и общественных организаций).

Незнание этих предписаний не только вредно отражается на их реализации, но и нередко является причиной ряда правонарушений. Известно, например, что подавляющее большинство трудовых споров возникает из-за незнания трудового законодательства. По этой же причине нарушаются нормы трудового законодательства, принимаются незаконные решения.

В отличие от нормативных правовых актов ненормативные выполняют функцию регулирования конкретного отношения на основе действующих нормативно-правовых предписаний. Поэтому действие ненормативных правовых актов — это уже процесс реализации правовых норм, процесс их применения к конкретным жизненным случаям, процесс, который неминуемо связан с деятельностью людей. Это действие прекращается после исполнения предписания и, как правило, ограничивается определенным сроком.

В результате издания нормативных правовых актов создается система законодательства, которая определяет права и обязанности граждан, государственных и общественных организаций, их должностных лиц, но которая еще не порождает для них непосредственно конкретных последствий. Система законодательства закладывает основу законности и правопорядка, закрепляет юридические гарантии их обеспечения и охраны.

Нормативные правовые акты устанавливают, изменяют или прекращают различного рода правоотношения, в форме которых граждане, государственные и общественные организации, должностные лица осуществляют свои конкретные права и выполняют возложенные на них обязанности. Благодаря изданию ненормативных правовых актов, а также действию других юридических фактов, с которыми нормы права связывают возникновение, изменение и прекращение правоотношений, складывается соответствующий нормам права и обеспеченный законностью правопорядок, прочный и устойчивый правовой режим в стране, определяющий правовой статус граждан, государственных органов, общественных организаций, должностных лиц, обеспечивающий выполнение ими юридических обязанностей, контролирующий правомерность действий и деятельности вообще.

Можно отметить и некоторые другие особенности нормативных и ненормативных правовых актов, в частности специфику органов, издающих эти акты (например, судебные органы принимают только ненормативные правовые акты и только в особой, свойственной этим органам форме), юридические последствия как несоблюдения правовых актов, так и контроля за их действием и т. д. Однако на практике эти особенности выражены не всегда четко и определенно. Довольно часто в форме правового акта, предназначенного для установления нормативно-правовых предписаний, издаются распоряжения и указания индивидуального характера или одноразового применения. Многие нормативные правовые акты включают ненормативные правовые предписания, что недопустимо. Дополнение, изменение и отмена нормативных правовых актов, а также распространение действия их на общественные отношения, не предусмотренные данными актами, зачастую производятся ненормативными правовыми актами. Издание нормативных правовых актов не сопровождается отменой или изменением ранее принятых актов по тому же предмету. В лучшем случае это делается без точного и исчерпывающего перечисления отмененных актов. Издаваемые по одному и тому же предмету нормативные и ненормативные правовые акты не всегда согласуются друг с другом, что ведет к противоречиям между ними.

Все это влечет за собой подрыв устойчивости действующей системы законодательства, несоответствие между содержанием и формой правовых актов, нарушает их юридическую иерархию и тем самым вносит неупорядоченность и произвол в правоприменительную практику, расшатывает принципы законности, нарушает режим правопорядка. Поэтому необходимо установить в законодательном порядке правила, согласно которым различия между нормативными и ненормативными правовыми актами будут четко, ясно и строго определены. В этих правилах следует установить различные формы выражения для нормативных и ненормативных правовых актов (наименование, структура, наличие обязательных атрибутов и т. д.), степень юридической силы, порядок издания, обнародования и вступления в действие как для актов нормативно-правового, так и для актов не-

нормативного правового характера каждого органа государственной власти и управления. Реализация этого предложения повысит уровень культуры законотворческой и иной правотворческой деятельности, укрепит стабильность действующего законодательства, позволит последовательно проводить в жизнь требования законности и упрочения режима правопорядка.

Необходимо остановиться еще на одном вопросе теории и практики законодательства. Содержание того или иного нормативно-правового установления может быть четко и ясно изложено в статьях закона лишь при правильном понимании существа и структуры самой правовой нормы. В свою очередь без решения комплекса вопросов о соответствии и взаимосвязи норм права и статей закона невозможна рациональная организация содержания и структуры законодательства в целом. Недооценка этих вопросов ведет к тем несовершенствам при составлении законов, которые нередко являются причиной самых разнообразных нарушений законности.

Норму права можно определить как общее правило (масштаб, эталон) поведения людей, определяющее их конкретные права и обязанности, тем самым регулирующее общественное отношение или одну из его сторон и в этих целях облекающее свое содержание в логическую форму.

Однако из положения, что правовые нормы являются общим правилом, не следует, что каждая из них содержит непосредственное указание для поведения субъектов права в том или ином конкретном случае. Правовые нормы могут выражать принципы и определения, которые также имеют общее значение, ибо закрепляют основы, исходные положения той или иной законодательной системы или ее отрасли, устанавливают или уточняют юридическое содержание употребляемых в законодательстве понятий, определений, терминов.

Общий характер правовых норм означает отсутствие конкретности (персонификации) адресата и неоднократность их соблюдения, исполнения и применения. Именно этим прежде всего, как уже отмечалось, правовые нормы отличаются от ненормативных (индивидуальных, однократно реализуемых) юридических решений (например, присвоение указом

главы государства почетного звания тому или иному лицу, решение или приговор суда по конкретному делу).

Итак, понятие правовой нормы — категория абстрактная в том смысле, что выражает то общее, что свойственно конкретным нормативно-правовым установлениям.

Из абстрактности понятия правовой нормы следует недопустимость ее «приложения» ко многим конкретным статьям закона. Такая попытка разрушает само понятие правовой нормы, поскольку далеко не всегда статья закона содержит все перечисленные ее части, элементы. Правовая норма, как понятие абстрактное в указанном смысле, не может быть одноэлементной или двухэлементной, она всегда состоит из трех элементов. Каждая правовая норма логична, если содержит ответы на три обязательных вопроса: какое поведение она предусматривает для субъектов правового отношения; при каких условиях это поведение должно (или может) иметь место; какими будут последствия для лиц, не исполняющих или нарушающих установленное правило. Немыслима вообще какая бы то ни была норма, в особенности правовая, из которой прямо или косвенно, но вполне определенно не вытекали бы ответы на эти вопросы. Другое дело, что внешняя форма выражения правовой нормы в статье или статьях закона (подзаконного акта) далеко не всегда повторяет ее логическую структуру.

Как уже отмечалось, в целях краткости изложения законодательных установлений, исключения из них ненужных повторений и т. д. законодатель вполне оправданно не воспроизводит в законе те или иные части (элементы) правовой нормы. Однако в любом из таких случаев можно восстановить структурную конструкцию правовой нормы, в сокращенном виде выраженной в законе. Но в таких случаях она, как правило, окажется более громоздкой по сравнению с лаконично изложенным в законе предписанием. В тех же случаях, когда не удастся кратко сформулировать правовую норму в статье или статьях закона без утраты отдельных моментов ее элементного состава, приходится, невзирая на громоздкость и повторяемость, воспроизводить все части правовой нормы. Но такие случаи сравнительно редки. В подавляющем же большинстве статьи закона не воспроизводят пол-

ностью структуру правовой нормы, во многих из них гипотеза или санкция не приводится (хотя и подразумевается). Они вытекают из самой формулировки той или иной статьи или указаны в других статьях того или иного закона.

В случае когда правовые нормы предусматривают одинаковые условия их реализации (соблюдения, исполнения или применения), целесообразно указать в отдельной статье гипотезу этих норм, предпослав ее всем тем статьям, в которых будут изложены соответствующие правила (диспозиции).

Аналогично этому, если нарушение диспозиции норм предполагает наступление одинаковых последствий, санкция этих норм может быть зафиксирована в отдельной статье закона.

Иногда санкции вообще выносятся за пределы того закона, в котором устанавливаются соответствующие диспозиции. Большинство статей Гражданского кодекса Российской Федерации не содержит указаний на последствия нарушения соответствующих правил. Однако санкции этих норм могут быть легко обнаружены в тех статьях кодекса, в которых закреплены основные виды гражданско-правовой ответственности.

В результате оказывается, что одна правовая норма может быть выражена в нескольких статьях закона или даже в различных законах и подзаконных актах. Однако имеет место и обратная структурная организация статей закона, когда в одной статье выражено несколько правовых норм. В этом случае статья закона имеет несколько частей. Это вполне оправданно в случаях, когда диспозиции нескольких норм совпадают в своих основных (родовых) признаках, различаясь только второстепенными (видовыми) признаками. Но нередко для такого рода объединения правовых норм отсутствуют достаточные основания. Это затрудняет ссылки на отдельные нормы, включенные в соответствующие статьи (тем более при отсутствии цифровых или буквенных индексов), не говоря уже о том, что в одной статье могут подчас оказаться нормы, регулирующие отношения принципиально различного характера.

Целесообразно по возможности каждую правовую норму излагать в одной статье закона и указывать все исключения из этого правила, которые диктуются рациональностью структуры закона в целом. Разумеется, это предложение выглядит

как идеал, к которому следует стремиться, но его отнюдь не всегда можно достичь. Подчас в отдельных статьях содержатся два правила, которые взаимно обусловлены, дополняют друг друга, и поэтому их объединение в одной статье оправданно. Но далеко не все, что обусловливает и дополняет друг друга, обязательно должно излагаться в одной статье. По такой «логике», можно объединить в одну статью целый правовой институт, не говоря уже о более обширных правовых целостностях. Но ведь подобного нет и быть не может по той простой причине, что это не облегчало бы, а, наоборот, осложняло бы применение правовых норм.

Различные по своему содержанию нормы, относительно самостоятельные правила, несмотря на их органическую связь, на взаимообусловленность и дополняемость, по нашему мнению, можно излагать в различных статьях закона. Вместе с тем не во всех без исключения случаях следует в одной статье закона формулировать одну правовую норму. Ясно, что это невозможно (в противном случае вообще не было бы смысла проводить различие между правовой нормой и статьей закона). Но едва ли кто-либо из специалистов станет отрицать целесообразность соответствия статьи закона правовой норме в тех случаях, когда это соответствие может быть достигнуто и окажется полезным для практики реализации соответствующих правовых установлений.

Так или иначе при всех условиях гипотеза, диспозиция и санкция правовой нормы должны быть выражены в статье или статьях закона с предельной четкостью, ясностью и определенностью. Отсутствие ясного определения условий, при которых правовая норма должна применяться, исполняться и соблюдаться, неизбежно затрудняет ее реализацию. Не менее важно четко формулировать само правило поведения, исключая его двусмысленность, туманность изложения и т. д.

И в заключение данной главы еще несколько важных соображений.

До сих пор мы рассматривали возможности использования универсальных философских категорий и их трансформаций применительно к специальным правоведческим исследованиям. Понятно, что без такой трансформации исключается сколько-нибудь глубокое и всестороннее осмысление специ-

альных правовых проблем, поскольку их развитие подчиняется общим закономерностям социального бытия. Именно благодаря рассмотрению проблем права и законодательства с позиций философии мы достигаем понимания их не только как «совокупности правовых догм», нормативистски «чистого правоучения», но и как социальной детерминированности права и законодательства, их социального назначения и роли в общественной и личной жизни. Однако создания правовой теории лишь на базе использования универсальных философских категорий недостаточно для дальнейшего проникновения в тайны правовой материи. Необходим переход от философских к специальным юридическим категориям, позволяющим вскрыть тонкости специфики исследуемых объектов. Иначе говоря, необходимо сделать шаг от общего к особенному, от общей методологии к специальной, от универсальной методологии к методологии «среднего уровня».

И еще один момент. Сейчас мы оправданно говорим о необходимости замены приказного административного законодательства дозвоительно-рекомендательным. Но во всем должна быть мера, особенно в правовой сфере. Нельзя, конечно, полностью отказаться от запретительного законодательства, без которого правовые установления могут превратиться лишь в благие пожелания. Более того, запретительный стиль законодательства в определенных отношениях должен усиливаться, ибо нет законодательства без запрета и нет запрета без законодательства, подобно тому как нет свободы без ответственности и нет ответственности без свободы.

Глава 20

СОЗНАНИЕ, ПРАВОСОЗНАНИЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОСТЬ

Наблюдаемый ныне поворот науки к человеку как к объекту познания, общения и деятельности, как к субъекту исторического процесса обусловил повышенный интерес к главной особенности человека — к сознанию. Однако этот интерес лишь зарождается. Философия до последнего времени ограничивалась общими рассуждениями по этому поводу (соотношение бытия и сознания), а психология «в последнее десятилетие забыла о существовании проблемы сознания»¹. Иначе дело обстоит в юридической науке, где изучению правосознания уделяется значительное внимание, хотя общее состояние разработки сознания в философии и психологии не могло не отразиться на теоретическом уровне соответствующих правовых исследований. На проблеме правосознания мы остановимся ниже, здесь же выясним вопрос о том, что такое сознание.

Сущность сознания обычно определяется как некое духовное состояние, которое субъективно отражает объективность и на этой основе производит, создает, творит² человеческое знание³. Но в таком случае возникает антимония: если объ-

---

¹ Велихов Е. П., Зинченко В. П., Лекторский В. А. Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии. 1988. № 11. С. 10.

² Чувственное познание отражает лишь то, что видит или осязает познающий. Но если бы наша способность к познанию ограничивалась лишь чувственным уровнем, то оно не способно было бы достичь теоретического уровня и двигалось бы лишь по поверхности явлений, улавливая их «горизонтальное» движение, но не «вертикальное» проникновение вовнутрь явлений, не выявляя их истинного бытия.

³ А. К. Уледов отмечает, что понятия «субъективный фактор» и «человеческий фактор» являются однопорядковыми; что понятие «человеческий фак-

ективность сопоставляется с сознанием, то предполагается, что в самой этой объективности уже существует какое-то знание, предпосылкой которого является сознание. Тогда оказывается, что сознание предшествует объективности, которая, однако, является первопричиной сознания, лишь отражающей эту объективность. На наш взгляд, нет иного разрешения этой антимонии, как на пути включенности субъективности в объективность в качестве ее составного компонента. В этом случае сознание выступает не как порождение «чистой» психики, оторванной от объективности, а является продуктом самой этой объективности.

Сознание — чрезвычайно объемное, целостное и многостороннее историческое образование, отнюдь не исходная предпосылка человека, а результат его многовекового развития в общественной среде. Глубоко погружаясь корнями в эту среду, сознание не только питается ее соками, но и пополняет ее своеобразием индивидуальности.

Однако проблема сознания отнюдь не сводится лишь к вопросу о его вторичности по отношению к первичному — бытию, обоснованием чего, собственно, и ограничивается «исторический материализм» на протяжении многих десятилетий. Между тем этот тезис бесспорен, и нет нужды его постоянно обосновывать, доказывая давно доказанное. Ведь еще Маркс писал, что сознание «с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди»¹.

тор» конкретизирует и дополняет понятие «субъективный фактор». Пытаясь развести эти понятия, он пишет: «Если понятие “субъективный фактор” используется при анализе больших социальных групп и общностей людей как субъектов исторического действия, то понятие “человеческий фактор” применяется при характеристике по преимуществу личности как социального субъекта» (Уледов А. К. Психологическая перестройка как условие совершенствования социалистического общества//Вопросы философии. 1986. № 12. С. 23). Итак, дело свелось не к содержательному, а к количественному различию этих понятий: «субъективный фактор» — большие социальные группы и общности людей, а «человеческий фактор» — личность (и то «по преимуществу»!) как социальный субъект. Нам же представляется, что если игнорировать бесплодную игру в понятия, то отмеченные факторы — не однопорядковые, а тождественные понятия. Использование же различной терминологии имеет лишь то простое значение, что акцентирует человеческую природу субъективного фактора, и не более того.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 29.

Недоказанным оказывается многое другое: материальные истоки и материальный субстрат сознания, идеальное преобразование материального, место сознания в структуре бытия и бытия в структуре сознания, онтологический и гносеологический статус сознания, соотношение общественного и индивидуального сознания, а также сознания и интеллектуальности, механизм взаимопроникновения нейрофизиологической и социальной природы индивидуального сознания, взаимодействие типов, видов, уровней и форм сознания, их детерминация огромным количеством и разнообразием исторических условий, факторов и обстоятельств, своеобразно проявляющихся в современной действительности, в тенденции ее развития, и т. д. и т. п. На некоторых из этих проблем мы остановимся в дальнейшем. Здесь же следует сказать еще об одном дискуссионном вопросе.

В нашей психологической и философской литературе выдвинута классификация двух «слоев» сознания: «бытийное» (т. е. отношение *в* действительности) и «рефлексивное» (т. е. отношение *к* действительности)¹. При всей терминологической усложненности данной классификации она есть не что иное, как модификация того же основного вопроса философии. На самом деле «бытийный слой» — это и есть первичность бытия, а «рефлексивный слой» — способность вторичного обратно воздействовать на первичное. Данная классификация, по крайней мере, должна быть дополнена еще одним компонентом — средним, промежуточным «слоем», а именно: «слоем воспроизведения сознанием самого себя». Без этого «слоя» невозможно понять не только природу отражения сознанием бытия в обобщенном виде, но и тем более концентрированный характер воздействия сознания на порождающее его бытие. Здесь кроется загадка тончайшего механизма «оборачиваемости» материального в идеальное, нейрофизиологического в социальное, онтологического в гносеологическое и обратно. Именно в этом «слое» сознания, воспроиз-

¹ См.: Выгодский Л. С. Собрание сочинений. Т. I. М., 1982. С. 415; Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблемы объективного метода в познании//Вопросы философии. 1977. № 7; Велихов Е. П. и др. Сознание: опыт...//Вопросы философии. 1988. № 11. С. 5—6.

водящего, творящего самое себя, интегрируется как отношение в действительности, так и отношение к действительности. Поэтому в сознании следует, на наш взгляд, выделять основные «слои»: во-первых, сознание, отражающее бытие; во-вторых, сознание, творящее самое себя; в-третьих, сознание, преобразующее бытие. Но все эти «слои» различимы только умозрительно, в действительности же они едины. Через второй «слой» индивид обретает интеллектуальность, особенности которой отличают его от других индивидов.

Из сказанного вытекают важные выводы, и не только те, которые уже известны, но и те, которые подлежат исследованию. Сознание — это не только пассивно-созерцательное отражение бытия, но и активное отношение к нему; не только оценка бытия, но и творчески-созидательная установка на его совершенствование, изменение, преобразование. И чем выше интеллектуальность сознания, тем эффективнее это преобразование.

Если философией и психологией более или менее основательно исследована «отраженческая» функция сознания, то ее установочно-преобразовательная миссия изучена пока явно недостаточно. Не познан, в частности, тончайший социально-психологический и индивидуально-психологический «перелив» пассивно-созерцательной формы сознания в его активно действующую форму, без которой, конечно же, никакого преобразования осуществить невозможно¹. Отсутствие такого познания обусловило то, что единственное средство активизации человеческого фактора обычно усматривается лишь в воспитании, просвещении, образовании. Но между знанием и действием — довольно длительный и сложный социально-психологический и индивидуально-психологический путь. Выявив звенья и этапы этого пути, их связи и взаимопереходы, мы не только проникнем в тайны уникального для человека единства биологического и социального, но и генезис, содержание

---

¹ Сознание представляет собой универсальный феномен, охватывающий собой не только все без исключения сферы жизни индивида, но и его личностную реализацию, способ бытия и самопознания (осознания себя в акте мышления). Именно на этой основе осуществляется действие, деятельность, преобразование бытия.

и формы выражения его сознания. Как известно, человек — существо не только социальное, но и индивидуальное. Именно индивидуальность, опосредованная социальностью, ближайшим образом определяет мировоззренческие позиции и ценностные ориентации, сомнения и переживания, борьбу мотивов и выработку целевых установок, принятие решений и направленность деятельности, преодоление противоречий и трудностей в практической жизни, а также многие другие неповторимые особенности каждой отдельной личности. Все это в системной целостности отражает ее сознательность, интеллектуальность, волевую целеустремленность.

Как было отмечено выше, в юридической науке сознанию и правосознанию уделяется значительное, хотя и недостаточное внимание. Одно из центральных мест занимает исследование этой проблемы в трудах М. С. Строговича. В тезисном изложении выводы этого исследования сводятся к следующему.

1. Сознание есть высшая форма психической деятельности человека, подчиняющая, регулирующая и контролирующая все другие явления психической жизни. Понятие сознания есть понятие психологическое, это явление психической жизни людей. Сознание выражается прежде всего в понимании, в осмыслении определенных фактов и положений, затем — в постановке определенных целей и подыскании средств для достижения этих целей. Деятельность разума — вот что характеризует сознание как доминирующее явление психики человека. Однако сознанием не ограничивается вся его психическая деятельность. В человеческой психике действуют и иные силы, которые к сознанию свести нельзя (инстинкты, чувства, эмоции и др.). Однотипные, сходные по содержанию, характеризующиеся общей направленностью, сознания отдельных людей образуют общественное сознание, определяемое в конечном счете общественным бытием.

2. Правосознание есть часть (вид) общественного сознания, его содержанием являются те взгляды, убеждения, идеи, которые относятся к праву. Право и правосознание — явления, находящиеся в неразрывной связи. Право немислимо без правосознания, хотя бы смутного или уродливого. Правосознание же немислимо без права, которое является

для него базой и отправной точкой. Право и правосознание — корреляты. Опираясь на право и являясь его коррелятом, правосознание в то же время имеет исключительно большое значение для законодательства, законности и правопорядка. Правосознание есть мощный фактор законотворчества, средство совершенствования законодательства, укрепления законности и правопорядка.

3. Как и сознание вообще, правосознание — явление психологическое¹, оно есть выражение и проявление разумной, рассудочной деятельности человека, оно рационалистично². Правосознание по своей природе — это именно сознание права, а вовсе не чувство, не эмоция, не влечение и не инстинкт. Разумный характер правосознания не следует понимать так, что чувства и побуждения людей не играют никакой роли в правовой жизни. Эти чувства и побуждения в правовой жизни наличествуют всегда, но для права они имеют значение лишь тогда, когда они осознаны, осмыслены, прояснены сознанием. Правосознание (как и все сознание) организует сферу чувств и побуждений, но к ним не сводится, всегда оставаясь сознательной, разумной деятельностью.

4. Формы выражения правосознания различны: признание, уважение, поддержка права, взгляды и убеждения, претендующие на реализацию в законодательстве, критика действующего законодательства, возражение против тех или иных его положений, протест, доходящий до его отрицания, до борьбы с ним, отношение к законности и правопорядку.

5. Правосознание преломляется и выражается в сознании людей и отдельных групп людей. И правосознание не явля-

---

¹ При этом М. С. Строгович отмечал, что вопросы психологии «до сих пор были вне поля зрения юристов — теоретиков права, и сама дисциплина отсутствует в учебном плане юридических вузов, хотя для юриста психология — наука весьма важная и актуальная. А с вопросами психологии неизбежно приходится сталкиваться при разработке проблемы правосознания» (Строгович М. С. Избранные труды. Т. 1. М., 1990. С. 53—54).

² «Понимать этот рационализм, — писал М. С. Строгович, — следует не в смысле философского рационализма XVII в., выводящего познание не из опыта, а из отвлеченных положений разума, а в том смысле, что именно сознательная, разумная деятельность человека, а не мир чувств и эмоций лежит в основе правосознания» (там же. С. 54).

ется вполне одинаковым. Правосознание отдельных людей и групп людей может иметь существенные отличия в зависимости от культурного развития, от среды и воспитания, от многих других причин и обстоятельств. Отсюда вытекает необходимость просвещения, образования, повышения культурного уровня членов общества в духе уважения права, соблюдения требований законности и правопорядка.

6. Определяясь, как и всякое сознание, общественным бытием, правосознание в своем развитии подвергается влиянию других сил (государства, судебных органов, нравственности и др.). В частности, между правосознанием и нравственностью (нравственным сознанием) вообще резкой грани провести нельзя, и прежде всего потому, что правосознание есть в значительной мере и нравственное, этическое сознание. Общим руководящим началом и для правосознания, и для нравственности является критерий справедливости. Различие между ними может быть проведено только по объекту: к сфере правосознания относятся те части сознания (включая и нравственное сознание), которые выражают отношение к праву или претендуют на реализацию в законодательстве. Ясно, что эта грань очень подвижна — в зависимости от объективных условий и уровня культуры она может перемещаться в ту или другую сторону.

7. Правосознание является необходимым средством образования и развития законодательства, т. е. основы законности. Правосознание теснейшим образом связано с законностью: с одной стороны, правосознание составляет необходимое условие осуществления и укрепления законности, а с другой — законность содействует развитию и укреплению правосознания. Для правильного применения норм права необходимо правильно понять эту норму, уяснить ее смысл и назначение, необходимо разобраться в фактических обстоятельствах каждого отдельного случая, понять суть той жизненной ситуации, в связи с которой возник вопрос о применении нормы права, дать правильную оценку рассматриваемому факту, событию, деянию. А все это можно сделать только при наличии развитого правосознания у тех лиц, которые применяют право.

Для работника государственного аппарата его правосознание играет огромную роль в выполнении им своих должно-

стных обязанностей, в его взаимоотношениях с гражданами. Но если он заражен бюрократизмом, проявляет бездушие, склонность к карьеризму и т. п., это непременно отражается на индивидуальном правосознании и искажает его.

М. С. Строгович считал, что проблема правосознания нуждается в дальнейшем исследовании на основе конкретного материала правовой жизни нашей страны на различных этапах ее развития¹. Попытаемся в данной главе реализовать, хотя бы частично, это пожелание.

Прежде всего отметим, что наша позиция в трактовке сознания несколько отличается от философской.

Философия исследует сознание лишь в двух его основных аспектах: гносеологическом и социологическом. Такое ограничение философией своих задач представляется нам неоправданным. Гносеологическое и социологическое (онтологическое) познание сознания далеко не достаточно, поскольку не менее необходимым является его познание и в аспекте генетико-историческом, экономическом, политическом, нравственном, правовом социально- и индивидуально-психологическом и т. д.

Вовсе не отрицая различные подходы к познанию сознания, мы полагаем, однако, что все эти подходы должны быть объединены и представлены в виде обобщенной теории сознания. В самом деле, психология занята изучением сознания на индивидуальном уровне, социология — на уровне общественном, теория права — в правовом аспекте, экономика — с точки зрения экономических процессов и т. д. и т. п. Но в любом случае исследователь добьется успехов, опираясь на общую теорию сознания, обобщающую достижения всех общественных и естественных наук в данной сфере.

С другой стороны, философия ограничивается в исследовании сознания двумя видами: обыденным и теоретическим (рациональным, научным). Но не менее важным является промежуточный между ними или относительно самостоятельный его вид, а именно: практическое сознание, имеющее свою специфику и играющее весьма существенную роль в общественной

¹ См.: Строгович М. С. Избранные труды. Т. I. С. 50—60, 130—136.

жизни, в воздействии на процессы государственного управления и правового регулирования общественных отношений.

Особенность правового познания выражается в диалектическом соединении трех различных видов (или уровней) сознания: обыденного, непосредственно (эмоционально) отражающего правовые отношения людей в их повседневной жизнедеятельности; практического, основанного на опыте правового строительства, правотворческой и правореализующей деятельности; научного, теоретического, рационального, связанного с исследованием того круга явлений, познание которых необходимо для решения правовых проблем.

Все эти виды (уровни) сознания, обусловленные интересами тех или иных социальных групп, конфликтами между передовыми и отсталыми взглядами, переплетаются, влияют друг на друга и оказывают в своей совокупности существенное воздействие на правотворческую и правореализующую деятельность. Нельзя игнорировать обыденное сознание в процессе создания правовых норм и их реализации, поскольку в них должны быть отражены интересы людей, возникающие в их непосредственном общении друг с другом, выражены в гармоническом сочетании специфические традиции отдельных классов, наций и народностей, социальных слоев с общей волей всех членов общества¹. Но правотворчество и

---

¹ «Обыденное сознание, как правило, не осуществляет рефлексии над своими глубинными основаниями. Человек в повседневной жизни понимает, что такое пространство, время, добро, зло, справедливость и т. п., и соответственно этому пониманию оценивает конкретные события, поступки и действия других людей. Но он обычно не задумывается над смыслами этих категорий, и если речь пойдет об их определении, о выявлении их связей и отношений, то обыденное мышление не может решить. Их решает философия. Она осуществляет рефлексии над универсалиями культуры, выносит их на суд разума, превращает в особые идеальные объекты, с которыми философ затем оперирует так же, как математик с числами и геометрическими фигурами, изучая их свойства и отношения» (Степин В. С. Философия на рубеже веков // Вестник Российской Академии наук. Т. 67. 1987, май. № 5. С. 388).

С этими соображениями нельзя не согласиться, но с единственным дополнением: связи и отношения указанных (и иных) универсалий культуры решает не только философия, но и все другие гуманитарные и общественные науки, в том числе правоведение и прежде всего философия права.

правореализация не достигнут действенности, если они не опираются на практическое сознание, обладающее достоинством «непосредственной действительности», опытом воздействия на реальные общественные отношения, общественное бытие. И наконец, сложность регулируемых законодательством общественных отношений, необходимость рационального их осмысления и определения оптимальных путей их развития требуют выработки научного сознания в процессе правотворчества и правореализации. Научный уровень сознания является высшим уровнем осознания действительности и определения ее преобразования. На этом уровне сознание обретает объективно-закономерное, наиболее полное, систематизированное, универсальное значение. Тем самым знание становится условием осуществления научно обоснованного управления обществом, эффективного регулирования соответствующих общественных отношений.

Своеобразие правового познания заключается в том, что оно интегрирует, синтезирует, в снятом виде вбирает в себя обыденное, практическое и научное сознание, хотя роль каждого из них в создании и реализации правовых норм отнюдь не равнозначна. Ведущая роль принадлежит научному, теоретическому, рациональному сознанию, которое освобождает правотворчество и правореализацию от устаревших форм обыденного сознания, «возвышает» практическое сознание до уровня понимания закономерных тенденций общественного развития и т. д. Иначе говоря, в процессе правотворчества и правореализации не просто воспроизводятся ценностные ориентации обыденного или практического сознания, — они критически осмысливаются и преобразуются с учетом научно обоснованной общественной целесообразности.

В исследовании сознания одной из важных проблем является обнаружение динамики его перехода от одного вида (или уровня) к другому, не только «возвышения» от обыденного сознания к практическому и теоретическому, но и возвращения от теоретического к обыденному и практическому. Анализ этих переходов имеет исключительное значение, поскольку позволяет теоретические знания превращать в практическое сознание и действие, обогащать не только практическое, но и обыденное сознание, превращая его в рацио-

нальное. Нетрудно понять, какое огромное значение имеет этот механизм связи и взаимодействия различных видов (уровней) сознания для познания и использования правосознания в интересах как правотворчества, так и правореализации. Нынешняя практика демократизации правовой жизни настоятельно требует массовой ориентированности правового сознания на выработку теоретически обоснованных и практически оправданных правовых решений, обогащения людей знанием действующего законодательства, умения ориентироваться в обстановке, имеющей правовое значение, предвидения правового развития и т. д. Очевидно, что эти задачи не могут быть успешно реализованы традиционной трактовкой правосознания, требуется исследование правосознания в единстве со всем комплексом видов (уровней), аспектов и направленности сознания. Только в этом случае познание правосознания приобретет научный характер, будет успешно использовано в реализации правовой реформы.

Из сказанного вовсе не следует, что обыденное¹ и тем более практическое сознание выступают лишь в негативном качестве, как противостоящие научным тенденциям правотворческого и правореализующего процесса. Обычно можно наблюдать как

---

¹ Лишь гносеологическая трактовка обыденного сознания, доминирующая в философской литературе, повлекла за собой одностороннюю его оценку, отвлекла от исследования многообразных его онтологических форм, их связей, отношений, взаимопроникновений и взаимодействий. Да и само обыденное сознание, как категория лишь гносеологической значимости, обедняло, сужало его много- и разнообразие, способствовало представлению о нем как о низшей, неполноценной, созерцательно-пассивной форме отражения действительности. Между тем обыденное сознание, и особенно обыденное правосознание, воплощает в себе огромное богатство индивидуального и общественного бытия, оснащение многолетним опытом людей, выступает активным фактором общественного сознания и действия, преобразующим мир. Вместе с тем нельзя не видеть и отрицательные моменты обыденного сознания, в том числе и обыденного правосознания, к которым относятся, например, стихийность его формирования и развития, нередкая искаженность представлений о действительности, общественно опасная направленность действий, основанных на ложной убежденности, и т. д. Именно поэтому необходимо не только познавать, но и использовать обыденное сознание не изолированно, а в контексте с другими видами (уровнями) сознания, воспитательными и иными мерами стимулировать его «возвышение» до теоретического уровня.

раз обратную картину. Так, обыденное сознание, непосредственно реагируя на потребности общественной жизни, фиксирует внимание законодателя на необходимости создания, изменения или прекращения действия соответствующих правовых предписаний. До того, как та или иная проблема правового опосредования общественных отношений становится предметом научного исследования, она осмысливается на уровне практического сознания, актуализирующего необходимость нормативного, общеобязательного и обеспеченного государственным принуждением регулирования данных отношений. Научное сознание, учитывая состояние обыденного сознания и особенно опираясь на опыт практического сознания, способствует созданию глубоко и всесторонне обоснованных правовых норм, в процессе своей реализации изменяющих, преобразующих и развивающих общественные отношения в соответствии с потребностями общества. Более того, практическое сознание может и восполнять в правотворчестве теоретическое сознание в тех случаях, когда исключается возможность научного обоснования в определении путей и методов правового регулирования. Здесь не следует забывать о том, что в обществе проявляют себя и такие закономерности, которые еще не обнаружены, не открыты и направление действия которых нам еще неизвестно. И вполне, на наш взгляд, можно допустить, что отсутствие представлений об этих закономерностях заменяется субъективистскими правовыми решениями, освещаемыми или оправдываемыми лишь многолетним практическим опытом. Вот почему правовое познание должно критически относиться к данным и аргументам практического сознания, проверять их истинность научными методами. Лишь после этого осознание опыта правотворческой и правореализующей практики может быть включено в содержание научного знания. Обогащенное практикой создания правовых норм и их реализацией, правотворчество и правореализация не только поднимаются на более высокую ступень, но и оказывают обратное воздействие на элементы практического сознания, от которых оно отталкивалось при своем «возвышении».

Не следует забывать и того обстоятельства, что в историческом развитии иной раз вместо объективных закономерностей действует, как мы отмечали выше, такая совокупность

случайных факторов, которая представляет собой силу, сводящую необходимость на нет. При такой ситуации юридическая наука пока остается бессильной (поскольку была ориентирована лишь на изучение объективных закономерностей), и приходится опираться лишь на практический опыт, интуицию или действовать методом проб и ошибок.

Сочетание обыденного, практического и теоретического правового сознания проявляет себя столь же очевидно не только в правотворчестве, но и в правореализации, менее всего разработанной в юридической науке. Ограничимся лишь одной иллюстрацией. Искаженное правосознание лица, совершившего преступное деяние и несущего соответствующее наказание, должно быть исправлено уже в период реализации этого наказания, что при действующей исправительно-трудовой системе достигается, к сожалению, крайне редко. Более того, эта система зачастую усугубляет искаженное правосознание до такой степени, что становится источником еще более опасной преступности. Между тем до сих пор существующая закрытость исправительно-трудовой системы лишает общественность возможности навести в ней должный порядок, превратить ее в действительно исправительную, трудовую в соответствии с принципами гуманизма, справедливости и человеческого достоинства.

Качество любого уровня правосознания находится в прямой зависимости от интеллектуальности лиц, осуществляющих правотворчество и реализацию правовых установлений. Интеллектуальность имеет существенное значение для общественной практики, в том числе и юридической, прежде всего потому, что определяет жизненную позицию личности, культуру ее мышления, характер межличностного общения, социальную активность, отношение к праву, законодательству и законности.

Вспомним те надежды, с которыми народ воспринял перестройку, но, увы, прав оказался известный русский философ Лев Шестов, отметивший поразительный парадокс: «Обман и иллюзии умеют служить людям не хуже, чем истина»¹.

---

¹ Шестов Л. Сочинения. Т. I. М., 1993. С. 48.

Охвативший наше общество тотальный кризис выразился не только в материальной необеспеченности и обнищания значительного большинства населения страны, но и повлек за собой духовное оскудение, интеллектуальное обеднение, нравственную деградацию. Эти пагубные «надстроечные» последствия, в свою очередь, обратно воздействуют на дальнейшее углубление социального кризиса, в том числе в материальной сфере.

Надежда на возрождение предполагает «перестройку перестройки», «реформирование реформы», восстановление утраченных духовных ценностей, их приращение и прогрессивное развитие.

Нет слов, разумные реформы нужны всем, возврат к старому объективно невозможен. Но на естественный вопрос: каковы цели, содержание, сроки, ожидаемые результаты этих реформ? — ответить в течение многих лет правительством не в состоянии.

Многие журналисты, политики и общественные деятели охотно (и нередко справедливо) осуждают тоталитарный режим, застой и волюнтаризм, неоправданные потери в Великой Отечественной войне, бессмысленность афганской авантюры, преступность чеченской бойни и многое другое, не называя виновных лиц. Но те же деятели стыдливо (или трусливо?) умалчивают об ответственности тех, кто непосредственно виноват в наступившей катастрофе. Помалкивает даже «мозг страны» — Российская Академия наук.

Между тем в обществе имеется категория лиц, не только гражданский, но и профессиональный долг которых — определить виновных и степень их виновности на основе тщательного исследования обстоятельств дела. Это многочисленный корпус юристов. Увы, пока молчат и они.

Зрелость правосознания индивида, повторим, зависит от уровня его интеллектуальности, которая, однако, вовсе не является наследственным благоприобретением или замкнутой в самой себе ценностью. Она представляет собой тот особый склад ума и характера, который вырабатывается самим человеком в процессе практической деятельности, общения с другими людьми в условиях жизнедеятельности всего общества. Яркая интеллектуальность, своеобразие ее сознания, само-

бытность мышления, оригинальность действия всегда противостоят и противостоят тусклой посредственности, невосприимчивой к новому, неспособной к творческому дерзанию и активному созиданию.

В победе интеллектуальности над посредственностью значительную роль призвано сыграть государство. Оно лишь в том случае не будет представлять собой механическое объединение безликой массы, инертной, косной и равнодушной, если каждый его гражданин (или, во всяком случае, большинство граждан) обладает индивидуальностью, утверждает себя как личность, обладает развитым самосознанием, интеллектуальностью, активностью, ставит себя в центр политической, экономической и духовной жизни. В том же случае, если гражданин пассивно, бездумно подчиняется «общегосударственному» и не утверждает, не развивает своей особенности, индивидуальности, государство превращается в механический агрегат, в мертвую машину, лишённую жизнеутверждающего начала. Государственная система тем устойчивее, чем выше интеллектуальное разнообразие его граждан. В этом разнообразии потенциально содержится и реализуется самоорганизация и приспособление к будущим изменениям. При этом, однако, индивидуальность личности не должна перерасти в исключительность, превращая других в исполнителей своей воли и тем самым лишая их самостоятельности, индивидуальности, свободы. Способствуя этому, государство само превращается в деспотию. Стремление «сильной» личности к исключительному самоутверждению уничтожает индивидуальность других граждан и индивидуальность самой себя. Если же эта «сильная» личность взобралась на вершину государственной власти, то со временем авторитет государства рухнет в силу внутренней противоречивости: с одной стороны, оно требует признания своей исключительности, абсолютной, ничем не ограниченной власти, а с другой — не признает свободы, творчески-интеллектуального духа своих же подданных. Разве мы не были и не являемся ныне свидетелями того, как посредственность, случайно оказавшаяся у руля государства, тянет за собой себе подобных? Таким образом сформировавшаяся пирамида власти становится, естественно, неспособной принимать разумные решения, бес-

помощной в своих действиях. И тогда наступает посредственность самой жизни, отрицающая и, более того, преследующая интеллектуальность. Со временем деспот теряет силу, вынужденно уходит в отставку, освобождая место «демократии». Но эта «демократия», свергнув деспота, пытается занять его место в государственной иерархии, создавая себе нового кумира с диктаторскими наклонностями. Однако, как известно, если история повторяется, то она из трагедии превращается в фарс. Хочется выразить твердую уверенность в том, что разум, мудрость и исторический опыт русского народа не допустят фарса; что этот народ добьется подлинной демократизации своего государства и общества.

Человек по определению нуждается в самореализации. Его богатство отнюдь не только в материальном благополучии и потреблении, но и в реализации интеллектуальности. Несомненно, без достаточного, разумного материального обеспечения жизни нет интеллектуального развития личности; материальное удовлетворение естественных потребностей человека — необходимое условие, базис, основание его не только физических, но и духовных сил. В этом аспекте интеллектуальность выступает как единство материального и духовного, объективного и субъективного.

Интеллектуальность как научная проблема должна рассматриваться в контексте сказанного. При этом не следует упускать из виду, что интеллектуальность — это не только определенная данность, основная предпосылка сознательной деятельности личности, но и одновременно объект, на который можно и имеет смысл воздействовать определенным образом, в том числе и правовыми средствами. И именно здесь открывается широкое поле для исследования «деятельностного» аспекта правовой теории. Если интеллектуальность традиционно понимается как высшая форма сознания, то ее «деятельностный» аспект приобретает первостепенный интерес для правовой теории, выводя ее на поведенческий механизм субъектов правоотношений, в процессе которых правовое общение одного субъекта с другим не может быть осуществлено без выхода за пределы индивидуальности одного из субъектов данного отношения в силу правового взаимодействия с другим субъектом.

При исследовании проблем интеллектуальности не следует упускать из виду и другой тонкий психологический момент. Возвышение интеллектуальности иногда сопровождается и антиинтеллектуальными тенденциями. Преувеличенное мнение иного «интеллектуала» о своих способностях, дарованиях, талантах и других достоинствах, как ни странно, характерно для тех, кто менее всего ими наделен. Гипертрофированное представление о личных качествах перерастает в высокомерие, в превосходство над другими членами общества, приводит к «наглости» и непререкаемости своих суждений, нетерпимости к критике и полному отсутствию самокритики. Интеллектуальность у таких личностей превращается в свою противоположность и наносит огромный вред общественной и личной жизни людей.

Интеллектуальность — один из основных признаков индивидуальности, которая обретается только в обществе, где происходит совместная деятельность людей с их связями и отношениями. И в этом смысле люди творят друг друга. Без индивидуальности человек не сможет сделать ни одного шага по пути достижения внешней и внутренней свободы, творчества и созидания. Отсутствие индивидуальности превращает человека из личности в объект манипулирования со стороны кого угодно, в том числе и государства. В этой связи интересны высказывания ряда выдающихся мыслителей. Так, Бертран Рассел писал: «Власть государственных установлений над людскими верованиями всегда была очень велика — с самой поры возникновения больших государств... Нельзя отрицать перед лицом очевидности, что вполне даже возможно, что, обладая хорошей вооруженной поддержкой, власти способны довести население своей страны до состояния фанатичных лунатиков. Имея достаточную власть, было бы, наверное, столь же легко довести население до состояния нормальности и разумности, но слишком многие правительства не желают идти этим путем...»¹

Питирим Сорокин отмечал: «...судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов. Общество, состо-

---

¹ Рассел Б. Очерки об интеллектуальном убожестве//Независимая газета-Наука. 1998, февраль. № 2. С. 15.

ящее из идиотов или бездарных людей, никогда не будет обществом преуспевающим. Дайте группе дьяволов великолепную конституцию, и все же этим вы не создадите из нее прекрасное общество. И обратно, общество, состоящее из талантливых и волевых лиц, неминуемо создает и более совершенные формы общежития.

Легко понять отсюда, что для исторических судеб любого общества далеко не безразличным является, какие качественные элементы в нем усилились или уменьшились в такой-то период времени. Внимательное изучение явлений расцвета и гибели целых народов показывает, что одной из основных причин их было именно резкое качественное изменение их населения (так у автора. — Д. К.) в ту или другую сторону»¹.

И наконец, П. Я. Чаадаев заключает: «Горе народу, если рабство не смогло его унижить, — такой народ создан, чтобы быть рабом»².

Отметим еще одно соображение Б. Рассела, с которым трудно согласиться. Он заключает: «Говорят, что человек — существо разумное. Всю свою долгую жизнь я настойчиво искал аргументы в пользу такого утверждения... Даже напротив. Мне доводилось видеть лишь то, как неумолимо погружается наш мир все глубже и глубже в состояние всеобщего безумия»³.

Вопреки мнению Рассела человек действительно существо разумное. И об этом свидетельствуют, в частности, произведения самого Рассела, как и десятки тысяч произведений человеческого таланта, гениальности. Да, конечно, мир погружается все глубже и глубже в состояние всеобщего безумия. Да, конечно, государства, правительства, обладая вооруженной поддержкой, способны довести население своих стран до состояния фанатичных лунатиков, рабов, безвольных, пассивных существ. И тем не менее это вовсе не противоречит разумности человека, ибо свое убожество и низжайшее состояние он начи-

¹ Сорокин П. А. О русской нации. Россия и Америка. М., 1992. С. 84.

² Цит. по: Вопросы философии. 1986. № 1. С. 121.

³ Рассел Б. Очерки...// Независимая газета-Наука. 1998, февраль. № 2. С. 15.

нает со временем понимать, и не только понимать, но и сопротивляться им, действовать, добиваться победы над своими угнетателями. То же происходит и с населением, но значительно медленнее, осторожно, с оглядкой «как бы хуже не было».

Глава 21

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВОГО БЫТИЯ

Союз психологии и права менее всего исследован в современной отечественной юридической науке. Психологический аспект сущности и явления применительно к праву, имеющий исключительно важное значение для понимания природы этого социального образования, правотворческой и правореализующей практики, оказался за пределами внимания исследовательской мысли¹.

Корни права уходят далеко в глубь истории общества, его производства, потребления и потребностей людей. Производство порождает потребление тем, что создает для него продукт, определяет способ этого потребления и возбуждает в людях потребность, объектом удовлетворения которой является произведенный продукт. Но и без потребностей нет потребления и производства, которые возникают и существуют не ради них самих, а в целях удовлетворения человеческих потребностей. Следовательно, производство, потребление и потребности взаимосвязаны и взаимообусловлены, каждое из них есть побудительный мотив для другого. Они выступают как необходимые друг для друга и опосредующие друг друга звенья единой цепи². В ходе взаимодействия отношения, складывающиеся

---

¹ Р. С. Байниязов также считает: «Правовая психология как структурный элемент правового сознания в научной литературе еще недостаточно исследована» (Байниязов Р. С. Правосознание: Психологические аспекты//Правоведение. 1996. № 3. С. 16).

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 718—719.

Заметим в этой связи, что органическое единство и глубокая диалектическая взаимосвязь, взаимообусловленность и проникновение друг в дру-

между ними, приобретают динамический и взаимозависимый характер. Производство под воздействием потребностей и потребления развивается и совершенствуется в силу необходимости удовлетворения все новых и новых потребностей, все новых и новых нужд потребления. Удовлетворенная же потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям как к побуждениям к потреблению, а значит, и к производству.

Потребности человека, социальной группы, общности, класса, нации, народа являются двигательной силой их деятельности, но они не являются ни чем-то первично данным, ни конечной причиной человеческой деятельности. Будучи продуктом исторического развития, они, в свою очередь детерминированы, т. е. имеют свои причины, которые оказываются, таким образом, побудительными силами этих побудительных сил. Исходя из предпосылки о том, что источники человеческих действий следует искать в побуждениях, характерных не для отдельных личностей, индивидуумов, а для их сообществ, и что в этих своего рода массовых побуждениях существенными являются лишь те, которые достаточно продолжительны, стабильны, устойчивы, можно сделать следующий вывод: первопричиной всех действий, поступков, деятельности людей являются те общественные отношения, в которые они вступают в ходе производства, потребления и потребностей, представляющих собой составные части единого процесса.

Диалектика объективного движения в сфере производства, потребления и потребностей в конечном счете обуслов-

---

га производства, потребления и потребностей порождают сомнения относительно безусловности марксистского утверждения об абсолютной первичности одного лишь производства. Ведь при отсутствии потребления и потребности производство лишается вообще какого бы то ни было смысла. Впрочем, этот основополагающий методологический вопрос нуждается в критическом осмыслении и решении коллективом обществоведов и прежде всего философов и экономистов. В порядке предварительного суждения отметим, что не производство в «чистом» виде является определяющим детерминантом всей так называемой надстройки, а единство производства, потребления и потребностей. Кроме того, «надстроечные» явления опосредованно определяются и многими другими факторами социальной жизни.

ливаает и все иные процессы человеческого общежития, в том числе в определенной мере и существование самих людей как субъектов познания, общения и деятельности. Все это, в свою очередь, является мощным фактором формирования «опосредованных» потребностей, развития много- и разнообразных потребностей, их изменения, исчезновения и появления новых в зависимости от конкретно-исторических условий, обстоятельств и ситуаций. Каждая личность, конечно же, индивидуальна в своих потребностях, обладает сугубо специфическими, неповторимыми и часто преходящими потребностями, но одновременно для нее как общественного существа характерны типичные потребности. Помимо кратковременных потребностей, актуально переживаемых в данный конкретный момент, в целостной жизни индивида образуются и более отдаленные, более стойкие, продолжительные и стабильные потребности, определяемые в основном условиями его существования и тем местом, которое он занимает в социальной структуре общества. Именно эти потребности составляют ядро системы потребностей данной личности, являющихся главным стимулом деятельности. Эта же система, в свою очередь, лежит в основе объединения людей или иных социальных общностей.

Без признания и понимания этого основополагающего положения исключается, на наш взгляд, какое-либо исследование, в частности, в области социальной психологии, а сам предмет этой науки теряет свое объективное основание. Не менее важное значение данное положение имеет и для юридической науки, ибо только при условии признания объективной общности в системе потребностей индивидов возможно возникновение, формирование представления о существовании и действии права как специфического средства, способствующего удовлетворению этих потребностей.

Система устойчивых потребностей социальных общностей людей не является непосредственной причиной их деятельности. Между потребностями и действиями находится длинный ряд опосредующих социально-психологических звеньев, объективных и субъективных факторов, условий и обстоятельств, которые в своей совокупности и определяют конкретное направление, характер и специфику той или иной чело-

веческой деятельности. Отсюда следует, в частности, что познание процесса создания правовых норм и их реализации в социально-психологическом аспекте относится к разряду важнейших задач правового исследования.

В психологической литературе имеет место различное толкование понятия «потребность». Ряд авторов акцентируют внимание на объективности ее природы и происхождения, подчеркивая, что потребности, будучи обусловленными объективной природой человеческого организма, выражают объективную нужду в том жизненно необходимом, что обеспечивает воспроизводство и развитие человека¹.

Другие, акцентируя внимание на субъективном моменте потребности, утверждают, что потребности суть субъективное выражение объективной нужды².

Нам представляется, что обе эти позиции требуют коррекции по следующим основаниям: объективность потребности в первом случае понимается не как нечто независимое от человека, а как свойство самого организма человека; объективно-субъективная потребность во втором случае понимается не как нечто осознанное человеком, а как свойство его самого. Иначе говоря, фактически между этими позициями нет различия. По существу, речь идет об одном и том же: потребность как объективная нужда в жизненно необходимых благах есть свойство человеческого организма. Заметим, что при такой трактовке данного понятия, когда потребность характеризуется как объективное свойство человека, из поля зрения исследователя исчезает ее объективная обусловленность факторами социального порядка, независимыми от индивида.

---

¹ См.: Узнадзе Д. Н. Основные положения теории установки. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961. С. 168; его же. Психологические исследования. М., 1966. С. 164; Симонов П. В. Что такое эмоция. М., 1966. С. 15—16; Анохин П. К. Теория функциональных систем. Успехи физиологических наук. Т. I. М., 1970. С. 33; Обуховский К. Психология влечений человека. М., 1972. С. 66—67; Методологические вопросы биокибернетики. М., 1974. С. 217.

² См.: Ковалев А. Г. Психология личности. М., 1965. С. 54; Шаров Ю. В. Проблемы формирования духовных потребностей личности. Вып. 47. Новосибирск, 1970. С. 21—22; Леонтьев А. Н. Проблемы деятельности в психологии//Вопросы философии. 1972. № 9. С. 99.

Не всякие потребности людей, организованных в государство, становятся основой для правовой деятельности. Многие потребности вовсе не учитываются, их удовлетворение либо обходится без правовых средств, либо откладывается до наступления других времен. Лишь некоторые, наиболее важные и актуальные потребности побуждают государство к соответствующим правовым действиям.

Здесь мы вплотную подошли к вопросу о мотивационном мышлении¹ в праве и о значении его решения для адекватного понимания процессов правотворчества и право-реализации.

Правовой мотив играет ту роль, что он избирает, определяет, заменяет один вариант правового нормирования другим, менее приемлемый и менее необходимый — более приемлемым и более необходимым, создавая тем самым основание той или иной направленности правовой деятельности.

Л. И. Петражицкий утверждает: «Создание научной теории мотивации поведения есть необходимое условие для научного построения множества других дисциплин, а именно всех тех, которые имеют дело с человеческим индивидуальным и массовым поведением. Сюда относится прежде всего целый ряд важных и ценных теоретических дисциплин (теорий): социология, теория хозяйства, теория государства, права, нравственности и т. д.»².

Психологическая наука убедительно доказала, что нормирование побудительных сил, определяющих мотивацию поступков, действий, поведения человека, связано с его социальной сущностью; что существенные черты мотивационного процесса заложены не столько в индивидуальных особенностях личности, сколько прежде всего в особенностях его со-

---

¹ Д. Н. Узнадзе писал: «...мотив играет ту роль, что он заменяет одно поведение другим, менее приемлемое более приемлемым, и этим путем создает возможность определенной деятельности... Поведение становится волевым только благодаря мотиву, который так видоизменяет поведение, что последнее становится приемлемым для субъекта» (Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. С. 403).

² Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. СПб., 1905. С. 193.

знания как общественного существа¹. «Мотивы человеческой деятельности, — пишет С. Л. Рубинштейн, — чрезвычайно многообразны, проистекая из различных потребностей и интересов, которые формируются у человека в процессе общественной жизни. В своих вершинных формах они основываются на осознании человеком своих моральных обязанностей, задач, которые ставит перед ним общественная жизнь...»²

Характеризуя развитие сознания человека в соответствии с усложнением его деятельности в социальной жизни, А. Н. Леонтьев глубже проникает в сущность мотивационного процесса, подчеркивает наиболее существенные его моменты. Он, в частности, указывает, что «термин “мотив” мы употребляем не для обозначения переживания потребности, но как означающий то объективное, в чем эта потребность конкретизируется в данных условиях и на что направляется деятельность как на побуждающее ее»³.

А. Н. Леонтьев далее говорит о сдвиге мотивов на цель действия⁴, раскрывающего новый смысл более широкой деятельности человека. Однако думается, что мотивы приобретают «смыслообразующую силу» не в результате прямого сдвига на цель действия, а через интерес. Без интереса не может быть ни сознательного мотива, ни цели действия, ни деятельности вообще. Уходя своими корнями в потребности, интересы осознаются в сложном мотивационном процессе, обретают в нем целенаправленный характер и, в свою очередь, воздействуют на течение этого процесса, непосредственно определяют цель человеческой деятельности в общественной жизни. Это объективно происходит потому, что потребность одного индивида не имеет для другого эгоистического индивида, облада-

---

¹ Подробнее об этом см.: Якобсон П. М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969.

² Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1945. С. 565.

³ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1965. С. 290.

⁴ «Это акт отражения отношения мотива данной конкретной деятельности к мотиву деятельности более широкой, осуществляющей более широкое, более общее жизненное отношение, в которое включена данная конкретная деятельность» (там же. С. 300).

ющего средствами для удовлетворения этой потребности, никакого само собой разумеющегося смысла, т. е. не находится в непосредственной связи с удовлетворением потребности, и поэтому каждый индивид должен создать эту связь, становясь в свою очередь звеном между чужой потребностью и предметами этой потребности. «Таким образом, *естественная необходимость, свойства человеческого существа*, в каком бы отчужденном виде они ни выступали, *интерес*, — вот что сцепляет друг с другом членов гражданского общества»¹.

Здесь прежде всего подчеркивается объективный характер интереса. Связывая членов гражданского общества на основе объективно существующих общих потребностей, интерес придает индивидуальности социальную сущность. Следовательно, категория интереса объективна в двух основных смыслах: во-первых, как продукт, результат объективных потребностей людей; во-вторых, как необходимое свойство социальной сущности личности, с объективной необходимостью связывающей ее с другими членами гражданского общества.

Из этих обстоятельств, казалось бы, логично вытекает общность всех личностей, всего общества. Однако история человечества куда более сложна, противоречива, алогична. Историческое развитие личности, равно как и их общностей, зачастую приводит, как известно, ко все большему отчуждению от общечеловеческих интересов.

Объективное содержание интереса подчеркивается многими философами и правоведами². Так, Г. М. Гак пишет, что ин-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 134.

² Следует заметить, что проблеме интереса недостаточно уделяется внимания в психологии, а в тех редких случаях, когда отдельные психологи касаются этой проблемы, они, как правило, сводят ее лишь к «познавательной направленности» субъекта на действительность. По-видимому, одной из причин этого, как пишет Л. Сэв, является то, что «до сих пор психология пыталась главным образом понять человека, исходя из животного; взрослого — из ребенка; нормального индивида — из больного; целостную систему личности — из изолированных функций; содержание данной личности — из некоторых форм деятельности. Мы считаем, что наступило время дополнить это малоплодотворное усилие реальным усилием противоположного направления» (Séve L. *Marxisme et théorie de la personnalité*. Paris, 1969. P. 360).

терес — это объективное явление, связанное с бытием предмета, и оно не сводится к сознанию и воле; что интерес общности дан объективно, как определяемый ее природой и условиями существования¹. С. Н. Братусь также отмечает: «Классовый интерес вытекает из взаимной, зачастую не осознаваемой отдельными индивидами зависимости между ними, между классом, к которому они принадлежат, и другими классами, из той объективной роли, которую люди играют в общественном процессе производства»². И отсюда делается вывод: право, будучи инструментом закрепления существующих производственных отношений, выражает интересы господствующего класса. Аналогичную точку зрения отстаивает и Г. В. Мальцев³.

Однако при всей правильности положения об объективности интереса нельзя забывать и о другой его стороне — субъективной. Выше было отмечено, что потребности приобретают «смыслообразующую силу» через интерес, т. е. через полное понимание, схватывание существа потребности и необходимости ее удовлетворения, в результате которого мотивационный процесс (пройдя стадию борьбы мотивов) приобретает четкую и определенную направленность⁴. Следовательно, интерес представляет собой то своеобразие, которым обладает переход от объективного к субъективному через преодоление, выражаясь гегелевским языком, «произвола потребностей». Но реализованные потребности и интересы приводят к изменению объективного, т. е. по существу являются обратным переходом от субъективного к объективному. Отсюда вытекает единство объективного и субъективного в понятии интереса. «Интерес, — пишет В. Г. Нестеров, — явление общественное, представляющее собой единство объективного и субъективного, поскольку,

¹ См.: Гак Г. М. Общественные и личные интересы и их сочетание при социализме//Вопросы философии. 1955. № 4. С. 19, 21.

² Роль В. И. Ленина в становлении и развитии советского законодательства. М., 1969. С. 20.

³ См.: Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности. М., 1966. С. 93, 101.

⁴ См.: Кикнадзе Д. А. Потребность. Поведение. Воспитание. М., 1968. С. 10.

с одной стороны, он имеет материальные основы (объективно существующие потребности личности, группы, класса, общества в целом), а с другой — всегда так или иначе, более или менее глубоко, правильно или неправильно отражается в сознании и оформляется в нем в виде определенных целей»¹. Солидаризуясь с этим положением, А. Г. Здравомыслов его развивает и конкретизирует: «Соотношение объективного и субъективного в интересе выступает двояким образом. С одной стороны, это переход объективного в субъективное, так как всякий интерес имеет определенную основу в окружающих обстоятельствах. С другой стороны, это переход субъективного в объективное, так как интерес есть мотив деятельности, благодаря которому претворяются в действительность субъективные цели, желания, намерения и т. д. ...С одной стороны, интерес субъекта существует объективно по отношению к его воле и сознанию. Это подтверждается, в частности, тем, что всякий субъект может действовать вопреки своим собственным неосознанным интересам. С другой стороны, всякая деятельность, любой поступок определяются тем или иным интересом данного субъекта»². И далее, отметив, что материальное и идеальное не отделены друг от друга, а постоянно переходят от одного к другому, он пишет: «Категория интереса как раз и указывает на переход от объективного к субъективному и обратно: от положения к идеальным побудительным силам и от идеальных побудительных сил через социальные действия к изменению положения»³.

В правовой литературе аналогичная точка зрения была высказана Б. В. Шейндлиным. «Понятие интереса, — писал он, — нельзя сводить лишь к психическому переживанию индивида. Общественные интересы, например интересы клас-

¹ Нестеров В. Г. О соотношении общественных и личных интересов при социализме//Ученые записки. Высшая партийная школа при ЦК КПСС и местных высших партийных школ. Вып. 1. М., 1958. С. 77.

² Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории. Л., 1964. С. 6—7. *

³ Там же. С. 30.

са, существуют объективно, независимо от воли и сознания индивидов. Поэтому диалектический материализм трактует общественный интерес в неразрывной связи с объективными общественными отношениями как основой осознанных интересов людей. Вместе с тем было бы неправильно, на наш взгляд, сводить категорию интереса лишь к объективной стороне, к его основе»¹.

С такой трактовкой проблемы не соглашается Г. Е. Глезерман, предлагая довольно странное ее решение. Он пишет: «Объективность интереса означает, что сама природа и положение данного субъекта (общества, класса, человека и т. п.) порождают у него определенные потребности и необходимо требуют от него определенных действий для их удовлетворения, причем эта необходимость порождается не его сознанием, а условиями его общественного бытия»². Оказывается, общество, класс, человек удовлетворяют свои потребности без участия сознания!

Критикуя Нестерова и Здравомыслова, Глезерман отмечает: «То, что интерес рефлектируется в сознании и побуждает людей к действию, — бесспорно. Но разве это означает, что если у субъекта еще не появилось “стремления чего-то достичь”, то это и не входит в его интересы?»³

Разумеется, не означает. Здесь В. Г. Нестеров и А. Г. Здравомыслов действительно допускают весьма существенную неточность, утверждая, будто бы интерес «всегда так или иначе» оформлен в сознании. В том-то и дело, что интерес не только по источнику возникновения, характеру, природе объективен, но и может существовать и существует до определенного времени лишь в объективной форме. Но с другой стороны, возникнув как объективная реальность, интерес со временем может осознаваться и осознается людьми, классами, партиями и тем самым обретает также и качество субъек-

¹ Шейндлин Б. В. Сущность советского права. Л., 1959. С. 44.

² Глезерман Г. Е. Интерес как социологическая категория // Вопросы философии. 1966. № 10. С. 18—19.

³ Глезерман Г. Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1967. С. 82.

ективности, превращается в объективно-субъективную категорию. Если необходимо различать интерес, его отражение в сознании и сознательную реализацию, то в такой же мере важно видеть их единство и переход одного в другое. Объективность интереса приобретает жизненность лишь при его осмыслении и сознательной реализации.

Понятие интереса как единства объективного и субъективного категорически отвергают и другие авторы. Так, В. В. Ситнин в любом упоминании о роли мышления в осуществлении интересов усматривает проявление «субъективизма», «психологической концепции»¹. С. Н. Братусь утверждает, что интерес — это объективная сторона, а воля — субъективная². Но возникает вопрос: является ли осознанный объективный интерес категорией субъективной?

На этот вопрос пытается ответить Г. В. Мальцев. Начав с твердого отрицания субъективности интереса, он приходит к его утверждению, заявляя: «Определение интереса как объективного явления... не может, по нашему мнению, претендовать на полное раскрытие его сущности, так как оно абстрагируется от психологических, социально-психологических предпосылок и черт этого явления...»; «интерес есть полезная для субъекта необходимость»; наконец, «интерес не может стать стимулом человеческой деятельности без психологического опосредования в форме субъективной заинтересованности»³.

Поскольку же «полезность» интереса определяется если не данным субъектом, то другими субъектами, ее осознавшими, постольку объективный интерес приобретает субъективную окраску. Поскольку же «субъективная заинтересованность» — это и есть субъективная сторона интереса, без которой не может быть ни действий индивида, ни социального прогресса,

---

¹ См.: Ситнин В. В. Проблемы прибыли и хозяйственного расчета в промышленности. М., 1969.

² См.: Братусь С. Н. Некоторые спорные вопросы общего понятия права//Вопросы современного развития советской юридической науки. Л., 1968. С. 15—16.

³ Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности. С. 95, 96, 99.

постольку и разрыв (хотя бы даже «чисто» теоретический) единства объективной и субъективной сторон интереса теряет какой-либо рациональный смысл.

В трактовке понятия интереса указанные авторы допускают, на наш взгляд, ту ошибку, что неоправданно стремятся представить его в «чистом» виде. Но «чистых» явлений, как известно, ни в природе, ни в обществе нет и быть не может. При всей своей объективности интерес имеет какое-либо личное или общественное значение лишь при том непереносимом условии, если он в конечном итоге осуществляется или может осуществиться. Реализация интереса необходимо предполагает его осознание, поскольку все, что побуждает человека к деятельности, обязательно проходит через его сознание.

Подобно тому как познание и соответствующее ему действие превращают необходимость в свободу, отнюдь не ликвидируя необходимости как таковой¹, так и объективный интерес, будучи осознанным, превращается вместе с тем и в субъективную категорию. Отрицание же субъективной стороны интереса в конечном итоге ведет к признанию фатализма и стихийности общественного развития. С другой стороны, отрыв интереса от своей объективной основы, его «субъективизация» извращает действительную сущность, цель, направленность интереса. Резкое отграничение и противопоставление объективной основы и субъективного содержания интереса приводит к их разрыву: основа интереса превращается в фатальную неизбежность, а его содержание — в «свободное» подчинение эмоциям, чувствам, стихийному своеволию. Т. Павлов по этому поводу писал: «Когда мы употребляем слова *объективное* и *субъективное*, *материальное* и *психическое* (или *идеальное*), мы иногда, хотя и незаметно, вкладываем в них такой смысл, что между объективным и субъективным, материальным и психическим образуется непроходимая пропасть. Получается так, что субъективное и психическое (идеальное) как будто метафизически абсолютно отличны от объективного и материального, метафизически абсолютно противопоставлены им и ни

¹ Подробнее об этом см. гл. 22 наст. изд.

в коем случае и степени, употребляя термин Ленина, не переливаются в них»¹.

Представители односторонне-объективного понимания интереса в обоснование своей позиции указывают на его детерминированность закономерностями общественного развития и объективностью общественного положения индивидов, социальных групп и классов. Но ведь не только интерес, а и потребность, цель, воля зависят в определенной мере от этих же обстоятельств. Дело здесь не в том, что потребность и интерес — категории объективные, цель и воля — субъективные, а в диалектическом развитии сознания, в его переходе от потребности через интерес и цель к воле. В. И. Ленин в «Философских тетрадах» обращает внимание на следующее положение Гегеля: «Превратно рассматривать субъективность и объективность как некую прочную и абстрактную противоположность. Обе вполне диалектичны»².

Диалектичность рассматриваемых явлений состоит в том, что осознанная потребность обретает характер интереса и «сдвигается на цель», которая реализуется лишь благодаря волевой деятельности³. При этом следует иметь в виду, что по мере того, как сознание «отходит» от своего материального, объективного субстрата, оно все в большей степени приобретает «очеловеченный», субъективный характер, обогащается индивидуальной спецификой мышления субъекта, преобразуется в идеальное. Отсюда, однако, вовсе не следует, что сознание на высшей стадии своего развития, своей субъективности (разумеется, если сознание адекватно отражает действительность) порывает с той материальной основой, с той объективностью, на почве которой оно всходит, растет и превращается в плод духовной ценности. Происходит отнюдь не исчезновение материальной, объективной основы сознания, а только и именно ее преобразование в субъективное, идеаль-

¹ Павлов Т. Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1962. С. 444.

² Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 166.

³ Б. В. Шейндлин указывает: «Интерес входит в понятие воли как побудительная сила формирования воли и как ее осознанная цель» (Шейндлин Б. В. Сущность советского права. С. 45).

ное, уровень которого зависит от степени абстрагирующей способности мышления того или иного субъекта. Этот уровень и является одним из существенных факторов, определяющих силу, действенность, эффективность воздействия субъективно-го на объективные процессы общественного развития¹.

В праве интерес находит свое отражение не только как объективное явление, но и как явление осознанное, субъективное. Объективно-субъективный характер интереса именно в праве выявляется особенно наглядно. С одной стороны, законодательство отражает объективные интересы государства. Но отражает эти объективные интересы не механически, а через сознание и волю государства. Законодательство преобразует объективность интереса также в его субъективную направленность, предусматривает строго определенные действия (или воздержание от действия) людей. С другой стороны, субъективность законодательства не может отвлекаться от своей основы, от объективности интереса.

В законодательстве отражается, далее, не индивидуальный, а общественный интерес².

Итак, потребность возникает в результате противоречия между производством и потреблением, объективно предполагая разрешение данного противоречия. Осознание как самого противоречия, так и необходимости его разрешения означает переход потребности в интерес, когда осуществляется поиск, обнаружение средств и способов удовлетворения потребности. При множественности средств и различных способов удовлетворения потребности происходит борьба мотивов, в результате которой избираются именно те средства и способы, которые

---

¹ Б. А. Чагин отмечал, что «при одних и тех же объективных обстоятельствах развитие может иметь различный конкретный характер, различные темпы в случае того или иного влияния субъективного фактора. Бывает так, что при менее благоприятных объективных обстоятельствах, но при наличии эффективного действия субъективного фактора (организованность, высокая степень сознательности и т. д.) темпы общественного развития выше, чем в том случае, когда существуют более благоприятные условия» (Чагин Б. А. Субъективный фактор. Структура и закономерности. М., 1968. С. 14).

² По образному выражению Гельвеция, «реки не текут вспять, а люди не идут против быстрого течения их интересов» (Гельвеций К. А. О человеке. М., 1938. С. 355).

наиболее «мотивированны», рациональны с точки зрения разрешения противоречия. Тогда и вырабатывается стратегия действия, интерес приобретает характер установки, определяющий наиболее «короткий», «безболезненный» курс достижения цели — снятия противоречия, удовлетворения потребности и интереса. Однако установка остается пассивной до той поры, пока не наступил момент действия, т. е. реализации установки в волевой деятельности. Именно благодаря воле, в снятом виде содержащей в себе потребность, интерес, мотив и цель¹, практически разрешается то противоречие, которое возникло в начале этого объективно-субъективного процесса.

С позиции такого понимания данного процесса представляется ошибочным или, по крайней мере, упрощенным широко распространенное мнение, будто бы уже потребность является стимулом, фактором разрешения возникшего противоречия; будто бы интерес представляет собой активную сторону соответствующих отношений, является «пружиной массовых действий»². Потребность лишь объективная основа субъективного интереса; не потребность сама по себе, а ее переход (сдвиг, перелив) в интерес, сам интерес является стимулом обнаружения и мотивации избрания тех или иных средств и способов удовлетворения потребности, определяющим через разработку установки конкретную линию (курс), программу и план действия. Не сам по себе интерес является активной стороной общественных отношений, а его воплощение в практически-волевых действиях составляет суть общественных отношений. Интересы лишь порождают соответствующие стимулы к деятельности. Степень интенсивности стимула зависит от того, насколько существенны интересы, насколько сильно субъект нуждается в их реализации, осуществляемой через волю данного субъекта.

На данном этапе наших рассуждений мы сталкиваемся с проблемой установки и воли, имеющей неопределимое значение для права, законодательства и практики его реализации.

---

¹ Вопрос о значении цели подробно рассмотрен в гл. 17 наст. изд.

² См., например: Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.

Право, законодательство и их реализация обретают динамизм и действенность благодаря воле, в снятом виде содержащей в себе потребности, интересы, цели государства. Именно поэтому воля как психологическая и социально-психологическая категория составляет одну из основных фундаментальных проблем правоведения.

Воле предшествует установка, на которой необходимо остановиться более подробно. Наиболее успешно проблема установки разработана школой Д. Н. Узнадзе.

В первую очередь отметим, что понимание категории установки, которое сложилось в нашей философской и социологической литературе, представляется нам более предпочтительным по сравнению с тем, как ее толкуют некоторые психологи (не школы Д. Н. Узнадзе). Это не нечто такое, что складывается в качестве интеграции физиологических и социально-эмоциональных факторов, а определенно осознанный момент, непосредственно предшествующий волевому действию¹. Такое понимание категории установки не только наиболее адекватно ее существу, но и лишь в этом качестве имеет значение, в частности, для философии права: любому волевому действию, имеющему юридическое значение, предшествует осознанная целевая установка, намерение и запланированное устремление к достижению определенного результата. Категория установки, составляя важную часть психологии, имеет прямое отношение к юридической науке и практике, в частности к правомерному и противоправному поведению, к правотворчеству и правореализации. В этой связи актуальной является задача создания комплексной юридико-поведенческой науки на базе новейших достижений философии, социологии, психологии и юриспруденции. В этой науке одно из центральных мест будет принадлежать проблеме правовой установки, а также проблеме опережающего

---

¹ В. Е. Гулиев и А. В. Колесников пишут: «Социальная установка — готовность субъекта к социально значимым действиям, способность реагировать стереотипно (фиксированная установка) или относительно разнообразно (ситуативная установка) на политические объекты, обстоятельства, ситуации» (Гулиев В. Е., Колесников А. В. Отчужденное государство. М., 1998. С. 206. Сноска 22).

отражения правовым сознанием реальной правовой действительности. Эти проблемы непосредственно связаны с соотношением «сущего» и «должного», имеющим, как известно, немалое значение для правоведения.

Будучи состоянием непосредственной готовности к определенной деятельности, установка представляет собой такую относительно устойчивую «организацию» внутренних и внешних сил субъекта, которая идеально формирует последовательную программу (план) человеческого поведения. Индивид или социальная общность лишь постольку являются субъектами целевой деятельности, поскольку они предварительно организуются для осуществления этой деятельности в соответствующем направлении, с определенной активностью и темпом, зависящими от конкретных объективных условий. Следовательно, установка включает в себя не только существенные черты организации предстоящей активности и темпы ее развертывания, но и социально-психологическое содержание взаимодействия потребности и условий для ее удовлетворения. Тем самым в установке в высокообобщенной форме концентрируются обоснованные действия, рефлексированные в потребности, интересы и цели, решение о готовности действовать по выработанной мышлением программе, определяемой объективными условиями ее реализации¹.

Значение установки для правоведения выражается в следующем. Во-первых, само действующее законодательство в определенном смысле является одной из форм установки; во-вторых, правоприменительная практика осуществляется с определенной установкой; в-третьих, установка занимает центральное место в проблеме правосознания, а следовательно, в таких фундаментальных проблемах, как правовая идеология и правовая политика; наконец, в-четвертых, установка играет существенную роль в определении психического отношения к поступкам, поведению индивида, его юридической ответственности за них.

---

¹ Д. Н. Узнадзе отмечал, что главным психическим образованием является установка — механизм психики, интегральный по отношению ко всем ее уровням (см.: Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961. С. 192).

Установка, на наш взгляд, представляет собой такое состояние индивида, общности людей, общества в целом, которое непосредственно определяет заданность их устремлений, направленность интересов, целей и волевой деятельности, а тем самым также характер, форму и стиль этой деятельности.

В конкретных условиях внутренней и внешней среды у субъектов складывается (прежде всего под воздействием производства и потребления) комплекс потребностей, непосредственно определяющих их интересы, мотивационную борьбу между ними, переход избранного интереса в цель, в соответствии с которой формируется установка. Именно в установке формируется программа и план действия, но она не есть еще само действие, которое наступает благодаря воле. Следовательно, установка является завершающим этапом пассивного индивидуального и социального психологического процесса, тем звеном этого процесса, которое непосредственно предшествует активному волевому действию, т. е. предметному виду сознания, соединению сознания и действия. Из сказанного становится очевидно, что у индивида, общности или общества формируется множество установок, которые могут быть как независимыми друг от друга, так и переплетаться, взаимодействовать между собой, сливаться. Более того, каждая отдельная установка и их совокупность могут дополняться другими, изменяться и развиваться в зависимости от конкретных общественных и личных факторов, обстоятельств, ситуации момента. Под воздействием объективных и субъективных условий между индивидуальной, групповой и общественной установками возникают противоречия, в процессе разрешения которых происходит смена установок, их видоизменение, объединение и т. д.

Все отмеченные характеристики свойственны и правовой установке, хотя последняя обладает и некоторыми особенностями, спецификой, своеобразием. Прежде всего правовая установка имеет место в определенной действительности, а именно в правовой действительности и в силу этого имеет четко выраженную практическую направленность; она преследует достижение спрограммированной и спланированной правовой цели в процессах правотворчества и правореализации. Поэтому правовая установка критична во многих отношениях: к дейст-

вующему законодательству и практике его реализации, правосознанию отдельных индивидов, социальных групп, к правовой идеологии и законодательной политике общества в целом, к правовой ответственности и юридическим санкциям и т. д.

В связи со сказанным возникает вопрос: не следует ли именно установку признать существом права и законодательства?¹

Такое заключение кажется привлекательным, заманчивым, поскольку в праве и законодательстве фиксируется именно определенная установка должного или возможного, допустимого, поведения отдельного человека, действий людей. Но это заключение является ошибочным, иллюзорным не только потому, что право и законодательство не сводятся лишь к правовым установкам; не только потому, что само возведение установки в закон исключается без воли, но также и в силу того, что выработка правовой установки на должное или возможное поведение сопутствует процессу волевой деятельности государства. Лишь в результате этого процесса (процесса правотворчества) определенная установка поведения объективируется в законодательстве, но и объективированная законодательством установка не может самостоятельно реализовываться без волевых усилий лиц, осуществляющих законодательные предписания (процесс правореализации). Сама же по себе установка, будучи субъективной категорией, не в состоянии объективироваться сама по себе; она не обладает способностью к правовому регулированию общественных отношений. Сколь бы обоснованным ни было действие, содержащееся в установке, оно является не самим действием, а его организационной подготовкой. Двигательной силой любого сознательного действия — безразлично, индивидуального или общественно́го — является воля². Именно воля есть прак-

---

¹ Именно такую позицию занимают отдельные авторы, не учитывающие действительный характер права, обеспечиваемый не установкой, а именно волей (см.: Бабаев В. К. Общая теория права: Курс лекций. Новгород, 1993. С. 11).

² Между тем, как отмечает К. А. Даллакян, «методологическим недостатком существующих разработок проблемы воли является... не только автономное исследование ее различными областями знания (философией, психологией, социологией, политологией и др.), но и дифференцированное

тический реализатор потребности, интереса, цели, установки. И поэтому ни потребности, ни интересы, ни цели, ни установки не составляют и не могут составлять сущности права и законодательства по той причине, что являются в своей основе и по своему характеру пассивными формами сознания, в то время как воля, выраженная в праве и законодательстве, представляет собой активную, практическую силу, призванную охранять, регулировать и преобразовывать общественные отношения¹.

Именно воля, как предметный, действенный, активный вид сознания, как соединение потребности, интереса, цели и установки с действием, является творцом права и законодательства, образует ядро права, законодательства, выступает фактором их реализации. Подобный потенциал воли был достаточно четко подмечен еще Гегелем, которому принадлежит особая заслуга в разработке данной проблемы. «Воля, — подчеркивает прежде всего Гегель, — которая... волит лишь абстрактно всеобщее, *ничего* не волит и не есть поэтому воля». И, определяя волю как почву права, он далее указывает: «Воля, которая ничего не решает, не есть действительная воля... Лишь благодаря решению человек вступает в действительность... Косность не хочет выходить из углубленного внутрь себя раздумья, в котором она сохраняет за собой всеобщую возможность. Но возможность не есть еще действительность»².

Подчеркивая непосредственную связь воли с практической действительностью, Гегель отмечает, что эта связь проистекает из двуединой сущности человека: действительности и разумности. «Не надо представлять себе, — подчеркивает он, — что человек является, с одной стороны, мыслящим и, с другой стороны, волящим, что у него в одном кармане мышление, а в другом воля, ибо это было бы пустым представлением. Различие между мышлением и волей есть лишь

существование историко-философского и естественнонаучного анализа воли» (Даллакян К. А. Феномен воли в структуре отношения «человек — природа»: Социально-философский анализ. М., 1999. С. 4—5).

¹ «Воля как средство объективизации субъективного, — пишет К. А. Даллакян, — выступает мостом между теоретической и практической сферами» (там же. С. 6).

² Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VII. С. 37, 43.

различие между теоретическим и практическим отношением; но они не представляют собой двух способностей, так как воля есть особый способ мышления: она есть мышление как перемещающее себя в наличное бытие, как влечение сообщить себе наличное бытие»¹. И далее Гегель пишет, что воля «представляет собой процесс перевода *субъективной цели в объективность* через опосредование деятельности и некоторого средства»²; что «воля становится *объективной* лишь через выполнение своих целей»³; что она «перемещает свои цели» из субъективности в объективность и тем самым снимает «противоречия между ними»⁴. В других работах Гегель также указывал: «Волящее волит, то есть оно хочет положить себя, сделать *себя* предметом»⁵. И наконец: «В то время как интеллект старается лишь брать мир, каков он *есть*, воля, напротив, стремится к тому, чтобы теперь только сделать мир тем, чем он *должен* быть»⁶.

Таким образом, воля, с одной стороны, продукт сознания, а с другой — практическое действие; воля есть не что иное, как переход от теоретического познания к практической деятельности, благодаря чему устраняется, лишается почвы представление о ней либо как о субъективности, либо только как об объективности.

Именно так трактуется воля в физиологической, психологической и философской науках.

Предметный, действенный характер воли подчеркивается многими учеными. Так, еще И. М. Сеченов писал, что воля — это «деятельная сторона разума и морального чувства, управляющая движением во имя того или другого и часто наперекор даже чувству самосохранения»⁷.

¹ Там же. С. 32—33.

² Там же. С. 39.

³ Там же. С. 51.

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. Т. 1. М., 1970. С. 302.

⁶ Гегель Г. В. Ф. Сбч. Т. I. С. 338.

⁷ Сеченов И. М. Избранные произведения. Т. I. М., 1952. С. 256.

Эта же особенность воли отмечается В. И. Селивановым, И. И. Ивановой и другими психологами¹.

При всей важности этих выводов проблема воли в психологической и философской литературе разработана явно недостаточно и не в состоянии удовлетворить запросы практики и познания (прежде всего правоведения). На это обстоятельство справедливо указывает В. И. Селиванов, констатируя заметный спад интереса к проблеме воли в последние годы. Он пишет: «Сложилось парадоксальное положение: ныне больше, чем когда-либо, обсуждаются вопросы активности личности, но, как правило, без анализа воли — главного показателя этой активности»². Но и в тех редких случаях, когда такое обсуждение осуществляется с анализом воли, оно, к сожалению, не всегда оказывается плодотворным. Так, Ш. Н. Чхартишвили считает, что «своим названием волевое поведение обязано тому обстоятельству, что ему дает начало, а также управляет им на всем его протяжении не какая-либо потребность, а сама личность как субъект воли»; «...“внутренним” источником волевого поведения, его побуждающим и управляющим началом является сама личность как субъект воли»³.

То, что началом волевого поведения, его источником является сама личность, а не нечто безличное, ни у кого не вызывает сомнения. Но это вовсе не исключает того, что в конечном счете волевое поведение определяется системой потребностей (а не одной какой-либо потребностью) и возникшими на ее основе интересами и целью личности. Поэтому ошибочным представляется противопоставление «личности как субъекта воли» ее потребности. Пытаясь отстоять свою позицию «чистой воли», Чхартишвили раздваивает личность на «субъект воли» и «субъект потребности»⁴. Но и

---

¹ См.: Селиванов В. И. Личность и воля//Проблемы личности. М., 1969. С. 430; Иванова И. И. О некоторых аспектах проблемы «личность и сознание»//Там же. С. 426.

² Селиванов В. И. Личность и воля//Там же. С. 430.

³ Чхартишвили Ш. Н. Проблема воли в психологии//Вопросы психологии. 1967. № 4. С. 77, 79.

⁴ См. там же.

этот дуализм личности не может, конечно, спасти данную позицию, поскольку, прежде чем стать «субъектом воли», личность должна быть одновременно субъектом системы потребностей, интересов и целей, которые не есть нечто потустороннее личности, а, составляя содержание этой личности как общественного существа, «дают начало» ее волевой деятельности. Следует вместе с тем отметить, что в работах Ш. Н. Чхартишвили на основе тщательного анализа отличия импульсивного поведения от волевого дается убедительная критика состояния разработки проблемы воли в психологической науке¹.

Обобщая приведенные трактовки, можно повторно сформулировать следующие основные и взаимосвязанные признаки воли, которые характеризуют ее как, во-первых, переход субъективности в объективность; во-вторых, соединение теоретического сознания и практической деятельности; в-третьих, активность, действенность сознания, воплощающегося в «предмете»; в-четвертых, целеустремленность регулирования деятельности (поведения), направленность на преобразование действительности.

Если этот вывод является правильным (в чем у нас нет сомнения), то, выражаясь языком Гегеля, право и свобода действительны «лишь как воля»². Иначе говоря, если право и законодательство суть воля, то им присущи ее признаки, а именно: переход потребностей, интересов, целей, установок людей в объективность посредством их активной, целеустремленной, практической деятельности по реализации правовых принципов и норм, их воплощению в правопорядок. Поэтому-то и недостаточно, определяя право и законодательство через волю, акцентироваться лишь на их способности сознательно отражать объективное бытие. Будучи предметным видом сознания, воля «перемещает» себя в это бытие, воплощается в нем и преобразует его. Следователь-

---

¹ См. там же. С. 72—77; Чхартишвили Ш. Н. О природе воли//Труды Кутаисского педагогического института. 1958. Т. XVII; его же. Место потребности и воли в психологии личности//Вопросы психологии. 1958. № 2.

² См.: Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VII. С. 32.

но, если мы при определении права и законодательства включаем волю как их ядро, то тем самым выделяем способность этих образований участвовать в практической деятельности по преобразованию бытия.

Логика предшествующего изложения требует рассмотрения вопроса о механизме формирования и развития воли, а также ее воплощения в праве и законодательстве.

На основе определенной деятельности людей, формирующихся в процессе этой деятельности отношений возникает как индивидуальная, так и общая воля. Между индивидуальной и общей волей много схожих моментов, равно как и различий. Содержание индивидуальной воли включает в себя прежде всего те знания и опыт, которые накоплены человечеством и усвоены данным индивидом из общественного сознания и общественной практики. Как невозможна изолированно существующая личность вне социальных, национальных, бытовых и всяких иных связей, так невозможна и воля, наполненная исключительно индивидуальным содержанием. Через волю каждый человек впитывает и определенным образом трансформирует моральные регулятивы, принципы культуры, экономические отношения и другие компоненты социальной среды, которые даны ему объективно. Но в содержание воли отдельного индивида входит также и то, что является продуктом личного познания, опыта и творчества. Поэтому-то каждая индивидуальная воля отнюдь не выступает лишь как «момент тотальности», а имеет свою особенность, своеобразие, специфику, благодаря чему она обретает возможность относительно самостоятельного существования и развития. Именно эти качества индивидуальной воли являются основой для формирования общей воли. Вместе с тем последняя отнюдь не является посторонним феноменом по отношению к воле индивида. Она складывается из волеизлияния людей, находящихся в необходимой общественной связи между собой. Не может быть общей воли индивидов, подобно тому как нет общест-

---

¹ Как отмечал К. А. Гельвеций, «общество есть лишь собрание отдельных лиц» (Гельвеций К. А. Об уме. М., 1938. С. 30).

ва без его членов¹. Именно на основе индивидуальных волевых актов формируется общая воля, которая хотя и включает в себя элементы личного познания и действия, опыта и творчества отдельных индивидов, тем не менее не сводится к их простой арифметической сумме. Связи здесь более сложные, тонкие, едва уловимые диалектически не вооруженным взглядом. В процессе развития общая воля достигает различных уровней обобщения — от начальных форм простейшего объединения волевых актов индивидов, принадлежащих к формальным или неформальным «малым группам», до формирования сложной, многогранной и богатой общественной воли больших социальных образований — классов, наций или всего народа. Но при всем этом общая воля основывается на индивидуальных волевых актах реальных личностей.

Гегель довольно ярко иллюстрирует образование общей воли на простом примере и вместе с тем отрывает ее от той реальной почвы, на которой она возникает, растет и развивается. «Особенность или единичность человека, — пишет он, — не препятствует всеобщности воли, а подчинена ей. Справедливый или моральный, иными словами, превосходный поступок хотя и совершается отдельным [человеком], однако все соглашается с таким поступком. Они, следовательно, узнают в нем самих себя или свою собственную волю. Здесь происходит то же самое, что и с произведениями искусства. Даже те, кто не смог бы создать такого произведения, находят в нем выраженной свою собственную сущность. Подобное произведение оказывается, таким образом, истинно всеобщим. Оно получает тем большее одобрение, чем более исчезает в нем особенное его создателя»¹.

В этих рассуждениях правильно намечаются основные контуры значения общей воли в праве и законодательстве по отношению к отдельным поступкам индивидов. Но внимательный читатель не может не обнаружить в них пока еще едва заметный отход от реальности, объективности, предметности воли. В самом деле, «превосходный поступок» далеко не во всех случаях приобретает «всеобщее» признание преж-

¹ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971. С. 28.

де всего потому, что его смысл и значение оцениваются представителями различных социальных общностей или даже групп отнюдь не однозначно, а порой прямо противоположно. В частности, в законодательстве отражаются лишь те поступки, которые признаются «превосходными» только с точки зрения тех, кто их сформулировал. И здесь происходит отнюдь не то же самое, что и с произведениями искусства. Если произведение искусства при определенных условиях действительно приобретает всеобщее признание, то в нормах права, предписывающих те или иные правила поведения индивидам, не исчезает, а, наоборот, отчетливо выражается «особенное» их создателей, преследующих совершенно определенные потребности, интересы и цели в регулировании общественных отношений.

Этот отход Гегеля от реальности, объективности, предметности и конкретности воли становится тем более очевидным, когда мы обращаемся к анализу понимания им всеобщей воли и ее значения для права. Противоречие между индивидуальной и всеобщей волей он разрешает путем растворения первой во второй. Но поскольку всеобщей воле приписываются свойства «абсолютного духа» — этого мистического сверхъестественного творца всего действительного, постольку разрешение данного противоречия оказывается мнимым. В «Йенской реальной философии» Гегель отмечает, что всеобщая воля есть первое и сущность; что отдельные индивиды снимают себя в этой воле, делают себя всеобщими путем отрицания самих себя, через самоотречение. «Всеобщая воля предшествует им, она абсолютно налична для них...»¹ В «Философии права» он указывает: «То, что есть право, только благодаря тому, что оно становится законом, получает не только форму своей всеобщности, но также и свою подлинную определенность»².

То, что право, будучи выражено в законе, приобретает общеобязательность (а отнюдь не «всеобщность») и определенность, очевидно. Но дело в данном случае не в этом. Во имя

¹ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. Т. 1. С. 356.

² Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VII. С. 230.

утверждения приоритета всеобщего¹ Гегель приписывает индивидуальной воле всеобщую субстанциональность, в которой будто бы находят свое непосредственное и прямое выражение интересы всех классов, всего народа. Из этой ложной посылки вытекает хотя и логически последовательный, но ошибочный вывод о том, что право, получившее, благодаря закону, форму всеобщности, является выражением воли любой социальной общности, а не только той, которая владеет государственной властью.

Абсолютизация воли, наделение ее качествами субстанциональной силы, создающей не только должное, но и сущее, переворачивает с ног на голову действительный процесс правообразования. Вскрывая гносеологические истоки приписывания логическим формам мышления способности становиться субстанцией реального движения действительных противоречий, К. Маркс справедливо писал: «Как посредством абстракции мы превращаем всякую вещь в логическую категорию, точно так же стоит нам только отвлечься от всяких отличительных признаков различных родов движения, чтобы прийти к движению в абстрактном виде, к чисто формальному движению, к чисто логической формуле движения. И если в логических категориях мы видим субстанцию всех вещей, то нам не трудно вообразить, что в логической формуле движения мы нашли *абсолютный метод*, который не только объясняет каждую вещь, но и включает в себя движение каждой вещи»².

Итак, между индивидуальной волей и общественной волей существует неразрывная связь, так как волевые действия людей, находящиеся между собой в определенных общественных отношениях, приобретают общественный характер и

---

¹ В письме к Э. К. Дюбоку от 29 апреля 1823 г. Гегель писал: «...если в духе, в душе... в человеке уже утвердилась вера, уверенность, убежденность... то речь в таком случае идет в первую очередь не о том, чтобы приобретать такое убеждение посредством познания... а о том, чтобы эти твердо установленные для души основоположения познавать и понимать. В этой позиции дух, так сказать, чувствует себя застрахованным в отношении познания» (Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. Т. 2. С. 444).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 131.

тем самым необходимо связаны с образованием общественной воли. Индивидуальная воля и общественная воля не существуют друг без друга и настолько близки, настолько органически связаны между собой, что между ними нет резких граней, они взаимодействуют, взаимопроникают, превращаются друг в друга в процессе своего развития. Всякая индивидуальная воля, будучи непосредственным первоисточником, началом возникновения общественной воли, в самой себе уже содержит общественную волю, но содержит ее не непосредственно, не в готовом, окончательно сформировавшемся виде, а как определенную предпосылку, элемент, фактор, черту, которые развиваются в общественную волю в процессе познания, общения между людьми, в процессе их коллективной деятельности. С другой стороны, ясно, что общественная воля именно потому и не является простой суммой индивидуальных волевых актов членов данного общества, что она отражает не каждую отдельную волю индивида, а общую сложную волю этих индивидов. Поэтому общая воля социальной общности не совпадает и не может совпадать с каждым отдельным актом волеизъявления членов данной общности и представляет собой качественно отличное явление по сравнению с индивидуальной волей. Члены определенной социальной общности, будучи объединены общими условиями их жизни, имеют в силу этого, во всяком случае в основном, также общие интересы и цели. Имеются, конечно, исключения из общих интересов и целей, но эти исключения не меняют положения в целом. Общие интересы и цели, в свою очередь, теснейшим образом связывают членов данной общности, побуждают их соответствующим образом организоваться, обуславливают единство их воли в решении важнейших задач. Индивидуальная воля — исходный пункт движения к общественной воле, но не единственный, ибо включает в себя и волю тех или иных сообществ людей.

Однако как недопустимо отождествление индивидуальной воли и общественной воли, точно так же не следует смешивать общественную волю с государственной волей, которая является особой разновидностью общественной воли. Создает законы и иные правовые акты не общественная воля вообще, а именно государственная воля; законы и иные пра-

вовые акты возникают в результате соответствующей деятельности государственных органов. Равным образом и сами законы и иные правовые акты содержат не вообще общественную волю, а именно государственную волю. «Подобно тому как у отдельного человека, — отмечал Ф. Энгельс, — для того чтобы он стал действовать, все побудительные силы, вызывающие его действия, неизбежно должны пройти через его голову, должны превратиться в побуждения его воли, точно так же и все потребности гражданского общества — независимо от того, какой класс в данное время господствует, — неизбежно проходят через волю государства, чтобы в форме законов получить всеобщее значение»¹.

Гегель также замечал по этому поводу: «Если бы воля не была всеобщей, то не существовало бы никаких действительных законов, ничего, что могло бы действительно обязывать всех. Каждый мог бы поступать, как ему заблагорассудится, и не обращал бы внимания на своеволие других»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 310.

² Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. Т. 2. С. 27.

В данном случае мы остановились лишь на взглядах Гегеля относительно природы и характера воли, поскольку они в наибольшей мере соответствуют и нашим представлениям об этом феномене (за исключением тех критических замечаний в адрес Гегеля, которые обозначены выше). Однако философия воли явилась предметом исследования многих западных и отечественных ученых. Так, существенное методологическое значение имеют идеи И. Канта о нравственной обусловленности воли как способности «определять самое себя к совершению поступков *сообразно с представлением о тех или иных законах*» (Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 268); И. Фихте, определяющего активно-деятельную и интегративную сущность воли как «духовной связи мира разума» (Фихте И. Г. Соч. Т. 2. СПб., 1993. С. 774); по А. Шопенгауэру, сущностью воли является мир, в котором каждая конкретная его определенность выступает лишь в качестве проявления воли (см.: Шопенгауэр А. Соч. Т. 1. М., 1992. С. 147); Ф. Ницше подчеркивал творческий характер воли (см.: Ницше Ф. Воля к власти. М., 1910. С. 312).

Не менее творчески-оригинальными являются идеи русских авторов о воле. Так, В. С. Соловьев указывал, что истинная воля требует отречения от эгоизма, «от своей исключительной воли», которая становится истинной только через нормальное отношение или согласие со всеобщей волей. «...Всеобщей не в смысле механического соединения воли многих или всех, а в смысле воли по природе своей всеобщей...» (Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. СПб., 1994. С. 39, 41); основу воли Н. О. Лосский видит в стремлении к «абсолютной полноте бытия», реализация которой возможна

Государственная воля обладает специфическими особенностями, которые состоят в том, что она, во-первых, является волей государственно организованной социальной общности или (в лучшем случае) народа в целом и официально провозглашается от имени государства (или его органов); во-вторых, всегда имеет строго установленные государством формы выражения, определяющие степень юридической силы правовых актов, изданных различными государственными органами; в-третьих, ее осуществление обеспечивается рядом специальных государственных мероприятий, а также — в случае нарушения законов — принудительной силой государственного механизма.

Государственная воля, создающая законы и иные правовые акты и выраженная в них, образуется на основе волеизъявления членов господствующей социальной общности. Но и в этом случае общая государственная воля отнюдь не является простой совокупностью индивидуальных волевых действий представителей этой общности. Тот или иной характер воли отдельного индивида, принадлежащего к господствующей общности, не представляет собой силу, которая создает законы и иные правовые акты и воплощается в них, ибо правотворческий процесс и сами правовые установления являются выражением общей государственной воли соответствующей социальной общности. Общие жизненные условия делают необходимым для представителей этой общности в соответствующих случаях самоотречение в законе и иных правовых установлениях и самоутверждение их интересов и целей в среднем, типичном случае.

Воля отдельного члена социальной общности может способствовать образованию общей воли данной общности и ее выражения в законе, иных правовых установлениях, но после того как эти установления уже вступили в действие, воля

лишь посредством Любви ко всему окружающему (см.: Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М., 1994. С. 311). Гуманистическая природа русских воззрений вообще и в частности относительно воли выражается во всеобщности Любви. «Без Любви, — как писал П. А. Флоренский, — личность рассыпается в дробность психологических элементов и моментов» (Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М., 1993. С. 173—175).

данного индивида в силу его изменившихся интересов и целей может прийти в противоречие с теми правовыми установлениями, которые образовались с его же собственной помощью. Маркс и Энгельс по этому поводу писали: «Почувствует ли себя завтра своеволие индивида стесненным тем законом, который оно вчера помогло установить, — это зависит от того, сложились ли за это время новые обстоятельства, изменились ли интересы индивида настолько, что установленный вчера закон уже не соответствует больше этим изменившимся интересам. Если эти новые обстоятельства затрагивают интересы всего господствующего класса, то этот класс изменит закон; если же они затрагивают только отдельных лиц, то внутреннее сопротивление этих последних не встретит, конечно, со стороны большинства никакого внимания»¹.

Следует, наконец, отметить, что не каждый член общества возвышается до уровня осознания общественных интересов; его воля не играет сколько-нибудь существенной роли в правотворческом процессе. Однако под воздействием одинаковых условий жизни в мыслях и действиях каждого есть много общего с волевыми устремлениями других людей. Это общее и получает свое выражение в законе и иных правовых установлениях. Аналогичным образом дело обстоит и с правореализующим процессом. Нередко отдельные граждане вынуждены подчиняться требованиям закона, которые противоречат их собственным желаниям и целям. В этом случае они черпают мотивы своих действий не в потворстве индивидуалистическому эгоизму, а в служении общему благу, в обуздании и сдерживании побуждений, идущих вразрез с общественной волей.

Сказанное не следует понимать в абсолютном смысле, в том смысле, что общность с помощью правовых установлений охраняет и регулирует общественные отношения, лишь устраивающие их, лишь для него полезные и выгодные. Правовые установления выполняют также и общественные функции. Отражая общенациональные потребности и нужды страны, правовые правила закрепляют общие условия, необ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 327.

ходимые для нормального существования и эффективного функционирования общественной системы.

Обратимся теперь к механизму образования и формирования общей воли, выраженной в правовых установлениях. Эта воля образуется путем диалектического объединения соответствующих волевых актов членов общества или их отдельных черт, моментов, нюансов. Происходит своего рода селективный выбор из многообразия волевых актов, в которых наиболее адекватно выражены потребности общественного прогресса и определены наиболее рациональные пути и средства их удовлетворения. Общая воля не есть результат простого механического объединения таких духовных устремлений и таких волеизъявлений. Ее формирование — итог сложной и трудоемкой работы по вычленению тех компонентов, которые в совокупности своей способны обеспечить выполнение общегосударственных задач и целей. Благодаря этой работе, стержень которой составляет знание диалектики и умение практически ее использовать, разрешаются противоречия как между индивидуальными волевыми актами, так и между волями различного рода социальных сообществ и социальных ячеек; они либо гасятся, снимаются, либо вовсе устраняются. В этом смысле право и прежде всего законодательство стремится утвердить в обществе режим согласия и примирения, жизненно необходимый для его существования и развития как организма, включающего в себя социальные слои, группы, ячейки, которые имеют не только различные, но и зачастую противоположные интересы. Отсутствие у права и законодательства этой «примирительной» функции таит в себе в худшем случае опасность распада общественной системы, в лучшем — оно может обернуться стагнацией в ее развитии.

Таким образом, общая воля, формирующаяся в процессе правотворчества, не может не представлять собой определенной целостности, интегрированного единства многообразных по своему содержанию и направленности волевых актов.

Общественная воля является качественно новой по сравнению с каждой составляющей ее волей. Она сложна по структуре, характеру внутренних связей и отношений, механизму взаимодействия с другими явлениями и факторами об-

щественной жизни. Однако вряд ли безоговорочно может быть принято суждение о том, что общественная воля содержательно представляет собой по сравнению с индивидуальной более богатое явление. Подобное суждение правомерно лишь в том смысле, что первая воплощает в себе вторую и, следовательно, несет ее отпечаток. Вместе с тем оно не учитывает отчужденности общественной воли от индивидуальной. В процессе формирования цели, субъектом которой выступает общество в целом, неизбежно углубляется разрыв с волей, носителем которой выступает каждый член этого общества.

Выше уже говорилось о том, что общественная воля не есть сумма индивидуальных волей. Будучи их концентрированным выражением, она вбирает в себя не все содержание последних, но лишь определенную его часть, благодаря чему между этими двумя разновидностями волей и возникают противоречия, доходящие нередко до взаимоисключающего антагонизма и полного разрыва связей между ними. Сказанное в полной мере относится к отношениям, складывающимся между государственной волей, которая является важнейшей формой существования общественной воли, и волей индивида. Более того, здесь отчуждение достигает иногда критической отметки, приобретает наиострейшее напряжение.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение причин отдаления названных волей друг от друга, отметим, что они коренятся, в частности, в различии механизмов их образования. Формирование государственной воли есть дело профессионалов (преимущественно политиков и юристов), которые осуществляют деятельность по созданию правовых норм согласно логике мышления, требованиям знания и прежде всего науки. Благодаря этому рационализируется не только сам правотворческий процесс, но и его продукт — законы (иные правовые акты), которые выступают в качестве достижения разума. Безусловно, подобная рационализация в целом благотворно влияет на их содержание. Но в то же время она не может и не обеднять его. Рациональное начало как бы вытесняет из содержания законов все те внерациональные моменты, которые задействованы в механизме образования воли каждого индивида. Оно «освобождает» общественную волю от внерациональных сил, воздействие которых нельзя

однозначно оценить как отрицательное. Ведь как раз благодаря тому, что воля индивида формируется с подключением душевных переживаний, предощущений, озарений и других проявлений внерациональных состояний; что в ее образовании играют роль не только рациональные начала, она наполняется свежим дыханием жизни людей в качестве носителей этой воли. Тем самым индивидуальная воля обретает необыкновенную активность.

Воздавая должное индивидуальной воле, не стоит забывать о поистине колоссальных возможностях воли, формирующейся на уровне и в масштабах общественной системы в целом. Именно здесь воля многократно усиливает свою действенность за счет того, что получает такой канал для своего выражения, как правотворчество, и соответственно такую форму этого выражения, как правовые установления. Именно через практику их реализации воля общества способна решить задачи, не ограничивающиеся адаптацией системы к постоянно изменяющимся условиям среды. Она приобретает возможность овладения этими условиями сообразно закономерным тенденциям и потребностям общественного развития. Нет необходимости подчеркивать, что такого рода задачи не по плечу воле индивида.

Воздействуя на индивидуальную волю членов общества, общая воля непосредственно определяет направление применения, исполнения и соблюдения правовых установлений каждым отдельным субъектом права. Разумеется, в правореализующей практике имеют место отклонения индивидуальной воли от общей воли, но такие отклонения ограничиваются влиянием последней, гарантируют ее проведение в жизнь. Необходимо, однако, заметить, что в этой сфере правового действия имеется еще множество проблем, нуждающихся в теоретическом осмыслении. Научная разработка этих проблем, к сожалению, отстает от запросов практики правореализующей деятельности.

Для того чтобы общую волю выразить и закрепить в правовых установлениях, использовать в правореализующей практике, ее необходимо выявить, определить, сформулировать, а это предполагает наличие соответствующих демократических условий общественной жизни, при которых каж-

дый гражданин свободно определяет свое отношение к действующей правовой системе или отдельным ее нормам, институтам, отраслям, выдвигает по своей инициативе те или иные предложения относительно отмены, изменения или дополнения действующих правовых предписаний, критикует правоприменительную практику должностных лиц.

Активное участие людей в обсуждении вопросов общественного развития не только является условием их правильного решения и реализации, но и означает вместе с тем формирование единства общеобщественной воли. Всенародное обсуждение законопроектов дает возможность непосредственно выявить волю людей, собрать богатейший материал, который затем глубоко и всесторонне изучается, обобщается и в виде государственной воли закрепляется в законе.

Опыт всенародных обсуждений позволяет прийти к выводу: чем выше уровень сознательности людей, их правовой культуры, тем продуктивнее их участие в подготовке и обсуждении законопроектов, тем точнее определяются в законах пути и способы разрешения объективных противоречий в общественном развитии и тем эффективнее воздействие законодательства на жизнедеятельность общества; чем лучше познаны запросы людей, чем полнее и глубже учтены потребности и интересы всех социальных общностей, слоев и национальностей, тем адекватнее их воля будет отражена в законах; чем большую инициативу, заинтересованность и активность проявляют члены общества в создании этих законов, тем большую мощь обретает законодательство в воздействии на жизнь общества.

Итак, государственная воля, выраженная в правовых установлениях и практике их реализации, представляет собой концентрированное выражение назревших и назревающих потребностей общественного развития. Общая воля народа, возведенная государством в закон и в иные правовые установления, диалектически объединяет наиболее обоснованные предложения о путях общественного прогресса, выражает как общие интересы всего народа, так и специфические интересы отдельных социальных общностей и национальностей. Именно поэтому, будучи закрепленной в законах и иных правовых установлениях, государственная воля приобретает не-

обходимый авторитет, становится рычагом творческого воздействия на общественные процессы в соответствии с ценностями свободы и демократии.

Однако не забудем, что и в создании законодательства, и в его реализации огромная роль принадлежит человеку, который диалектически сочетает в себе качества индивида, природного или биологического существа и существа общественного, сформированного социальной средой. Если в каждом из этих качеств, взятых в отдельности, человек являет собой объект специального научного исследования, то в их органической и противоречивой взаимосвязи он до сих пор не привлек должного внимания ученых. Кроме того, обществоведение грешит непомерным увлечением и даже гиперболизацией социальных сторон человеческого существования и деятельности. Так, известно, что человечество поставило себе на службу мощные силы природы, создало несметные материальные и духовные богатства, выработало множество экономических, политических, философских, правовых, этических и иных концепций, раскрывающих тайны его бытия. В этот общечеловеческий капитал вложены творчески-созидательные усилия не только человеческого сообщества в целом, но и отдельных людей. Однако эти достижения в общественных науках представлены как результат коллективного труда, хотя, безусловно, его достижение обеспечено и деятельностью отдельного человека, его интеллектуальной и физической силой.

Высказанный выше упрек в превышении меры социологизаторского подхода в обществоведении может быть адресован и отечественной юридической науке. И здесь индивид изучается преимущественно в своей общественной ипостаси, представляет интерес главным образом как член и выразитель интересов коллективов, сообществ, социальных групп и иных социальных образований. В тех же случаях, когда индивид оказывается в поле зрения исследовательской мысли, она концентрируется главным образом не на внутреннем мире человека (взглядах, настроениях, переживаниях), а на поступках и действиях, посредством которых он утверждает себя во внешнем, окружающем его мире. Исследование проблем правомерности, равно как и противоправности, ограничива-

ется, таким образом, изучением вопросов о соотношении уже свершившегося акта волеизъявления индивида с государственной волей. Вопрос же о том, что предшествовало данному акту, какие внутренние психические процессы подготовили к нему индивида, остается в стороне.

Мы знаем, что деятельность и поведение людей зависят не только от внешней среды¹, тех или иных объективных жизненных обстоятельств, но и от субъективного мировидения, миропонимания. В частности, та правовая картина мира, которая утвердилась в сознании личности и определила ее правовую позицию, во многом определяет поведение этой личности в правовой сфере. Исследование поведения человека должно осуществляться с учетом изменений, происходящих в его сознании, поскольку нельзя игнорировать состояние его психики, не принимать во внимание внутренние переживания, испытываемые индивидом в связи с совершением действий или поступков, регулируемых правовыми нормами. Эти переживания обусловлены как образом жизни индивида, так и его представлениями о законодательстве. Именно эти представления, утвердившиеся в сознании личности под воздействием правовых традиций, законодательства, системы правоотношений и правовой культуры, определенным образом влияют на ее поведение и деятельность. Под их влиянием формируются такие модели правового поведения и правовой деятельности, которые обладают устойчивостью, стабильностью и способностью к воспроизведению.

Невозможно рекомендовать тот или иной рецепт сочетания внешнего и внутреннего факторов в познании детерминантов поведенческого акта, поскольку эти сочетания зависят от задач, целей и направления каждого отдельного исследования. Но очевидно, что игнорирование одного или другого фактора мстит исследователю, обрекая его на непол-

---

¹ Б. Ф. Ломов утверждал, что поведение является активным приспособлением к среде, что без такого приспособления к среде поведение «просто невозможно» (см.: Ломов Б. Ф. Методические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 141). С этим утверждением едва ли следует соглашаться, поскольку в жизни имеют место поведенческие акты, не только приспособляющиеся к среде, но и, наоборот, отрицающие среду.

ноту, а следовательно, на искаженное воспроизведение изучаемого поведенческого акта.

Итак, любые действия, регулируемые законодательством, сопровождаются определенными психическими переживаниями индивида, в которых проявляется его собственное внутреннее отношение к требованиям закона и которыми он как бы готовит почву или создает необходимую опору для совершения либо несоблюдения этих действий. Можно сказать, что работа, происходящая во внутреннем мире человека, в его психике, находит своего рода продолжение и завершение в волевых актах, реализуемых во внешнем по отношению к нему окружающем мире. Отсюда следует, что анализ этих последних, дабы не разорвать связь между этими двумя мирами, должен предполагать изучение психических процессов. «Если бы кто-нибудь, — писал Питирим Сорокин, — предпринял анализ взаимного поведения членов какой-нибудь социальной группы, совершенно игнорируя психические процессы, происходящие в психике каждого члена при том или ином поступке, и описывая только внешние формы актов поведения, то вся социальная жизнь, или все то, что делает социальное явление категорией, ускользнула бы целиком из-под анализа такого исследователя. Общество превратилось бы в этом случае в простую сумму взаимодействующих “масс”, люди стали бы простой совокупностью атомов и молекул или простыми “центрами сил”, а их акты, поведение и поступки перестали бы быть “актами” и превратились бы в простые “движения” этих масс»¹.

Пытаясь преодолеть «внепсихическое» рассмотрение проблемы, П. Сорокин выдвинул любопытную классификацию поведенческих актов. Он правильно подчеркивает, что в социальном факте всегда необходимо различать, с одной стороны, психическую и, с другой — внешнюю его сторону, объективирующую первую. Исходя из этой предпосылки, автор указывает на два основных вида поступков (при всей их эмпирической разнородности и разнообразности): 1) делание (*facere*), 2) неделание (*non-facere*), в свою очередь распада-

¹ Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 51.

ющеся на разновидности: а) воздержание (*abstinere*) и б) терпение (*pati*). Каждый из названных видов поступков сопровождается неодинаковыми психическими переживаниями. Так, вслед за Л. Петражицким¹ отмечается, что акт «воздержания» отличается от акта «терпения» тем, что первый есть пассивный, состоящий в воздержании от каких-либо действий, а второй — акт активный, состоящий именно в терпении ряда воздействий, исходящих от других людей. Например, я сегодня на службе работал два часа сверх нормы; заплатил за коммунальные услуги, возвратил денежный долг товарищу и т. д.² Все эти акты «делания» имеют то общее, что сопровождались своеобразным переживанием обязанности, — я должен был их совершить в силу долга, внутренней убежденности в их необходимости. Сегодня же множество совершенных мною актов долженствования корреспондировалось сознанием на право требовать выполнения соответствующих действий от других людей, обязанных их совершить. Аналогичные психические переживания характерны и для актов воздержания и терпения. Мне, например, очень хотелось безвозмездно взять несколько книг, выставленных в магазине, но я обязан был воздержаться от этого «делания», а хозяин магазина имел право не терпеть моих притязаний на его добро. Иначе говоря, в данном случае мой акт «неделания» сопровождался переживанием обязанности (воздержания от акта), а хозяин магазина соответственно обладал правом нетерпения моего желания. В другом случае мне мешает отдыхать или работать пение в соседней квартире, но я воздерживаюсь от требования прекратить пение и считаю себя обязанным смиренно терпеть его, поскольку сосед вправе петь в своей квартире.

Эти и им подобные примеры (которые можно привести *ad libitum*) свидетельствуют о том, что каждый из поступков (*facere*, *abstinere* и *pati*) сопровождается специфическими

¹ Психологически-правовая теория Л. Петражицкого в данном случае не рассматривается, поскольку она подвергалась тщательному анализу как ее сторонниками, так и противниками.

² Здесь и в дальнейшем примеры, приводимые автором, несколько видоизменены ради большей доступности их восприятия.

психическими процессами, наделяющими меня или других определенными правами и обязанностями. П. Сорокин называет их «должно-дозволенными» актами; поведение, состоящее из подобных поступков, — «должно-дозволенным» поведением; взаимоотношения, устанавливающиеся между мной и другими людьми на основе подобного поведения, — «дозволенно-должными» взаимоотношениями. При этом, однако, возникает вопрос: все ли поведенческие акты, совершаемые мною, обладают «должно-дозволенным» характером? Очевидно, что нет. Так, я проработал на службе на два часа больше положенного (*facere*); воздержался от покупки книг в магазине (*abstinere*); терпел пение соседа по квартире (*pati*) и т. д. При всех этих актах я не переживал никакой «связанности», они были добровольны, и никто не мог требовать от меня их совершения. Под этим углом зрения я воспринимаю добровольность актов других людей, совершаемых по отношению ко мне. Следовательно, в каждой разновидности наряду с актами «дозволенно-должными», сопровождающимися «атрибутивно-императивными» переживаниями, мы обнаруживаем иную категорию актов — добровольно совершаемых ради желания оказать кому-либо услугу, доставить удовольствие. Эти акты характеризуются двумя чертами: добровольностью и непротиворечивостью «дозволенно-должных» («атрибутивно-императивных») переживаний. Но если «дозволенно-должные» акты определенным образом регламентированы во взаимоотношениях субъектов, всегда носят двусторонне связанный характер, сопровождаются обязывающими переживаниями, то в добровольных актах отсутствуют такого рода переживания. Они не противоречат «должному» поведению кого-нибудь, но желательны с точки зрения того, кто эти акты совершает. Эти акты именуется П. Сорокиным «актами рекомендуемыми (с точки зрения того же лица)»; поведение, состоящее из подобных актов, — «поведением рекомендуемым»; взаимоотношения, устанавливающиеся между данным лицом и другими людьми на почве совершения подобных актов, — «взаимоотношением рекомендуемым».

Таким образом, «рекомендуемые» акты «морально однородны» с «дозволенно-должными», но превосходят их нор-

мативно установленный предел и благодаря этому из количественного различия переходят в качественное: обязательно-правомочное отношение приобретает качество и взаимно-добровольного.

Исчерпывается ли каждый поступок и этими видами должных и рекомендованных актов? Очевидно, нет, поскольку существуют еще и переживания «недозволенности», которые выступают в моей психике чем-то недопустимым, запрещенным именно потому, что они противоречат тому поведению, которое в моем сознании имеет характер должного. Подобное же переживание «недозволенности» возбуждает во мне и ряд чужих актов, совершаемых как по отношению ко мне, так и по отношению к другим людям. Если, например, некто оскорбил меня без всякого повода, то этот и ему подобные акты расцениваются мною как недопустимые и запрещенные.

В заключение автор отмечает, что каждое поведение из рассмотренных выше категорий может быть различным по содержанию у различных людей. Один и тот же акт, например забастовка, одними признается должным, другими — запрещенным. При этом категория «должных» актов является основой, и от их характера которых зависит принадлежность того или иного акта к той или иной категории.

Подводя итог своим рассуждениям, П. Сорокин приходит к выводу, что обозначенные выше акты поведения по характеру психических переживаний распадаются на три основные категории:

1) акты «дозволенно-должные», которыми являются поступки, соответствующие представлениям обязательного поведения и сопровождаемые атрибутивно-императивными переживаниями. Это, по существу, акты осуществления прав и обязанностей;

2) акты «рекомендуемые», не противоречащие представлениям о «дозволенно-должном» поведении. Они добровольны и поэтому не носят элемента обязанности;

3) акты «запрещенные», или «недозволенные», которые противоречат представлениям о «должном» поведении и нарушают его «должную» норму поведения. Это акты, противоречащие атрибутивно-императивным переживаниям.

Перечисленные акты — категории чисто «формальные», их присутствие в сознании каждого человека еще не обуславливает тождественности каждой категории поведения у различных людей. Одни могут считать «должным» такой-то шаблон поведения, другие — иной. Сообразно с этим неодинаковыми будут и те акты, которые каждый из них будет считать рекомендуемыми и запрещенными.

П. Сорокин признавал формальность предложенной им классификации. Действительно, данная классификация основана на сугубо рассудочных логических умозаключениях, оторванных от реальностей жизни (несмотря на множество иллюстраций из практики). Она не может претендовать на всеохватывающий масштаб. От внимания Сорокина «ускользнуло» нечто наиболее важное и сложное, а именно процесс трансформации («оборачиваемости») переживаний в правовую сферу, или, как принято ныне выражаться, «правовой механизм» этого процесса. Этот тонкий «механизм» еще ждет своего тщательного исследования. За пределами классификации П. Сорокина остается множество поведенческих актов и сопровождающих их психических состояний, имеющих весьма существенное значение, в особенности для правоведения и юрисдикционной практики.

В реальной жизни мы сталкиваемся с неограниченным числом вариантов человеческих переживаний, устремлений, поступков, не поддающихся учету, обобщенной формализации и сколько-нибудь полной классификации. Наряду с осознанными, взвешенными, разумными волеизъявлениями нередко проявляет себя и «темная» воля индивида. Он может жить, творить, созидать, отдыхать или развлекаться, соглашаясь с установившимися правилами общежития, общепринятыми нормами морали, права, обычаев и традиций. И вдруг совершенно неожиданно в силу разного рода объективных и субъективных причин, в том числе и под воздействием психически искаженного восприятия о реальности, человек впадает в состояние депрессии, пессимистического равнодушия, отрицания и даже активного противостояния устоявшемуся укладу жизни. Его воля упорно ищет пути выхода из неблагоприятной ситуации, и он выбирает тот путь, который в болезненном восприятии представляется единст-

венно возможным, спасительным, необходимым, но отнюдь не является таковым. Сами действия и их последствия оказываются вне контроля сознания, они детерминируются «темной» волей. В этом состоянии человек способен на непредсказуемые действия¹, в том числе и на совершение преступных деяний, причины, мотивы и смысл которых он не может объяснить, возвратившись в нормальное психическое состояние. В судебной практике возникают серьезные трудности в понимании такого рода деяний, в их адекватной оценке и квалификации. В этих случаях нередко проблема решается формально-юридически. Поскольку налицо все признаки состава преступления, подпадающего под ту или иную статью уголовного закона, следует наказание, не учитывающее психический аспект причин совершенного деяния. Дело усугубляется тем, что и юридическая наука зачастую не может помочь судебной практике². При исследовании причин преступности многие авторы указывали (еще совсем недавно) на пережитки капитализма, тлетворное влияние Запада, несовершенства социалистических общественных отношений, т. е. педалировали лишь социологическую сторону решения этой проблемы, оставляя в тени психологический момент. К сожалению, до настоящего времени осознание настоятельной необходимости комплексного подхода к исследованию реализации законодательства (в частности, к борь-

---

¹ Т. Парсонс и Е. Шилз также считают, что в индивидуальных действиях «мы должны признать существование большого количества непредсказуемых поступков...» (Parsons T., Shils E. *Toward a General Theory of Action*. N. Y.; Evanston, 1962. P. 38).

² В отечественной литературе пока скромные сдвиги в этом отношении намечались. Так, интересными являются соображения Р. С. Байниязова о правовых эмоциях, чувствах, интуициях, фантазиях, а также правовом воображении и правовой «совести», определяющих «глубинные источники правотворческого и правоприменительного процессов...» (Байниязов Р. С. *Правосознание...//Правоведение*. 1966. № 3. С. 16—21. См. также: Изару К. Е. *Эмоции человека*. М., 1980; Варшенин Г. А., Петров Е. С. *Эмоции и поведение*. Л., 1989).

Прав Р. С. Байниязов и тогда, когда замечает: «Западной правовой психологии... не хватает определенной доли юридического порыва, вдохновения, озарения, правовой интуиции...» (Байниязов Р. С. *Правосознание...//Правоведение*. 1966. № 3. С. 18).

бе с преступностью), подхода, в котором важное место принадлежит психологической науке, не привело еще к реальным шагам в этом направлении. Думается, что незамедлительно следует не просто расширить фронт изучения психических процессов, связанных с правовым регулированием, не только активизировать и стимулировать уже достигнутые здесь успехи, но и перевести в практическую плоскость вопрос о формировании в составе юридических наук такой отрасли, как юридическая психология (помимо судебной психологии). В рамках этой отрасли знания удастся, как нам представляется, обратиться на службу правоведения «наработки» инженерной, дифференциальной, подростковой, социальной и иных ответвлений психологической науки, что безусловно обогатит познавательный потенциал юридических исследований.

Глава 22

СВОБОДА, РАВЕНСТВО И РАВНОПРАВИЕ

Человеческая жизнь приобретает смысл лишь в условиях подлинной свободы. Только свобода все человеческое превращает в подлинно человеческое, и только в условиях свободы личность получает возможности для раскрытия и развития своих способностей и талантов, для проявления инициативы и волевых устремлений.

Многие столетия лучшие люди нашей планеты мечтали о свободном обществе, воспевали его как прекрасный, но далекий идеал. Ценой колоссальных усилий, больших страданий и даже жертв они стремились воплотить его в действительность. Тем не менее свобода не становилась реальностью, а оставалась никогда не покидающей их мечтой.

Идея свободы и поныне тревожит умы людей, и в наше время она начертана на знаменах борьбы с несправедливостью, беззаконием и угнетением. Затрагивая буквально все проявления жизнедеятельности человека, являясь их необходимым условием и одновременно базовой общей целью, свобода выступает предметом всех областей социального знания, и правоведения в том числе. Ученые-юристы оказываются перед необходимостью искать ответы на вопросы о специфике государственно-правовой формы реализации свободы, о тех путях и механизмах, посредством которых государство и право способствуют ее достижению. Естественно, что стремление найти решение названных вопросов предполагает прояснение некоторых исходных теоретических позиций, а именно раскрытия того смысла, который научное знание, человеческая мысль вкладывает в понятие свободы. Сделать это крайне необходимо потому, что государство и право являются «виновниками» создания своеобразной, парадоксальной ситуации. Они распо-

лагают огромными возможностями для достижения и обеспечения свободы как в масштабах общества в целом, так и на уровне каждого отдельного индивида. В то же время энергия, мощь, эффект всеобъемлемости данных институтов используются и в целях ограничения свободы, принуждения и насилия над людьми. Иными словами, они способны противодействовать утверждению свободы, создавать серьезные препятствия на пути к ее достижению.

Парадоксальность подобной ситуации является одним из убедительных и ярких свидетельств противоречивой двойственности государства и права, тяготеющего, как было сказано, к свободе и к ее отрицанию. Поэтому путь познания права в тесной связи со свободой не следует понимать как что-то случайное и тем более чужеродное для исследователя-юриста. Напротив, такой путь органичен для философско-юридических исследований, ибо ориентирует на диалектический подход к анализу предмета, подход, позволяющий вскрыть противоречивость права, выявить характер соотношения составляющих его основных противоположных сторон, т. е. проникнуть в самую суть данного явления.

Рассмотрение права сквозь призму свободы служит своего рода исходным и основополагающим моментом в понимании вопроса о разрешении, снятии и преодолении имеющихся здесь противоречий, или, иначе говоря, в нахождении путей выхода из обозначенной выше парадоксальной ситуации.

Итак, обращение к толкованию свободы со стороны юристов-исследователей обусловлено не столько любовью к философствованию, сколько стремлением глубже проникнуть в тайну сложного феномена права¹.

---

¹ Отметив, что «в отечественной юридической литературе существует область проблематики, связанной с потребностью в существенном расширении понятия права, с несводимостью его к нормативной системе, опирающейся исключительно на государство», Л. И. Лазебный далее пишет: «Понимание права как меры свободы человека в обществе носит социально-философский характер, поскольку право определяется путем сведения к категории свободы; это - одна из ипостасей свободы, один из конкретно-исторических путей ее развития. Право как особая область социальной деятельности возникает в виде особого механизма социальной регуляции свободы» (Лазебный Л. И. Политическое сознание: социально-философский анализ. М., 1999. С. 26).

Энгельс отмечал, что невозможно рассуждать о праве, не касаясь вопроса о необходимости и свободе¹. Свобода предполагает не только право и, в частности, соответствующее законодательство; здесь следует также учитывать природу и деятельность государства. Именно поэтому целесообразно провести некоторые высказывания Гегеля, имеющие актуальное значение для современной деятельности государств различных стран, и в первую очередь России.

Гегель писал: «Философия особенно нужна в те периоды, когда происходит переворот в политической жизни общества... ибо мысль всегда предшествует действительности и преобразует ее»². В соответствии с этим утверждением он указывает: «Надо рассматривать как бесконечно большое достижение образования то, что последнее привело к знанию первооснов государственных учреждений и сумело объединить эти основы в простых положениях как элементарный катехизис»³. Однако если при всей разумности каждого государственного устройства действительность не соответствует таким требованиям, то, по мнению Гегеля, повинен в этом в первую очередь бюрократизм и сословие бюрократов, которые не уделяют «петиции народа никакого объективного внимания»⁴. Поэтому они должны исчезнуть. И их уход со сцены становится «триумфом нового права»⁵. Гегель далее пишет: «Основоположения разумного права и всеобщего благосостояния» требуют уничтожения всех сословных привилегий⁶, для чего необходимы «крупные политические движения, осуществляемые народом». Они должны исходить «снизу, где жизнь конкретна». Обманываемый до сих пор народ, к сожалению, вовсе не замечает «отвратительного спектакля», когда

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 11.

² Hegel G. W. F. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Leipzig, 1914. Bd. I. S. 321.

³ Hegel G. W. F. Jubiläumsausgabe. Bd. 20. S. 380.

⁴ Ibid. S. 425.

⁵ Ibid. S. 455.

⁶ Ibid. S. 467.

«существующее столетиями лишь на словах право», т. е. «форменную несправедливость», которая «довела народ до отчаяния», преподносят ему как реальное право. Поэтому «право и государство должны быть объединены посредством понятия»¹, старые же понятия должны быть «упразднены». Показательно, что Гегель бичует «извращение понятий о государственном праве и праве на свободу»². Необходимо, чтобы «определения, данные в конституции... могли стать основой благосостояния народа»³. Государство не принадлежит правительству, оно принадлежит народу этого государства.

Иными словами, конституция должна совпадать с ее реализацией. Государство и народ едины лишь в том случае, если государственная жизнь построена на принципах свободы⁴.

Каковы же «существенные определения свободы»?

В истории философской, политологической и юридической мысли свобода определялась различными авторами весьма разноречиво⁵. Традиционное (во всяком случае, наиболее распространенное) определение данного феномена

¹ Hegel G. W. F. Jubiläumsausgabe. Bd. 20. S. 470.

² Ibid. S. 474.

³ Ibidem.

⁴ Подробнее об этом см.: Байер В. Р. О философии права Гегеля//Вопросы философии. 1968. № 2. С. 65—71.

⁵ Интересны, например, суждения на этот счет Н. А. Бердяева. Его мысли и афоризмы о свободе не поражают своей глубиной и оригинальностью всех тех, кто исследует эту проблему. Так, он пишет: «Личность есть не только существо разумное, но и существо свободное»; «Никакими силами нельзя лишить личность ее духовной свободы, она остается свободной в тюрьме и на плахе»; «Человек должен быть свободен, не смей быть рабом, ибо должен быть человеком»; «Свобода есть свобода не только от господ, но и от рабов»; «Когда человек лишен элементарных экономических прав... это уже есть насилие»; «Декларация прав человека и гражданина, чтобы не быть формальной, должна быть также декларацией обязанностей человека и гражданина» и т. д. и т. п. (Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды. М., 1999. С. 279, 281, 268, 286, 278, 275).

Невозможно отказать Н. А. Бердяеву в истинности приведенных рассуждений. Вместе с тем трудно согласиться с ним, когда утверждает, что: «Тайна свободы — бездонна и неизъяснима», «Свобода — безосновная ос-

сводится к тому, что свобода включает в себя как познание необходимости, так и действия в соответствии с познанным. Стихийные силы природы и общества могут проявлять себя разрушительно (и нередко так себя и проявляют), пока люди не считаются с ними, не подчиняют их своему влиянию и сознательному контролю. Разумеется, необходимым условием ограничения, обуздания и направления действия этих сил в определенное русло, их использования в соответствии с целями, волей людей является познание объективных законов развития природы и общества. Иначе говоря, действия, опирающиеся на знание окружающего мира, способны вырвать человека из состояния зависимости от природных и социальных сил, обеспечить его существование в качестве свободного существа.

Однако с подобной трактовкой свободы, как было отмечено, соглашались далеко не все. Как отмечали еще основоположники марксизма: «Свобода определялась до сих пор философами двояким образом. С одной стороны, она определялась как власть, как господство над обстоятельствами и отношениями, в которых живет индивид: так она определялась всеми материалистами. С другой стороны, она рассматривалась как самоопределение, как избавление от действительного мира, как — мнимая только — свобода духа: так она определялась всеми идеалистами...»¹

Следует, однако, заметить, что в наши дни в понимании свободы имеются различного рода отклонения от обозначенных выше материалистической и идеалистической позиций, хотя они не столь существенны, чтобы говорить об устранении различия между ними. Граница, разделяющая толкователей свободы, до сих пор проходит в основном по прежнему рубежу.

нова бытия», «Свобода — колодезь бездонно глубокий, дно его — последняя тайна» и т. д. и т. п. (там же. С. 65). Здесь автор не только отрицает социальную и индивидуальную детерминацию свободы, но и провозглашает ее непознаваемость. Но если свобода — «тайна», то каким образом оказалось возможным характеризовать ее вышеприведенными суждениями самого Н. А. Бердяева?

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 292.

Если в материалистическом понимании свободы многие современные представители философии восходят к Марксу, то ее идеологическая интерпретация находит свое глубокое обоснование у Гегеля.

По Гегелю, свобода есть подлинная сущность духа. «Субстанцией, сущностью духа, является свобода»¹. Всемирно-исторический процесс «есть не что иное, как развитие понятия свободы»²; движение духа народа по пути «освобождения духовной субстанции»³ есть прогресс «в сознании свободы»⁴. Будучи сама по себе «только понятием, принципом духа и сердца», свобода приобретает форму действительности, получает «форму необходимости», поскольку «сама определяет себя к развитию до степени предметности»⁵. Здесь, следовательно, преодолевается сосуществование (Фихте, Кант) свободы и необходимости, которые выступают, скорее, как ступени развития действительности. Необходимость находится на низшей ступени развития духа, представляет собой «как раз то, о чем не умеют сказать, *что* оно делает, каковы его определенные законы и положительное содержание...»⁶. Возвышаясь над необходимостью, дух переходит из сферы необходимости в сферу свободы, т. е. в сферу понятия⁷. При этом существенная особенность духа — его деятельность, создающая «из себя наличный действительный мир, который в данное время держится и существует в своей религии, в своем культе, в своих обычаях, в своем государственном устройстве, в своих политических законах, во всех своих учреждениях, в своих действиях и делах». Действительностью конкретной свободы является только государство, нравственность, право. Гегель утверждает, что система права «есть нечто *святое вообще*, свя-

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VIII. С. 17.

² Там же. С. 422.

³ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. III. С. 329.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VIII. С. 19.

⁵ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. III. С. 293.

⁶ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. IV. С. 194.

⁷ См.: Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VI. С. 289.

тое только потому, что оно есть наличное бытие абсолютно-го понятия, самосознательной свободы. ... Каждая ступень развития идеи свободы обладает свойственным ей особым правом, так как она есть наличное бытие свободы в одном из ее определений»¹.

Гегель гениально понял органическую связь необходимости и свободы, но крайне идеализировал их соотношение, абсолютизировал значение разума, духа, идеи, не показал и не объяснил, каким образом в историческом процессе необходимость превращается в свободу.

Действительная, а не иллюзорная свобода вытекает не из самой себя, не из всеобщего разума, духа и идеи как некой тотальности и целостности, а может иметь место лишь тогда, когда действия людей исходят из познанной реально существующей необходимости, когда они опираются в своей практической деятельности на объективные закономерности развития природы и общества, используют их в своих интересах с учетом случайных проявлений. В противоположность гегелевской философии мы исходим из того, что человек в своей практической деятельности зависит от объективного мира, его свобода зависит от осознания необходимости, от использования объективных закономерностей природы и общества, от учета случайных факторов, противоречащих этим закономерностям. Именно познание и действие в соответствии с познанными закономерностями бытия, с учетом всего того, что противоречит этим закономерностям, превращают необходимость в свободу. В своем существовании и деятельности люди не могут игнорировать закономерности бытия (наряду со случайностями), не могут с ними не считаться. Лишь познав эти закономерности, равно как и отклонения от них, научившись использовать их для достижения определенных целей, люди обретают свободу. Следовательно, объективная сторона общественного развития, объективная необходимость определяет его субъективную сторону. Если же субъективная сторона определяется объективными закономерностями (и случайностями), то человечество мо-

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VII. С. 54.

жет ставить перед собой только такие цели, которых оно в состоянии достичь в данных исторических условиях, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама цель возникает и формируется лишь тогда, когда объективно существующие условия ее достижения либо уже существуют, либо находятся в процессе становления.

Подчеркивая объективный характер развития мира, закономерную и случайную необходимость такого развития, нельзя в то же время фетишизировать эти закономерности и случайности, поскольку, познав их и предвидя возможности случайностей, люди могут управлять ими, а тем самым и господствовать над ними. Объективные закономерности (и случайности) выражают не только соотношение между наличными, данными явлениями и процессами, но и отношение к тому, что должно или может существовать, выражают основную тенденцию развития явлений и процессов. Именно поэтому, познав объективную действительность (включающую в себя как необходимость, так и случайность), люди получают возможность предвидеть, предполагать результаты действия объективных общественных сил, сознательно использовать их в своих интересах и в интересах всего общества. Все более глубоко проникая в сущность явлений и процессов, люди могут сочетать действия различных общественных сил или противопоставлять действие одной из них другим и таким образом достигать определенных желаемых целей. Следовательно, положение о том, что человечество не в силах отменить действия объективных сил, не противоречит тому факту, что люди, познав эти силы и научившись ими пользоваться, в состоянии способствовать их более эффективному действию, направлять их действие по определенному руслу, а в случае возникшей потребности — ограничивать сферу их действия путем создания соответствующих условий.

Существуя в определенных условиях объективного мира, люди неизбежно должны приспособляться к этим условиям, познавать их, овладевать ими, господствовать над ними, чтобы использовать их для удовлетворения своих потребностей, интересов, желаний, для достижения поставленных целей. Этот процесс начинается уже с момента производства, когда человек, чтобы присвоить вещество природы в известной

форме, пригодной для его собственной жизни, приводит в движение принадлежащие ему естественные силы и благодаря этому добивается осуществления соответствующей цели.

До тех пор пока люди в своей деятельности руководствуются лишь чувственной видимостью, которая, как правило, отличается от рациональной сущности, они остаются рабами объективной действительности, оказываются бессильными перед ней. Их волевые действия могут иногда совпадать с движением объективной действительности и достигать желанной цели. Но в большинстве подобных случаев нет возможности гарантировать достижение преследуемых результатов. Когда же волевые устремления людей основаны на знании объективных реальностей, они достигают желаемых результатов, их деятельность приобретает осмысленный, свободный характер. Следовательно, не в воображаемой независимости от объективности бытия суть свободы, а в познании этого бытия и в основанной на этом знании возможности действовать для достижения определенных результатов.

Если люди в своем существовании, деятельности и развитии зависят от объективных условий бытия, то познание этого бытия является предпосылкой достижения ими свободы. Уровень свободы людей тем именно и определяется, насколько всесторонне и глубоко познаны условия их бытия и насколько их действия согласуются с тенденциями объективного развития этого бытия и достигают сознательно поставленных целей, желаемых результатов. Если бы бытие было лишено объективности своего существования и развития, то люди были бы лишены возможности принять решение о каких-либо, в том числе и простейших, действиях, не могли бы осуществить их, ибо не знали бы, что нужно сделать для получения этих желаемых результатов. Целесообразность мышления и деятельности возможна только потому, что реально существуют и действуют закономерности природы и общественного развития; что в человеческом сознании эти закономерности так или иначе отражаются. Чем глубже человеческое сознание овладевает знанием закономерностей развития природы и общества, тем более успешно оно воздействует на внешний мир. Чем более всесторонне и чем глубже люди познают необходимость, тем более обоснованны их целенаправ-

вленные действия, тем выше уровень их свободы, тем свободнее их воля. Достижение цели в соответствии с познанными объективными закономерностями и приводит к свободе: активная, целенаправленная деятельность на основе знания необходимости преобразует возможности в действительность и тем самым превращает эту необходимость в свободу. Здесь, таким образом, обнаруживается методологическое значение категории свободы, поскольку она синтезирует, аккумулирует в себе органическую связь действительности и возможности, необходимости и случайности, цели и волевой деятельности. Познание действительности и порожаемых ею возможностей (необходимых или случайных), установка на преобразование возможности в действительность в соответствии с установленной целью, наконец, реализация цели в результате волевого действия — суть высшее проявление свободы.

Итак, нельзя не только провозглашать, но и представлять себе свободу без необходимости, вне объективных закономерностей и случайностей развития природы и общества, если мы намерены рассуждать о свободе в строго научном и действительном ее значении. Подобно тому как «вещь в себе» в результате познания превращается в «вещь для нас», так и объективная реальность становится свободной, коль скоро она познана. Свобода содержит внутри себя эту реальность как снятую.

Отстаивая понятие свободы как снятой реальности, мы вместе с тем далеки от признания исчерпывающим традиционного философского определения свободы: познание необходимости и действие в соответствии с познанным. Оно чрезмерно абстрактно, оставляет без ответа множество вопросов, возникающих с реализацией свободы в практической жизнедеятельности человека. Среди них такие вопросы: как быть с объективно существующими случайностями в развитии природы и особенно общества или в чьих интересах осуществляется познание необходимости (или случайности) и соответствующее действие.

Если принять данное понятие свободы за аксиому, не требующую уточняющих, дополняющих и развивающих ее доказательств, то остается неясным, в частности, как соотно-

сится свобода с демократией, правом, законодательством, равенством и равноправием, каков характер их связи.

Сразу же отметим, что познание необходимости и действие в соответствии с познанным могут (и довольно часто) противоречить общественным интересам. Объективное историческое развитие, например, привело к необходимости создания ядерного оружия, но едва ли кто-либо станет утверждать, что оно продвинуло человечество к свободе.

Подчеркнем, далее, что отнюдь не всегда необходимость преобразования тех или иных сфер жизни, совершаемого в интересах всего общества, соответствует интересам каждой личности, равно как и наоборот — действия отдельной личности в соответствии с познанной необходимостью вовсе не всегда отвечают интересам всего общества. Отсюда возникает потребность поиска ответа на вопрос о том, означает ли свобода общества вместе с тем и свободу каждого его члена. Хорошо известно, что обдуманно, со «знанием дела», прекрасно ориентируясь в ситуации, действует иной преступник. Однако мыслимо ли признать эти действия свободными? Такая «свобода» завершается лишением свободы в интересах общества.

Известно утверждение: «Свобода общества — условие свободы каждого». Нет слов, если общество несвободно, то его члены вряд ли смогут обрести индивидуальную свободу. Но, с другой стороны, верно и то, что свобода общества автоматически не влечет за собой свободу всех индивидов. Первая выступает лишь необходимой предпосылкой для реализации второй. Свободное общество предоставляет каждому человеку возможность выбора той или иной жизненной позиции, тех или иных вариантов поступков и действий. Однако спектр такого выбора весьма ограничен, выбирают лишь из того, что предоставляет закон подданным государства. Оттого-то предпочтительнее обратная формула: «Свобода каждого — условие свободы общества».

Традиционное философское определение свободы страдает еще одним существенным недостатком: в нем фиксируется, по сути, ее внешняя форма. Между тем человек как член общества может познавать необходимость, действовать в соответствии с ней, но оставаться несвободным. Скажем, ос-

новываясь на познанных экономических и других объективных закономерностях (обладающих, как известно, многовариантностью их использования), общество реализует курс социалистического или капиталистического развития. В это развитие неизбежно вовлекаются массы людей. Отвечает ли становящийся уклад общественной жизни интересам человека или он вынужден подчиниться общему движению? Можно ли признать индивида внутренне свободным, если он участвует помимо собственной воли в создании того, что противоречит его представлениям, мировоззрению, желаниям? Ведь внутренняя свобода предполагает свободу мыслей, убеждений, веры, словом, полную автономию личности.

Человек должен обладать не только внешней, но и внутренней свободой. Он должен иметь возможность реализовать свои индивидуальные (в том числе и физиологические, и биологические) потребности, интересы, свою автономию, независимость, суверенитет. Практические действия человека не только должны быть направлены на овладение силами природы и общества, но и предполагать сознательное руководство собственными силами ради удовлетворения своих индивидуальных потребностей, интересов, целей. Именно поэтому свободу следует понимать не только как господство людей над окружающей их действительностью, над обстоятельствами и условиями бытия, но и как умение владеть своими страстями и помыслами. Иначе говоря, свобода включает в себя не только, так сказать, внешнюю, но и внутреннюю свободу, господство человека не только над силами природы и общества, но и над самим собой. Следовательно, для того чтобы овладеть стихийными силами природы и общества, своими собственными силами, люди должны не только познавать объективные закономерности, управляющие ходом развития материального мира, но и подчинять движение своих собственных сил научному, разумному, целесообразному использованию этих закономерностей как в своих частных интересах, так и в общественных.

Наивно думать, будто весь смысл свободы сводится, например, к гласности, плюрализму мнений или беспрепятственному выбору местожительства. Свобода куда более емкий, богатый по своему содержанию феномен, предполагающий,

кроме внешних проявлений, реальные гарантированные возможности индивида: по своему усмотрению придерживаться определенных ценностных ориентаций, распоряжаться своей судьбой и т. д. Сугубо формальными предстают закрепленные в законе широкие права и свободы¹ при отсутствии условий для их практической реализации. От провозглашения деклараций до их воплощения — дистанция огромного размера, преодолеть ее без соответствующих материальных, духовных и юридических предпосылок невозможно. Как справедливо писал К. Маркс: «На бумаге легко можно прокламировать конституции, право каждого гражданина на образование, на труд и прежде всего на известный минимум средств существования. Но тем, что все эти великодушные желания написаны на бумаге, сделано еще далеко не все; остается еще задача оплодотворения этих либеральных идей материальными и разумными социальными учреждениями»².

Сказанное позволяет предложить следующее определение понятия свободы: это внешнее и внутреннее состояние независимости личности, познающей действительность и действующей в соответствии с познанным, разумно сочетающей свои интересы с интересами общественного прогресса.

Современное общество становится все более сложным и дифференцированным. Решения, принимаемые в интересах целого, не могут абсолютно адекватно отражать и учитывать интересы составляющих его образований и, конечно же, всех индивидов. Естественно, что при этих условиях свобода общества вступает в противоречие со свободой индивида. Поэтому задача состоит в том, чтобы «снять» или, по крайней мере, смягчить данное противоречие. Без этого ни общество, ни индивид не достигнут свободы³. Существует по меньшей

---

¹ О правах и свободах человека и гражданина написано много работ, среди которых наиболее содержательным является монографический труд известного польского ученого Адама Лопатки (см.: *Łopatka Adam Międzynarodowe prawo. Praw człowieka. Warszawa, 1998*).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 687—688.

³ Прав, конечно же, А. С. Панарин, когда пишет: «Если люди не в состоянии защитить коллективные упорядочивающие нормы и ценности, устанавливается закон джунглей, где лучшие, как правило, проигрывают худ-

мере два альтернативных варианта разрешения проблемы. 1. Приоритет общественного перед индивидуальным. Мы на практике убедились в том, что это приводит к ликвидации демократии и утверждению командно-административной системы, монополизации власти и подавлению личности, бюрократизации государства и разгулу беззакония. 2. Приоритет индивидуального перед общественным, предполагающий максимальный учет обществом потребностей, интересов, целей и воли отдельного человека, полную гарантию прав и свобод, разумное сочетание и взаимодействие индивидуального и общественного, баланс которых обеспечивается продолжением одного в другом. Наш народ отверг первый и избрал второй вариант, тем самым открыв путь к утверждению свободы личности в свободном обществе.

Указание на действия в интересах общества и всех его членов превращает понятие свободы из мертвой абстракции в живую категорию общественно-исторической практики человечества, истолковывает господство личности не только как господство над природой и социальной реальностью, но и как господство над самой собой и соответственно ориентирует эту личность на самосовершенствование и активную деятельность во имя общественного прогресса. Именно благодаря господству человека над самим собой его действия, поведение приобретают осмысленный, разумный и практически целесообразный характер, а полученный результат обретает нужный, необходимый, полезный для самого человека и всего общества смысл. Причем плодотворность результата действия — это особенно важно подчеркнуть — должна расцениваться не только с точки зрения лишь частной выгоды субъекта, но и с позиции общественной пользы этого результата, поскольку свобода общества предполагает свободу его членов. Господство человека над собой в том и состоит, что его природные силы подчинены достижению не только своих частных задач, но и общественно значимых целей, благодаря чему человек достигает и своей личной свободы, находится как бы

шим — тем, кто не стесняется» (Панарин А. С. Драматургия истории и парадоксы современности//Вестник Российской Академии наук. Т. 68. 1998. № 12, декабрь. С. 1123).

в лоне свободы. Поэтому общественно полезные и целесообразные действия людей, направленные на прогрессивное развитие бытия, являются свободными действиями.

Выбор наиболее целесообразного решения вопроса и действия в соответствии с этим решением зависит не только от знания дела, но и, как отмечалось выше, от условий, в которых осуществляется это действие. Лишь в той общественной системе, в которой действует принцип подлинной демократии и права, основанного на справедливости, обеспечивается реальное бытие свободы. В самом деле, если все материальные и духовные богатства общества сосредоточены в основном в руках лишь узкого круга лиц, относящихся к привилегированной элите, а большинство населения фактически лишено возможности пользоваться ими, то свобода этого общества оказывается весьма ограниченной, урезанной. Если общество, эксплуатируя и угнетая людей, лишает их даже минимальных условий для удовлетворения нужд и потребностей, для получения образования, приобщения к духовной культуре, гармоничного развития способностей, то для них свобода является лишь иллюзорной мечтой, недостижимым идеалом. И напротив, если блага, ценности и достижения общества предоставлены в полное распоряжение личности; если созданы все условия и возможности для ее труда, образования и культурного развития, для проявления всех способностей и дарований; если личность живет, работает и творит в условиях подлинной демократии и пользуется гарантированными правами, то истинная свобода каждой личности и всего общества становится реальностью.

Свобода, демократия, законодательство и законность органически между собой связаны. Подобно тому как свобода может быть осуществлена в условиях демократии, так и демократия может быть реальной и действенной лишь на основе законодательства и законности, действующих в соответствии с принципами права. Законодательство и законность составляют необходимую черту, характерную особенность, неотъемлемое свойство демократии. Именно благодаря законодательству и законности обеспечиваются демократические формы деятельности государства, его органов и общественных организаций, взаимоотношения их между собой и

с гражданами, гарантируется строгое и неукоснительное соблюдение прав и свобод членов общества¹.

Гуманная и рациональная цель права, законодательства и законности является моральным стимулом, двигательной силой правомерного поведения граждан, предопределяет сознательное, добровольное соблюдение ими права, а в надлежащих случаях и активное исполнение правовых предписаний.

Каждый член общества не может не считаться с правовыми нормами поведения, определяющими его обязанности по отношению к обществу в целом, к другим членам общества и даже к самому себе. Он обязан неуклонно соблюдать эти правовые правила, с тем чтобы обеспечить возможность свободно развиваться всему обществу, коллективу, а следовательно, и самому себе.

Подобно тому как объективные закономерности развития природы и общества не обрекают члена общества на слепое подчинение требованиям этих закономерностей, так и выполнение правовых обязанностей не ограничивает свободу граждан. В условиях, когда правовые нормы служат средством утверждения свободы общества, человек не может испытывать на себе их гнетущее влияние. Напротив, он заинтересован в исполнении правовых предписаний, поскольку лишь при этих условиях возможен социальный прогресс и личное благополучие. Поэтому, действуя в соответствии с требованиями действующего законодательства, выполняя правовые обязанности, подавляющее большинство членов общества не ощущают сколько-нибудь серьезных противоречий между необходимостью соответствующего внешнего поведения и внутренним личным желанием или стремлением. Поскольку свобода человека означает не только господство над обстоятельствами и отношениями бытия, но и включает господство над собой, постольку целесообразное исполнение разумных правовых предписаний возможно лишь при сознательном и до-

---

¹ Ошибочным является предположение М. В. Баглая о том, что «недемократические законы и антиобщественная практика, увы, тоже рождаются из свободы...» (Баглай М. В. Дорога к свободе. М., 1994. С. 41). В том-то и дело, что недемократические законы и антиобщественная практика рождаются именно из несвободы, что мы и пытаемся обосновать.

бровольном подчинении своих собственных сил, действий и поведения требованиям демократического законодательства. Именно господство человека над собой позволяет ему свободно исполнять правовые предписания, действовать в соответствии с требованиями законности¹.

Из сказанного было бы нелепо делать вывод, будто в обществе нет и быть не может правонарушений и преступлений. Представления о бесконфликтности общества неправомерны и иллюзорны. В каждом обществе имеет место множество недостатков, просчетов, упущений во всех сферах общественной жизнедеятельности, имеются правонарушения и преступные элементы. Задача состоит в том, чтобы изживать негативные явления и процессы, развивать демократию, совершенствовать законодательство и укреплять правопорядок².

И тем не менее даже подлинная демократия, совершенное законодательство и строгая законность не исключают противоречий между внешней и внутренней свободой индивида, нередко достигающих трагического уровня. Индивид живет не на необитаемом острове, а в исторически predetermined обществе, зависит от его колебаний, зигзагов, шараханий. В этих условиях он вынужден, вопреки своей внутренней «независимости», подчиняться историческому времени: он существенно ограничивает свою внутреннюю свободу (или вовсе ее утрачивает). В этой противоречивой ситуации нет иной альтернативы, чем та, которая уравнивает шансы людей путем установления равноправия и обнаружения справедливой меры, границ самореализации каждого индивида. Тем самым ограничивается эгоистическое своеволие, пренебрежение интересами других, произвол и хаос в человеческом общежитии.

---

¹ Оценку действующего права Е. Н. Трубецкой видел в «максимуме внешней свободы», предоставленной отдельному лицу и совместимому с благом всего общества (см.: Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1913. С. 65).

² Еще Шеллинг писал: «Всеобщее правовое устройство является условием свободы, так как без него свобода гарантирована быть не может... Свобода должна быть гарантирована порядком, столь же явным и неизменным, как законы природы» (Шеллинг Ф. В. И. Соч. Т. I. М., 1998. С. 456).

Но и установление отмеченного социокультурного режима вовсе не снижает возникновения иных противоречий, а именно: между свободой, равенством и равноправием, что будет отмечено в дальнейшем. Здесь же укажем, что проблема демократии неразрывно связана с вопросами равенства и равноправия.

Отметим прежде всего, что равенство и равноправие — категории однопорядковые, но вовсе не тождественные. Человек не может быть равен другому, так как каждый обладает своими особенностями умственного, образовательного, культурного, творческого характера и т. д., живет и действует в неодинаковых социальных условиях и обстоятельствах. Как подчеркивал Н. О. Лосский, «каждая личность есть своеобразный, единственный в мире индивидуум, неповторимый по бытию и незаменимый по своей ценности»¹.

Уравнивание различных людей, допустим осуществляемое в целях распределения общественных благ в соответствии с универсальным законодательным стандартом, игнорирует их индивидуальные способности, предприимчивость, энергию, заслуги перед обществом и т. д. Поэтому лозунг французской революции «Свобода, равенство и братство» оказался практически нереальным, в полной мере не осуществимым ни в прошлом, ни в настоящем, да и в обозримом будущем. Поэтому не без основания Н. А. Бердяев замечал: «Существует трагическая диалектика свободы и равенства»².

В этой связи любопытны рассуждения С. Л. Франка: «По существу, начала свободы и равенства, как известно, скорее, антагонистичны, что не раз и обнаруживалось на историческом опыте; начало свободы личности предполагает, правда, всеобщность самодеятельности и в этом смысле формальное равноправие всех, но, с другой стороны, стоит в резком антагонизме к началу реального равенства: в силу фактического неравенства способностей, условий жизни, удачи между людьми свобода должна вести к неравенству социальных положе-

¹ Лосский Н. О. Характер русского народа. Книга первая. Франкфурт-на-Майне, 1957. (Репринтное переиздание. М., 1990. С. 3.)

² Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности. С. 287.

ний, и, наоборот, реальное равенство осуществимо только через принуждение, через государственное регулирование и ограничение свободной самодеятельности личности, свободного выбора жизненных возможностей»¹. Однако «реальное равенство» (точнее, равноправие) осуществимо отнюдь не только через государственное принуждение и «ограничение свободной самодеятельности личности», если государство в максимальной мере (в соответствии со справедливостью) предоставляет личности все возможности для самореализации. Поэтому необходимо прежде всего рассмотреть вопрос о соотношении равенства и равноправия. Все имеют (или должны иметь) одинаковые субъективные права (назовем их «первичным равноправием») и отправные стартовые условия самореализации (назовем их «равноправием возможностей»). Эти теоретические посылыки на практике порождают по крайней мере два парадоксальных противоречия. Первое. Равенство неизбежно влечет за собой разрушение равноправия, ввиду того что уравнивание людей в распределении общественных благ несправедливо и, следовательно, отрицает равноправие. Когда, к примеру, работа государственного чиновника, выполняющего свои функции механически, без особого напряжения ума, без «искры Божьей», оценивается законом (или указом, постановлением) значительно выше труда добросовестного, вдохновенного, творческого, тогда не приходится говорить ни о справедливости, ни о равенстве, ни о равноправии. Здесь закон вступает в явное противоречие со справедливостью, с правом, более того — отрицает последние. Второе. Равноправие — закрепленное в законе равное положение субъектов права в реализации своих возможностей — объективно становится источником неравенства, поскольку сами возможности у разных людей довольно различны. Если закон позволяет, в частности, изворотливым бизнесменам-посредникам в условиях примитивной, «провинциальной» рыночной экономики наживать огромные состояния посредством элементарной спекуляции, а ученый, лишенный такого рода изворотливости, но обогативший науку новыми исследованиями, или

¹ Франк С. Л. По сторону «правого» и «левого» // Новый мир. 1990. № 4. С. 229.

представитель любой иной творческой профессии находится на грани бедности, то подобное «равноправие» порождает вопиющее неравенство, ничего общего с правом не имеющее. «Трагическая диалектика», драматизм и несправедливость такого положения очевидны.

Для государства все граждане и социальные группы должны быть и равны, и равноправны. Исходящие от него акции, утверждающие неравноправие граждан, способны увеличить социальную напряженность, привести к обострению конфликтов и, в конце концов, подорвать его же устои.

Государство, каким бы демократичным оно ни было, не в состоянии обеспечить полного равноправия граждан, тем паче равноправия в отношениях между гражданами и самим государством. Утверждения о «морально-политическом единстве» или «государство и личность — едины» суть не более чем популистские клише. Различие социальных статусов индивида и государства, их материальных ресурсов, возможностей влияния друг на друга вытекает из их неравенства. В руках государства находятся мощные средства идеологического и информационного воздействия, законодательные и исполнительные органы, аппарат насилия и принуждения. Зачастую их деятельность лишь частично регулируется законодательством. Опасность подобной ситуации особенно четко и точно просматривается на примере силовых структур. Именно их деятельность должна в первую очередь быть регламентирована правовыми средствами, потому что в потенции она представляет собой угрозу для прав и свобод граждан. Четкая же регламентация позволяет исключить возможность ограничения и ущемления этих прав и свобод, так сказать, «по усмотрению».

Поддержание правового порядка крайне необходимо в современный период развития российского общества. Точнее, речь идет даже не о поддержании, а о создании законодательных основ этого порядка. Сейчас остро ощущается потребность в правовых нормах, которые бы регулировали жизнедеятельность общества сообразно изменившимся условиям его развития и в соответствии с требованиями социального прогресса. Однако приходится констатировать, что суть происходящих в стране перемен и их основные тенденции остаются

ся непознанными на уровне государственной власти. Проводимая в стране политика ориентирована на решение сиюминутных острых проблем, лишена стратегической долговременной перспективы. К сожалению, и текущие задачи осознаются и решаются с крайне прагматических позиций. При этом радикальные меры направлены на разрушение того, что создавалось усилиями страны в годы советской власти. Нет слов, многое из наследия тоталитарного прошлого, господства административно-командного режима заслуживает такой участи. Однако под дамокловым мечом оказались и достижения, которые признавались не только населением нашей страны, но и международным сообществом. Известно, что ряд государств с успехом использовали то позитивное, что имелось в отечественном опыте планирования хозяйственной жизни, постановки дела образования, организации научных исследований в области естествознания и техники и т. п. И тем не менее за эталон устройства жизни нашего общества и граждан была принята практика стран Запада и США, опирающаяся на либеральные ценности. Законы рынка были объявлены главными факторами, определяющими организацию всех основных сфер общественной жизни: производства, экономики, социальной области, культуры. Что касается граждан, то те отношения опеки и попечительства, которые связывали их с государством, было решено заменить на абсолютную независимость и суверенитет индивидов. Предполагалось, что подобная замена незамедлительно и, главное, позитивно скажется на деловой активности людей, приведет к всплеску инициативы и предприимчивости. В действительности благим намерениям не суждено было сбыться. По основным показателям общественного развития страна оказалась отброшенной далеко назад. Ее состояние вполне обоснованно оценивается как кризисное.

Свобода личности зачастую являлась миру в отвратительном обличье ничем не обузданного узкоэгоистического своеволия. И представители властвующей элиты, и рядовые обыватели стали рассматривать свое «освобождение» как возможность реализации и удовлетворения корыстных, индивидуалистических интересов и целей. И совсем не важно, выступали ли предметом подобных интересов должность во вла-

стных или управленческих структурах, собственность или финансовый капитал. Все было поставлено на службу экономической выгоде или несправедливым, амбициозным устремлениям.

В итоге автономия и суверенитет индивида обернулись тем, что он попал в плен собственных низменных страстей. Вместо того чтобы способствовать его самоопределению в качестве свободного существа, происшедшие перемены все настойчивое подталкивают человека к бездне рабского состояния. Если люди, относящиеся к беднейшим слоям, поступаются ценностями свободы и вынужденно действуют вопреки им, дабы выжить физически, то лица, составляющие так называемую элиту, намеренно подчинили свою жизнь достижению узкоэгоистических целей. Все другие являются для них лишь простым средством получения той или иной выгоды.

Положение усугублялось тем, что общество в лице государственных и правовых институтов явилось весьма слабым препятствием на пути распространения подобных пагубных тенденций. Более того, нередко эти институты действовали в унисон с последними, поощряя не личностные качества людей, культивирование которых ведет их к свободе, а сугубо индивидуалистические свойства, потворство которым чревато деградацией личности.

Здесь мы вплотную подошли к трактовке свободы, предложенной еще Н. А. Бердяевым. Будучи представителем экзистенциализма, он усматривал смысл свободы в творчестве, каждый акт которого продвигает процесс становления личности и одновременно равнозначен привхождению в нее свободы. По мысли Н. А. Бердяева, «быть свободным есть не легкость, а трудность, бремя, которое человек должен нести»¹. И далее: «Личность не самодостаточна, она не может довольствоваться собой. Она всегда предполагает существование других личностей, выход из себя в другого... Эгоцентризм, поглощенность своим “я” и рассмотрение всего исключительно с точки зрения этого “я”, отнесение всего к нему разрушает личность»².

¹ Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности. С. 29.

² Там же. С. 29—30.

Нельзя не согласиться с подобным пониманием свободы и вместе с тем невозможно не заметить, что положение человека в нашем обществе еще необычайно далеко от свободы. Пока его развитие в качестве личности имеет обратную направленность.

Из сказанного неправильно было бы сделать вывод вообще об отсутствии каких-либо реальных перспектив движения к свободе. Разрушением порядка, при котором государство патронировало, опекало и контролировало жизнедеятельность членов общества, обрекало их на беспрекословное повиновение и подчинение государственной воле, были разорваны узы, сдерживающие инициативу и самодеятельность людей, ограничивающие возможности их свободного волеизъявления. Однако этим возможностям не суждено было реализоваться по целому ряду причин, устранение которых не под силу каждому отдельному человеку, но может быть плодом лишь совместных усилий. Восприятие и ощущение индивида как внутренне свободного существа не делает его таковым в отношении к другим людям и обществу. Акцентируя внимание на том, что свобода — это прежде всего внутреннее состояние духа, Бердяев приходит в противоречие с самим собой, ибо утверждает, что это состояние выражается в творческих актах, в создании нового. Однако же, заметим, что, совершая творческий акт, человек выходит за пределы собственного «я», активно вступает в окружающий мир, непосредственно сталкивается с условиями и отношениями, сложившимися помимо его воли. Именно эти условия и отношения в своей совокупности либо способствуют, либо, напротив, препятствуют творчеству, отдаляют человека от свободы. Следовательно, его движение к свободе включает как преодоление в себе раба, культивирование творчества, так и сопротивление внешним условиям и обстоятельствам, препятствующим этому движению. Путь к свободе обеспечивается благодаря сочетанию огромного напряжения внутренних духовных сил с практическим овладением внешними условиями и обстоятельствами совместной жизни людей. Иными словами, усилия духа дополняются и подкрепляются здесь практически-действенным началом, энергией воли человека. Взгляд на индивидуальную свободу через единение этих двух

моментов обладает тем преимуществом, что позволяет понять движение к подобному состоянию, во-первых, в реальности его сложностей, трудностей и противоречий, а во-вторых, в его связях и взаимозависимостях с более общим процессом развития свободы.

На смену тоталитарному государству пришла «демократия», которая, к сожалению, оказалась в плену радикализма. Провозглашенные ею лозунги, выдвигаемые цели и программы носят в основном декларативный характер, не подтверждены конкретными действиями, повседневной кропотливой и необычайно сложной работой по организации многообразного жизненного уклада общества. «Радикальные демократы» еще продолжают пребывать в плену эйфории от одержанных побед над административно-командным режимом. Над ними до сих пор довлеет установка во что бы то ни стало и незамедлительно одолеть остатки прошлой партийно-государственной номенклатуры. Тем временем они отстают от насущных требований дня — столь же незамедлительно разрабатывать стратегию и тактику реализации государственной политики, добиваться общественного согласия и принятия компромиссных решений. Очевидно, сказываются и их неподготовленность к созидательной деятельности, и недостаточно высокий уровень профессионализма, и отсутствие опыта ведения общественных дел в соответствии с принципами демократии, отчего основой государственного управления продолжает оставаться метод проб и ошибок.

Непоследовательность и противоречивость действий государственных органов дезорганизует общество, нарушает процесс стабилизации общественных отношений, вносит неоправданные ограничения в гражданские права.

Народ всегда покорно сносит превратности судьбы, ухудшение материального положения вследствие стихийного бедствия или войны, каких-то иных объективных обстоятельств. Но когда человеческая свобода грубо попирается сознательно направленными действиями государства, то это, естественно, вызывает общественное возмущение и протест.

Актуально звучат ныне слова Джона Стюарта Милля, сказанные сто лет назад, о том, что люди, может быть, готовы были бы принять раз навсегда установленный закон, напри-

мер о равенстве, как они принимают игру случая или внешнюю необходимость; но чтобы кучка людей взвешивала всех остальных на весах и давала одним больше, другим меньше по своей прихоти и усмотрению, — такое возможно вынести только от сверхчеловеков, за спиной которых стоят ужасные сверхъестественные силы.

Монополия государства на распределение общественных благ побуждает многих проникать в его структуры с вождельной надеждой извлечь для себя материальную выгоду, а то и обрести власть над другими людьми — отвратительное порождение тоталитарного строя. И те, кто рвется к государственной власти с помощью неправедных средств, не хотят замечать, что, поднимаясь к ее вершинам, они фактически спускаются вниз по лестнице, ведущей не только к попранию свободы, равенства, равноправия, но и к утрате чести, достоинства, морали.

Итак, полное равенство людей неосуществимо, а равноправие в действительности нередко сужается до такой степени, что становится своей противоположностью.

И тем не менее правовое государство исходит из идеала равенства граждан, стремится создать условия для их равноправия и свободы. Здесь каждая личность заинтересована в эффективной деятельности государства и не может не содействовать или даже непосредственно не участвовать в осуществлении его функций¹. Неоправданно мнение, будто независимость личности означает игнорирование всего государственного, противопоставление частного общественно-политическому. Невозможно обустроить личную жизнь, одновременно не заботясь об общественном благополучии, о цивилизованных формах социального бытия, развитии демократии, совершенствовании государства, формировании гражданского общества, обеспечивающих практическую реализацию индивидуальной свободы.

---

¹ М. В. Баглай справедливо указывает, что «ни экономика, ни культура, ни демократия, ни мораль — ничто не сможет обрести в России естественного прогресса, если в основу всех реформ не положить общечеловеческие представления о свободе личности и обязанности государства охранять ее» (Баглай М. В. Дорога к свободе. С. 3).

Необходимо преодолевать крайние представления о государстве, согласно которым оно выступает либо как сила, противостоящая людям, либо как единственное средство организации человеческого сообщества. Во-первых, государство отнюдь не всегда действует против интересов индивидов. Во-вторых, оно, как правило, способствует упорядочению общественной жизнедеятельности. В-третьих, это вовсе не единственное средство организации сообщества людей, которые могут самостоятельно регулировать отношения между собой. Отсюда следует, что регулирование государством, в частности, экономической жизни должно быть ограничено разумными рамками и, конечно же, осуществляться не методами экономического администрирования. Государство призвано устанавливать лишь общие принципы экономической деятельности и выступать в качестве третейского судьи в случае конфликта интересов различных хозяйственных субъектов. Оно обязано не указывать, как им следует действовать в тех или иных ситуациях, но пресекать действия, которые противоречат установленным законом принципам хозяйственной деятельности и наносят ущерб другим субъектам экономических отношений. Аналогичным образом правовая регламентация не должна вмешиваться в любую иную частную деятельность, за исключением тех редких случаев, когда такое вмешательство законом допускается.

Вл. Соловьев писал, что свободное развитие личности есть существенное условие ее совершенствования. Поэтому право «позволяет людям быть злыми, не вмешивается в их свободный выбор между добром и злом, оно только в интересах общего блага препятствует злему человеку стать злодеем, опасным для существования общества»¹.

Важно сформировать четкий, исправно действующий механизм, обеспечивающий такое регулирование общественных отношений, при котором идеал свободы превратится в реальную общечеловеческую ценность, а равноправие достигнет максимально возможного уровня не только между гражданами, но и во взаимоотношениях личности и государства.

---

¹ Цит. по: Лосский Н. О. Характер русского народа. Книга первая. С. 3.

Пока такой механизм у нас не создан. И в этом в известной мере повинна юридическая наука. Ведь подавляющее большинство советских ученых-юристов свыше полувека были заняты пропагандой, оправданием, апологетикой любых, в том числе и противоправных, законодательных актов, принимавшихся социалистическим государством. Трудно без специального анализа судить об истоках и причинах этого; вероятно, одни шли на это в силу приверженности идеям тоталитаризма, другие — из-за чувства личной безопасности, третьи — по неосведомленности и т. п. Но не может не вызывать недоумения то печальное обстоятельство, что и ныне, в условиях относительной свободы, гласности и плюрализма мнений, находятся отдельные представители науки, продолжающие благосклонно относиться к незаконным актам и акциям государственных органов и должностных лиц.

Важнейшая задача современной юридической науки — преодоление нормативистского догматизма и подчиненности политике, определение соответствия действующих и вновь принимаемых законов, равно как и правореализующей практики, объективным правовым принципам. А для этого необходимо в первую очередь выявить и сформулировать требования самих этих принципов, на твердом фундаменте которых парламент сможет творить правовые акты, содействующие установлению гармонии, свободы и справедливости.

Изложенные соображения, во всяком случае в отдельных моментах, не разделяются рядом как западных, так и отечественных авторов. Так, Т. Парсонс, пытаясь найти «теоретическую формулировку отношений между социальной системой и личностью», указывает, что личность усваивает те или иные образцы господствующей в данном обществе «культуры», преобразуя их в свои «ценности». Многие из этих «ценностей» санкционируются обществом в качестве господствующих норм, соблюдение которых позволяет личности удовлетворять свои интересы и превратиться в социальную личность¹. Ю. Биндер также пишет, что нравственное сознание человека требует «подчинения правовому порядку; велением нрав-

¹ См.: Parsons T. Social Structure and Personality. Glencoe, 1964. P. 194—195.

ственности является одобрение и уважение государственного и правового порядка как учреждения, коренящегося в природе человека; нравственность требует действовать согласно велениям этого порядка...»¹.

Сказанное не вызывало бы возражений, если бы к этому было определенно добавлено, в какой мере «социальная система» демократична, справедлива, а ее «правовой порядок» соответствует общепризнанным ценностям права. Иначе можно допустить, что «социальная система» и «правовой порядок» установлены в интересах отнюдь не народных, а каких-то антинародных сил.

Такое стечение обстоятельств вполне допускают иные западные авторы. Так, Э. Фехнер отмечает, что воля граждан отсутствует при решении общих проблем государства. «Везде, — пишет он, — жалуются на то, что этой воли нет». Между тем «желание участвовать в общем соответствует естественной склонности человека», о чем свидетельствуют «неоспоримые успехи тоталитарных государств при активизации молодежи». Отсутствие же такой активности в капиталистическом мире автор объясняет, в частности, «трудностью борьбы за существование», «безнадежностью общественных обстоятельств», являющихся причиной того, что индивид оказывается «замкнутым и ориентируется только на самого себя». Указывая, что в целях ликвидации пассивности масс недостаточно лишь красивых слов о самопожертвовании, которые им «уже надоели», Фехнер рекомендует давно известное, но в такой же мере безнадежное мероприятие, а именно предоставить трудящимся «право хозяйственного соучастия в предприятиях».

Но тот же Фехнер признает, что «свобода» и «права», закрепленные законодательством за трудящимися, не будучи обеспечены материальными, политическими и юридическими гарантиями, остаются риторическими украшениями, призванными прикрыть действительное отсутствие свободы и равенства. Он пишет: «Чем более свободным является, например, содержание части конституции по вопросам трудо-

---

¹ Binder J. Rechtsnorm und Rechtspflicht. Leipzig, 1912. S. 47.

вого права, тем обычно интенсивнее фактическое принуждение к труду». Более того, оправдывая наступление реакции на демократические свободы граждан, Фехнер заявляет: «Ограничение свободы принуждением осуществляется — это со временем становится неизбежным — в той же мере, в какой необходимые общие задачи в дальнейшем не могут быть осуществлены свободно»¹.

Итак, вместо свободы — принуждение!

Как же в этих условиях западные ученые представляют себе будущее демократии и свободы?

Они пытаются, как бы это парадоксально ни выглядело, доказать, что в современных условиях демократия... противоречит свободе или даже что демократия и свобода угрожают существованию общества, а поэтому и то и другое должно быть ликвидировано. Так, С. Герц считает, что вообще «идеал свободы — явление противоестественное», против которого действуют «все естественные тенденции и силы»². Еще дальше идет В. Кюннет, утверждающий, что демократическое большинство является опасностью для демократии; что оно влечет за собой опасность «господства черни». Поэтому «на определенное время» необходимо отменить демократические «права и свободы личности»³. Л. Фрейнд, предостерегая от «неосторожного» обсуждения темы свободы, которое свойственно современным, по его словам, сторонникам просветительских доктрин XVIII в., указывает на опасность либеральной демократии и рациональной концепции свободы. Эта опасность будто бы состоит в том, что предоставление широких свобод народным массам может привести к использованию ими этих свобод для уничтожения существующего строя⁴.

Наконец, Д. Майкл рисует, как он сам выражается, «удручающую» картину будущего общества в США. По его мнению, социальные кризисы могут «начисто уничтожить нашу

¹ Fechner E. Freiheit und Zwang in sozialen Rechtsstaat. Tübingen, 1953. S. 11, 20, 21, 25.

² Herz S. M. Political Realism and Political Idealism. Chicago, 1951. P. 137.

³ См.: Künnet W. Politik zwischen Dämen und Goot. Berlin, 1954. S. 182, 158.

⁴ См.: Freund L. Politik und Ethik. Frankfurt a. M.; Berlin, 1955. S. 247.

демократию. Общей тенденцией для всей страны будет создание двух обществ — белого, привилегированного, занятого квалифицированным умственным и техническим трудом, и негритянского, занятого в сфере обслуживания и на неквалифицированной, черной работе». Более того, в городах усилится тенденция к образованию негритянских гетто. «В следующие несколько лет контраст между одной частью нашего населения, обездоленной и влачащей нищенское существование, и другой, наслаждающейся высоким уровнем жизни, будет вопиющим укором нашему чувству равенства... В том мире, куда мы идем, различие между “имущими”, “менее имущими” и “неимущими” возрастает... Растущая взаимозависимость большого бизнеса и федерального правительства... еще более уменьшит различие между ними. Кадры технократов, стоящих у пульта управления всей жизнью страны, составят элиту, а рядовая молодежь будет все острее испытывать чувство отчуждения и неполноценности»¹.

На каком же основании это общество именуется «свободным» и имеет ли смысл ему бездумно подражать? Какой смысл называть его «свободным»? Оказывается, очень простой! «В поиска лозунга, который стал бы аксиомой и саморекламой, — пишет С. Ниринг, — современные западные лидеры перебрали целый ряд эпитетов, как-то: “цивилизованный”, “христианский”, “западный”, отвергнув их по причине неэффективности и неубедительности. Они остановились на слове “свободный”, услышав в его звучании самый вдохновенный, всеобъемлющий и убедительный панегирик западному образу жизни»². В этой связи один из представителей официальной академической науки США, К. Бей, пишет, что центральная задача американской политической науки состоит в том, чтобы «превозносить нынешний порядок, критиковать другие системы и ниспровергать радикальные и утопические политические идеи»³.

¹ Michael D. The Next Generation. N. Y., 1965. P. XXIII, 43—44, 51, 139, 157, 170, 185.

² Ниринг С. Свобода: общение и угроза. М., 1966. С. 75—76.

³ Цит. по: Roszak T. (ed.). The Dissenting Academy. L., 1969. P. 209.

Очевидность этих признаний исключает необходимость полемики, но будем надеяться, что они несколько умерят восторг наших сторонников «прелестей» западного мира.

Обратимся теперь к тем соображениям отечественных авторов, которые представляются нам ошибочными. Речь идет о специфически юридическом вопросе, имеющем, однако, общетеоретическое значение, а именно: свободен ли совершивший социально опасное деяние преступник?

При анализе преступного деяния отдельные авторы допускают смешение избирательного момента в сознании и поведении преступника со свободой воли как философской категории. В результате утверждается, будто бы свобода воли является необходимой предпосылкой виновности лица, совершившего преступление¹.

С этим выводом нельзя согласиться по следующим основаниям. Во-первых, преступление, даже совершенное в соответствии с познанной действительностью, «со знанием дела», отнюдь еще не означает, что оно совершено на основе познанной необходимости развития этой действительности. Осознав действительность, индивид волен выбирать направление своих действий, но свобода выбора того или иного поведения еще не означает достижения свободы этим индивидом, поскольку избранный путь поведения может противоречить необходимости. В том-то и дело, что индивид, совершивший преступление, при всем знании действительности действует в противоречии с ходом ее закономерного движения, опирается не на необходимость, а на «благоприятно» сложившиеся случайные обстоятельства, которые не только не являются выражением внутреннего развития действительности, но и находятся с ней в противоречии².

---

¹ См., например: Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 113.

² Адольф Грюнбаум пишет, что «детерминист не утверждает на манер фаталиста, что будущее состояние общества не зависит от решений, которые принимаются людьми в ответ на а) факты (как физические, так и социальные), б) их собственную *интерпретацию* этих фактов (которая, конечно, часто бывает ошибочной) и с) их ценностные устремления. И именно поэтому, согласно детерминистической теории, решения, принимаемые

Во-вторых, господство индивида над действительностью возможно, как известно, лишь в условиях господства всего общества над действительностью, предполагающего такую деятельность членов этого общества, которая основана на познанной необходимости и направлена на достижение не только извращенно понятых интересов индивида, но и на достижение общественно значимых целей. Совершенно естественно поэтому, что общественно опасные действия являются не только противоправными, но и несвободными. Следовательно, несмотря на то что преступление совершено «со знанием дела», оно не может характеризоваться как подлинно свободный акт, поскольку находится в противоречии с интересами самого преступника как члена этого общества.

В-третьих, свобода индивида представляет собой способность принимать решения не на основе произвола, нарушения общепризнанных и научно обоснованных норм поведения, а исходя из познанной необходимости и в соответствии с правилами (нравственными и правовыми). Свобода индивида как раз и состоит в подчинении своей воли, своих побуждений, своих поступков осознанным общественно значимым целям, что обеспечивает господство разума над чувствами, самообладание, организованность и самодисциплину, направление своей деятельности не во вред, а на пользу общества. Поскольку деятельность каждого индивида является необходимым составным звеном в общественном движении, постольку господство над самим собой каждого отдельного члена коллектива имеет смысл лишь в той мере, в какой оно опирается на сознание необходимости принимать участие в прогрессивном развитии общества. Именно эта глубокая связь личного сознания с развитием объективной реальности порождает свободу личности, ибо только с этого момента начинается сознательное направление своих чувств, желаний и поступков на преобразование действительно-

---

людьми, каузально зависят от тех факторов, которые при выборе оптимальных направлений действий и социальных мероприятий, как разумно ожидать, приведут к успешным результатам, а не от тех, которые не имеют значения в силу их случайности» (Грюнбаум А. Свобода воли и законы человеческого поведения//Вопросы философии. 1970. № 6. С. 66).

сти¹. Подчинив же свои действия целям, обусловленным произвольно возникшим страстям, индивид теряет господство над самим собой, вступает в противоречие не только с интересами общества, но и со своими интересами как члена данного общества. Разумеется, потерю господства над самим собой нельзя понимать в абсолютном смысле, как слепую, неизбежную зависимость индивида от фатальности.

Всякое действие индивида причинно обусловлено, но не всякое причинно обусловленное действие является необходимым. Если же признать всякое причинно обусловленное действие необходимым, то пришлось бы оправдать все без исключения поступки людей, в том числе и преступные. Несвобода преступника выражается не в том, что его действия фатально неизбежны, а в том, что он, несмотря на осознание общественной опасности своих действий, не воздержался от их совершения, сознательно посягнув на интересы общества и его членов. Гегель по этому поводу писал: «Часто выражаются так: моя воля была определена такими-то *мотивами, обстоятельствами, соблазнами и побуждениями*. Это выражение содержит прежде всего ту мысль, что я был при этом пассивен. На самом же деле я был при этом не только пассивен. Я был также и существенно активен в том именно, что моя воля приняла эти обстоятельства как мотивы, допускает их как мотивы. Причинно-следственное отношение при этом не имеет места. Обстоятельства не являются причинами, а моя воля — их следствием. Согласно причинно-следственному отношению, то, что содержится в причине, должно последовать необходимо. Я же в качестве рефлексии могу выйти за пределы всякого определения, установленного обстоятельствами. Если человек ссылается на то, что с истинного пути его совратили обстоятельства, соблаз-

---

¹ Таким образом, как отмечал В. Мюллер в докладе «Свобода решений и общественный прогресс» на XIV Международном философском конгрессе (Вена, сентябрь 1968 г.), речь может идти лишь о детерминированной свободе, а не о детерминации вне свободы или о свободе вне какой бы то ни было детерминации. Если решение влечет за собой ответственность (а эти понятия взаимно предполагают друг друга), то мы не могли бы установить критериев этой ответственности вне объективной детерминации человеческих действий (см.: *Философия и современность*. М., 1969. С. 157—186).

ны и т. д., то этим он хочет как бы отстранить от себя поступок, но тем самым лишь принижает себя до несвободного существа — существа природы, в то время как на самом деле его поступок всегда является его собственным поступком, а не поступком кого-то другого, т. е. не является следствием чего-либо вне этого человека. Обстоятельства или мотивы господствуют над человеком лишь в той мере, в какой он сам позволяет им это»¹.

Следовательно, детерминированность действий индивида, в том числе и преступных, не лишает его волю избирательного момента и именно поэтому «нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»².

Наконец, в-четвертых, свобода индивида, как отмечалось, предполагает не только его внешнюю, но и внутреннюю свободу. Если же индивид совершает преступление, то тем самым отрицает, извращает свою внутреннюю свободу, которая предполагает не подчинение эгоистическим страстям, а гармоничное совершенствование своей духовности, нравственности, долга, в том числе и перед собой. Совершение преступления противоречит этому совершенствованию, означает потерю индивидом внутренней свободы не только потому, что ему грозит вообще лишение свободы, но также и потому, что подчиняет свою волю не разуму, а прихоти, страсти, эгоизму.

Характер цели, как и пути ее достижения, избранные лицом на основе познания порождаемых действительностью возможностей, позволяет судить не только о свободе данного лица, но и о правомерности или неправомерности его поведения, о наличии в его действиях состава преступления³.

¹ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971. С. 26.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 159.

³ Глубоко ошибочным является мнение, согласно которому субъект действия лучше других знает, истинны или ложны утверждения о его действиях, поскольку у него исключена возможность ошибиться в знании сво-

Способность лица принимать то или иное решение, сознавая цель, значение и последствия своих действий, определяет, в случае противоправного поведения, его вину, а следовательно, и ответственность за свои поступки. Гегель писал: «Человек может считать нечто совершенно противным своей воле, хотя оно тем не менее есть его воля. Преступник, которого наказывают, может, конечно, желать, чтобы его избавили от наказания; всеобщая же воля ведет к тому, что преступление наказывают. Необходимо, следовательно, предположить, что абсолютная воля самого преступника требует, чтобы его наказали. Поскольку преступника наказывают, это предполагает требование, чтобы и он понимал, что его наказывают справедливо, и если он понимает это, то хотя он и может желать, чтобы его освободили от наказания как внешнего страдания, тем не менее его всеобщая воля, поскольку он признает, что его наказывают справедливо, согласна с наказанием»¹.

С изложенными соображениями и выводами не соглашались и другие авторы. Так, И. С. Самощенко и М. Х. Фарукшин полагают, что «деятельность в соответствии с познанной необходимостью и выбор различных вариантов поведения — два самостоятельных аспекта свободы воли человека»². И отсюда делается вывод, что свобода воли является необходимой предпосылкой ответственности человека за свои противоправные поступки. На первый взгляд такой вывод кажется вполне естественным. Но при более глубоком рассмотрении проблемы он оказывается ошибочным. На самом деле избирательный момент (который в данном случае отождествляется указанными авторами со свободой воли) отнюдь не всегда

их действий по сравнению с теми, кто наблюдает за его действиями (см.: Powell B. Knowledge of Actions. L., 1967. P. 86). Это мнение не только противоречит, в частности, данным судебной практики, но и вообще исключает возможность отправления правосудия. В самом деле, если высшим авторитетом в суждениях о действии является его субъект, то только он и может быть судьей своих поступков.

¹ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. Т. 2. С. 28.

² Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 22.

является свободным в смысле действия в соответствии с познанной необходимостью и, следовательно, не всегда является проявлением его свободной воли. Если лицо избирает поведение хотя и основанное на познанной действительности, но противоречащее ее закономерно необходимым тенденциям развития, то, очевидно, такое поведение нельзя характеризовать как свободное.

Следовательно, не всякий вариант поведения, как бы «свободно» он ни был избран, является действительно свободным. А поэтому и нельзя такой вариант поведения называть «аспектом» свободы воли человека, поскольку он не только противоречит, но и вступает в непримиримый конфликт с действительной свободой. Свобода и свобода воли не противоположные, а однопорядковые категории. Философское понимание свободы как действия в соответствии с познанной необходимостью нельзя противопоставлять свободе воли, которая есть не произвольное, анархическое действие, а представляет собой продолжение и конкретное проявление свободы, т. е. избрание человеком такого поведения и деятельности, которые соответствуют познанной необходимости.

В том же случае, когда человек избирает поведение в противоречии с необходимостью закономерного развития действительности, речь должна идти не о его свободе, в том числе и не о его свободе воли, а лишь о том, что, имея все возможности для действительно свободного действия, он избрал противоположный путь поведения. Действовал ли он в данном случае свободно? Разумеется, нет. «Свободно» ли он избрал путь своего поведения? Конечно, да, но «свободно» лишь в том смысле, что сознательно действовал вопреки объективной необходимости, тенденции развития которой знал или, во всяком случае, мог и должен был знать. Не во всех случаях такое поведение влечет за собой правовую ответственность, но в тех случаях, когда оно социально опасно, наносит вред обществу или отдельным его членам, правовая ответственность в соответствии с действующим законодательством и на его основе неотвратимо должна иметь место.

Это понимают и критикуемые авторы, когда пишут, что «непознанность объективных закономерностей развития природы и общества препятствует господству человека над об-

стоятельствами и над самим собой, хотя и не исключает возможности выбора им в конкретной ситуации различных вариантов поведения. Однако в данном случае этот выбор не будет опираться на познанную необходимость, что, в свою очередь, подрывает эффективность человеческой деятельности и, более того, может вызвать вредные для общества или класса последствия. Лишь тогда, когда выбор поведения основывается на познании закономерностей естественного и общественного развития, обеспечивается целесообразность и эффективность деятельности людей»¹.

Трудно предложить более подходящие доводы, которые бы так удачно показали несостоятельность «двухаспектного» понимания свободы воли, предложенной теми же авторами. Из цитированного положения со всей очевидностью вытекает ошибочность отождествления избирательного момента, выбора различных вариантов поведения лица с его свободой воли. И тем не менее авторы считают, что отрицание относительной свободы воли человека (которую никто не отрицает; ее лишь рекомендуется не смешивать с любым выбором поведения) является «источником взглядов, согласно которым нарушитель норм общественного поведения есть “жертва обстоятельств”, его вина и наказание исключаются, его исправление невозможно, к нему можно применять лишь меры “социальной защиты”»². Однако детерминизм, как известно, вовсе не исключает в каждом конкретном случае множества вариантов поведения, в том числе и противоречащего объективной необходимости, и именно поэтому предполагает и ответственность, и наказание, и исправление нарушителей норм общезжития. Если же предположить, что человек действует во всех случаях свободно, проявляет свою свободную волю, то тогда именно и получается парадоксальная картина, исключаящая его ответственность, ибо за свободу не судят.

Таким образом, строго логически конструкция И. С. Самощенко и М. Х. Фарукшина не выдерживает критики. Но

---

¹ Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. С. 24.

² Там же. С. 26.

с другой стороны, следует признать, что как отстаиваемая, так и критикуемая позиции не преодолели еще трудностей последовательного восхождения мысли от всеобщего абстрактного к тому многообразию конкретного, в котором богатство данного всеобщего своеобразно проявляется в юридически значимых явлениях. Не допускаем ли мы здесь той ошибки, стремясь из всеобщей философской абстракции прямо и непосредственно вывести своеобразие отдельного?! Рассуждая о свободе и ответственности в юридическом смысле, мы пытаемся, минуя посредствующие звенья (которые еще не обнаружены), прямолинейно решить проблему. Между тем абстрактно-философское понятие свободы не только восходит к многообразию конкретного через ряд посредствующих звеньев, но и проявляется различно на различных уровнях, «срезах», направлениях. Едва ли нужно доказывать, что избирательный момент в противоправном поведении в такой же отдаленной степени связан с общефилософским пониманием свободы, как, например, и павловский «рефлекс свободы». Но если оправданно было показать, что свобода как всеобщая философская категория не может быть непосредственно распространена и тем более отождествлена с поведением субъекта, совершившего преступное деяние, то тем более необходимо в юридическом исследовании обнаружить причины, характер и специфику избирательного момента в поведении данного субъекта. В этом и состоит задача наших дальнейших поисков, которые окажутся успешными лишь при использовании новейших и тех предполагаемых достижений, которые обоснованно ожидаются в ближайшем будущем на «пограничных» зонах физиологии мозга, высшей нервной (психической) деятельности и комплекса наук о социальном поведении человека.

Особое внимание, которое в данном случае было уделено философскому осмыслению поведения лица, совершившего преступное деяние, вполне естественно уделять работе, посвященной философии права. Что же касается поведения значительного большинства граждан цивилизованного общества, то их свобода состоит не в том, что они «свободно» нарушают законы, а в том, что они сознательно, добровольно соблюдают и активно исполняют предписания этих законов.

Изложенное со всей очевидностью свидетельствует о том, что мы придерживаемся детерминистического понимания не только воли как таковой, но и вообще бытия, мышления и познания. Вместе с тем многие устоявшиеся догмы детерминизма с самого начала вызывали у нас сомнения. Такие сомнения были порождены, в частности, формулой о «случайности как форме необходимости». Наши размышления завершились предположением о возможности самостоятельного существования и действия случайности вне необходимости, без всякой связи с последней.

Основные сферы реальности действительно подчиняются объективным закономерностям, для них характерны господство порядка, стабильность, равновесие и определенная закономерность развития. Но наряду с ними действуют и иные сферы реальности, которые отмеченными свойствами не обладают; напротив, они характеризуются неожиданными, непредсказуемыми, спонтанными тенденциями развития. При этом вторые могут воздействовать и нередко воздействуют на первые. И такое воздействие, достигнув максимальной силы, может не только видоизменить, но и разрушить объективную закономерность. В этих случаях объективная закономерность утрачивает свою «равновесность» и заменяется или превращается в случайность.

Следовательно, модель мироздания, детерминированная действием универсальных объективных закономерностей, не может быть принята как однозначно абсолютная. Эта модель не выдерживает критики.

Эти предположения утвердились в нашем сознании с еще большей силой после изучения блестящих трудов лауреата Нобелевской премии Ильи Пригожина¹.

В данном случае мы вовсе не намерены так или иначе оценивать идеи этого глубокого мыслителя; это прежде всего коллективная задача представителей естествознания и фило-

---

¹ Труды Ильи Пригожина, пишет Олвин Тоффлер, «можно рассматривать как символ происходящих в наше время исторических преобразований в науке, игнорировать которые не может ни один просвещенный человек» (Тоффлер О. Наука и изменение (предисловие)//Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. С. 13).

софии. Ограничимся лишь воспроизведением тех идей Пригожина, которые созвучны нашим мыслям. Исследования привели И. Пригожина к выводу о «неустойчивости динамических систем, поведение которых можно охарактеризовать как случайное»¹. (Этот вывод стал возможным благодаря работам А. Н. Колмогорова, Я. Г. Синая, В. И. Арнольда.)

Илья Пригожин и Изабелла Стенгерс пишут: «Оглядываясь на прошлое, мы ясно видим, что понятие закона, доставшееся нам в наследство от науки XVII в., формировалось в результате изучения простых систем, точнее, систем с периодическим поведением, таким, как движение маятника или планет. Необычайные успехи динамики связаны со все более изящной и абстрактной формулировкой инструментов описания, в центре которого находятся такие системы. Именно простые системы являются тем частным случаем, в котором становится достижимым идеал исчерпывающего описания. Знание закона эволюции простых систем позволяет располагать всей полнотой информации о них, т. е. по любому мгновенному состоянию системы однозначно предсказывать ее будущее и восстанавливать прошлое. Тогда считалось, что ограниченность наших знаний, конечная точность, с которой мы можем описывать системы, не имеют принципиального значения. Предельный переход от нашего финитного знания к идеальному описанию, подразумевающему бесконечную точность, не составлял особого труда и не мог привести к каким-либо неожиданностям». Ныне же при рассмотрении неустойчивых динамических систем мы не можем «отказаться от рассмотрения поведения системы в терминах случайности...»². И в дальнейшем авторы указывают: «Искусственное может быть детерминированным и обратимым. Естественное же непременно содержит элементы случайности и необратимости»³.

В этих условиях «стрела времени» (по выражению И. Пригожина и И. Стенгерс) проявляет себя в сочетании со случай-

---

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 50.

ностью. И как бы парадоксально ни звучало положение о том, что из хаоса рождается порядок, оно имеет под собой аргументированные основания.

Наши сомнения относительно догм детерминизма вызваны еще одним важным моментом. В частности, марксистский детерминизм трактует свободу как освобождение человечества от всех видов угнетения и эксплуатации. И это достигается тем, что субъектом свободы признается вовсе не человек, а общество или история; индивидуальность растворяется в социальном, подчиняется социальному (иной раз и принудительно).

Между тем игнорирование свободы индивида лишает понятие свободы практического для людей смысла, ибо отдаленное «светлое будущее», «царство свободы» превращается в мечту, идеал, которого нет в настоящем, не существует в реальной действительности.

Поэтому-то марксистский детерминизм менее всего заботится о внутренней свободе личности, которая превращает свободу из «вещи в себе» в «вещь для себя». Только в этом случае, при этом условии, как отмечалось выше, свобода члена общества делает свободным и само общество.

ГЛАВА 23

УПРАВЛЕНИЕ, ЗАКОННОСТЬ И ПРАВОПОРЯДОК

Общество не может существовать, функционировать и развиваться без управления, благодаря которому упорядочиваются взаимоотношения между его членами, социальными группами, объединениями, производственными предприятиями, культурными учреждениями. Особенно возрастает роль управления в эпоху усложнения общественных связей, научно-технического прогресса, модернизации производства, расширения демократии, обогащения духовной жизни и т. д. В этих условиях возрастает значение и роль прежде всего государственного управления, правового регулирования соответствующих общественных отношений, укрепления законности и установления режима правопорядка, благодаря которым объединяются и целеустремленно направляются многочисленные и разнообразные силы, факторы и тенденции общественной жизнедеятельности.

Важнейшими признаками любого управления являются, как известно, поддержание определенного порядка и ритма в совместной деятельности людей, согласование индивидуальной и коллективной деятельности, выполнение общих функций, возникающих в процессе объединенного труда. Как отмечал К. Маркс, «отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижере»¹.

В современной жизни проблема «дирижера» не менее важна, чем проблема «оркестра». Играя роль «дирижера», государственное управление обеспечивает сбалансированность

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 342.

в развитии основных сфер жизнедеятельности общества, акцентирует объединенный труд на решении основных, главных, первостепенных задач текущего и последующих периодов общественного развития. Научно-техническая революция, повышая значение государственного управления, одновременно создает благоприятные условия для усиления его действенности путем использования эффективных средств автоматизации. Но автоматизация управления вовсе не уменьшает, а, наоборот, повышает первое звено в системе «человек — техника — общество». Никакая техника, даже высшего класса и самая совершенная, не сможет заменить человека, его беспредельные творческие силы и потенции. Если проникнуть в данную проблему более глубоко, то окажется, что государственное управление выводит достижения научно-технической революции на службу человека, гуманизирует или, образно говоря, очеловечивает современную технику, технологию, производство. Последние, в свою очередь, воздействуют на человека как на субъект и объект управления, прививая ему технико-экономические и организационные навыки, укрепляя дисциплину труда, стимулируя изобретательство и рационализаторство в производственной и иной деятельности.

Научное исследование проблем управления обусловлено необходимостью как внутреннего, так и внешнеполитического развития.

Современная разработка проблем управления осуществляется на основе уже сложившихся традиций социального познания, которое осуществляется преимущественно эмпирическим путем, связывается главным образом с политическими потребностями. Расширение поля управленческих проблем произошло сравнительно недавно в связи с теорией и методами кибернетики¹, системных исследований, других межнаучных дисциплин. Так, кибернетика помогла понять информационную природу управленческих процессов, поскольку, как подчеркивал В. Г. Афанасьев, она «является важным средством преодоления все углубляющегося проти-

¹ Подробнее об этом см. гл. 24 наст. изд.

воречия между быстрорастущим объемом информации, соответственно возрастающими трудностями в ее переработке и все более острой необходимостью информационного обслуживания всех сфер человеческой деятельности, и в особенности процессов и систем социального управления»¹.

В свою очередь теория систем, специально анализирующая единство и взаимосвязанность структурных образований целостности, занимает одно из центральных мест в управленческой науке. Поэтому «если в досистемных исследованиях речь шла об *описании объекта* (само познание было направлено на изучение и исследование отдельных свойств объектов), то системные исследования имеют своей целью выявление *механизма “жизни”*, т. е. функционирования и развития объекта в его внутренних и внешних (касающихся его взаимоотношений со средой) характеристиках»².

Понятия, сформулированные как кибернетикой, так и теорией систем, при всей их прогрессивности не могут быть, однако, исчерпывающими для науки управления. Лишь связывая воедино знание о закономерностях общества с новейшими достижениями регуляции его жизнедеятельности, можно определить качественную специфику управления. Только такое объединение обеспечивает комплексное исследование социального управления как одного из видов человеческой деятельности и одновременно как своеобразной формы общественных отношений. Эта комплексность выражается в единстве сущностно-содержательного и организационно-формального познания управления. Тем самым наука управления обогащается знанием механизма взаимосвязи субъектов и объектов и приобретает предметное своеобразие. «...Ни группа исторических наук, ни группа философских наук, — пишут М. Я. Ковальзон и Н. И. Макешин, — исследуя и создавая знание общих закономерностей и тенденций социального развития, не ставят своей целью, да и

¹ Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975. С. 106.

² Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М., 1969. С. 25.

не могут дать, знания, необходимые для непосредственного управления...»¹

Общая теория управления разрабатывает ведущие принципы, исходные положения, отправные категории, основополагающие выводы, составляющие в своей системной целостности тот методологический источник, который «питает» отраслевые, «ведомственные», специальные отрасли научного знания, призванные выявлять специфику управления применительно к отдельным сферам общественной жизни, в том числе и к правовой жизни общества. Данная функция общей теории управления аналогична функции общей теории права. И первая, и вторая науки выполняют интегративную миссию, обеспечивая объединение на более высоком, чем отраслевое знание, уровне познания сложных социальных феноменов. Отличие же их друг от друга состоит в широте охвата исследуемых явлений и процессов: первая призвана обслуживать все виды управления (экономическое, политическое, культурное, этическое и т. д.), вторая — лишь правовое управление. Отсюда следует, что общая теория права исходит и опирается на общую теорию управления и благодаря этому обретает способность аккумулировать экономические, политические, культурные, этические и другие знания в их единстве при правовом регулировании соответствующих общественных отношений².

Особенностью управления является то, что это одна из многих и разнообразных форм, связывающих государствен-

---

¹ Ковальзон М. Я., Макешин Н. И. Общественное сознание и общественные науки. М., 1973. С. 43.

² В. Г. Афанасьев различает два механизма социального управления: стихийное и сознательное. «В случае *стихийного* механизма упорядочивающее, управляющее воздействие на систему является усредненным результатом столкновения, переплетения и перекрещивания различных, нередко противоречащих друг другу сил, массы случайных единичных актов. Это воздействие пробивает себе дорогу как общая тенденция в этой слепой игре случая; оно автоматически по своей природе и не требует вмешательства людей... Наряду со стихийными, незапрограммированными факторами в обществе... действуют *сознательные факторы управления*, связанные с целенаправленной деятельностью людей» (Афанасьев В. Г. Научное управление обществом: Опыт системного исследования. М., 1973. С. 44, 46).

ные, общественные и иные структуры со средой их обитания; оно испытывает постоянное воздействие «возмущений», исходящих от этой среды. Эти «возмущения» обладают различной силой воздействия на общественную жизнь. Функция управления в этой связи состоит в том, чтобы способствовать полезным воздействиям и оказывать сопротивление вредным, оставляя без внимания те воздействия, которые не имеют для управления сколько-нибудь существенного значения. Нетрудно понять, что выполнение этой функции управления осуществляется прежде всего правовыми средствами. Используя правовой механизм, государственные и иные структуры реагируют на изменения, происходящие в окружающей среде, осуществляют необходимые преобразования. Поэтому задача юридического исследования состоит в том, чтобы вычленив правовое управление из других видов управления. Характеризуя своеобразие правового управления, можно воспользоваться высказываниями В. Г. Афанасьева, который подчеркивал, что управление «не просто сознательная деятельность, а та особая разновидность, которая связана с выработкой решений, с организацией, направленной на претворение решений в жизнь, с регулированием системы в соответствии с заданной целью...»¹.

Не будучи юристом, В. Г. Афанасьев, однако, отлично понимал тот бесспорный факт, что наиболее четкая и определенная «выработка решений» осуществляется в процессе правотворческой деятельности; что наиболее мощным и эффективным средством претворения этих «решений в жизнь» является комплекс требований законности; что регулирование «систем с заданной целью» может быть наиболее успешным в условиях режима правопорядка.

Управление предполагает знание, которое приобретается отнюдь не только для самого знания, а прежде всего для практически-действенного освоения природного и социального бытия путем ориентации, организации людей, их поведения и деятельности. Конечно же, не весь объем знаний ре-

---

¹ Афанасьев В. Г. Управление как целесообразная деятельность человека // Общественные науки. 1978. № 2. С. 35.

ализуется в практике управления, а лишь тот круг знаний, который именуется в современной науке информацией. Смысл информации не только в переходе от незнания к знанию, но и в «материализации» знания, которое реализуется в управлении. Н. Винер переработку информации объявил сутью процессов управления¹. Именно в процессе выработки правового управляющего решения информация перерабатывается путем сокращения неопределенностей, уменьшения разнообразия, повышения ее «плотности», определения четкой цели регулирования поведения, деятельности людей.

Сказанное со всей очевидностью свидетельствует о том, что законодательство, законность и правопорядок являются своеобразной сферой, одним из важных видов управления жизнедеятельностью общества. Более того, без этого вида управления общество ни существовать, ни функционировать, ни развиваться не может. Именно благодаря законодательству осуществляется нормативная регламентация и упорядоченность соответствующих общественных отношений, в то время как законность требует соблюдения этих нормативов, а правопорядок создает необходимые условия для нормального управления общественным развитием.

В правильности этого вывода легко убедиться, обратившись к рассмотрению поведенческого аспекта проблемы.

Поведение индивидов формируется и развивается в основном под воздействием двоякого рода факторов. Во-первых, люди соизмеряют свои поступки с реальной социальной ситуацией и в соответствии со своими принципами, ценностными ориентациями, мировоззрением, взглядами, устремлениями и т. д., определяемыми в процессе их социокультурного развития. Во-вторых, люди следуют или, напротив, нарушают правовые установления, подчиняясь своим страстям, чувствам, порывам и т. п.

В первом случае сама социальная ситуация складывается из существующих в обществе условий быта, труда, отдыха, социального и психологического климата, образа жизни в

---

¹ См.: Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М., 1968.

семье, коллективе, государстве и обществе, совокупно определяющих потребности, интересы и цели людей.

Во втором случае правовые установления обязывают людей действовать строго определенным образом, и отклонение от этих установлений влечет за собой отрицательные последствия или даже уголовные наказания.

Если в первом случае правовое управление через законодательство и законность учитывает отмеченные действия и деятельность людей, то во втором — прямо и непосредственно указывает людям при определенных условиях и обстоятельствах образцы, масштабы, рамки поведения, нарушение которых влечет за собой соответствующую правовую ответственность. В результате укрепляется определенный правовой режим.

Само собой разумеется, что деление деятельности, действий и поведения людей на два указанных вида является умозрительным. В действительности же они так или иначе интегрируются, образуя тот «сплав», с которым имеет дело управление, в том числе и правовое, и который является его объектом.

В самом деле, нет деятельности, действия, поступка, которые обуславливались бы только реальной социальной ситуацией или идеальными устремлениями людей, равно как не существует абсолютной свободы людей (во всяком случае, внешней), в определенной мере не ограниченной законодательством, законностью и правопорядком того общества, в котором они живут и реализуют себя. Волевые акты людей суть следствие органического синтеза различных побудительных сил, итог их взаимодействия и единства.

И в этом сложность практического правового управления, которому призвана оказывать помощь юридическая наука путем теоретического обоснования наиболее эффективного правового регулирования общественных отношений, совершенствования требований законности и упрочения режима правопорядка. Необходимо осмысление комплекса всех жизненных условий, обстоятельств, ситуаций в единстве с идеальными устремлениями людей, с их социальным и индивидуальным психическим состоянием, духовным потенциалом. Следует не только реагировать на потребности, интересы и

цели людей, но и учитывать их потенции, которые будут реализовываться в ближайшем будущем и в перспективе. При этом важно определить применение мер убеждения и принуждения в соответствующих правовых нормативах.

Как известно, основным методом правового управления является убеждение, т. е. добровольное выполнение лицом требований закона. Однако одним лишь этим методом законодательство обойтись не может. Вспомогательным методом правового управления является принуждение, к которому прибегают в случаях неподчинения закону, злостного его нарушения¹. Одним словом, юридическая наука должна определить пути эффективной реализации закона.

Любой закон и подзаконный акт живут и действуют лишь тогда, когда они соблюдаются, исполняются и применяются в практической жизни. Недостаточно создать хороший, целесообразный, совершенный правовой акт; необходимо, помимо этого, чтобы он правильно, единообразно и наиболее целесообразно использовался в жизни. Отсюда вытекает необходимость научной разработки комплекса проблем реализации законодательства на основе законности.

Проблема правореализации и тем более ее эффективности в юридической науке, как нам представляется, разработана пока недостаточно. Прежде всего, нельзя ограничивать рамки этой проблемы лишь изучением практики применения права в случаях правонарушений. Необходимо преодолеть элементарно-примитивные представления низшего уровня обыденного сознания, будто право сводится лишь к полицейскому или уголовному законодательству с его принудительно-карательными функциями. Помимо этого, право — не только одно из мощных средств реализации свободы, но и эффективное орудие позитивной организации

---

¹ Ф. В. Тарановский писал: «...чтобы внушить подданным беспрекословное повиновение праву не за страх, а за совесть и чтобы сообщить юридическим нормам устойчивость, государственная власть из разумного расчета сама подчиняется действию ею же устанавливаемого права. Благодаря этому право приобретает обязательность двустороннюю — и для подвластных, и для самой власти» (Тарановский Ф. В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 513).

жизнедеятельности общества в его основных сферах, в их совершенствовании и прогрессивном развитии. Поэтому нельзя ограничиваться изучением только практики правонарушений и преступности. Не менее важно обобщать и положительное воздействие права, законодательства, их мобилизационную, организационную и творчески-созидательную роль и воспитательное (а не только перевоспитательное) значение. Для решения этой задачи необходимо в процессе исследований обнаруживать те причинно-следственные связи, те звенья, через посредство которых осуществляется правовое воздействие на регулируемые отношения и достигается запланированный результат. При этом нельзя упрощать правореализующий процесс по формальной схеме: правовая норма $\Rightarrow$ ее толкование $\Rightarrow$ реализация $\Rightarrow$ полученный социальный результат. Этот процесс имеет куда более сложный и тонкий механизм.

Подобно тому как невозможно объяснить возникновение тех или иных правовых норм только и единственно общественными отношениями, их в конечном счете породившими (поскольку содержание правовых норм непосредственно определяется и другими объективными и субъективными факторами общественного развития), так и обратное воздействие этих норм на соответствующие отношения осуществляется через длинный ряд промежуточных явлений и процессов. Только тщательно проанализировав всю «цепь» правового воздействия на общественные отношения, можно выяснить степень его эффективности, определить социальную результативность действия соответствующих правовых установлений.

Следует также иметь в виду, что специфический характер каждой правовой нормы, определяемой ее принадлежностью к той или иной отрасли права, обуславливает и особенности процесса ее реализации. Поэтому нельзя говорить об общей для всех правовых норм формуле реализации, если имеется в виду исследовать эффективность действия каждой правовой нормы в отдельности. Наличие же множества правовых норм не должно создавать впечатления невозможности решения этой важной задачи, поскольку все эти нормы «распределяются» по отраслям права, которые изучаются соответствующими специальными юридическими науками, располагающими

достаточными силами для проведения такой аналитической работы. Только научный анализ процесса реализации права будет содействовать совершенствованию и укреплению законности и правопорядка.

Исследование правореализующего процесса тормозится, как нам кажется, также и тем, что в юридической литературе нет достаточной четкости в разграничении понятий законности и правопорядка. Иногда законность рассматривается слишком широко, в ее понятие включаются не только требования по соблюдению, исполнению и применению законов и подзаконных актов, но и вся законодательная деятельность государства и сами законы. Несомненно, законность непосредственно связана с законом и, следовательно, с законодательной деятельностью. Реализацию законов на основе требований законности нельзя себе представить при отсутствии самих законов, равно как и законодательная деятельность потеряла бы какой-либо смысл, если бы созданные в результате этой деятельности законы не реализовывались в жизни. Законы и подзаконные акты в своей совокупности образуют основу законности.

Вместе с тем требования законности распространяются не только на процесс реализации закона, но и на их творчество: деятельность по созданию закона осуществляется в определенных организационных формах, установленных законом и регламентом парламента; иначе говоря, законодательная процедура регламентирована соответствующими правовыми нормативами. Требования законности распространяются и на другие моменты законодательной деятельности (например, установление верховенства закона в правовой системе, последовательность соподчинения правовых актов по их юридической силе, своевременность издания новых правовых актов, изменение, уточнение или отмена действующих правовых актов и т. д.). Многие из этих требований законности выражены в самих законах. Однако тесная связь законотворчества, закона и законности как явлений однопорядковых не дает оснований для их отождествления. Так, законотворчество, помимо того что осуществляется в соответствии с требованиями законности, включает в себя, как мы видели, и многое другое (познание и использование объективных закономер-

ностей общественного развития, нормативное выражение этих закономерностей, сочетание обыденного, практического и теоретического знания и т. д.). Равным образом и закон, нередко включающий в себя те или иные требования законности, содержит соответствующие правила, определяющие характер правового регулирования тех или иных конкретных общественных отношений. Наконец, и законность распространяется не только на законодательную деятельность, но и включает в себя также требования, не обязательно зафиксированные в законе.

В чем же состоят требования законности?

Это:

— неуклонное соблюдение и исполнение законов и изданных на их основе и во исполнение иных правовых актов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами;

— создание правовых актов лишь полномочными органами и в строго очерченных законодательством пределах компетенции каждого из них;

— издание правовых актов в строго определенных формах, предусмотренных конституцией;

— верховенство закона в системе правовых актов и соответствие правовых актов нижестоящих органов власти и управления правовым актам вышестоящих органов;

— обеспечение иерархии правовых актов по степени их юридической силы;

— принятие правовых актов в соответствии с правилами законодательной (и правотворческой вообще) процедуры и законодательной техники;

— своевременное издание, изменение или отмена актов компетентными органами в установленном законом порядке;

— обеспечение устойчивости и стабильности правовых актов;

— применение правовых актов уполномоченными на то органами и должностными лицами в строгом соответствии с процессуальным законодательством;

— своевременное соблюдение, исполнение или применение правовых актов;

— точное и единообразное применение правовых актов в полном соответствии с их смыслом и соблюдением установленных законодательством организационных форм;

— исполнение правовых актов в том объеме и значении, которые предусмотрены самими правовыми актами;

— обеспечение реализации правовых актов всеми необходимыми материальными, юридическими и духовными средствами и гарантиями;

— осуществление постоянного надзора, контроля и проверки исполнения, соблюдения и применения правовых актов государственными органами и уполномоченными общественными организациями, должностными лицами и гражданами.

Перечисленные требования законности не оторваны, не изолированы друг от друга, а находятся в прямой взаимосвязи, дополняют, обуславливают друг друга, выступая в виде единого комплекса средств обеспечения правильного соблюдения, исполнения и применения законов и изданных на их основе и во исполнение других правовых актов.

Значение законности возрастает в переходный период общественного развития. Законность, будучи органически связанной с законодательной деятельностью и законами, в том же соотношении находится и с правопорядком. Это соотношение является настолько тесным и глубоким, что в юридической литературе, как было отмечено, трудно уловить их понятийное отличие друг от друга. Между тем такое отличие имеет определенный познавательный смысл. Нам думается, с учетом ранее сказанного, что соотношение между законодательной деятельностью, законом, законностью и правопорядком можно представить в следующем схематичном виде. Законодательная деятельность является непосредственным источником и силой, создающей законы. ⇨ Законы устанавливают строго определенный характер и направление регулирования конкретных общественных отношений. ⇨ Такое регулирование фактически осуществляется в процессе реализации законов, который осуществляется в соответствии с требованиями законности. ⇨ В результате действия законов и соблюдения требований законности создается, внедряется, обеспечивается режим правопорядка.

Из этой схемы следует, что не может быть правопорядка при отсутствии самих законов и законности, равно как и смысл создания, существования и действия законов и законности состоит в установлении общественного правопорядка.

В связи с изложенным представляется важным и актуальным остановиться на двух вопросах.

Первый. В период так называемой перестройки была провозглашена вредная формула: «Разрешено все, что не запрещено законом», перефразирующая формулу Альбера Камю: «Все позволено, но не все разрешено»¹.

Однако обе эти формулы глубоко ошибочны, потому что, во-первых, отнюдь не все разрешено, позволено за пределами запрещенного законом; во-вторых, разрешено, позволено лишь то, что соответствует общечеловеческим ценностям, морали, справедливости, свободе личности и общества.

Куда более мудрой является формула, выдвинутая еще Дж. Ст. Миллем: людям должно быть позволено делать все, что им угодно, до тех пор, пока это не причиняет зла другим людям или не ограничивает их права².

Второй. Особого внимания юридической науки требует борьба с преступностью, особенно в период ее обострения и распространения в переходный период общественного развития. Это проблематика преимущественно криминологов. Мы же в данном случае намерены остановиться лишь на одном аспекте проблемы.

Известно, что преступность зачастую порождает самое себя. Сокращение преступности предполагает систематическое проведение ее профилактики, чем менее всего озабочено, к сожалению, наше государство (и прежде всего его правоохранительные органы). Между тем нет необходимости доказывать ее исключительную важность и актуальность для упрочения режима правопорядка. Именно поэтому на данной теме мы и намерены остановиться в общих чертах, поскольку конкретно-подробная разработка темы была проведена коллективом специалистов в 1989 г. В отечественной и мировой пра-

¹ Camus A. Le muthe de Sisyphe. P., 1965. P. 149.

² См.: Милль Дж. Ст. О свободе. СПб., 1906.

ктике впервые было изложено не только *что* надо делать, по и — что особенно важно — *как* делать для успеха профилактической работы¹. Этой разработке, осуществленной на основе всесоюзного законодательства, конкретно-социологических, социально-психологических и иных достижений, не суждено было реализоваться в связи с развалом Советского Союза. Ныне, в новых российских условиях, возникает особенно острая потребность в создании подобного научно-практического пособия.

К. Маркс справедливо писал: «Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него»². В самом деле, предупреждение преступлений обходится обществу куда «дешевле», «выгоднее». Сутью и основной целью социального предупреждения преступности является ее профилактика. Она представляет собой комплекс конкретных социальных мер (экономических, организационных, управленческих, культурно-воспитательных и иных), осуществляемых с целью предупреждения преступности, сокращения количества правонарушений путем выявления и устранения причин и условий, способствующих противоправному поведению.

Было бы наивностью полагать, что задачи комплексной социальной профилактики преступности могут быть решены лишь усилиями правоохранительных органов, хотя основная тяжесть работы ложится именно на их плечи. Здесь нужна активизация деятельности всех государственных органов, общественных организаций, трудовых коллективов, общественности, ибо решение этой задачи отражается на экономике, социально-психологическом климате общества, воспитании подрастающего поколения, наконец, на нормальной жизнедеятельности общества и каждого его члена. Для того чтобы деятельность государственных органов, общественных организаций, трудовых коллективов, должностных лиц и граждан была направлена к единой цели, носила упорядоченный и скоординированный характер, необходимо соот-

---

¹ См.: Социальная профилактика правонарушений: советы, рекомендации. М., 1989.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 131.

ветствующим образом ее мобилизовать, организовать и спланировать. Именно этому и служит комплексная социальная профилактика преступности.

Основные цели, которые преследует комплексная социальная профилактика преступности, следующие:

— сокращение случаев преступного поведения (действий) граждан и должностных лиц;

— ограничение антиобщественного поведения (действий) граждан и должностных лиц, не являющегося нарушением действующего законодательства, но причносящего определенный вред обществу и могущего перерасти в противоправные деяния или способствовать их совершению;

— преодоление негативных сторон общественного развития, способствующих преступности (например, противоречия между богатством и бедностью, между ростом материального благосостояния и потребительской психологией и т. д.);

— устранение в деятельности государственных органов управления, предприятий, общественных формирований, культурно-воспитательных и медицинских учреждений недостатков и просчетов, создающих условия для преступности;

— постепенное искоренение в семье, по месту жительства и в других сферах общественной жизни консервативных обычаев, отрицательных традиций и форм поведения, способствующих преступлениям;

— развитие и совершенствование позитивных социальных процессов, противодействующих антиобщественному поведению (действиям) граждан и способствующих соблюдению действующего законодательства, государственной и трудовой дисциплины;

— повышение уровня сознательности граждан, формирование уважения к правовым предписаниям, активной жизненной позиции в борьбе с преступностью и в упрочении режима правопорядка.

Субъектами комплексной социальной профилактики преступности являются государственные органы, общественные организации, трудовые коллективы, должностные лица и граждане, участвующие в деятельности по предупреждению преступности. В профилактической работе призваны также участвовать средства массовой информации.

В комплексной социальной профилактике преступности следует предусматривать создание в регионах советов профилактики; организацию добровольных общественных формирований для борьбы с преступностью; проведение систематического обучения профилактической работе лиц, привлеченных к борьбе с преступностью; обмен опытом профилактической работы между различными ее субъектами; налаживание сотрудничества общественных организаций между собой и с правоохранительными органами. Важно также предусмотреть поощрение за работу по предупреждению преступных деяний.

Объектами социально-профилактического воздействия должны быть негативные стороны различных факторов и процессов общественной жизнедеятельности людей, способствующие совершению преступлений некоторыми из них. Круг объектов социально-профилактического воздействия чрезвычайно широк. Поэтому определение конкретных объектов социально-профилактического воздействия выявляется в результате предпланового изучения состояния правопорядка в регионе.

Объекты социально-профилактического воздействия можно примерно подразделить на три основные группы:

— негативные стороны жизнедеятельности людей (материальная и социально-культурная база, уровень благосостояния и жилищно-бытовые условия, техническая оснащённость производства, технологический процесс, условия труда и т. д.);

— негативные стороны организационно-управленческой деятельности субъектов профилактики (система общего и специального образования, социально-бытовое обслуживание, средства массовой информации, учреждения культуры, социальная активность и т. д.);

— негативные стороны межличностных отношений и поведения людей (отношения между людьми в быту и в процессе трудовой деятельности, на отдыхе, семейные отношения и т. д.).

Комплексное социально-профилактическое воздействие осуществляется тесно связанными между собой общими и специальными мерами.

Общими являются меры, не предназначенные исключительно для профилактики преступлений, но объективно содейст-

вующие их предупреждению (улучшение условий труда, отдыха и быта населения, повышение образовательного и культурного уровня, совершенствование воспитательной и культурно-массовой работы среди различных социальных групп, особенно среди несовершеннолетних, и т. д.).

Специальными являются меры, предназначенные исключительно для целей профилактики преступлений и направленные непосредственно на факторы, влияющие на преступления, а также на лиц, склонных к нарушению правопорядка (усиление охраны общественного порядка, улучшение воспитательной работы с лицами, склонными к преступным действиям, повышение уровня социального контроля за поведением лиц, ранее совершивших преступления, и т. д.).

Комплексная социальная профилактика преступлений должна быть научно обоснованной, реально обеспеченной соответствующими материальными и иными ресурсами, отражать специфические условия жизнедеятельности региона. При ее разработке целесообразно обеспечить:

— выбор наиболее актуальных целей профилактической деятельности;

— максимально полное использование возможностей существующей системы управления экономическими и социально-культурными процессами с учетом компетенции и функций отдельных органов управления;

— объединение и рациональное использование имеющихся в регионе сил и средств для проведения профилактической работы;

— сбалансированное развитие всех ведущих направлений профилактической работы и охват ею всех составных частей данного региона (городской и сельской местности, отдельных населенных пунктов, районов и территориальных зон, наиболее пораженных антиобщественными проявлениями).

При разработке мероприятий региональной комплексной социальной профилактики преступлений следует учитывать специфические особенности регионов. Особенности каждого региона должны быть отражены в мероприятиях при организации, разработке и реализации мероприятий комплексной социальной профилактики преступности.

Различные уровни комплексной социальной профилакци-

ки преступлений должны быть органически взаимосвязаны. При этом в каждом регионе следует предусматривать общие и наиболее важные мероприятия, реализация которых возлагается на определенные субъекты профилактической деятельности. Соответствующие органы, организации и учреждения, расположенные на данной территории, в своих мероприятиях воспроизводят общие мероприятия и в необходимых случаях детализируют их, а также включают те конкретные мероприятия профилактической деятельности, которые вытекают из специфики соответствующих объектов.

В целях повышения персональной ответственности за выполнение соответствующих мероприятий комплексной социальной профилактики преступлений целесообразно обозначать конкретных исполнителей тех или иных действий.

Сроки, на которые разрабатываются мероприятия комплексной социальной профилактики преступлений, должны строго соблюдаться.

Все отмеченные моменты должны найти тщательную проработку в типовых методических рекомендациях по комплексной социальной профилактике преступности, в которых давно нуждаются государственные органы, общественные организации и трудовые коллективы.

Эти методические рекомендации послужат изучению «базисных» данных каждого региона страны.

Даже если в результате будет достигнуто хотя бы некоторое снижение преступности, это безусловно принесет обществу значительную не только моральную, но и материальную выгоду.

Глава 24

ПРАВОВАЯ КИБЕРНЕТИКА

Под воздействием научно-технического прогресса, бурного роста производительных сил современного общества и многих других социальных факторов ускоряется всемирно-исторический процесс, возникают все новые и новые глобальные, общепланетарные проблемы, укрепляется межгосударственное сотрудничество мирового сообщества, преобразуются условия общественного бытия. В этом движении огромную роль играет компьютерная революция, развивающаяся стремительными темпами. Будучи порождением научно-технического прогресса, она оказывает на него плодотворное воздействие, совершенствует технику, технологию и управление обществом, освобождает человека от монотонного, рутинного труда, тем самым значительно расширяя поле истинно человеческой, интеллектуальной, творческой деятельности. Открываются захватывающие перспективы взлета научной мысли, обновления и интенсификации теоретического мышления, достижения выдающихся результатов во всех отраслях науки.

Небывалые, исключительно благоприятные возможности открывает компьютерная революция и в сфере обогащения, развития и совершенствования права, законодательства и законности.

Вместе с тем необходимо реально оценивать ее современные достижения, возможности и целесообразность использования в той или иной сфере, а также социальные последствия внедрения в практику. Так, например, законодательная техника преследует цель достичь максимальной формализации законодательного текста. Кибернетика и компьютерная техника в состоянии оказать в этом деле неоценимую помощь. Значительно сложнее дело обстоит с содержательной

стороной законотворчества, где возможности компьютеризации, по нашему глубокому убеждению, значительно скромнее по сравнению с формализацией законодательной деятельности. Чрезмерные восторги, надежды, своеобразно преувеличенная идеализация компьютерного процесса, охватившая обширную часть интеллектуальной элиты мира, вынуждают остановиться на основных, преимущественно общеметодологических проблемах, на современных возможностях использования кибернетики и компьютерной техники в сфере, нас в данном случае интересующей.

Одна из центральных проблем, интенсивно обсуждаемых отечественной и мировой научной общественностью уже не один десяток лет, — возможность создания «искусственного интеллекта»¹ (следовательно, со временем, скажем, и «искусственного законодателя», «искусственного судьи»). С «искусственным интеллектом» связывается наступление второй компьютерной революции.

Прежде чем критически рассмотреть соображения, идеи и аргументы спорящих сторон, необходимо предварительно оговорить некоторые моменты методологического плана. Сама постановка вопроса о возможностях компьютерных систем является, на наш взгляд, некорректной. С одной стороны, любая попытка установить границы возможного рано или поздно, но неизбежно терпела поражение в результате развития науки, познавательные потенции которой бесконечны настолько, насколько бесконечен сам мир. С другой стороны, не все возможности имеет смысл превращать в действительность, поскольку одни еще недостаточно созрели, а другие служат не столько прогрессу, сколько регрессу общества; более того, они чреваты непредсказуемыми, трагическими последствиями (например, так называемое улучшение человеческого рода с помощью биотехнологии).

---

¹ Термин «искусственный интеллект» весьма условен, более того, далеко не точен, но он настолько вошел в научный и обыденный обиход без всяких оговорок, что может создать убежденность в осуществленной замене естественного интеллекта искусственным если не во всех, то по крайней мере во многих сферах человеческой деятельности. Для того чтобы рассеять такого рода иллюзии, необходимо более подробно остановиться на данной проблеме.

Вспоминается в этой связи широкое увлечение компьютеризацией в первые годы ее признания, когда некоторые авторы говорили о чуть ли незамедлительной замене, в частности, законодателя и судьи компьютерными системами. Такие идеи и рекомендации выдвигались лишь восторженными энтузиастами, которые, однако, имели очень смутные представления не только о состоянии кибернетики и компьютерной техники в тот период, но и о природе законотворчества и правосудия, имеющих сугубо человеческий, тонкий, деликатный характер.

Законотворчество, как и любое другое творчество, исключает его всепоглощающую формализацию и, следовательно, компьютеризацию. Речь может идти пока лишь о привлечении кибернетических методов и компьютерных средств для вспомогательных, прикладных, подготовительных работ, существенно облегчающих и ускоряющих сам процесс создания законов. Что же касается указанной замены, то она не только практически неосуществима, но и, что не менее важно, нецелесообразна. Тем не менее и сейчас подобные идеи и рекомендации иногда выдвигаются, хотя и (под влиянием критики) более осторожно, осмотрительно, с различного рода оговорками. Мы имеем в виду прежде всего идею создания «искусственного интеллекта», который трактуется ныне с акцентом на слове «интеллект», а его «искусственность» остается в тени, на втором плане, затушевывается. Тем самым создается впечатление, будто компьютер полностью заменяет человека¹. Это, вообще-то говоря, так же нелепо, как несуразно утверждение, будто робот по всем параметрам заменяет работника. В действительности же компьютер и человек, робот и работник остаются тем, что они есть, и ни один из них не заменяет и не в состоянии заменить другого. В их взаимодействии один может «усилить» другого, но никак один не может превратиться в другого².

---

¹ В известной шутке о том, что техника достигнет такого совершенства, что человек сможет обойтись без самого себя, как раз и отражена эйфория относительно безграничных возможностей компьютера. Но ведь это не более чем шутка.

² Компьютерная система представляет собой не более чем инструмент в интеллектуальной деятельности человека и выступает в качестве посредника между объектом и субъектом познания.

Разве требует доказательства тот факт, что попытка «вдохнуть жизнь» в неодушевленные предметы никогда не оживит этот предмет?!

Сказанное не основание для упреков в «компьютерном агностицизме». Мы вовсе не отрицаем бесконечность компьютерного познания, но призываем не смешивать и тем более не отождествлять «искусственный интеллект» с человеческим разумом, мышлением. Как бы «искусственный интеллект» ни приближался к естественному, как бы ни превосходил его в определенных отношениях, он всегда останется моделью человеческого разума, мышления, но не им самим, будет отличаться от подлинника (например, формализованный компьютерный язык от естественного). Учитывая современное состояние компьютерной техники, мы выступаем против непоколебимого убеждения в могуществе «искусственного интеллекта», своего рода компьютерного демиурга, способного решить все задачи, преодолеть любые трудности, заменить во всех отношениях человека и каким-то образом облагодетельствовать человечество.

Исходя из этих предпосылок, обратимся к дискуссии относительно «искусственного интеллекта». Попытки его создания осуществляются в двух направлениях: по образу (модели) человеческого, т. е. в направлении воспроизведения деятельности мозга; по образу (модели) техническому, при котором машинными средствами достигаются результаты, аналогичные сознательной человеческой деятельности.

Тотальная компьютеризация общества, все возрастающими темпами проникающая почти во все сферы его жизнедеятельности, вовсе не означает соответствующего, все более энергичного вытеснения человека из интеллектуальной сферы деятельности. Дело обстоит как раз наоборот: чем масштабнее процесс компьютеризации общества, тем выше значение человеческого разума, интеллектуальной деятельности личности, ибо при почти неограниченной памяти, огромной скорости операций и прочих характеристиках современных компьютерных систем функционирование зависит от программ, заложенных в них специалистами.

Конструирование и функционирование систем «искусственного интеллекта», в том числе и сверхсложных нейроком-

пьютеров (первых прототипов биокомпьютеров), свидетельствуют об их возможности не только оперировать огромным объемом информации, недоступной отдельному индивиду, но и давать информацию о новом знании, самостоятельно «думать» (если допустимо употребить это слово в иносказательном смысле) и автономно действовать. И тем не менее эти системы бесконечно далеки от деятельности человеческого мышления. Достаточно напомнить, что если в мозгу человека функционирует около 14 миллиардов нейронов, а возможности новейшего японского нейрокомпьютера приравниваются лишь к 10 тысячам, то становится очевидным колоссальный разрыв между человеческим мозгом и компьютером¹. Но дело не только в этом. Создание чего-то подобного человеческому мозгу, как справедливо отмечает академик Г. С. Поспелов, потребует объединения в единый комплекс десятков тысяч супер-ЭВМ, поскольку каждую отдельную мозговую клеточку можно сравнить с мощным сложнейшим компьютером. Следует при этом иметь в виду и другое обстоятельство: если принцип функционирования левого полушария человеческого мозга (оперирующего логическими понятиями) относительно ясен, то пока практически ничего не известно о принципах работы правого полушария мозга². При таком положении представляется, по крайней мере, преждевременным предложение о создании аналога человеческого мозга, естественного интеллекта.

Сторонники создания «искусственного интеллекта» в соответствии с человеческим образом нередко для обоснования своей позиции ссылаются на ленинское положение о единстве материального и духовного. В. И. Ленин действительно отмечал, что за пределами основного вопроса философии оперировать противоположностью материи и духовности было бы громадной ошибкой³. Из этого высказывания делается вывод о том, что свойства мозга как особой высокоорга-

---

¹ См.: Известия. 1988. 6 января.

² См.: Минаев Б. К. Проблемы представления знаний в компьютерных системах//Вопросы философии. 1987. № 1. С. 52—53.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 259.

низованной материальной структуры вовсе не включают воспроизведения ряда интеллектуальных функций иными материальными системами¹.

Такое предположение вполне допустимо и оправданно по той причине, что человеческий мозг как источник духовности имеет вполне материальный субстрат, и нет логических оснований отрицать возможность создания другой материальной субстанции, которая обладала бы способностью осуществлять информационные операции. Но данное предположение не учитывает ряд нюансов, имеющих существенное значение. Во-первых, в приведенном ленинском положении утверждается не тождественность материи и духовности, а недопустимость их противоположения, поскольку они взаимопроницаемы. Во-вторых, допустимость возможности образования в далеком будущем материальной субстанции, способной осуществлять информационные операции, вовсе не означает вероятности создания «искусственного интеллекта», поскольку сущность интеллекта невоспроизводима, индивидуальна и характеризует не всякий, а лишь человеческий мозг. Наконец, в-третьих, такой «искусственный интеллект», как легко предвидеть, не компьютер, а нечто неизмеримо более сложное — симбиоз биологических, физиологических, компьютерных и иных элементов. Иначе говоря, «искусственный интеллект», если и допустить возможность и целесообразность его создания, ничего общего с компьютерным образом иметь не будет. В такой компьютер будет включен человеческий элемент, искусственное будет обогащено естественным, без которого нет интеллекта вообще и «искусственного интеллекта» в частности. Получится, так сказать, «человеко-компьютерный интеллект», имеющий мало общего как с человеческим разумом, так и с современной компьютерной системой.

Это направление создания так называемой компьютерной экспертной системы («интерфейса», в создании которого, кстати, принимают участие такие мощные японские корпо-

---

¹ См., например: Ракитов А. И., Андрианова Т. В. Философия компьютерной революции//Вопросы философии. 1986. № 11. С. 78.

рации, как «Хитачи» и «Саньо») имеет программу, предусматривающую конструирование биокомпьютера, т. е. такой сверхмощной экспертной системы, функционирование которой в какой-то мере воспроизводит закономерности человеческого мышления. Характерным при этом является тот факт, что это функционирование будет основываться, как предполагается, на белковой памяти. Сейчас трудно предвидеть, что из этого получится, но даже если придерживаться оптимистического предвидения, то ведь, по существу, речь идет уже не просто об ЭВМ, а о гораздо более сложном человеко-компьютерном устройстве. При всей интегративности человеческого и компьютерного, их, очевидно, можно будет различать: едва ли интеллектуальную роль будет играть компьютерная часть, а технологическую (в том числе и информационную) — человек. Дело будет обстоять наоборот, иначе теряется смысл введения человеческого в компьютерное.

Важно заметить, что такого же мнения придерживался и основоположник кибернетики Норберт Винер, который в ходе нашей беседы в 1962 г. на мой вопрос о возможности создания «искусственного интеллекта» ответил: «Большое преимущество человека — это его способность проводить осмысленную работу с идеями, которые пока еще не совсем ясны... Вопрос использования машин в будущем включает использование систем с механическими и человеческими элементами... Но в создании машинно-человеческой системы нужно точно сознавать функции человека в ней, чтобы улучшить их деятельность в сфере функции человека в ней, человеческие элементы будут необходимы в форме человеческой критики. Другими словами, я думаю, что особое внимание в этих проблемах, особенно в социологических проблемах, должно быть уделено машинам, не как самодовлеющим способам их разработки, но как элементам машинно-человеческой системы... Если взять кибернетику как вопрос гомеостаза (равновесия) для общества, то можно достичь многого, но опасно подходить к этому вопросу с чисто механической точки зрения»¹.

¹ Стенограмма беседы Н. Винера с Д. А. Керимовым. 1962. С. 1—3.

Другой автор, Хьюберт Дрейфус, хотя и допускает формализацию всего знания, тем не менее не разделяет «стойкого оптимизма» относительно возможности создания «искусственного интеллекта»¹.

Попытки создать «искусственный интеллект» наподобие человеческого мозга едва ли приведет к успеху, поскольку, как известно, сознание, как и вообще высокие психические функции, по свидетельству естествоиспытателей (Ч. Шеррингтон, И. М. Сеченов), продукт отнюдь не мозга, а «духовного организма», «личного действия», «функциональных органов», «органов нервной системы»².

Естественное, воплощенное в искусственном, обедняется, равно как и искусственное не в состоянии в полной мере воспроизвести естественное. «Интеллект», олицетворенный в компьютере, преобразованный и действующий в нем, перестает быть интеллектом, так же как «искусственная интеллектуальность» не есть естественная. Поэтому надежды тех, кто ставит вопрос не только о создании компьютерных систем — «ускоряющих» интеллектуальную, творческую деятельность человека (что уже воплощено в действительности, например игра в шахматы чемпиона мира с компьютерной системой) — и имеет еще не использованные огромные потенциалы в перспективе, но и о создании такого «искусственного интеллекта», который был бы подобен человеческому «по форме восприятия и осмысления мира», реально неосуществимы ни в настоящем, ни в обозримом будущем. Современное состояние компьютерного хозяйства не дает достаточных оснований для выдвижения этой задачи ни сегодня, ни завтра (заметим, кстати, что значение отдельных достижений в данной области нередко преувеличивается)³.

¹ См.: Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. Критика искусственного разума. М., 1978. С. 106, 43.

² Подробнее об этом см.: Велихов Е. П., Зинченко В. П., Лекторский В. А. Сознание: опыт междисциплинарного подхода//Вопросы философии. 1988. № 1. С. 11—19.

³ Например, утверждается, будто уже сегодня успешно эксплуатируются сложные информационно-поисковые системы, системы машинного (компьютерного) перевода и т. д. (см.: Минаев Б. К. Проблемы представле-

Если говорить о попытках второго направления — создание «искусственного интеллекта» по технической модели, то иллюзорность замены человеческого разума, мышления машинными конструкциями еще более очевидна. Дело в том, что воспроизведение «сознательной» деятельности ограничивается довольно узким кругом задач, решаемых человеком. Кроме того, имеются задачи, которые вообще недоступны «техническому интеллекту». Трудно, конечно, отрицать величайшие достижения комплексного «искусственного интеллекта», ориентированного не только на соответствующие данные, но и на знания (так называемые экспертные системы). Эти системы успешно справляются с моделированием в тех областях, где действуют законы ряда естественных наук (например, биологии или медицины), но попытки аналогичного моделирования в области общественных и гуманитарных наук пока не увенчались успехом. И это понятно, ибо такие сугубо человеческие факторы процесса научного познания, как использование накопленного социального опыта, обобщение данных гуманитарного порядка, гипотезы общественного развития, диалектические операции с «людским материалом», предполагают творчество и вдохновение, богатый социальный опыт и мудрость, прозрение и интуицию, подключение к разуму чувств¹, в том числе и «шестого» чувства. Все это недоступно даже самым совершенным техническими компьютерам, экспертным системам. Они способны обрабатывать лишь формализованные данные. Полностью же формализовать весь реальный мир — задача практически неосуществимая, нереальная уже потому, что в лучшем случае мы получим упрощенную, огрубленную, мертвую копию живой действительности.

ния...//Вопросы философии. 1987. № 1. С. 52). Информационно-поисковые системы у нас применяются весьма ограниченно и особой сложностью не отличаются. Что же касается «успешной» реализации системы машинного перевода, то, увы, ничего подобного пока не существует.

¹ «Мысль и чувства, — пишет Ш. Теркл, — неразрывны. Когда их отрывают друг от друга и неправомерно считают взаимоисключающими, познание может свестись к чисто логическому процессу, холодному, сухому и безжизненному, а эмоциональное начало — рассматриваться в качестве примитивно-животного и не поддающегося анализу» (Turkle Sh. *The Second Self. Computers and the Human Spirit*. N. Y., 1984. P. 63).

Формализованное отображение действительного мира неизбежно сопровождается утратой его естественноисторической сущности. Но если даже допустить возможность абсолютной формализации мира, то она будет представлять собой нечто прямо противоположное человеческому мышлению, творчеству, которое во многом нелогично, эмоционально, парадоксально, эвристично. Не следует забывать и о том, что человеческое сознание включает в себя и «подсознательную» часть, которая невоспроизводима в компьютерной системе в силу невозможности ее формализации. Можно ли при этих очевидных признаках творческого процесса говорить о «машинном интеллекте»?¹

Заложенная в экспертных системах информация едва ли может претендовать на подлинное знание, которое включает в себя, помимо пассивных формально-информационных данных, и многое другое. Вообще, информация есть не бо-

---

¹ К. А. Зуев пишет, что «...любой компьютер — не более чем сложный электронный прибор, но отнюдь не эффективный интеллектуальный помощник человека» (Зуев К. А. Социологические и социально-психологические проблемы «компьютерной революции»//Вопросы философии. 1987. № 5. С. 139).

Югославский ученый М. Попович считает: «Чем теснее общественные явления и процессы связаны с материальным производством или биологическими законами рождения и смерти, тем в большей мере эти явления и их закономерности поддаются измерению, тем больше возможностей для применения математических методов. Но чем сложнее социальные явления, чем больше в них выражена психосоциальная составляющая — в сфере этической или политической деятельности, в искусстве, философии или религии, — тем труднее измерить отношения между этими явлениями, тем меньше возможность выразить свойственные им законы языком точных чисел» (Popović M. Predmet sociologije. Beograd, 1966. S. 69).

Другой югославский ученый, Д. Маркович, дополняет, указывая, что «применение математических методов в общественных науках допустимо, если при этом учитывается специфика общественных отношений и законов» (Маркович Д. Общая социология. Ростов-на-Дону, 1993. С. 27).

Наконец, В. А. Звегинцев пишет: «Создатели систем класса «искусственный интеллект» не руководствуются психологическими структурами, которые свойственны процессам человеческого мышления. Этого они не могут сделать хотя бы по той простой причине, что такие структуры еще не раскрыты наукой, не говоря уже о том, что здесь мы имеем дело с «механизмами» разного порядка, работающими по своим «правилам»» (Звегинцев В. А. Компьютерная революция: проблемы и задачи//Вопросы философии. 1987. № 4. С. 94).

лее чем представление о знании, предпосылка, основание, но еще не само знание. Только после ее активной мыслительной обработки она превращается в подлинное знание. Поэтому необходимо отличать знание от представления о нем. Представление есть вторичное знание (т. е. знание о знании), которое всегда отлично от первичного; оно вносит элемент субъективизма в его интерпретацию. Работоспособность, быстрота реакции, объем памяти, формально-логические операции и даже воспроизводство нового формализованного знания, значительно превосходящего некоторые возможности человека, — это еще не сознательность, не разум, не интеллектуальность и не творчество.

Естественный интеллект и «интеллект» экспертной системы сопоставимы лишь по результатам той или иной деятельности, но отнюдь не по процессу деятельности. И именно поэтому они не могут быть тождественны или даже аналогичны. Узкоформализованное «мышление» экспертной системы не может претендовать на соперничество с безграничными познавательными возможностями естественного интеллекта, хотя и превосходит его фактически неограниченным объемом памяти и колоссальным быстродействием. Эти преимущества экспертной системы несомненны, но для него недостижима полифункциональность естественного интеллекта. Нет слов, экспертная система не только освобождает людей от однообразной, нудной, рутинной работы, но и усиливает могущество человеческого разума, расширяет и повышает эффективность общественной деятельности.

Компьютерная экспертная система оперирует информацией, но отнюдь не знаниями, формы которого настолько многообразны и многомерны (теория, интуиция, воображение, догадка и т. д.), настолько творчески-активны и динамичны (поливариантность познания, деятельности, поступков и т. д.), что не могут быть воспроизведены в своей целостности и противоречивости ни в какой, даже самой совершенной искусственной системе. Знание, как некий результат познания, может быть отторгнуто от обладающей им личности, от ее сознания, интеллекта, творчества. Такое отторжение лишает знание многих из отмеченных его свойств, и прежде всего процессуальности, динамичности, активности, творческого характера.

В результате знание преобразуется в информацию как статическую часть сознания. И лишь эта часть сознания является основой функционирования компьютерной экспертной системы. Это функционирование осуществляется не как творчески-мыслительный процесс, а как формально-логическое оперирование отдельными результатами человеческого познания. Но ведь логика не порождает нового знания, а лишь определяет путь постижения знаний и их истинность. Поэтому-то и экспертная система не в состоянии породить творчески-новое знание. Обладая информацией и логически оперируя им, экспертная система способна давать новые решения той или иной задачи, но эти решения обретают характер знания лишь в том непременном случае, если возвращаются к человеку. Следовательно, только во взаимодействии экспертной системы с человеком, а не сама по себе экспертная система в состоянии породить новое знание; лишь при включенности экспертной системы в творчески-мыслительный процесс человека она может привести к возникновению нового знания (не случайно экспертные системы обычно характеризуются как человеко-машинные). И тем не менее популярность создания «технического интеллекта» растет, что невольно провоцирует вопрос: не является ли затянувшаяся «мода» на «искусственный интеллект» данью голому прагматизму и технологическому культу? Или другой вопрос: кто конкретно несет ответственность за реализованное в жизни неправильное решение, предложенное «искусственным интеллектом»?

Метафорическое понимание «искусственного интеллекта» не должно, однако, принижать значения компьютеризации общественной жизни. Компьютерная революция объективно развивается необычайно бурно, обогащая человечество новой информацией, новыми возможностями, новыми средствами преобразования природы, общества, человека и его мышления. Она приведет к радикальным изменениям экономических, политических и социальных институтов, государственного управления и общественного самоуправления, характера труда и межличностного общения, ценностных ориентаций и приоритетов, психической структуры и деятельности людей. Это и многое другое не может не привлечь к себе внимания обществоведов, призванных незамедлительно

приступить к разработке имеющихся и вновь возникающих в большом количестве проблем.

Для иллюстрации ограничимся лишь сферой права и законодательства. Здесь нами сделано уже немало: впервые разработаны принципиальные основы организации и методическое обеспечение компьютерной справочно-информационной службы в области действующего законодательства, создана серия компьютерных идентификаций, заложены фундаментальные основы для решения прикладных задач правовой кибернетики и т. д. Но предстоит сделать несравненно больше, реализовать куда более сложные задачи.

Возьмем, в частности, проблему труда, изменение характера которого под воздействием компьютеризации повлечет за собой пересмотр под соответствующим углом зрения всего трудового законодательства. Компьютерная оптимизация режима трудовой деятельности обеспечит ее высокую производительность и вместе с тем отразится на физиологическом и психологическом состоянии человеческого организма, что потребует правовой охраны здоровья трудящихся. Или обратимся к проблеме преобразования системы управления, которая существенно меняется во многих отношениях, и прежде всего значительно сокращается численность государственного аппарата. В связи с этим возникают проблемы, связанные с трудоустройством высвобождающихся работников, с их переквалификацией и целесообразным использованием, с обеспечением социальной справедливости при решении множества вопросов жизнедеятельности работников и их семей. Очевидно, все это будет нуждаться в правовой регламентации.

Даже отмеченные частные примеры свидетельствуют о том, что компьютерная революция, подобно научно-техническому прогрессу вообще, влечет за собой не только величайшие блага и прогрессивные преобразования, но и некоторые негативные последствия на индивидуальном, коллективном и общественном уровне. И хотя мы находимся в самом начале долгого и сложного пути компьютеризации общества, тем не менее уже сейчас следует тщательно продумать социальные и психологические ее последствия.

Компьютеризация в значительной мере ограничивает предметную деятельность, общение, социокультурную сфе-

ру человека, которые являются объективными доминантами его всестороннего развития и гармоничного совершенствования. Деятельность человека перемещается преимущественно из области предметной в область операций с модельными, знаковыми символами; всесторонность труда как средства развития сознания исчезает, он становится односторонним, узким, прагматичным. Индивид замыкается в самом себе, общается лишь с компьютером и в результате отчуждается от общения с коллективом.

Компьютеризация имеет те негативные последствия, которые могут привести к утрате или, по крайней мере, к существенному снижению критического отношения к действительности людей, постоянно работающих с ЭВМ, поскольку такая работа ограничивается лишь требованием строго инструментального мышления. Творческие способности человека и тем более чувственный уровень познания будут обесцениваться, поскольку лишены строгой оценки реальности. Исторический аспект познания потеряет сколько-нибудь рациональный смысл. Постоянное общение с ЭВМ с помощью «языка посредника» обернется обеднением естественного языка, который утратит такие свои удивительные качества, как многозначность, метафоричность, способность приспосабливаться к любым условиям, обстоятельствам, ситуациям. В связи с этими обстоятельствами оправданными являются не только вопрос об очеловечении машины, но и озабоченность перспективой превращения человека в придаток машины, так сказать, машинизации человека. Эту перспективу следует иметь в виду ради ее предотвращения, установления общественного контроля за процессом компьютеризации.

Однако не следует преувеличивать эту опасность. Едва ли компьютеризация зашла или может пойти так далеко, «когда не человек, а машина может оказаться подлинным субъектом деятельности»; когда человек «оказывается не в системе деятельности, а вне ее, он теряет место и роль субъекта деятельности»¹. Машина не может ни при каких условиях превра-

¹ Зинченко В. П. Эргономика и информатика//Вопросы философии. 1986. № 7. С. 61.

тяться в «субъект деятельности» хотя бы уже потому, что она не субъект, а человек не может быть бездеятельным хотя бы уже потому, что тогда он не человек.

Тем не менее сказанное все же таит в себе опасность деперсонализации личности, человек может превратиться в своеобразный автомат, придаток машины. Эта опасность вполне реальна. Из возможности она в свое время может превратиться в действительность, если уже сейчас не позаботиться о том, чтобы разрабатываемые специалистами компьютерные системы ориентировали работающих с ними людей не только на формальное, но и на образное мышление. Эта задача чрезвычайно сложная, но поиск ее решения крайне необходим для снижения тех негативных последствий компьютеризации, о которых говорилось выше.

Совершенствуя компьютерные системы, необходимо в первую очередь позаботиться о тех, кто с ними будет работать. И начинать этот поиск следует с повышения гуманитарной культуры самих специалистов, разрабатывающих компьютерные системы, с объединения усилий специалистов по вычислительной технике и представителей различных отраслей общественных и гуманитарных наук. Основным смыслом такого объединения — в предотвращении компьютерного отчуждения личности от своей индивидуальности, от коллектива и общества. Как известно, отчужденный труд как бы отрывает от человека его духовную сущность, угнетает, гасит у него тягу к творческому труду, лишает чувства удовлетворенности своей деятельностью. До сих пор философия, социология, психология и кибернетика менее всего были озабочены этой проблемой, хотя ее актуальность возрастает и будет возрастать по мере развертывания компьютерной революции и компьютеризации общества.

И вновь мы обращаемся к праву и законодательству, ибо с их помощью легче всего предотвратить компьютерную отчужденность личности. Закон может просто запретить создание таких компьютерных систем, которые не ускоряют, а тормозят продвижение к свободному труду, имеющему общественный, научный, гуманный характер. Но время грубого, запретительного, приказного законодательства прошло, наступила пора более гибкого, деликатного, рекомендательного право-

вого регулирования соответствующих общественных отношений. И над этим нужно серьезно поработать, чтобы, совершенствуя компьютерные системы, обеспечить благополучие более высокой ценности по сравнению с любым «искусственным интеллектом» — благополучие человека.

Компьютеризация общества имеет и то большое значение, что позволяет организовать неограниченный, выборочный и зачастую неквалифицированный, а повсеместный, постоянный и высокопрофессиональный контроль исполнения правовых предписаний в масштабе всей страны.

Вполне допустимо, что изложенные мысли покажутся отдельным читателям отвлеченными от темы настоящей книги. Такое впечатление сегодня оправданно, поскольку в российском парламенте, к сожалению, почти никто пока не предпринимает практических шагов к использованию, хотя бы ограниченно, компьютерной техники в процессе законотворчества, равно как и правоохранительные органы не применяют компьютерную технику в своей деятельности по укреплению законности и правопорядка. Но очень скоро использование этой техники будет необходимо, если, конечно, мы не намерены и в данном случае оказаться на задворках развития цивилизации и прогресса. Ведь компьютерные системы уже много лет используются — и весьма успешно — в парламентах, правоохранительных органах (и в государственном управлении вообще) многих стран мира, и отнюдь не только для подсчета голосов. Поэтому мы считаем оправданным такой несколько теоретический экскурс, поскольку он имеет, на наш взгляд, не только познавательное, но и практическое значение, по крайней мере ориентируя на разумное и достаточно полное определение возможных границ использования компьютерных систем в законотворчестве и правореализации. И нам в ближайшем будущем предстоит полнее использовать подобную технику. Для этого необходимо знать ее возможности, необходимо позаботиться о том, чтобы наши законодатели, правоохранительные органы, работая с компьютерной техникой, не отчуждались от реальной действительности.

Чем же конкретно может быть полезна компьютерная техника, в частности, законотворчеству?

Помимо отмеченного выше, ограничимся лишь одной, но достаточно убедительной иллюстрацией. Как известно, при решении задач законотворчества вообще и кодификации законодательства в особенности большое значение имеет отлаженная организация справочно-информационной службы, позволяющая быстро и точно ориентироваться в многообразных и часто обширных отраслях законодательства, отбирать и сравнивать правовые нормы по тем или иным признакам, отрабатывать оптимальный вариант нового правового установления и т. д. Весьма эффективным было бы использование для этих целей компьютерных систем, которые в состоянии, во-первых, накапливать и систематизировать по определенным параметрам практически неограниченный объем законодательной информации и, во-вторых, выдавать эту информацию по любому признаку или совокупности признаков.

Хранимая и накапливаемая в компьютере информация способна охватить все действующее (и недействующее, если необходимо) российское федеральное законодательство, а также акты субъектов Федерации, законодательство других стран, международное право. Эта информация может быть организована с любой степенью разветвленности и сложности системы признаков (например, информация по странам, по предмету или методу регулируемых общественных отношений, по формам выражения законодательства, по хронологической последовательности издания законодательных актов и т. д.).

Назначение справочно-информационной службы состоит, как известно, в том, чтобы на конкретный вопрос давался конкретный, точный и исчерпывающий ответ. Эта сама по себе простая, хотя и требующая определенных навыков работа оказывается довольно трудоемкой в тех случаях, когда поиск ответа требует переработки значительного объема информационного материала. Именно с этим постоянно приходится сталкиваться в области законодательной деятельности. И здесь помощь компьютера незаменима.

Компьютеризация справочно-информационной службы основывается на том, что имеется один или несколько признаков того, что нужно узнать. Любой полный ответ повторяет признаки, заданные в вопросе, и добавляет к ним признаки,

не содержащиеся в нем (т. е. в вопросе они являлись неизвестной величиной, которую нужно было найти), но тем не менее составляющие определенное органическое целое. Таким образом, полный ответ есть не что иное, как совокупность некоторого числа признаков, постоянно между собой связанных.

Исходя из этих соображений, Ленинградская секция правовой кибернетики Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика» АН СССР провела еще в начале 60-х годов опыт компьютеризации справочно-информационной службы в области законодательства. В небольшом числе правовых норм (117) были выделены те признаки, по поводу которых в практике могут возникнуть вопросы, т. е. понятия (субъекты, объекты и т. д.) и отношения (права и обязанности). Признаки вносились в отдельные ячейки памяти компьютера и связывались в определенной смысловой последовательности. По этим признакам компьютер вел поиск и выдачу необходимого материала. Опыт был первоначально проведен на обычной перфорационной сортировочной машине, а затем повторен на электронно-вычислительной машине. В качестве известных задавались любые из признаков, составляющих норму, и по ним находилась та норма (или нормы), которая была ответом на поставленный вопрос. Отсюда вытекало, что основной задачей, которая возникает при компьютеризации справочно-информационной службы, является выделение в нормативно-правовом материале тех признаков, по которым можно производить поиск соответствующих норм, хранимых в памяти компьютера. Такими признаками будут все те элементы данной нормы, по поводу которых в практике могут возникнуть вопросы (понятия, отношения и т. д.).

Справочно-информационная служба, компьютеризованная по описанному принципу, имела тот недостаток, что требовала значительного труда по переработке правовой информации от стадии обработки отдельной статьи законодательного акта до стадии ввода всех законодательных актов в память компьютера (выделение признаков, их группировка, установление связей между ними и т. д.). Эта работа выполнялась «вручную». Однако и при таком условии компьютеризация справочно-информационной службы в области за-

конодательства экономически оправданна. Об этом свидетельствует и работа, проведенная по нашей методике американскими профессорами Дж. Хорти и В. Келе вместе с персоналом Законодательного центра Питсбургского университета¹. Их усилиями была создана так называемая ленточная библиотека законов: на магнитную ленту записывались тексты действующих законодательных актов всех штатов. Одновременно была разработана система поиска правовой информации при помощи компьютера, обеспечивающая возможность из всего обширного законодательства, записанного на магнитную ленту, отбирать те статьи, которые могут содержать ответ на заданный вопрос. Эта система, по существу, копировала нашу, о чем пишут сами американские авторы в указанном докладе.

Остановимся на общих принципах системы хранения, поиска и отбора законодательных материалов.

Вся работа разбивается на четыре традиционных этапа:

- 1) подготовка исходных документов;
- 2) хранение, предусматривающее кодирование и ввод в запоминающее устройство;
- 3) поиск;
- 4) выдача документов.

Подготовка исходных данных для записи их на ленту проходит три стадии:

- а) разметка исходного законодательного материала;
- б) печатание его на флексорайторе (быстродействующее печатное устройство) или электрических пишущих машинах с приспособлением для бумажной ленты;
- в) проверочное чтение программы.

От лиц, выполняющих эту работу, требуется предельная точность и профессиональная осведомленность.

Исходным моментом является отбор законодательных актов и их разметка. Последняя предполагает ряд операций, сходных с теми, которые проводятся с законодательным материалом в процессе его кодификации (например, фиксация

---

¹ См.: Harty J. F. Searching statutory Law by computer//Interim report. Health Law Center. 1962. № 1, 2, 3.

законодательных актов, подлежащих компьютерной обработке; освобождение от актов, формально отмененных компетентными государственными органами; освобождение от актов с определенными в них сроками действия, которые уже истекли и не продлены, а также от актов хотя формально и не отмененных, но фактически утративших силу в связи с появившимися позднее законодательными актами). Подготовленный соответствующим образом текст законодательных актов записывается на ленте и вводится в запоминающее устройство компьютера. Затем осуществляется сортировка слов для создания двух основных алфавитных списков. Один из них содержит все слова необщего типа, так называемые ключевые слова, которые являются координаторами, определяющими документ по содержанию; при этом неинформационные слова — союзы, предлоги и т. п. — исключаются с указанием их положения (адресов) в документе. Другой — содержит эти же слова с указанием числа повторений каждого слова в общем материале. Оба списка, так же как и полный текст, записываются на ленту. Такое размещение информации в памяти компьютера дает основание предусмотреть возможность динамического поиска, т. е. поиска по определенной программе.

Составление программы поиска — важнейший этап работы. От ее правильности во многом зависит результат компьютерного поиска законодательного материала по запросу.

Цель любого поиска (ручного или компьютерного) одна — выделение из общего объема законодательного материала тех актов, которые интересуют запрашивающего. При выборе пути поиска следует исходить из того, что в основу должен быть положен принцип формализации ряда выполняемых человеком операций. Иначе говоря, необходимо изучить процесс человеческой деятельности в этой области и моделировать его. Как известно, законодатель при отборе правовых актов по интересующему его вопросу бегло просматривает соответствующие источники и, основываясь на своих знаниях и опыте, опознает те слова или комбинации слов, которые указывают на то, что соответствующий акт относится к делу и поэтому должен быть внимательно прочитан.

Аналогично этому организуется компьютерный поиск законодательной информации. Беря за исходный момент при

поиске ключевые (необщие) слова, используемые при постановке самой правовой проблемы, можно включать в программу поиска компьютером несколько групп слов. Например, для поиска необходимого законодательного материала по вопросу «право на пенсию по старости» составляются три группы слов, которые могут быть сигналами о принадлежности той или иной статьи правового акта к данному вопросу. Группа 1 включает в себя слово «пенсии»; группа 2 — слово «старость», а также слова, имеющие аналогичный смысл; группа 3 — слова «мужчина», «женщина», «лица, имеющие иждивенцев», «стаж работы» и т. п.

При отборе слов для составления программы поиска руководствуются тем, что каждая статья правового акта, в котором содержится по крайней мере одно из этих слов, может иметь отношение к данному вопросу и поэтому должна быть выделена. Но это, однако, не означает, что каждая статья правового акта, в которой встречается одно из этих слов, будет обязательно отобрана для информации. Может случиться так, что наличие в правовом акте слова из группы 1 еще не означает принадлежности данного правового акта к интересующему запрашивающего вопросу.

А вот комбинация слов группы 1 и группы 2 дает большие основания считать, что эта статья правового акта относится к данному вопросу (например, комбинация слов «пенсия» и «старость»). Сочетание же слов всех трех групп дает еще больше оснований считать, что статья правового акта отвечает на заданный вопрос (например, комбинация слов «пенсия», «старость» и «мужчина»).

Для составления поисковой программы необходимо определить ключевые слова и составить по указанному принципу группы слов. Количество слов, отбираемых для поисковой программы, может быть различным. В каждом конкретном случае используется столько слов, сколько нужно для того, чтобы найти все правовые материалы, относящиеся к заданному вопросу. Значительную помощь в этой работе оказывают словари, справочники, специально подготовленные списки частоты повторения слов, инструкции и другие указатели.

После того как сгруппированы различные слова, каждое из них проверяется в списке частоты повторения. Если имеют ме-

сто вариации в грамматических формах, эти вариации следует добавить к данной группе. Составив таким образом группы слов, можно дать задание компьютеру установить, в каких правовых актах, введенных в его память, встречаются интересующие нас слова. Компьютер ищет в алфавитном порядке именно то первое слово, которое нас интересует, например «пенсии». При этом он тут же копирует номер каждого документа (адрес), в котором встречается это слово. Поиск продолжается до тех пор, пока не будут обнаружены все другие интересующие нас слова. Этот процесс повторяется для каждого слова сначала в группе 1, затем в группах 2 и 3. Можно, следовательно, считать, что если в правовом акте содержится по крайней мере одно слово из группы 1 и одно из группы 2 или 3, то этот акт потенциально относится к интересующему нас вопросу. Последовательно анализируя таким путем соответствующие слова и их сочетания, компьютер способен обнаружить не только необходимую группу, но и отдельную статью каждого правового акта. Отобрав запрашиваемые правовые материалы, компьютер на выходе выдает их полный текст в отпечатанном виде.

Описанный метод поиска информации весьма рационален. Об этом свидетельствуют эксперименты, проведенные в Питсбургском университете. Остановимся лишь на одном из них. По запросу из общего числа статусов, относящихся к заданному вопросу, компьютером не было найдено лишь 3 %, в то время как при поиске крупным специалистом «вручную» не было обнаружено 53 %; при поиске «вручную» пропусков было примерно в 13 раз больше, чем при поиске компьютером. Вместе с тем цифры сравнения качества компьютерной поисковой системы с «ручным» поиском не показали ни одного случая, в котором последний оказался бы выше своего соперника. Наконец, время, затраченное компьютером на поиск, было неизмеримо меньшим, чем время, потраченное для этой же цели на работу «вручную». Заметим также, что точность компьютерного поиска может быть повышена. В частности, статьям правового акта, которые не включают слов, входящих в алфавитные списки ключевых слов, необходимо условно присвоить эти слова (если их содержание так или иначе характеризуется соответствующими словами алфавит-

ных списков). Разумеется, это следует сделать после того, как списки будут подготовлены на базе массы статей правовых актов, которые составляют основу алфавитных списков. В отношении этих «трудных» статей можно было бы пойти даже на то, чтобы они выдавались «на всякий случай». Лучше убедиться в том, что они к вопросу не относятся, чем рисковать пропуском необходимых статей правовых актов.

Мы описали наиболее простой метод использования компьютерной технологии, необходимый для информационного обеспечения одного из моментов законотворческого процесса. Но метод оказался исходным для его значительного усовершенствования мировой и отечественной практикой.

Стремительное развитие компьютерных средств открывает новые и многообразные перспективы применения компьютерных систем для удовлетворения нужд правотворчества. Уже сегодня можно просматривать на дисплее введенный в компьютер текст законопроекта, альтернативных законопроектов, проводить их текстуальное сравнение, редактировать и обеспечивать единство употребляемых терминов, снимать нечеткость понятий и определений, «вызывать» формулировки ранее принятых законов и подзаконных актов, сверять их с новым законопроектом, запрашивать всевозможные справочные материалы, организовывать проведение конкретно-правовых исследований и выявлять общественное мнение по вопросам правового регулирования соответствующих общественных отношений, распечатывать подготовленный законопроект и многое другое.

Учет, обработка и хранение в памяти компьютера всех ранее разработанных законопроектов, международных договоров и соглашений, разнообразных сведений создают банк данных по законодательству, которым можно будет воспользоваться при подготовке новых законопроектов. В более отдаленной перспективе при наличии подготовленных специалистов можно будет решать с помощью компьютерных систем и многие другие, куда более сложные задачи законотворчества и кодификации законодательства: обнаружение ошибок, повторений, противоречий в действующем законодательстве, его более строгую систематизацию, достижение системной целостности и единства всего законодательства, поиск оптимального пути ре-

ализации правовых установлений, определение эффективности действия каждой правовой нормы, каждой статьи закона и законодательной системы в целом.

Изложенное со всей очевидностью свидетельствует о целесообразности и необходимости незамедлительного внедрения компьютерных систем в процесс законотворчества и правореализации в целях совершенствования законодательной системы, укрепления законности и режима правопорядка в нашем обществе.

Вместо заключения

БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

Потребность поделиться соображениями о будущем отечественного правоведения возникла как реакция на кризисное положение, которое оно переживает ныне¹. Здесь нужны коллективные усилия всего сообщества юристов, хотя бы потому, что наука эта — многоотраслевая, каждое ответвление которой предполагает специальные знания и основанные на них прогнозы.

Правоведение в России довольно успешно развивалось в дореволюционный период. Октябрьский переворот 1917 г. выдвинул ряд теоретиков, стремившихся концептуально обосновать несостоятельность «буржуазного права» и заложить фундамент «нового типа права — социалистического». При всей утопичности этот замысел сыграл определенную роль если не в революционном преобразовании, то, по меньшей мере, в критическом отношении к догмам и канонам традиционного правоучения. Последующее поколение советских ученых исправляло крайности в воззрениях своих предшественников и вместе с тем обогащало правовую науку плодотворными идеями. После Всесоюзной конференции научных работников-правовиков (1938 г.) в отечественном правоведении повсеместно утвердился советский нормативизм. И только спустя почти четверть века, преодолевая «чистое правоучение», стали возникать и распространяться идеи социологического, многоаспектного, правопонимания.

---

¹ Об удручающем положении отечественной науки см.: Лахтин Г. А., Кулагин А. С., Корепанов Е. Н. Кризис экономики, кризис науки//Вестник Российской Академии наук. 1995, октябрь. Т. 65. № 10. С. 867—872.

Однако все это в прошлом. Последние же годы, начиная с «перестройки» до настоящей «реформации», правоведение ничем сколько-нибудь значимым не обогатилось. Фундаментальные правоведческие исследования фактически исчезли, отдельные произведения посвящены лишь прикладным, частным разработкам либо свелись к плохому комментаторству плохого законодательства, беспомощному обобщению беспомощной правоприменительной практики. Правоведение стоит перед опасностью утонуть в обилии материала, накопившегося по второстепенным, частным вопросам, не связанным в систему. В юридической литературе, особенно учебной, воспроизводятся уже давно решенные и хорошо известные проблемы и менее всего выдвигаются новые проблемы, новые идеи и разработки, отражающие современное состояние общественного развития, его потребности, нужды, запросы. Отсутствует достаточно ясное представление о том, что с помощью уже известных истин невозможно решить новые проблемы; не хватает достаточно четкого понимания, что с помощью сложившихся стереотипов, шаблонов, окаменевших штампов, устаревших форм мышления решение новых проблем исключается. Поэтому подлинно научное решение новых проблем заменяется призывами, лозунгами, морализированием. Всевозможными конференциями, симпозиумами, «круглыми столами», посвященными «научно-практическим» проблемам права, поддерживается лишь видимость активности юридической науки. Столь тяжелое состояние, естественно, тревожит правоведа, озабоченного вопросом: каковы пути преодоления кризиса юридической науки, ее возрождения и прогрессивного развития?

Изложенная весьма негативная оценка состояния современного правоведения в целом, возможно, кому-то покажется чрезмерно пессимистической, несправедливой, но едва ли кто-либо восхищен нынешними довольно скромными достижениями в данной области. Ведь очевидно, что правоведение охватила апатия.

В этих условиях обнаруживает себя альтернатива: либо продолжать оплакивать опустошенное настоящее, либо устремиться в будущее. Предпочтительнее, разумеется, второе, оставляющее надежду, что в обозримой перспективе отечественная юриспруденция вновь станет живой, творческой и

деятельной. Во имя этого необходимо отказаться от формально-догматического подхода к самой социальной реальности, от прежнего чисто нормативистского толкования права, добиваться соответствия действующего законодательства правовым принципам и ценностям, выходить за пределы установившихся узкоюридических форм постижения соответствующих объектов, явлений и процессов.

Будущее отечественного правоведения видится прежде всего в исследовании двух основополагающих, фундаментальных, краеугольных проблем: методологии права и сотрудничества с другими естественными, техническими и общественными науками.

Методологии права посвящена и настоящая монография, в которой предпринята попытка раскрыть огромные, неисчерпаемые познавательные потенции более всестороннего и углубленного исследования права, правотворчества и право-реализации. Пора, наконец, понять, что смысл разработки методологических проблем правоведения состоит отнюдь не только в самосознании данной науки, повышении культуры правового мышления, но и в вооружении предстоящих правовых исследований мощным познавательным инструментарием, позволяющим проникнуть в глубинные, еще не изведенные пласты правовой реальности.

Ф. Бэкон писал: «...два человеческие стремления — к *Знанию* и *Могуществу* — поистине совпадают...»¹ Но стремление к Знанию, равно как и Могуществу, обеспечивается теми методологическими средствами, которыми овладевает человечество. В результате сами эти средства обретают Знание и Могущество ученого и благодаря ему, через него вооружают человечество.

Любое исследование научно, если оно истинно, т. е. если оно отражает реальность глубоко и полно, точно и адекватно и на этой основе не только объясняет настоящее, но и предвидит контуры будущего. Как писал Гегель: «...истинная форма истины устанавливается в научности...»² Истинность

¹ Бэкон Ф. Новый Органон. Л., 1935. С. 100.

² Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. IV. С. 3.

научного исследования является его имманентным свойством (хотя истинность не тождественна научности, поскольку охватывает не только научные, но и другие человеческие знания). Но чтобы достигнуть научной истины, необходимо овладеть методологией ее постижения. Прав Пол Фейерабенд, когда отмечает: «Процедура, осуществляемая в соответствии с правилами, является научной; процедура, нарушающая эти правила, ненаучна. Эти правила не всегда формулируются явно, поэтому существует мнение, что в своем исследовании ученый руководствуется правилами скорее интуитивно, чем сознательно. Кроме того, утверждается неизменность этих правил. Однако тот факт, что эти правила существуют, что наука своими успехами обязана применению этих правил и что эти правила «рациональны» в некотором безусловном, хотя и расплывчатом смысле, — этот факт не подвергается ни малейшему сомнению»¹.

Из приведенных соображений вытекает: во-первых, безусловное существование правил исследования, которым наука обязана своими успехами познания действительности; во-вторых, ученый должен не интуитивно, что не исключается, а вполне сознательно руководствоваться правилами исследования; в-третьих, «расплывчатые» правила необходимо сделать «рациональными», строгими, точными; в-четвертых, эти правила отнюдь не неизменны, а развиваются, уточняются, постоянно совершенствуются. «И когда ученый претендует на монопольное обладание единственно приемлемыми методами и знаниями, это свидетельствует не только о его самомнении, но и о его невежестве»².

Именно эти проблемы подробно освещены в настоящей монографии (особенно во втором разделе). Поэтому перейдем к проблеме сотрудничества с другими естественными, техническими и общественными науками. И это сотрудничество, хотя и в меньшей мере, освещено в данной монографии (в частности, соотношение общей теории права с кибернетикой, философией, социологией, психологией и иными науками).

¹ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 127.

² Там же. С. 138.

Но здесь это соотношение нуждается в дополнениях.

Прежде всего отметим, что знаменем современного развития естественных и технических наук являются их все возрастающая, углубляющаяся и укрепляющаяся интеграция, онтологическое и гносеологическое взаимопроникновение, в результате которых, как раньше отмечалось, возникают новые и весьма плодотворные научные направления — математическая генетика, биофизика, биохимия, кибернетическая медицина и многие другие. Такой симбиоз дает замечательные плоды, открывает новую эру в комплексном освоении телесной природы.

В этом плане в общественных и гуманитарных науках дело обстоит куда хуже¹. Здесь отсутствует сколько-нибудь устойчивый союз не только с естественными и техническими науками, но даже между родственными отраслями научного знания — правоведением, экономикой, политологией, философией, социологией, психологией, этикой. Приходится с беспокойством констатировать это печальное обстоятельство, существенно снижающее потенцию общественных наук².

---

¹ К. А. Даллакян пишет: «Триумф рационализма, тотальная сентенция и технизация культуры на базе интенсивного развития технических наук, демонстрирующих своими выдающимися изобретениями подавляющее превосходство над гуманитарным знанием, оттеснили философию на задворки общественного сознания, беспрецедентно сузив предмет ее исследований. Этому в определенной степени содействовала и сама философия в лице таких ее направлений, как позитивизм, экзистенциализм, прагматизм и др.» (Даллакян К. А. Феномен воли в структуре отношения «человек — природа»: Социально-философский анализ. М., 1999. С. 10—11).

Едва ли упрек в отношении, например, экзистенциализма оправдан. Отмеченные в приведенной цитате философские направления внесли известные положительные моменты в развитие данной науки. Дело, однако, не только в этом. Сказанное относится и к другим отраслям социального знания. Хотя нельзя не видеть того факта, что эволюция сознательного знания, подобно «возвращению блудного сына», постепенно начинает занимать в науке подобающее место.

² Столь пассивное состояние современного обществоведения характерно не только для отечественного, но и для западного социального знания. Э. Гуссерль по этому поводу пишет: «Европейские нации больны, говорят нам, сама Европа в кризисе. В естественных средствах лечения нет недостатка. Мы прямо-таки тонем в потоке наивных и экзальтированных реформаторских идей. Но почему столь высокоразвитые науки о духе пасуют перед тем,

Призывы о необходимости сотрудничества и взаимодействия общественных наук с естественными и техническими науками мы слышим, понимаем и соглашаемся с ними уже десятилетия. Но от слов к делу путь оказался не только долгим, трудным, но и, за очень редкими и малозначительными исключениями, непройденным и непреодоленным. Общественные науки последние десятилетия были заняты комментированием и восхвалением практики, в том числе и порочной. О сотрудничестве и взаимодействии с естественными и техническими науками речь вообще не заходила. Интерес естественных и технических наук к сотрудничеству и взаимодействию с общественными науками был и до сих пор остается минимальным. Для того чтобы этот интерес усиливался, необходим решительный поворот этих наук к современным проблемам общественного развития, к серьезному участию в исследованиях социальных явлений и процессов. При этом необходимо глубоко осознать: любая естественнонаучная концепция, всякое, даже техническое устройство в конечном итоге преследуют достижение определенного социального эффекта и поэтому предполагают исследование своей социальной значимости. С другой стороны, такое исследование является отправным пунктом для естественнонаучного познания и проектирования технических систем. (Ведь известно, что разработка технических систем вне социального контекста влечет за собой низкую эффективность или вовсе исключает их применимость.)

Общество, как известно, не простая совокупность людей, в нем собранных; оно представляет собой сложную систему связей, отношений и взаимодействий людей, которая изначально предполагает упорядоченность. Без этой упорядоченности нет общества как целостного образования. Среди упорядочивающих факторов общественной жизнедеятельности главным, наиболее действенным и эффективным является право. Но право функционирует отнюдь не изолированно от других регулирующих факторов. Отсюда вытекает необходи-

---

что успешно осуществляют в своей сфере науки естественные?» (Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия//Вопросы философии. 1986. № 3. С. 101).

мость комплексного воздействия на жизнедеятельность общества средствами различных наук. Их кооперация диктуется не только внутренней логикой развития соответствующих наук, но и запросами практики, нуждающейся в разработке и внедрении комплексных научно-исследовательских программ. Неповторимое пересечение различных знаний, методов и традиций одной науки, перенесенных и использованных в другой, обогащает последнюю. Так, социальная философия расширяет рамки правоведения за счет видения общей картины мира, позволяет ей ставить и решать значительно более широкий круг задач по сравнению с традиционной проблематикой. В свою очередь правоведение конкретизирует представление социальной философии об общей картине мира.

Необходимость изучения права как сложноорганизованной системы средствами различных наук имеет теоретическое и практическое значение не только для правоведения. Оно важно с точки зрения обогащения различных научных дисциплин знанием функционирования общества в его непосредственной данности. Регулируя отношения индивидов в процессе жизнедеятельности и общения, правовые установления учитывают (или должны учитывать) социальные, психологические, интеллектуальные, физиологические, половозрастные и иные присущие им особенности, разнообразные возможности, интересы, цели, устремления, тем самым ориентируя познание на раскрытие этих особенностей в их взаимосцеплении, единстве и системной целостности. Правовое регулирование соответствующих общественных отношений выступает в роли «акцептора» познавательной функции комплекса наук. И чем глубже исследованы указанные характеристики, тем в большей мере науки пополняются знанием фактических возможностей человека. В свою очередь эти знания используются для адекватного отражения в законодательстве и практике его применения.

К сожалению, это происходит чрезвычайно редко. Отрадно, однако, отметить, что лед наконец тронулся: за последние годы в юриспруденции появились отдельные многообещающие исследования, в частности по таким комплексным направлениям, как правовая кибернетика, криминология, конфликтология и даже правовая физиология и биология.

Заслуживают быть отмеченными здесь новаторские работы М. И. Ковалева. В начале своих рассуждений он справедливо отмечает: «В подлинной науке, не замешенной на политике или идеологии, нет четких и ясных путей, ведущих к абсолютной истине, нет “широкой столбовой дороги”, а есть “крутые каменистые тропы”, на которых рассыпаны зерна истины, и их добыча связана с колоссальными трудностями: такие зерна истины нелегко отличить от ложного их правдоподобия. История науки свидетельствует: часто то, что считалось аксиомой многие десятилетия, на поверку оказывалось ложным, а что подвергалось осмеянию и забвению как явное заблуждение, оказывалось истиной. В научных исследованиях (теоретических и экспериментальных) действительных успехов добивается тот, кто ищет прежде всего истину, а не доказательство того, что она может быть найдена лишь в рамках какой-либо одной заранее заданной идеологии и с помощью одного заранее кем-то выработанного и названного универсальным метода. Наша юридическая наука, поглощенная чисто юридическими, догматико-схоластическими исследованиями, прошла мимо потрясающих открытий в медицине, биологии, молекулярной инженерии и связанных с нею проблем человеческого права и человеческого достоинства»¹. И далее автор указывает: «...нельзя категорически отвергать, что определенные отрицательные черты характера, психики и т. д. связаны с наследственностью. Однако они носят криминогенный характер лишь постольку, поскольку в определенных социальных условиях с их наличием сопряжены некоторые преступления, особенно насильственные». И далее: «...уже на современном уровне развития генной инженерии возникает реальная опасность злоупотребления генетическими знаниями и непредсказуемыми по своим последствиям экспериментами с человеческой породой. Чтобы не опоздать с постановкой и решением этих задач в рамках прав человека и человечества, необходимо уже сейчас наметить реальные пути нормативного решения многих вопросов. Пока я предполагаю поставить лишь не-

---

¹ Ковалев М. И. Генетика человека и его права (Юридические, социальные и медицинские проблемы)//Государство и право. 1994. № 1. С. 12, 14.

сколько вопросов, касающихся только основных моментов так называемого генетического права, но, как представляется, обсуждать и решать их надо уже сейчас на законодательном уровне. Юридическая наука и законодательная практика в области регулирования проблем биологии и генетики человека должны развиваться в соответствии с достигнутыми результатами и открытыми перспективами в сфере генетической медицины, биологии и самой генетики, опираясь на первые и предугадывая социальные, а следовательно, и юридические последствия вторых»¹.

В западных странах активно обсуждается (но менее всего у нас) множество вопросов евгеники, клонирования, патернализма, пересадки органов, пробирочного зачатия — всего биосоциального и биоэтического спектра. Эти обсуждения имеют преимущественно нравственную направленность, однако без подключения к ним правоведения и права едва ли будут достигнуты практически эффективные результаты. Непредсказуемость же некоторых экспериментов над людьми чревата огромными и тяжелыми последствиями, непоправимым вредом (к примеру, попытки «улучшить» человеческий род). Поэтому-то настоятельно требуется в подобного рода исследовательские новации интегрировать правоведческий компонент, право, и в первую очередь международное право, с помощью которого представится возможность установить мораторий на отдельные эксперименты в масштабах всей планеты. Иначе мы получим нежелательный разноречивый в тех негативных последствиях, которые породят несогласованные научные исследования и их результаты, затрагивающие интересы всего человечества.

Возьмем, в частности, упоминавшееся «улучшение» человеческого рода с помощью массового клонирования. Получит ли человечество действительно «улучшенный вариант» своего рода? Будет ли соответствовать этот вариант исторически изменившимся общественным условиям жизни? Кому будет по-

---

¹ Ковалев М. И. Генетика человека...//Государство и право. 1994. № 1. С. 14, 15, 17; см. также: его же. Право на жизнь и право на смерть//Государство и право. 1992. № 7.

ручено определить, «улучшился» ли человеческих род? Какими методами, средствами, способами будет определено это «улучшение»? Удовлетворят ли современные представления об «улучшении» человеческого рода последующее поколение?

Без предварительного, научно обоснованного ответа на эти и многие иные вопросы недопустимо проводить эксперименты на людях и в целом над человечеством. Без правового решения здесь (равно как и в других подобных случаях) не обойтись.

Проиллюстрируем это и на другом примере. Обратимся к трудовым правоотношениям и правовому управлению трудовыми процессами.

Физиология трудовых процессов, как известно, исследует механизмы работоспособности и отдыха, факторов утомления и восстановления сил, связь этих факторов с типологическими особенностями нервной деятельности, общим состоянием человеческого организма. Данные физиологии, биофизики и биохимии предстают основой гигиены труда, от условий которой зависит профилактика профессиональных заболеваний¹ и которая должна учитываться в правовом регулировании. Комплексные медицинские показатели различных групп работающих требуют, далее, установления правовых нормативов трудового режима, рабочего времени и отдыха, восстановления работоспособности, безопасности труда, предотвращения профессионального травматизма. Иначе говоря, организация производства имеет в виду его всеобъемлющий охват средствами права. При этом первостепенное и главное значение следует отводить человеческому фактору, разнообразным сторонам его проявления.

Важное значение в современных условиях приобретает пересмотр под соответствующим углом зрения всего трудового законодательства в связи со все возрастающей компьютеризацией общества, приводящий, в частности, к оптимизации режима трудовой деятельности, что влечет за собой не только величайшие блага и прогрессивные преобразования,

---

¹ См.: Ананьев Б. Ф. Комплексное изучение человека как очередная задача современной науки//Вестник Ленинградского государственного университета. 1962. № 24. Вып. 4. С. 39.

но и некоторые негативные последствия на индивидуальном, коллективном и общественном уровнях, о чем подробно говорилось ранее¹.

Исследование труда, равно как и иных сторон жизни человека, не должно ограничиваться рамками физиологии, медицины, кибернетики и прочих естественных и технических наук. Человек не только биологическое, но и общественное существо, он является сознательным производителем материальных и духовных ценностей, его творчески-созидательные мотивы обусловлены социальной сущностью, общей и профессиональной культурой, уровнем образования, моральным обликом и ценностными ориентациями. А это уже сфера общественных, гуманитарных наук, на основе биосоциальных данных исследующих человека как субъект познания, деятельности и общения². В самом деле, возможен ли сколько-нибудь плодотворный вклад в общую теорию права в отрыве от глубокого знания экономики, философии, социологии, психологии, этики, без взаимодействия с политологией и наукой организации и управления, вне контекста глобальных проблем мирового социума? Даже такие, казалось бы, отдаленные от правоведения науки, как лингвистика или инженерная и дифференциальная психология, могут быть весьма полезны для, скажем, отработки стиля и языка закона, при использовании «частотного словаря» в ходе определения автора анонимных документов, учете человеческих рецепторов в транспортных преступлениях, правовой регламентации поведения людей на базе индивидуально-типической совместности в групповой работе и общении.

---

¹ См. гл. 23 наст. изд.

² Отечественное правоведение несколько более активно использует данные гуманитарных и общественных наук по сравнению с использованием достижений естественных и технических наук. Так, известны исследования в области взаимодействия права и морали, хотя и в этом отношении многое еще предстоит изучить.

В последние годы появились пока единичные исследования, посвященные взаимодействию правоведения с иными гуманитарными и общественными науками. В этой связи следует отметить прежде всего книгу В. Е. Гулиева и А. В. Колесникова «Отчужденное государство» (М., 1998), в которой успешно использованы философские, политологические и социологические произведения отечественных и зарубежных авторов.

Особо важное значение для правоведения имеет его соотношение и взаимодействие с этикой. Среди регулятивных факторов человеческого общежития важное место принадлежит морали и праву, поскольку именно они обладают наибольшей воспитательной силой, охватывают широкие слои населения в процессе формирования их ценностных ориентаций, характеризуются высокой эффективностью в воздействии на психику, сознание и поведение людей. Отсюда и актуализация познания свойств регулятивного механизма морали и права, а также — что особенно важно в современный период — их соотношения, взаимодействия и взаимопроникновения. Дело в том, что до последнего времени научному анализу и теоретическому осмыслению подвергались моральные и правовые феномены, процессы и явления преимущественно сами по себе, в известной мере изолированно друг от друга. Отнюдь не отрицая огромного значения и плодотворности подобных изысканий, нам, однако, думается, что велением времени на передний план выдвигается задача создания усилиями различных наук целостно-системной концепции морально-правового воздействия на искоренение негативных явлений, интенсификацию воспитательных процессов и утверждение гуманистического образа жизни.

Регулятивные факторы человеческой деятельности в этической и юридической науках принято разграничивать на институциональные (правовые нормы, директивные указания, распоряжения и т. д.) и неинституциональные (моральные нормы, обычные правила, традиции и т. д.). Смысл этой классификации заключается в том, что институциональные регуляторы являются продуктом внешнего авторитета и в силу этого обладают формальной определенностью, охраняются и осуществляются властью, силой и влиянием данного авторитета, а неинституциональные суть самообразующиеся результаты межличностного общения и в силу этого, будучи общепринятыми образцами поведения той или иной социальной общности, лишены формальной определенности и внешнего контроля за их реализацией.

Это различие проводится и по другим основаниям, например по объекту воздействия; в частности, сфера социального действия морали куда шире права, которое включает в

себя лишь основной «минимум» нравственных отношений, хотя и имеет предписания, выходящие за пределы морали.

Разграничение на институциональные и неинституциональные социальные регуляторы, оправданное само по себе в целях познания каждого из них, вовсе не должно создавать впечатление об изолированности одних от других, тем более когда речь идет о морали и праве, поскольку существование и действие одного из них без другого трудно себе представить. В реальной действительности они функционируют в единстве, органически переплетаясь между собой, дополняя и обогащая друг друга. И если мы в аналитических целях расчленим эти регуляторы, то в дальнейшем, возвращаясь к фактическому их состоянию, должны будем восстанавливать в мышлении их реальные связи, зависимости, отношения.

Такое восстановление действительности в мышлении не только имеет значение для субъективной адекватности отражения объективности, но и служит основанием для создания системно-целостной концепции морально-правового воспитания.

В самом деле, и генетически, и субстанционально, и функционально мораль и право имеют в известных пределах общие основы. Так, в частности, если мораль, помимо иных своих качеств, является определенной совокупностью правил поведения, то и право, наряду с другими свойствами, состоит из определенных нормативных установлений; если назначением морали является соответствующее регулирование общественных отношений, то и суть права сводится к тому же. Разумеется, за пределами указанной и иной общности морали и права начинаются весьма существенные и известные различия между ними. Поэтому ошибочными являются утверждения, подобные тем, которые в свое время были выдвинуты Гельвецием. Он писал, что «реформу нравов следует начинать с реформы законов... Этика есть пустая наука, если она не сливается с политикой и законодательством... Дело моралиста указать законы, исполнение которых обеспечивает законодатель, налагая на них печать своей власти»¹.

---

¹ Гельвеций К. А. Об уме. М., 1938. С. 93—94.

При всей привлекательности органической связи морали и права нельзя не видеть ее абсолютизации в данном высказывании. Во-первых, реформы законов, как свидетельствует исторический опыт, далеко не всегда механически влекли за собой изменение нравов. Во-вторых, если бы этика слилась с политикой и законодательством, то едва ли она могла бы претендовать на самостоятельное научное значение. Наконец, в-третьих, дело моралиста отнюдь не сводится лишь к указанию законов, которые должен создавать законодатель, поскольку в его (моралиста) задачу входит также нравственная оценка уже созданных законов и практики их реализации.

Не менее ошибочным является противоположное суждение, подобное кантовскому, когда проводится обособление «легальности», т. е. сферы правовой, включающей исключительно внешние, формальные отношения людей, и «моральности», т. е. нравственной сферы, которая представляет собой лишь внутреннюю способность разумного существа устанавливать для самого себя универсальный и необходимый «категорический императив». При этом внутреннюю природу моральности западные философы нередко доводят до крайнего субъективизма. Так, Дж. Хартленд-Сванн утверждает, что всякая, в том числе и моральная, оценка исходит не из объективного качества оцениваемого предмета или явления, а от оценивающего субъекта; всякий моральный принцип является плодом субъективного убеждения, принимается или отвергается человеком в зависимости от его вкусов и взглядов и не может быть доказан ни логически, ни тем более научно. В объективной действительности нет «правильного» и «должного», «добраго» и «злого», «должного» и «запретного». Правильно, хорошо, обязательно или, наоборот, неверно, дурно, недостойно только то, что человек считает таковым¹.

«Категорический императив», будучи всеобщим моральным законом, в конечном счете распространяется и на правовую сферу лишь как на свое частное следствие. Однако эта слабая попытка связать моральность с легальностью не увенчивает-

¹ См.: Hartland-Svann G. An analysis of morals. L., 1960. P. 13, 36, 73.

ся успехом, поскольку, по справедливому замечанию П. Новгородцева, когда Кант «хочет представить право в связи с нравственностью, оно теряет свои специфические черты; когда же он пытается подчеркнуть специфические черты права, оно утрачивает свою связь с нравственностью»¹.

Разрыв морали и права с логико-теоретической точки зрения не выдерживает критики. Но метаморфозы практики исторического развития западного общества приводят к противоположным, удивительно парадоксальным социальным ситуациям. Американский автор Р. Москин с горечью отмечает: «Мы обычно считаем себя хорошими парнями в белых шляпах, избранным народом, превосходящим другие народы своими способностями и моралью... Но горькие плоды нашего морального кризиса находятся вокруг нас: битник, расист, дикое надувательство, мошенничество, подкуп, коррупция профсоюзных лидеров, безнадзорная старость, нищета, преступления»².

Моральные ценности, наряду с общественной значимостью, обретают, будучи закрепленными в законодательстве, государственный ранг. Благодаря этому и само законодательство приобретает моральную окраску, получает нравственный авторитет, осуществление его предписаний стимулируется этическими установками. В свою очередь законодательство и его реализация на основе законности способствуют упрочению и развитию моральных принципов и идеалов.

В соответствии с этим своевременным было бы, как отмечено выше, создание совместными усилиями этиков и юристов комплексной морально-правовой концепции, которая включала бы в себя, по крайней мере, следующие основные проблемы: единство и различия морального и правового сознания, норм и практики; нравственное обоснование правотворчества и роль законодательства в развитии мора-

---

¹ Новгородцев П. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М., 1901. С. 113.

П. Стучка справедливо отмечал, что «философия права — самая слабая часть учения Канта...» (Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 200).

² Moskin R. Morality in America. N. Y., 1966. P. 87.

ли; механизм взаимодействия нравственных и правовых норм в процессе их реализации; критерии оценки эффективности и результативности действия правовых норм с моральной точки зрения.

Однако даже при отсутствии такой концепции имеет место благотворное взаимовлияние этих отраслей научного знания. Так, современное прогрессивное движение в правоведении за более широкое правопонимание его как сложного социального феномена осуществляется не без влияния этики. По-видимому, и те новые тенденции в развитии этики, которые связаны, в частности, с поиском путей совершенствования механизма морального воздействия на поведение людей, испытывают на себе влияние установок правоведения относительно предмета и метода правового регулирования. И тем не менее приходится признать, что отсутствие налаженных научно-организационных связей между этикой и правоведением дорого обходится. Творческое объединение этики и правоведения принесет, без всякого сомнения, плодотворные результаты, которые будут служить успеху развития культуры и порядочности.

Известно, что исследование по необходимости тех или иных правовых факторов имеет место почти во всех общественных науках (не только общественных), и это «вторжение» в правовую сферу вовсе не является дискуссионным, считается вполне естественным, оправданным и целесообразным. Почему же выход правоведения за пределы юридического анализа «догм права» не только не практикуется (во всяком случае, повсеместно), но и вызывает со стороны многих его представителей решительные возражения (не ради ли того, чтобы сохранить «чистое правоучение»)?!

Между тем такой выход, как было показано выше, имеется (хотя пока и робкий) и приносит исключительно плодотворные результаты (особенно в перспективе) в комплексно-системном познании права средствами различных наук¹.

---

¹ Говоря о тенденциях развития современного научного знания, Б. М. Кедров писал, что дальнейший шаг в углублении взаимодействия наук состоит, во-первых, в том, что в такое взаимодействие вступают не только науки одного общего профиля (например, только естественные или только

В этой связи следует выдвинуть еще одно важное соображение относительно комплексно-системного исследования социальных объектов, в том числе и права. Как отмечалось ранее, исследование правовых объектов, явлений и процессов органически связано с необходимостью знания общих и специфических объективных закономерностей общественного развития, изучаемых другими отраслями обществоведения. Но помимо закономерностей, действующих в какой-либо одной сфере общественного бытия, существует, если можно так выразиться, еще и «пограничная зона», «нейтральное поле», в котором взаимодействуют между собой закономерности различных сфер общественного бытия. И если бы каждая наука ограничивалась изучением лишь тех закономерностей, которые составляют ее непосредственный интерес (объект), то, спрашивается, как быть с изучением этой «пограничной зоны», «нейтрального поля»? При таком положении задача комплексного исследования системно между собой связанных объектов оказалась бы нереализованной.

Поэтому каждый, кто стремится к действительному сотрудничеству наук в комплексно-системном исследовании соответствующих объектов, должен выйти за пределы предмета «своей» науки и переходить «пограничные зоны», двигаться по «нейтральному полю» навстречу своему партнеру. С этой точки зрения нельзя согласиться с позицией тех правоведов, которые сводят задачу юридической науки к рекомендациям по правовому оформлению решений, содержательно подготовленных иными науками¹. Тогда правоведение можно бы-

---

гуманитарные), но науки всех профилей; во-вторых, оно усиливается и доходит до образования из них некоторых слитных комплексов и до выработки нового комплексного метода исследования, представляющего собой дальнейшее развитие и совершенствование метода материалистической диалектики (см.: Кедров Б. М. О современной классификации наук//Вопросы философии. 1980. № 10. С. 94).

¹ И в западных странах остро ощущается изолированность юридических наук от других отраслей социального знания, что сопровождается растущим сомнением в их ценности. Как пишет Д. Кола, «научное сообщество не видит или не хочет видеть в юридической науке дисциплину со своими собственными методами, способностью к открытиям и прогрессу... В обществе, где не перестают говорить о новых правах, например правах тру-

ло бы заменить законодательной техникой. Между тем оно призвано принимать инициативное, активное и творческое участие в коллективной разработке общих актуальных проблем политического, экономического, социального и культурного прогресса общества.

Чисто юридический аспект исследования отвлекается от политического, экономического, идеологического, нравственного, духовного значения государства и права, тем самым существенно обедняя их всестороннее познание. Возьмем, в частности, государствоведение, одна из причин отставания которого от потребностей практики в том именно и состоит, что изучением проблем государства занята единственная отрасль знания — юридическая наука, более того, даже не юридическая наука в целом, а лишь общая теория государства и права. Между тем государство, особенно современное, — это настолько значительное социальное образование, решающим образом воздействующее на все основные сферы бытия и сознания, на все области внутренней и внешней политики и политической деятельности, экономического и социально-культурного развития, что едва ли всестороннее и достаточно глубокое его изучение в состоянии охватить одна отрасль научного знания. Конечно же, разработкой проблем государства занимаются и социология, и экономическая теория, и историческая наука, и политология. Но речь в данном случае идет не о разработке отдельных проблем, а о развитии общей теории государствоведения. Казалось бы, этим должна заниматься общая социология. Однако, будучи наукой о всеобщих закономерностях развития общества, она ограничивается воспроизведением сущности, основных задач и принципов деятельности государства, перспектив его развития. Но этим познание государства ограничиваться не может. Поэтому необходима специальная наука — государствоведение, — которая бы развивала, развертывала, конкретизировала существенные характеристики государства. В определенной мере эту

дящихся или иммигрантов, или ставить новые правовые проблемы, особенно в связи с национализацией, значение юридической науки нельзя ни преуменьшить, ни отвергнуть» (Colas D. La recherche en sciéte en France: Analyse et propositions pour une polit. nouvell. P., 1984. P. 359).

функцию выполняет общая теория государства и права. Но, будучи одной из юридических отраслей знания, она рассматривает государство односторонне, так сказать, в русле государственного права.

Между тем государство отнюдь не только юридически оформленное образование, его социальная ценность и действительность не только в том, что оно непосредственно создает и действует в соответствии с созданными юридическими законами, а эффективность выполняемых им функций измеряется не только специально юридическими критериями. За пределами юридических свойств государство характеризуется и как политическая сущность, и как социально-экономический регулятор, и как духовно-нравственная, культурная сила. Эти аспекты проявления государственности изучаются различными общественными науками, в системе которых социологии должна принадлежать первостепенная интеграционная и обобщающая роль. Приходится, однако, признать, что данное направление социологической теории до настоящего времени разрабатывалось недостаточно интенсивно.

Особое значение имеет комплексно-системное исследование проблем государственного управления. Рациональное государственное управление обществом предполагает прежде всего учет огромного количества политических, экономических и социальных факторов. Государственное управление осуществляется ныне в условиях интенсивного развертывания научно-технической революции, предъявляющей все новые и новые требования к управленческой науке, выдвигает перед ней широкий комплекс проблем, которые так или иначе решаются в различных отраслях естествознания, технической науки и обществоведения. Следует, однако, отметить, что соответствующие научные разработки носят преимущественно прикладной или «узкоспециальный» характер и осуществляются в отрыве друг от друга, без должной связи между собой, без взаимного проникновения. В результате такой разобщенности наук сложные комплексно-системные проблемы нередко упрощаются. Утверждают, например, что успешное государственное управление предполагает знание и использование всех без исключения действующих объективных закономерностей, но при этом забывают, что од-

ни закономерности постепенно сходят на нет, другие нарождаются, третьи усиливаются. Более того, как отмечалось ранее, в обществе действуют и такие закономерности, которые людьми еще не обнаружены, не открыты и направления развития которых им пока неведомы.

И вполне можно допустить, что отсутствие знаний о природе таких закономерностей и характере их влияния на те или иные процессы является причиной несовершенства управленческой деятельности (и законодательства), просчетов и ошибок в принятии и реализации управленческих решений, источником их низкой эффективности. Характер действия объективных закономерностей, своевременное обнаружение вновь возникающих закономерностей, их взаимодействие с уже проявившими себя в полной мере изучаются многими науками, но без увязки, без интеграции знаний этих наук нельзя рассчитывать на успех государственного управления.

Или возьмем другой пример. В литературе довольно часто проводится мысль о том, что все социальные процессы подлежат управляющему воздействию. Между тем в обществе имеются и такие процессы, которые успешно протекают на основе саморегуляции и менее всего нуждаются во вмешательстве механизма государственного управления (например, отношения коллективности, взаимопомощи, сотрудничества, дружбы и т. д.). Это хорошо понимают юристы, которые постоянно сталкиваются с вопросом о целесообразности правового регулирования тех общественных отношений, которые и без него нормально развиваются. Правовое же воздействие на такие отношения может вредно отразиться на их развитии. И тем не менее такого рода процессы должны быть в поле зрения государственного управления, поскольку нередко весьма существенно (иногда подспудно) влияют на те отношения, которые подлежат государственно-правовому регулированию. Но саморегулятивные процессы возникают в различных сферах общественной деятельности и изучаются многими науками. Следовательно, и в данном случае необходим комплексно-системный подход к ним, учет данных различных наук.

Разобщенность наук, отсутствие единой направленности исследований, малозначительность многих научно-прикладных

разработок возникли, на наш взгляд, потому, что под них не подведена соответствующая теоретическая база. Те успехи, которые к настоящему времени достигнуты в экономическом, политическом и социальном, в техническом, математическом и кибернетическом видении регулируемых процессов, не объединены в целостно-системную, фундаментальную концепцию управления. Создание такой концепции сыграет исключительно плодотворную роль в решении тех сложных задач, которые постоянно возникают в жизнедеятельности общества.

Обратимся теперь к целостно-системному исследованию самого человека. Б. Г. Ананьев выдвинул задачу комплексного изучения человека, указывая, что в системе многоплановых связей человек изучается наукой и как продукт биологической эволюции (вид *Homo sapiens*), и как субъект и объект исторического процесса (личность), и как естественный индивид с присущей ему генетической программой развития, и как основная производительная сила общества и ведущее звено в системе «человек — машина», и как субъект познания, коммуникаций и управления, и как предмет воспитания и т. д. «Подобного многообразия подходов к изучению человека еще никогда не знала история науки. Всевозрастающее многообразие аспектов человекознания — специфическое явление современности, связанное со всем прогрессом научного познания и его приложениями к различным областям общественной практики»¹.

В комплексной исследовательской программе изучения человека особое место принадлежит поведенческому аспекту, который представляет особый интерес для правоведения. В этой связи следует обратить внимание на то обстоятельство, что изучение регулирующего воздействия различных социальных факторов на поведение человека до сих пор осуществляется различными науками разрозненно и, более того, изолированно друг от друга. Скажем, правоведение интересуется правовой механизм регулирования поведения людей, этика рассматривает воздействие нравственных воззрений и норм на моральную практику, экономические науки сосре-

¹ Ананьев Б. Г. Человек как объект познания. Л., 1968. С. 5.

доточивают внимание на анализе соблюдении технических норм в процессе производства и т. д.

Между тем социальная природа человека, как известно, детерминирована всей совокупностью общественных отношений. Поэтому все социальные факторы воздействуют на формирование и развитие человеческой личности не изолированно друг от друга, а в органически-единой, системной целостности. Отсюда следует, что, в частности, правовой механизм регулирования поведения людей может быть понят и вычленен для специального анализа лишь при предварительном изучении всех тех регулятивных факторов, влияний, воздействий, которые имеют место в реальной жизни каждой личности. Уместно в этой связи напомнить, что экономика, как известно, ничего не создает заново, но она определяет видоизменения и дальнейшее развитие имеющегося мыслительного материала. Но даже и это она делает по большей части лишь косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на человека оказывают политические, юридические, моральные отношения.

Если мы не хотим упрощать, схематизировать, омертвлять живое воздействие различных факторов реальной жизни, влияющих на поведение человека, то должны тщательно исследовать все факторы этого воздействия в их взаимодействии и лишь с учетом полученных результатов переходить к анализу того именно компонента всеобщей связи, который нас непосредственно интересует. Без этого мы можем оказаться в нелепом положении, в котором нередко оказываются исследователи, которые, изучив лишь юридический механизм действия правовой нормы, приписывают ей такую огромную силу, которой она, конечно же, не обладает.

Итак, только целостно-системное изучение человека, личности, гражданина позволит проникнуть в глубинные основания его свободы, правового статуса и ответственности с учетом трудовых, политических, социокультурных, половозрастных и иных характеристик.

Комплексность в научном исследовании вовсе не сводится к элементарному объединению теорий всех отраслей знания в суммарное целое, равно как и к простому сложению методов различных наук, а представляет собой органическое

слияние наук в системное единство при изучении общего для них объекта. При этом недопустимо механическое перенесение теорий, понятий и методов одних наук на другие, поскольку речь идет о взаимопроникновении, интеграции, синтезе наук в комплексном исследовании одного и того же объекта. Попытки же изучить тот или иной объект, составляющий предмет одной науки, методами другой науки до сих пор не увенчались сколько-нибудь серьезными успехами. Лишь взаимодействие методов, более того, их интеграция в процессе исследования соответствующего объекта приносят наиболее плодотворные результаты в его всестороннем и все углубляющемся познании.

Между тем едва ли можно найти более многочисленных и активных сторонников «чистоты» своей отрасли научного знания, чем в юридической науке. Наши попытки доказать вредность, ограниченность такого рода «чистоты», явно противоречащей современным интегративным процессам в научном знании¹, не только не встретили поддержки у многих оппонентов (за исключением отдельных сторонников этой позиции), но и вызвали упреки в стремлении «растворить» своеобразие юридической науки путем ее «социологизации» и в конечном счете ее полной ликвидации как самостоятельной отрасли науки². Но если речь идет не о «чистой» науке права, а о подлинно общей теории права, то нужно ли специально доказывать, что ее принципиальное отличие от догматической юриспруденции прежде всего в том и состоит, что она является не только наукой юридической, но и наукой общественной, социальной, и поэтому нет ничего удивительного в социологическом видении ее предмета³.

---

¹ См.: Керимов Д. А. *Философские проблемы права*. М., 1972. С. 3—39; его же. *Общая теория государства и права: предмет, структура, функции*. М., 1997. С. 7—53.

² См., например: Копейчиков В. В. *О предмете юридической науки и науки общей теории государства и права. Актуальные проблемы социалистического государства и права*. М., 1974. С. 41; Рабинович П. М. *Упрочение законности — закономерность социализма*. Львов, 1975. С. 21.

³ «С потерей формальной логики значения основного метода мышления, — писал А. М. Васильев, — потерпела крушение и формально-догматическая

Те, кто усердно заботится о «чистоте» правоведения, упускают из виду, что в наше время реально не существует, например, гражданского и хозяйственного права вне экономики, уголовного права помимо криминологии и конфликтологии, административного права без теории управления, семейного права без этики, международного права вне теории международного общения и т. д. и т. п. И конечно же, нет общей теории права без философии, социологии, истории.

Подобно тому как нельзя смешивать предмет и объект науки, точно так же нельзя отождествлять специализацию и разделение труда. Если последнее в науке означает распределение исследовательских задач между учеными, каждый из которых сосредоточивает свои усилия на разработке отдельной стороны в многосторонней, комплексной проблеме, то профессионализация ученого в определенной научной области отнюдь не закрывает ему «выход» в те сферы объективного бытия, которые находятся за пределами его специализации, но знание которых ему необходимо для проводимого исследования. Положение, однако, осложняется, когда «чужеродный» для данного специалиста объект не исследован другими науками с достаточной полнотой. Тогда он, конечно же, не останавливает своего исследования «до лучших времен», а вынужден «выходить» за пределы своей специализации и изучать «чужеродные» объекты, для того чтобы глубже познать «свой» объект.

Интеграционные тенденции в современном развитии научного знания и возникновении единой науки в будущем, о которой писал К. Маркс, не следует, однако, упрощенно понимать как исчезновение всех научных отраслей знания, направлений и специализаций. Речь идет совсем об ином: единство наук и слияние всех наук в одну-единственную науку — это далеко не одно и то же. Речь идет именно о единстве наук, предполагающем преодоление ныне существующего сепаратизма в развитии отдельных наук, взаимопроникновение и обогащение теорий и методов различных наук, объедине-

---

юриспруденция, поскольку ее подход к изучению правовых явлений не выходил за рамки умозрительных конструкций, построенных на формально-логических приемах» (Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 54).

ние всех отраслей научного знания во всестороннем познании одних и тех же объектов природного и социального бытия. Единство мира предполагает и единство его глобального познания, что вовсе не снимает с повестки дня необходимости исследования всех отдельных сторон, аспектов, уровней универсальной связи явлений.

Следовательно, из изложенного вовсе не следует, что, в частности, правоведение сливается, растворяется в перечисленных науках. Его отличие от них состоит в том, что оно имеет дело с человеком в его взаимоотношениях с государством. Аккумулируя заинтересованность государства в тех или иных особенностях, возможностях и поведении человека, право и законодательство выражают и тот интерес, который проявляет человек к государственным структурам, нуждаясь в их поддержке и защите. Пренебрежение этим отличием правоведения от других наук, игнорирование его гуманитарного измерения опасны в переживаемый нами исторический период, когда перед страной стоит задача демократического переустройства, когда главной государственной целью должна выступать забота о гражданах. Но, увы, именно чрезмерный юридический нормативизм сегодня еще отрицательно сказывается на утверждении человеческого фактора в правовом регулировании. Отсюда вытекает необходимость восстановить в российском правоведении все то ценное, чем богаты не только естественноправовая доктрина, этико-правовые концепции, но и историческая, психологическая школы, экспериментальная юриспруденция и другие теории, школы, направления.

Без такого восстановления, равно как и без следования отечественному богатству культуры, нравственности и духовности, Россия будет все больше увязать в болоте кризиса, что в конце концов приведет к катастрофе, краху.

Рекламируемая ныне некоторыми пропагандистами «свобода личности» уже обернулась для многих освобождением себя от права и нравственности, долга и ответственности, честности и порядочности. Свобода не есть освобождение себя от собственной совести или ее полная ликвидация.

Законодательство, его правовые установления, как известно, обязательны для всех; они стоят на защите прав и свобод

каждой личности. Вместе с тем законодательство — это не только запрет, но и дозволения, рекомендации, поощрения. Думается, что гуманизм будущего законодательства будет изменяться в пользу последних по повышению уровня правосознания народа, совершенствованию цивилизованности общества. В этой связи возникает два основных вопроса: во-первых, оправданно ли утверждение о том, что наша страна движется не от социализма к капитализму, а от социализма к «цивилизму», и, во-вторых, всегда ли цивилизация включает в себя культуру. Первое утверждение выдвинул В. С. Нерсесянц¹, пытаясь доказать, что постсоциалистическое развитие не возвращается в лоно капитализма, а переходит к новой исторической формации — «цивилизму», который характеризуется в основном превращением в «собственность поголовно всех граждан». Это «новшество» не имеет под собой оснований по той простой причине, что в России эта «новая историческая формация» существует века, о чем убедительно свидетельствуют, в частности, авторы монографии «Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты»².

Даже в период «тотальной госпартсистемы» наблюдалась «становящаяся цивилизация нового типа»³. Поэтому «переход» к «новой формации» — «цивилизму» оказывается «возвратом» к тому, что давным-давно существовало и существует в стране. Что же касается превращения государственной собственности в собственность каждого члена общества, то это утопия⁴, опровергнутая тем же «переходом», в результате которого собственность фактически оказалась в руках ничтожной кучки олигархов, коррумпированных чиновников при полном отсутствии оной у подавляющего большинства населения России.

¹ См.: Нерсесянц В. С. Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. М., 1992; его же. Продолжение истории: от социализма — к цивилизму//Вопросы философии. 1993. № 4. С. 13.

² См.: Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты. М., 1998.

³ См. там же. С. 48.

⁴ См.: Баглай М. В. Дорога к свободе. М., 1994. С. 196—197.

Куда более серьезным является вопрос о соотношении цивилизации и культуры. Большинство зарубежных и отечественных авторов полагают, что культура является одним из признаков цивилизации. Так, М. М. Мchedлова, воспроизведя взгляды на цивилизацию и ее определение западных авторов (В. де Мирабо, Гегеля, О. Конта, Сен-Симона, Э. Литтре, Э. Дюркгейма, А. Тойнби, А. Лефевра, Ф. Броделя, О. Шпенглера, Э. Хантингтона, Н. Я. Данилевского), приходит к выводу: «В мировой философско-социологической и исторической литературе цивилизациями принято называть устойчивые социально-культурные общности, существующие в определенных пространственно-временных координатах»¹.

Итак, непременным атрибутом цивилизации признается культура. С этим соглашаются и многие отечественные исследователи (например, М. П. Мchedлов, В. В. Кожин, В. С. Семенов, Г. С. Гудожник и др.). Так, например, В. С. Семенов считает, что понятие цивилизации выражает единство общественно-экономической формации и определенной культуры². Г. С. Гудожник пишет, что цивилизация как определенное качество общества внешне проявляется прежде всего в культуре³.

Но имеются определения понятия цивилизации, отличные от изложенных, особенно среди немецких авторов. Еще И. Кант различал понятия цивилизации (материальная, экономическая, технологическая, организационная сферы) и культуры (нравственная, моральная, эстетическая, духовная сферы). В соответствии с таким пониманием О. Шпенглер, например, считал, что культура встает на путь деструкции именно в период цивилизации, когда прекращается выработка культурных феноменов и общество переходит к их тиражированию, а цивилизация есть последний, гибельный этап в цикле конкретной культуры, ее «старость, умирание»⁴.

---

¹ Мchedлова М. М. Понятие цивилизации: генезис, эволюция, методологическое значение//Российская цивилизация. С. 17.

² См.: Вопросы философии. 1982. № 4. С. 20.

³ См.: Гудожник Г. С. Цивилизация: развитие и современность//Вопросы философии. 1986. № 3. С. 37.

⁴ Цит. по: Мchedлова М. М. Понятие цивилизации...//Российская цивилизация. С. 24.

Вспоминается в этой связи обсуждение с выдающимся немецким ученым Артуром Баумгартеном проблемы послевоенного возрождения немецкой нации. В процессе беседы я заметил, что высокий уровень культуры немецкой нации позволит ей в исторически короткий срок восстановить экономику. Мой собеседник возразил: «Вы смешиваете цивилизацию с культурой. Цивилизация может быть довольно быстро восстановлена, но для восстановления былой, дофашистской культуры потребуются многие десятилетия. И вообще, цивилизация может быть высокой при весьма низкой культуре. Возрождение же нации зависит прежде всего от восстановления и развития ее культуры».

В самом деле, из истории известно, что, несмотря на военные победы арабов, турков, монголов, татар, они были ассимилированы более развитыми цивилизациями, например русской. Определяющей целью и движущей силой цивилизации было и по сей день является богатство, но отнюдь не для общества, а для отдельных алчных индивидов¹. Но если цивилизация варваров-завоевателей разрушает и искореняет «все великое и возвышенное» в завоеванных цивилизациях, если алчность завоевателей преследует единственную цель — богатство, то ни о какой культуре таких цивилизаций речи быть не может. Разве не ясно, что такая цивилизация противоречит культуре, является ее антиподом?

Очевидно, понятие культуры значительно шире, объемнее, содержательнее понятия цивилизации. Не цивилизация включает в себя в качестве своего элемента культуру, а, наоборот, с точки зрения последней оценивается та или иная цивилизация. Уровень цивилизации общества может быть высоким, но из этого вовсе не следует и столь же высокая его культура, равно как и наоборот, общество может иметь большие культурные успехи в своем развитии и вместе с тем отставать по уровню цивилизации от значительно менее культурных обществ.

По данной проблеме мы разделяем позицию В. В. Межуева: «Самобытность России, ее историческая уникальность ни

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 229; Т. 21. С. 176.

в чем не проявились так ярко, как в ее культуре, которую некоторые наши исследователи, следуя модной ныне англо-американской научной традиции, склонны отождествлять с цивилизацией. Однако подобное отождествление может быть подвергнуто серьезному сомнению. Культурный подъем отнюдь не всегда сопровождался в истории подъемом экономическим и политическим»¹. Далее автор указывает, что русский национальный гений, не отличаясь особым цивилизационным талантом, выявил себя с наибольшей яркостью именно в сфере духовно-культурного творчества. Цивилизация и культура не только несопадающие величины, но на определенном витке общественного развития они далеко расходятся между собой. Цивилизация вовсе не благо, если она лишена одухотворяющей силы культуры. И наконец, В. В. Межуев отмечает, что нельзя ломать, корезить собственную страну лишь с целью механического повторения чужого опыта, превращая ее в пустое пространство, открытое для любого экспериментирования над собой. Не будучи особой по отношению к Западу и даже отставая от него, российская цивилизация, однако, включает в себе нечто такое, без чего эта цивилизация не может выжить. В этом смысле Россия столь же нуждается в практическом разуме Запада, как и Запад в духовном опыте России².

Но из сказанного вовсе не следует механическое копирование друг друга, из такого копирования ничего, кроме вреда, не получится. Критически воспроизводить опыт других стран означает прежде всего его использование с учетом конкретных условий и исторических традиций заимствующей страны. Прав М. П. Мчедлов, когда пишет: «К сожалению, в последнее время и процессы социального исследования, и восприятия иноземного социального опыта в России приняли зачастую противоестественный характер»³.

---

¹ Межуев В. В. Россия как культурная альтернатива современной цивилизации//Российская цивилизация. С. 53.

² См. там же. С. 54, 56, 57.

³ Мчедлов М. П. Замысел, трудности, нерешенные вопросы (Вместо предисловия)//Российская цивилизация. С. 11.

Безусловно, использование мирового цивилизационного опыта нам полезно и необходимо — но только использование всего лучшего, прогрессивного с точки зрения национальной самобытности страны. Только тогда мы достигнем того единства цивилизации и культуры, которое выведет страну из кризиса и позволит ей идти по пути прогресса. И лишь в этом случае может быть заложен фундамент, который станет основой для постоянно растущего правосознания народа, развития правового законодательства, укрепления законности, установления стабильного правопорядка.

Д. А. Керимовым опубликовано свыше 500 научных брошюр, статей, 33 монографии, в том числе:

Законодательная деятельность Советского государства
(Основные принципы и организационные формы).

М.: Юридическая литература, 1955

Свобода, право и законность.

М.: Юридическая литература, 1960

Кодификация и законодательная техника.

М.: Юридическая литература, 1962

Философские проблемы права.

М.: Мысль, 1972

Общая теория государства и права: предмет, структура,
функции.

М.: Юридическая литература, 1977

Конституция СССР и развитие политико-правовой теории.

М.: Мысль, 1979

Философские основания политико-правовых исследований.

М.: Мысль, 1986

Культура и техника законотворчества.

М.: Юридическая литература, 1991

Основы философии права.

М.: Манускрипт, 1992

Законодательная техника.

М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998

Fragen der Gesetzgebungstechnik.

Berlin: VEB Deutscher Zentralverlag, 1958

Staatslehre und Revisionismus.

Berlin: VEB Deutscher Zentralverlag, 1960

Freiheit, Recht und Gesetzlichkeit.

Berlin: VEB Deutscher Zentralverlag, 1962

Jurimetrics.

N. Y.; L.: Basic Books, Inc., Publishers, 1963

Philosophische Probleme des Rechts.

Berlin: Staatsverlag, 1977

Yleinen valtio- ja oikeustiede: tutkimuskohde rakenne ja tehtävät.

M.: Progress, 1980

Filozoficzne zagadnienia prawa.

Warszawa: Książka i Wiedza, 1981

La théorie générale de l'Etat et du droit: objet, structure, fonctions.

M.: Progrès, 1981

Teoría general del Estado y el Derecho: materia, estructura, funciones.

M.: Progreso, 1981

Ústava SSSR a rozvoj politickoprávní teorie.

Praha: Svoboda, 1981

Verfassung der UdSSR und politisch-rechtliche Theorie.

Berlin: Staatsverlag, 1981

Methodology of Law.

M.: Progress, 1989

Основне поставке филозофије права.

Подгорица: Цетиње, 1994

На перечисленные и многие другие монографии опубликовано множество положительных рецензий в отечественной и зарубежной печати.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

РАЗДЕЛ I. ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Глава 1. Понятие методологии как общенаучного феномена . . .	21
Глава 2. Философия права в системе социального знания . . .	56
Глава 3. Философия и общая теория права	66
Глава 4. Общая теория права и философия права	70
Глава 5. Философия права и отраслевые юридические науки . .	77

РАЗДЕЛ II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

✓ Глава 6. Общенаучная методология и методология права	87
Глава 7. Отражение и опережающее отражение	101
Глава 8. Историческое и логическое	109
Глава 9. Конкретное и абстрактное	127
Глава 10. Явление и сущность	158
Глава 11. Содержание и форма	170
Глава 12. Структура и элементы	186
Глава 13. Отдельное и общее	201
Глава 14. Целое и часть	214
Глава 15. Системность и систематизация	239
Глава 16. Действительность и возможность	277
Глава 17. Цель и средство	292
Глава 18. Теоретическое и практическое	310

340

РАЗДЕЛ III. ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

Глава 19. Право и законодательство	345
Глава 20. Сознание, правосознание и интеллектуальность	380
Глава 21. Психологический аспект правового бытия	399
Глава 22. Свобода, равенство и равноправие	443
Глава 23. Управление, законность и правопорядок	484
Глава 24. Правовая кибернетика	502
Вместо заключения. Будущее российского правоведения	526
Список основных трудов Д. А. Керимова	556

КЕРИМОВ ДЖАНГИР АББАСОВИЧ
Методология права

Исполнительный директор Фомичева Т.В.

Ответственный редактор Люри Д.И.

Корректор Леонтьева И.В.

Художественный редактор Дукельская Е.Ю.

Компьютерный набор Кудрявцева М.Ю.

Компьютерная верстка Иванов К.Н.

Директор по производству Кошелев И.Н.

Техническая группа Клименко Л.А.,
Любцова Т.Ю.,
Телевный В.В.

Изд. лиц. № 064927 от 16.01.97.

Подписано в печать 20.03.2000.

Формат 60x90/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 35.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1606.

ЗАО Издательский дом «Аванта+».

117526, Москва, Ленинский проспект, д.144, корп.3.

Отпечатано в ГУП «Тульская типография».

300600, Тула, пр-т Ленина, 109.